

KUNCHIQAR IZLANISHLARI: O'ZGARISHLAR DAVRI GLOBAL MUAMMOLARI YECHIMIDA YAPONSHUNOSLIKDAGI NAZARIY VA AMALIY YONDASHUVLAR

16-XALQARO ILMIY
ANJUMAN
ILMIY TO'PLAMI

日本研究：変革期の日本研究における
グローバル課題解決への
理論的・実践的アプローチ

主催 タシケント国立東洋学大学
筑波大学人文社会系

QR

O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI
OLIY TA’LIM, FAN VA INNOVATSIYALAR VAZIRLIGI
TOSHKENT DAVLAT SHARQSHUNOSLIK UNIVERSITETI

“KUNCHIQAR IZLANISHLARI: O‘ZGARISHLAR DAVRI
GLOBAL MUAMMOLARI YECHIMIDA
YAPONSHUNOSLIKDAGI NAZARIY VA AMALIY
YONDASHUVLAR”

16-XALQARO ILMIY ANJUMAN
ILMIY TO‘PLAMI

文明のクロスロード 16
国際会議

日本研究:変革期の日本研究におけるグローバル課題解決への
理論的・実践的アプローチ

論文集

主催 タシケント国立東洋学大学

筑波大学人文社会系

17-MART
TOSHKENT – 2025

Mazkur to‘plamga Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti va Tsukuba universiteti hamkorligida 2025-yilning 17-mart kuni o‘tkazilgan “**Kunchiqar izlanishlari: o‘zgarishlar davri global muammolari yechimida yaponshunoslikdagi nazariy va amaliy yondashuvlar**” ilmiy anjuman materiallari kiritilgan.

2025年3月17日にタシケント国立東洋学大学と筑波大学の協力のもと開催された「日本研究:変革期の日本研究におけるグローバル課題解決への理論的・実践的アプローチ」の論文集が本書に収められている。

Mas’ul muharrirlar:

Ishimura Ikumi – TDSHU, katta o‘qituvchi
Shamsiyeva Barnoxon – TDSHU, dotsent

Tahrir hay’ati

Rixsiyeva Gulchehra	–	TDSHU rektori, professor
Sayfullayev Durbek	–	TDSHU Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha prorektor, professor
Ono Masaki	–	Tsukuba universiteti professori
Akifumi Shioya	–	Tsukuba universiteti professori
Xalmurzayeva Nodira	–	TDSHU dotsenti
Abduxamidova Dilafruz	–	TDSHU katta o‘qituvchisi

Ilmiy to‘plam Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti Kengashining 2025 yil 3–maydagi 9–sonli bayonnomasi bilan nashrga tavsiya etilgan.

MUNDARIJA

TIL, ADABIYOT, TARJIMA VA METODIKA

RIXSIYEVA Gulchehra Shavkatovna TDSHU rektori, professor TDSHU rektorining TDSHU va Tsukuba universiteti hamkorligining 20 yilligiga bag‘ishlangan nutqi.....	6
NAGATA Kyosuke Tsukuba universiteti rektori, professor Tsukuba universiteti rektorining TDSHU va Tsukuba universiteti hamkorligining 20 yilligiga bag‘ishlangan nutqi.....	8
HATORI Takashi Yaponiyaning O‘zbekistondagi favqulodda va muhtor elchisi Ilmiy anjuman ochilishida so‘zlagan nutqi.....	9
OMONOV Qudratulla TDSHU, f.f.d., professor Олтой тиллари оиласи ва уларнинг япон тилига қариндошлиги муаммосига бағишланган тадқиқотлар таҳлили	11
KARIMOV Akramjan TDSHU, f.f.n., professor Типологические особенности иероглифов - отрицаний в японском и китайском языках	16
KHALMURZAEVA Nadira TDSHU, Yaponshunoslik oliy maktabi boshlig‘i Ph.D., dotsent 日本語におけるコミュニケーション・バリア：敬語表現と人間関係の要因の影響	26
MUSTAFAYEVA Samida TDSHU, f.f.d. dotsent Xitoy va yapon tillarida ranglar semantikasi	40
ХАЛМИРЗАЕВА Сауда Yaponiyaning Okayama universiteti dotsenti Возвращающиеся мужья, ожидающие жёны: сказание о Юриваке в Центральной Азии, Тибете и Корее	46
DADAYEV Esenmyrat Tsukuba universiteti doktoranti 依頼行動の日本語とトルクメン語の対照研究 —教育場面における発話パターンの比較—	55
IBRAGIMOVA Malika O‘zDJTU dotsenti Узбекистанにおける外国語教育政策 —日本語教育の歴史的変遷及び課題—	59

KOIKE Rina TDSHU magistranti

ネコ（猫）と日本語 —ネコ（猫）に係る慣用表現とその背景—69

MEDZIULYANOVA Vasilina Minsk davlat tilshunoslik universiteti dotsenti

Resolving the problem of subject defining in the simple japanese sentence.....78

ХАБИБУЛИНА Альфия TDSHU Yaponshunoslik oliy maktabi stajyor-o 'qituvchisi

«Новеллистическая структура» и ее место в системе композиционных средств романа «Гэндзи Моногатари»84

HIDAKA Shinsuke Tsukuba universiteti dotsenti

Yapon tilidagi istak va xohishni ifodalovchi fe'l shakllarini o'zbek tilidagi v-moqchi fe'l shakli bilan qiyoslash va yapon tili ta'limiga taklif94

SHAMSIYEVA Barnoxon TDSHU Yaponshunoslik oliy maktabi dotsenti, Ph.D.

TEMIROVA Muslima TDSHU Yaponshunoslik oliy maktabi o'qituvchisi
Scientific and theoretical views on the study of adverbial category in japanese and uzbek languages 105

ABDUXAMIDOVA Dilafroz, QOSIMOVA Gulnora TDSHU Yaponshunoslik oliy maktabi katta o'qituvchilari Ph.D.

Abe Koboning 「砂の女」 «Qumdagi ayol» romanida xronotopning ifodalanishi113

HAZAROVA Сайёра TDSHU Xitoyshunoslik oliy maktabi dotsenti Ph.D.

МАКСУДОВА Фарзона Moskva davlat xalqaro munosabatlar instituti magistranti
К вопросу о сопоставлении лингвокультурных концептов “忍” (ren) и “сабр” в китайском и узбекском языках 122

ГАФУРОВА Хакима JIDU, f.f.n. dotsent

Анализ выступлений японских политиков 131

ТУРАПОВА Наргиза TDSHU Yaponshunoslik oliy maktabi v.b. dotsenti, Ph.D.

Лингвокультурологические свойства соматических фразеологизмов с компонентом 目 (глаз) японского языка..... 137

FATKULINA Luiza TDSHU Yaponshunoslik oliy maktabi katta o'qituvchisi

Development of innovative approaches and methods for teaching japanese at the elementary level using artificial intelligence at TSUOS 144

NASIMOVA Feruza SamDCHTI o'qituvchisi

Tana va tafakkur uyg'unligi: o'zbek va yapon tillaridagi maqollarda somatik birliklarning roli..... 155

SAIDOV Umidbek TDSHU <i>tayanch doktoranti</i> Tarjimaning manbasini aniqlashdagi masalalar	159
---	-----

MADANIYAT, TARIX, JAMIYAT VA SIYOSAT

LAFASOV Urak TDSHU, <i>f.f.n. dotsent</i> On the ethnic affinity between the japanese and uzbeks	170
--	-----

IMOMNAZAROV Qahramon TDSHU “ <i>Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi</i> ” kafedrası katta o‘qituvchisi ABDULLAEV Nodir TDSHU <i>Xalqaro aloqalar bo‘yicha prorektor DSc, professor</i> XASANOVA Feruza <i>Xitoyshunoslik oliy maktabi rahbari PhD, dotsent</i> PRONKINA Olga <i>XXR, Gansu Siyosat va huquq universiteti professori</i> Yapon olimlarining Dunxuang durdonalariga oid tadqiqotlari	177
---	-----

ISHIYAMA Miya <i>Tsukuba universiteti doktoranti</i> The national-territorial delimitation in Central Asia mirrored in the newspapers “Turkiston” and “Zarafshon”	187
--	-----

KOIZUMI Masayuki TDSHU <i>Yaponshunoslik oliy maktabi katta o‘qituvchisi, Ph.D.</i> 日本の鉄道とウズベキスタンの鉄道の技術思想からの比較	197
--	-----

MATSUMOTO Ryo <i>Tsukuba universiteti doktoranti</i> 結婚を通じた現代ウズベキスタン女性の「目指すべき女性像」の変容... ..	202
--	-----

MIMURA Shunta <i>Tsukuba universiteti magistranti</i> Reasons for coming to Japan and life plans of university and graduate students from Uzbekistan	211
---	-----

SHIHO Alimtohte <i>Tohoku universiteti dotsenti, PhD.</i> In the academic context of the clash and dialogue of civilizations: the relations among Japan, China and Central Asian Islamic countries cultures	216
--	-----

CHEN Yang Xi <i>Tsukuba universiteti doktoranti</i> コーカンド・ハーン国のサリコル侵入事件における奕山の行動.....	221
---	-----

KOROBOCHKINA Alena <i>Rossiya Federatsiyasi HSE universiteti, Osiyo va Afrika tadqiqotlari instituti, katta o‘qituvchi</i> Публичная дипломатия Японии в странах Северной Африки	228
--	-----

TDSHU rektorining TDSHU va Tsukuba universiteti hamkorligining 20 yilligiga bag'ishlangan nutqi

TDSHU rektori, professor RIXSIYEVA Gulchehra Shavkatovna

Hurmatli elchi Takashi Hatori janoblari, hurmatli Tsukuba universiteti rektori Nagata Kyosuke janoblari, hurmatli Tsukuba universiteti professori Usuyama Toshinobu janoblari, hurmatli ishtirokchilar, qadrli mehmonlar, aziz talabalar va hamkasblar!

Sizlarni Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti va Tsukuba universiteti o'rtasidagi hamkorlikning 20 yilligini munosabati bilan barchangizni samimiy muborakbod etaman!

Bizning hamkorligimiz 2005 yilning 27 mayida Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti hamda Tsukuba universiteti o'rtasida "Ilmiy hamkorlik" va "Talabalar almashinuvi" haqidagi bitimlarni imzolashdan boshlangan edi. Shu o'rinda ushbu hamkorlikning tamal toshini qo'yib bergan ustozimiz Sugano Reiko hamda Usuyama Toshinobu professorlarini alohida tilga olishni joiz deb bilaman. Bu ikki zahmatkash insonlarning boshlab bergan sayi-harakatlari natijasida biz bugun hamkorlikning 20-yilligini qutlashga muvaffaq bo'lib turibmiz.

Mazkur hamkorlik natijasida 2006 yilda Markaziy Osiyo ilmiy-tadqiqot markazi ochilishi ham universitetlarimizning Yaponshunoslik sohasida ilmiy izlanishlarni chuqurlashtirishga, yosh yaponshunos tadqiqotchilarni yetishib chiqishiga katta turtki bo'ldi.

Bugungi kunga qadar hamkorlikda bugungisi bilan birga 16-ta Xalqaro ilmiy-amaliy konferentsiyalar, bir-qator talabalar konferensiyalarni o'tkazishga, o'zaro talabalar almashinuvi asosida TDShUning 50 dan ortiq talabalari Tsukuba universitetida malaka oshirib kelishlariga muvaffaq bo'ldik.

Shuningdek, Tsukuba universiteti professorlari muntazam ravishda yapon tili va adabiyoti, Yaponiya tarixi, tarjima masalalari va boshqa sohalarga bag'ishlangan ma'ruzalari bilan tashrif buyuradilar. Jumladan shu kunga qadar professor Onodzawa Masaki, Takada Makoto, Imai Masaharu, Ono Masaki, Shioya Akifumi, Hiraishi Noriko va boshqa professorlar Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti talabalariga ma'ruzalar o'qib berishgan.

Aytib o'tish joizki, bizning ko'p yillik hamkorligimiz faqatgina professional, rasmiy emas, balki samimiy insoniy iliq do'stona munosabatlarga aylandi.

Ishonamanki, bundan keyin ham ushbu aloqalarimiz yanada chuqurlashib, yangi va yangi loyihalarni birga alamga oshirishga muvaffaq bo'lamiz.

Konferensiya ishtirokchilariga yangi ilmiy yutuqlar va muvaffaqiyatlar tilayman!

E'tiboringiz uchun rahmat!

ご挨拶

タシケント国立東洋学大学
学長 リキシエワ グルチェフラ

尊敬する大使 羽鳥隆様、筑波大学学長 永田恭介様、筑波大学教授 臼山利信様、参加者の皆様、貴重なゲストの皆様、愛する学生と同僚の皆様！

タシケント国立東洋学大学と筑波大学との協力 20 周年を記念して、皆様に心からお祝い申し上げます！

われわれの協力関係は、2005 年 5 月 27 日にタシケント国立東洋学大学と筑波大学との間で「学術協力」および「学生交換」に関する協定が締結されたことから始まりました。ここで、この協力の礎を築いてくださった菅野玲子先生と臼山利信教授にあらためて感謝申し上げたいと思います。このお二人の努力によって、われわれは今日、協力 20 周年を祝うことができます。

この協力の成果として、2006 年に中央アジア科学研究センターが設立され、両大学の日本学分野における学術研究の発展や、若手日本学研究者の育成に大きな推進力となりました。

今日までに、この協力のもとで現在を含め 16 回の国際学術実践会議や多数の学生会議を開催し、相互学生交換プログラムを通じてタシケント国立東洋学大学の 50 人以上の学生が筑波大学でスキルアップを図る機会を得ました。

また、筑波大学の教授の方々は定期的に日本語と文学、日本史、翻訳問題などの分野に関する講義のために当大学を訪問してくださいます。これまでに、小野澤正喜教授、高田誠教授、今井正春教授、小野正樹教授、塩谷明文教授、平石典子教授をはじめとする教授の方々が、タシケント国立東洋学大学の学生たちに講義を行ってくださいました。

特筆すべきは、われわれの長年にわたる協力が単なる専門的かつ公式なものにとどまらず、心温まる人間的な友情に発展したことです。

今後もこの関係がさらに深まり、新たなプロジェクトを共に実現していくことができると確信しております。会議参加者の皆様に、新たな学術的成果と成功をお祈り申し上げます！

ご清聴ありがとうございました！

**Tsukuba universiteti rektorining TDSHU va Tsukuba universiteti
hamkorligining 20 yilligiga bag‘ishlangan nutqi**

Tsukuba universiteti rektori, professor NAGATA Kyosuke

Rector Rikhsieva Gulchehra Shavkatovna, and distinguished guests;

A good day to everyone!

I am Kyosuke Nagata, President of University of Tsukuba.

I would like to extend my sincere congratulations to the Tashkent State University of Oriental Studies on the successful hosting of Crossroads of Civilizations 16, themed "Theoretical and Practical Approaches to Solving Global Issues in Japanese Studies During a Period of Transformation."

I hope this symposium will serve as a leading academic gathering not only in Uzbekistan but throughout Central Asia in the field of Japanese studies. I also sincerely appreciate your continued efforts in holding this event year after year.

I would like to express my deepest respect to Rector Rikhsieva Gulchehra Shavkatovna, Vice Rector for International Cooperation Abdullayev Nodir Abdulkhayevich, and Dean of the Faculty of Japanese Studies Matchanov Elyor, for their dedication and tireless efforts in advancing Japanese studies here in Central Asia, far from Japan.

This year marks the 20th anniversary of the collaboration between the Tashkent State University of Oriental Studies and University of Tsukuba. Over the years, thanks to the understanding and commitment of your university's successive rectors, our partnership has extended beyond meetings to student and researcher exchanges.

Moreover, I would like to take a moment to respectfully express our condolences on the passing of Associate Professor Reiko Sugano in October 2022. Her contributions were recognized by the Government of Japan with the Order of the Sacred Treasure, Gold Rays with Rosette in the fall of 2016, reflecting Japan's deep appreciation for her work. I understand that the inception of this symposium can be traced back to the strong relationship between Professor Toshinobu Usuyama of our university and your institution.

As we continue to promote academic collaboration with institutions in the Republic of Uzbekistan, I anticipate further opportunities to seek your university's guidance and cooperation. I hope to further strengthen our partnership in the years ahead.

Thank you once again for hosting this symposium.

I look forward to continued collaboration between our universities.

Yaponiyaning O‘zbekistondagi favqulodda va muhtor elchisining ilmiy anjuman ochilishida so‘zlagan nutqi

Yaponiyaning O‘zbekistondagi favqulodda va muhtor elchisi **HATORI Takashi**

ご挨拶

駐ウズベキスタン日本国特命全権大使
羽鳥 隆

ご臨席の皆様、

駐ウズベキスタン日本大使の羽鳥隆です。

今回、タシケント国立東洋学大学と筑波大学の主催の国際会議「日本研究：変革期の日本研究におけるグローバル課題解決への理論的・実践的アプローチ」がタシケントにおいて開催されるとのこと、日本大使として非常にうれしく思います。

近年、日本とウズベキスタンの関係は、ビジネス分野や人的交流分野等で急速な発展を見せています。

例えば、昨年計画されていた岸田総理のウズベキスタン訪問は残念ながら延期されてしまいましたが、その際には100件ものプロジェクトが形成され、日本とウズベキスタンの経済関係は新たな段階へと着実な一歩を踏み出しています。

また、近年、観光、留学やビジネス等で日本を訪問するウズベキスタン人を数は増加していますし、ウズベキスタンを訪れる日本人観光客の数も急増しています。私の友人が飛行機でウズベキスタンを訪れた際に、290席のうち200席程が日本人観光客で占められていたことすらありました。

また、関係の深化はウズベキスタンに留まらず、「中央アジア＋日本」の枠組みを含め、日本と中央アジア各国との間で活発な交流が行われています。

このように、日本とウズベキスタン、日本と中央アジアの間の長年の素晴らしい関係は近年ますます花開いていますが、相互理解の重要な基盤をなすのは皆さまの地道な研究・教育活動であると考えています。

私も、ウズベキスタンに赴任する際には、皆様のような研究者の方々が書かれた本を読み込み、この興味深い国・地域に関する理解を深めました。これは大使としての日々の活動に非常に役立っています。

日本大使として、皆様の日頃からの研究・教育活動に敬意を表すると共に、感謝を述べたいです。

今回の国際会議は、日本とウズベキスタン、日本と中央アジア、日本とユーラシア大陸の相互理解の発展のための意義あるステップになることと思います。
ご盛会をお祈りし、私からの挨拶とさせていただきます。

Hurmatli ishtirokchilar, mening ismim Takashi Hatori, men Yaponiyaning O'zbekistondagi elchisi bo'laman.

Yaponiya elchisi sifatida, Toshkentda Toshkent Davlat Sharqshunoslik Universiteti va Tsukuba Universiteti tomonidan tashkil etilgan "Kunchiqar izlanishlari: o'zgarishlar davri global muammolari yechimida yaponshunoslikdagi nazariy va amaliy yondashuvlari" mavzusidagi xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya o'tkazilayotganidan juda mamnunman.

So'nggi yillarda Yaponiya va O'zbekiston o'rtasidagi munosabatlar, ayniqsa, biznes va kadrlar almashinuvi sohalarida jadal rivojlanmoqda. Masalan, o'tgan yilda bosh vazir Kishidaning O'zbekistonga rejalashtirilgan tashrifi, afsuski, kechiktirilgan bo'lsa-da, ushbu tashrifga tayyorgarlik doirasida taxminan 100 ta loyiha shakllantirildi, bu Yaponiya va O'zbekiston o'rtasidagi iqtisodiy munosabatlarni yangi bosqichga olib chiqishda muhim qadam bo'ldi. Bundan tashqari, so'nggi yillarda O'zbekiston fuqarolarining Yaponiyaga turizm, o'qish yoki biznes maqsadida tashrif buyurayotganlarning soni ortib bormoqda, shuningdek, O'zbekistonga tashrif buyurayotgan yaponiyalik sayyohlar soni ham sezilarli darajada ko'paymoqda. Mening do'stlarimdan biri O'zbekistonga samolyotda sayohatga kelganida, samolyotdagi 290 o'rindiqdan taxminan 200 tasini yaponiyalik sayyohlar egallaganini aytgan edi.

Bundan tashqari, munosabatlarning chuqurlashuvi nafaqat Yaponiya O'zbekiston doirasida, balki "Markaziy Osiyo + Yaponiya" formati doirasida ham faol almashinuv jarayoni so'nggi yillarda yanada gullab-yashnamoqda. Ishonamanki, sizning muntazam ravishdagi ilmiy tadqiqotlaringiz va ta'lim sohasidagi tinimsiz sa'y-harakatlaringiz ikki mamlakat o'rtasida o'zaro tushunish uchun muhim asos bo'lib xizmat qiladi.

O'zbekistondagi elchilik vazifamga kirishishdan avval, men sizlardek tadqiqotchilar tomonidan yozilgan ko'plab kitoblarni o'qib chiqdim, bu esa ushbu ajoyib mamlakat va mintaqa haqidagi tushunchamni chuqurlashtirishga yordam berdi. Bu esa mening bugungi kundagi elchi sifatidagi faoliyatimda juda katta foyda bermoqda.

Yaponiya elchisi sifatida, men sizlarning ilmiy tadqiqot faoliatingiz va ta'lim sohasidagi mehnatlaringizga hurmat bilan qarayman va minnatdorchilik bildirmoqchiman.

Bugungi xalqaro ilmiy-amaliy Anjuman Yaponiya-O'zbekiston, Yaponiya Markaziy Osiyo, Yaponiya bilan Yevroosiyo mintaqasi muloqotida o'zaro tushunish jarayonini yanada rivojlantirish uchun katta ahamiyat kasb etib, munosabatlarni yangi bosqichga olib chiqadi deb o'ylayman.

Anjumanning Muvaffaqiyatli o'tishiga eng yaxshi tilaklarimni bildiraman.

TIL, ADABIYOT, TARJIMA VA METODIKA

言語・文学・翻訳・教授法

ОЛТОЙ ТИЛЛАРИ ОИЛАСИ ВА УЛАРНИНГ ЯПОН ТИЛИГА ҚАРИНДОШЛИГИ МУАММОСИГА БАҒИШЛАНГАН ТАДҚИҚОТЛАР ТАҲЛИЛИ

Қудратулла ОМОНОВ

филология фанлари доктори, профессор

Аннотация. Мақолада асосий эътибор олтойшунослик (алтаистика) йўналишининг юзага келиши ва қиёсий-тарихий тилишуносликнинг муҳим бўлими ўлароқ катта тарихий тараққиёт йўлини босиб ўтганлиги ҳақида сўз боради. Шунингдек, япон тилининг олтой тилларига оидлиги назарияси, бу қарашнинг тарафдорлари бўлган олимларнинг тадқиқотлари таҳлил этилган. Бундан ташқари тилишуносликда олтой тилларнинг қиёсига бағишланган замонавий фундаментал тадқиқотлардан А.Дибонинг “Олтой тиллари этимологиясида семантик реконструкция (М. 1996)” ва С.А.Старостиннинг “Олтой муаммоси ва япон тилининг юзага келиши” (М, 1991) номли тадқиқоти фан тарихи нуқтаи назаридан ёритиб берилган.

Калит сўзлар: қиёсий-тарихий тилишунослик, олтойшунослик, умумолтой лексикаси, Г.Рамстедт, А.Дибо, умумий олтой бобо тили, С.Старостин, японбобо (протояпон) тили.

Аннотация. В статье рассматривается возникновение направления алтаистики и его историческое развитие как важной отрасли сравнительно-исторического языкознания. Также анализируются теории родства японского языка с алтайскими языками, исследования ученых, поддерживающих эту точку зрения. Кроме того, среди современных фундаментальных исследований по сопоставлению алтайских языков в языкознании с точки зрения истории науки выделяются работы А. Дибо «Семантическая реконструкция в Алтайской этимологии» (М., 1996) и С.А. Старостина «Алтайская проблема и происхождение японского языка» (М., 1991).

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, алтаистика, общая алтайская лексика, Г. Рамстедт, А. Дибо, общеалтайский праязык, С. Старостин, протояпонский язык.

Annotation. The article examines the emergence of the Altaic studies direction and its historical development as an important branch of comparative-historical linguistics. It also analyzes the theories of the relationship of the Japanese language with the Altai languages, and the studies of scientists who support this point of view. In addition, among modern fundamental studies on the comparison of the Altai languages in linguistics from the point of view of the history of science, the works of A. Dibo

"Semantic reconstruction in Altai etymology" (Moscow, 1996) and S.A. Starostin "The Altai problem and the origin of the Japanese language" (Moscow, 1991) stand out.

Key words: *comparative-historical linguistics, Altaic studies, general Altaic vocabulary, G. Ramstedt, A. Dibo, common Altaic proto-language, S. Starostin, proto-Japanese language.*

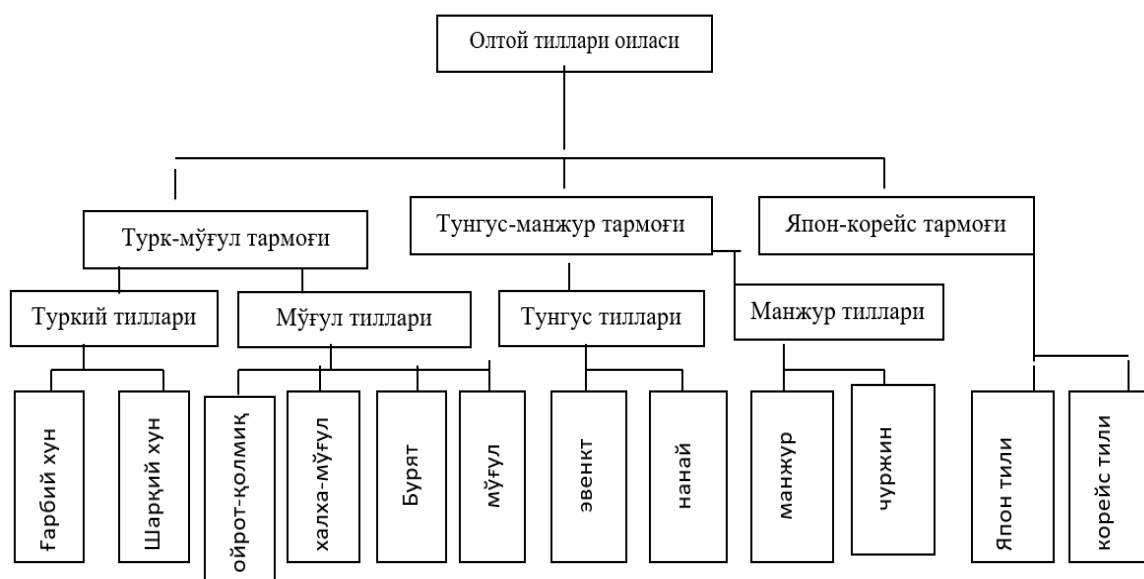
XVIII–XIX аср тилшунослигининг асосий тадқиқот объекти қиёсий-тарихий тилшунослик муаммоларига қаратилган эди. Натижада, дунё тиллари оилалари хусусидаги илмий концепсия ишлаб чиқилди. Дунёда кенг тарқалган тил оилаларидан бири сифатида Олтой ёки Урал-олтой тиллари оиласи номи билан юритилувчи гуруҳ тан олинади. Фанда олтойшунослик (алтаистика) йўналиши юзага кела бошлади. Олтойшунослик - қиёсий-тарихий тилшуносликнинг бўлими ўлароқ олтой тилларини ўрганувчи фан тармоғи саналади [1]. Олтойшуносликнинг бош илмий мақсади олтой тиллари оиласига мансуб тилларнинг келиб чиқиши ва структур-типологик умумийлиги муаммоларини ҳал этишга қаратилган. Ушбу тил оиласи таснифи билан шуғулланган тадқиқотчилар фикрича, унинг уч асосий тармоғи кўрсатилади [2]. Булар: 1. Турк-мўғул тармоғи (туркий ва мўғул гуруҳи тилларини ўз ичига олади). 2. Тунгус-манжур тармоғи (тунгус ва манжур гуруҳи тилларини ўз ичига олади). 3. Япон-корейс тармоғи (япон ва корейс тилларини ўз ичига олади).

Урал-олтой тиллари оиласи қариндошлиги ғояси XVIII асрнинг охридан бошлаб илгари сурила бошланган. XIX юзйилликнинг 30 йилларидан бошлаб Олтой макрооиласи тилларига финн угор ва урал тилларини ҳам киритиш бошланган. Ф.И.Страленберг, В.Шотт, О.Бётлингк, Г.Винклер, М.Кастрен, Ю.Немет, В.Банг, А.Вамбери ушбу илмий қараш тарафдорлари ўлароқ тадқиқотлар олиб борган.

Олтой тиллари қариндошлиги гипотезасига тиллардаги умумолтой лексиканинг мавжудлиги, фонетик-фонологик тузилишнинг ўхшашлиги (сингорманизмнинг учраши), морфологик қурилишининг яқинлиги (тилларда агглютинатсиянинг борлиги), синтактик қурилмаларнинг бир хиллиги сингари жиҳатлар асос бўлган.

Япон ва корейс тилларининг Олтой тилларига оидлиги назарияси XX асрнинг 20 йилларидан бошлаб илгари сурилди. Бу қарашнинг тарафдорлари сифатида Г.Рамстедт, Е.Поливанов, Н.Поппе, Б.Владимирцов, В.Синсиус, Л.Герсемберг, Н.Баскаков, Б.Базилхан, Ш.Хаттори, Ш.Озава, С.Старостин, Т.Томортогоонинг илмий тадқиқотларини кўрсатиш мумкин. Япон ва корейс тилларининг олтой тилларига қариндошлиги ғоясига В.Котвич, Ж.Клоусон, Г.Дёрфер, Л.Лигети, А.Шчербак қарши чиқишган. Ушбу олимлар фикрига кўра бу тиллар ўртасидаги ўхшалик узоқ муддатли алоқалар ва тилларнинг ўзаро чатишиши натижасидир деб кўрсатилади.

Рус турколог Н.А.Баскаков “Олтой тиллари оиласи ва унинг ўрганилиши (М. 1981)” номли монографиясида олтой тилларининг қардошлиги билан боғлиқ қуйидаги жадвални келтираган.

Олтой тиллари оиласига кирувчи тилларнинг қардошлиги тўғрисидаги илмий қарашлар, айниқса, XX асрга келиб яна жиддий тус олди. Чунончи, Г.Рамстедт, З.Гомботс, П.Пеллио, Н.Поппе, Н.Баскаков сингари мутахассислар олтой тилларининг қиёсий фонетикаси, қиёсий лексикологияси, қиёсий морфологияси йўналишларида чоғиштира-типологик тадқиқотлар олиб боришди.

Ушбу тадқиқотлар ичида атоқли фин олими Г.Рамстедт изланишлари алоҳида аҳамият касб этади. Унинг сўз ясалиши билан боғлиқ қиёсий тадқиқотлари олтой тиллари оиласига кирувчи тилларнинг фактларини тўлиқ қамраб олгани билан характерланади. Хусусан, у олтой тилларида қўлланаётган кўплаб лексик бирликларнинг генетик илдизи бир манбага бориб тақалишини кўрсатган. Масалан, қора маъносини билдирувчи туркийдаги *qara* япон тилидаги *kuro* шунингдек, нарсаларни каттиқлигини билдирувчи туркий тилдаги *qattiq* (қатиғ- эски туркий тилда), мўғулчадаги *qatag'u*, тунгусчадаги *qata* япон тилидаги *katay* сифатлари этимологияси бир асосдан эканлигини исботлаб берган [3].

Ўтган асрнинг 70 йилларида Россия тилшунослик мактабида олтойшунослик тадқиқотларига алоҳида эътибор берилган. Хусусан, “Олтой тилларининг умумийлиги муаммоси (1971)” [4], “Олтой тиллари лексикологиясининг қиёси (1972)” [5] сингари фундаментал тадқиқотлар дунё юзини кўрди.

Шу ўринда, тилшуносликда олтой тилларнинг қиёсига бағишланган замонавий фундаментал тадқиқотлардан бири А.Дибонинг “Олтой тиллари этимологиясида семантик реконструкция (М. 1996)” илмий изланишларини

ҳам айрича таъкидлаш ўринли бўлади. У ўз тадқиқотида барча олтой тиллари оиласига кирувчи умумий олтой бобо тилининг айрим лексик қатламларини тиклашга ҳам муваффақ бўлган. Шунингдек, олим ўз монографиясининг якунида қуйидаги хулосани беради: “При внимательном рассмотрении традиционного корпуса алтайских сближений оказывается, что в него просочилось довольно много таких старых заимствований. Следует, однако, подчеркнуть, что при самом суровом отборе остается достаточно много безупречных с точки зрения вопроса о заимствовании сопоставлений для утверждения о генетическом характере алтайской общности” [6].

Бевосита япон тилининг олтой тиллари оиласига мансублиги тўғрисидаги монографик тадқиқот сифатида С.А.Старостиннинг илмий ишларини қайд этиш ўринли бўлади. У “Олтой муаммоси ва япон тилининг юзага келиши” (М, 1991) номли тадқиқотида япон тилини узил-кесил олтой тиллари оиласига таалуклилиги тўғрисидаги илмий қарашларни асослаб берган.

Олимнинг тадқиқотида японбобо (протояпон) тили ва туркийбобо (прототуркий) тилида қўлланган 100 та стандарт сўздан 18 та мос келиш ҳолати мавжудлиги кўрсатилган: "ок" (*sirua- : *sāri-g < *siāri-), "ҳамма, бутунлай" (*mui-na : but-un < *mut'E), "соч" (*ka- : *kīl < *k'īlV), "ёқмоқ" (*dak- : *jak- < *dakV), "юлдуз" (*pəsi : *jul-du-í < *p'īūíV), "тош" (*(d)isi : *dāí < *tiōía), "пустлоқ" (*kapa : *Kāp-uk < *k(')āp'í), "бир" (*pitə- : *bir < *birV), "келмоқ" (*kə- : *gal- < *galE), "ит" (*inu : *it/*it < *ŋinta), "ухламоқ" (*uj- : *u- < *ŋuja), "турмоқ" (*tat- : *dur- < *č(u)rV), "курук" (*kaw(V)ra-k- : *kir- < *k(')awVrV), "қора" (*kurua- : *Kara < *k(')ara), "нима - сўроғи" (*nV : *na < *ŋia-), "бу - олмоши" (*k(o) : *kə < *k(')ō), "мен - олмоши" (*ba- : *ba < *ba-), "мы" (*ba- : *bi-í) [7].

Бундан ташқари С.Старостин Олтой оиласига мансуб тилларнинг асосий луғат бойлигининг ўзаро қариндошлик даражасини миқдор жиҳатдан қуйидагича баҳолаган. 100 та сўздан туркийбобо (прототурк) тили билан 18 та, протомўғул тили билан 17 та, прототунгус-манжур тили билан 15 та ва ўрта корейс тили билан 25 та мос келиш ҳолати мавжудлигини кўрсатиб берган. Бу эса унга умумолтой оиласи тилларинининг ўзаро қариндошлигини ҳамда корейс ва япон тилларини бу оила ичида бир гуруҳга бирлаштириш учун асос бўлган [8].

С.А.Старостин тадқиқоти хулосасида шундай ёзади: “Все вышеизложенное позволяет нам со значительной уверенностью утверждать, что японский язык относится к алтайской семье (причем внутри этой семьи он, по-видимому, больше всего сближается с корейским), а все австронезийские элементы, которые в нем обнаруживаются, являются сравнительно недавними заимствованиями, проникшими в японский язык из австронезийского субстрата” [9].

Умуман, олтой тилларига мансуб тилларнинг бизгача етиб келган энг қадимги ёзма ёдгорликларида қўлланган тил материали асосида олтой бобо тилининг лексик бирликлари корпусини яратиш ва улар орқали олтой бобо тилининг табиатини ўрганиш олтойшуносликнинг келгусидаги вазифалари каторида туради.

Фойдаланилган адабиётлар рўйхати:

- [1] [Алтайское языкознание](#) // [Казахстан. Национальная энциклопедия](#). – Алматы: [Қазақ энциклопедиясы](#), 2004. – Т. I. Стр. 196
- [2] Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981. Стр. 15
- [3] Ramstedt G. A Comparison of the Altaic Languages with Japanese. 1924 S. 14
- [4] Проблема общности алтайских языков. Л.: Наука, 1971
- [5] Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972
- [6] Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М., 1996
- [7] Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 199. Стр. 167
- [8] Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 199. Стр. 183
- [9] Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 199. Стр. 183

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЕРОГЛИФОВ - ОТРИЦАНИЙ В ЯПОНСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Акрамджан КАРИМОВ

профессор Высшей школы китаеведения
ТГУВ

Аннотация. Применение и участие отрицаний в образовании новых слов всегда остается в тени от исследователей языков. Языки, опирающиеся на иероглифическую письменность, в частности японский и китайский, имеют в своём арсенале целый ряд иероглифов - отрицаний, природа которых не изучена должным образом. Настоящая статья направлена на сравнение некоторых иероглифов - отрицаний, участвующих в создании новых слов, для выявления их типологических особенностей.

Следует отметить, что в иероглифической системе двух языков иероглифов-отрицаний намного больше, чем было привлечено в данной статье для исследования. Ограничение количества иероглифов – отрицаний связано с недопустимостью раскрытия особенностей всех иероглифов-отрицаний в объеме одной статьи.

Необходимо также указать, что нами в 2023 году было опубликовано монография «Отрицания в китайском языке» на узбекском языке.¹ Но в сопоставительно-типологическом плане такие работы пока не проводились, в этом и актуальность нашей работы. Результаты исследования послужат образцом в выявлении типологических особенностей и других единиц языков, а также при составлении учебных пособий по иероглифике и лексикологии как японского, так и китайского языков.

Ключевые слова: Типологические особенности, японский язык, китайский язык, иероглифы-отрицания, новые слова, префикс, служебная морфема, знаменательная морфема, сложное слово, наречие.

Abstract. The use and participation negations of new words always remains in the shadow of linguists. Languages based on hieroglyphic writing, in particular Japanese and Chinese, have a hole series of words-negations in their arsenal, the nature of which has not been studied properly. Current article is aimed at comparing of some words of negation, participating in creation of new words, ti identify their typological features.

It should be noted that there are many more negation hieroglyphics in the hieroglyphic sistem of the two languages than there used in current article for research. The reason of limitation of negation hieroglyphics is inadmissibility of disclosing the features of all negation hieroglyphics in the volume of one article.

It is also necessary to point that in 2020 we published a monograph "Negotiations in Chinese language" in the Uzbek language. But in comparative-typological sense, such work has not carried out yet, so this is the relevance of our work. The results of research will be used as a model of identifying typological features of other language units, as well as compiling textbooks on hieroglyphics and lexicology of both Japanese and Chinese.

¹ Каримов А.А. Хитой тилида инкор. Т. Фан ва технологиялар нашриёт-матбаа ўйи, 2023 й. 96 Б.

Key words: *Typological features, japanese and chinese languages, negation hieroglyphics, new words, function morpheme, significant morpheme, complex word, adverb.*

Введение. Исторически так сложилось, что иероглифическая письменность китайского языка была распространена в соседние с Китаем страны: Корея, Вьетнам, Япония и др. Иероглифическое письмо, распространенное в эти страны приобрело иное чтение, но в некоторых случаях очень близкое к исходному. Что касается значения, то надо признать, что они почти полностью сохраняют свое первоначальный смысл, особенно в японском языке. Конечно некоторые страны создали и свою письменность отталкиваясь от иероглифической. Например, хирагана и катакана в японском языке; хангыль в корейском языке. Однако до сих в качестве корня слов используется иероглифы, в частности в японском языке. Естественно есть тенденция к полной замене иероглифики, но этот процесс течёт не так быстро, как хотелось бы руководству этих стран.

Наличие иероглифического письма в японском языке дает повод китаистам более глубокому изучению иероглифики в сравнительном плане, поскольку потерянные исконные значения некоторых иероглифов могут быть восстановлены через сохраненный в японском языке. В доказательство этого можно привести результаты наших исследований по восстановлению исконных значений китайских иероглифов.²

Основная часть. В языковой системе любого языка имеются средства для передачи отрицательного значения. Японский язык не исключение, он в своем арсенале имеет целый ряд иероглифов, которые используются как префиксы отрицания. В числе таких иероглифов 不 (фу), 未 (ми), 無 (му), 非 (хи) все они используются для передачи отрицательного значения последующего слова, в русском языке они соответствуют приставкам *без-, не-*. Следует отметить, что в японском языке выше перечисленные отрицания относят к служебным морфемам, которые являются частью слова – префиксами. Это особенность агглютинирующих языков.

Известно, что выше перечисленные иероглифы исконно являются китайскими и по китайский читаются они несколько иначе. В частности 不 (бу), 未 (вэй), 无 (у),³ 非 (фэй). В китайском языке почти все основные отрицания относятся к наречиям, иначе говоря, они не являются ни служебными словами, ни служебными морфемами, то есть не являются префиксами, хотя и занимают препозицию по отношению к слову которому они относятся. Следует подчеркнуть, что отрицания в китайском языке

² Каримов А.А. Выявление исконных и приобретенных значений иероглифов 看, 读, 念 (сравнительный анализ японского и китайского языков) // Вопросы китаеведения. Сборник статей. Т., Байёз, 2020 г. Стр 94-102

³ 無 (у) это полное начертание иероглифа сохраненный в японском языке, сокращенный вариант, в современном китайском языке, выглядит следующим образом 无

являются знаменательными словами и относятся к наречиям. Такого же мнения придерживаются и китайские ученые Люй Шу-сянг, Лю Юэ-хуа и другие.⁴

1. В японском языке иероглиф 不 (фу) передающий значение = しない、でない - *несделанный, недостаточный* являясь префиксом с отрицательным значением служит для образования целого ряда новых слов, например:

不明 (фумэй) – 明らかでない (акирака дэ най) *неясный, непонятный* – данное слово является прилагательным.⁵

В китайско-русском словаре иероглиф 不 (бу) обозначается со значением *нет, не-* как наречие.⁶ В китайском языке отрицание 不 (бу) очень часто сочетаясь с другими словами образует словосочетания или фразы, например: 不太好 (бу тайхао) *не слишком хорошо*, 不很好 (бу хэнхао) *не очень хорошо*, 不知道 (бу чжидо) *не знать* и т.д. Однако, надо признать, что соединяясь с односложными словами он может образовывать новые сложные слова.

Как и в японском языке в китайском есть слово 不明 (буминг) он может переводиться как прилагательное *неясный*, и как глагольное слово *не понимать*, все зависит от позиции в предложении и функциональных задач, которые он выполняет. Таким образом, в китайском языке слово 不明 может относиться к двум частям речи: к прилагательным и к глаголам. Если в китайском языке отрицание участвует в образовании нового слова, то она трактуется как знаменательная морфема, являющееся компонентом сложного слова.

Рассмотрим ещё несколько японских слов, образованных при помощи отрицания 不 и сравним с китайским языком. Японское слово 不可ふか (фука) *неправильный, неразрешенный*, как и предыдущее слово относиться к прилагательным. В китайском языке слово 不可 (букэ) передаёт значение *нельзя, не следует*, то есть представляет собой глагольное слово.

Японское слово 不足ふそく (фусоку) *недостаток, недовольство* можно отнести к существительным. В китайском языке слово 不足 (бузу) может относиться к трем частям речи: а) к прилагательным *недостаточный*; б) к существительным *недостаточно, не хватает, меньше*; в) к глаголу *не заслуживает, не мочь, не должен*. Отнесенность к той или иной части речи не определяется исходя из его русского перевода. Это результат использования и функциональных задач, которые выполняет данное слово в предложении.

⁴ 吕叔湘。现代汉语八百词。北京，商务印书馆，1984 年，73 页。

刘月华。使用现代汉语语法。北京，商务印书馆，2019 年，252 页。

⁵ Японские примеры и их перевод отобран из словаря Ф. Конрад «Японо-русский словарь иероглифов»

⁶ 汉俄词典。北京，商务印书馆，1984 年，73 页。

不安ふあん (фуан) *неуверенный, беспокойный*. Это японское слово почти полностью совпадает с его исконным китайским 不安 (буан) в своём значении *беспокойный, тревожный*. В обоих языках он передает значение прилагательного.

Данное японское прилагательное слово 不思議ふしぎ (фусиги) *странный, загадочный*, исконно берет свое начало от китайского глагола 思儀 (сы и) *продумывать, обсуждать*, где иероглиф 儀 является упрощенным вариантом иероглифа 議. В китайском языке в принципе можно встретить сочетание 不思議 (бу сы и) он переводится как *невероятный* на русский язык. Эти слова очень близки по своему смыслу, хотя полного совпадения нет.

不動産ふどうさん (фудо:сан) *недвижимость* существительное японского языка имеет свой эквивалент в китайском языке, который имеет такое же значение. 不动产 (будунчан) китайское слово тоже передает значение *недвижимость, недвижимое имущество*. Иероглиф японского языка 産, а также китайское 产 являются одним иероглифом, просто в японском языке сохранено его полное начертание, а в современном китайском языке используется его упрощенный вариант. Как видим в китайском языке можно встретить соединение отрицания 不 и с двусложными образованиями, но надо заметить, что отдельно 动产 как слово не встречается. Поэтому можно сделать заключение, что 不动产 является сложным словом представляющим собой семантическое заимствование слова *недвижимость (immovables)*.

2. Второй часто используемый в японском языке отрицание это иероглиф 未 (ми) = まだ～ではない *ещё не..., всё ещё...* В китайском языке иероглиф 未 как отрицание в словосочетаниях встречается довольно редко, в основном в составе сложных слов и фразеологизмов.

Приведем примеры из японского языка и сопоставим с китайским:

未来 (мирай) – まだ来ていない (мада китэ инай) *неизвестное будущее* – точно такое же слово есть и в китайском языке 未来 (вэйлай) *будущее* существительное; *будущий, предстоящий, следующий* прилагательное. Обратим внимание, что в японском языке 未来 (мирай) представляет собой производное слово, поскольку отрицание 未 выполняет роль приставки к корню слова. В китайском языке 未 является знаменательной морфемой, поэтому образует сложное слово 未来 (вэйлай), это довольно существенное различие между языками, когда один и тот же иероглиф выполняет разные функции и имеет разный статус в языке. Это существенное типологическое отличие японского и китайского языков.

未知 みち (мити) *неизвестный* в японском языке относится к прилагательным. В китайском языке сложное слово 未知 (вэйчжи) тоже имеет значение *неизвестный* – прилагательного. Очень часто используется в

математике, например: 未知数 (вэйчжи шу) *неизвестное число*, математический термин - существительное.

Японское слово 未遂 みすい (мисуй) *попытка* – существительное, в китайском языке 未遂 (вэйсуй) переводится как *неисполненный, неудавшийся, безуспешный* – прилагательный.

未然に みぜんに (мидзэн ни) *заранее* это японское слово наречие. В китайском языке встречается довольно редко, в электронных словарях не встречается, но в больших толковых китайских словарях 未然 (вэйжан) толкуется как *это еще не факт* – как сложное слово.⁷

未完成 みかんせい (микансэй) *незаконченный* данное японское производное слово представляет собой прилагательное. Но в современном китайском языке такого сочетания не бывает, вместо этого используют другое отрицание широко используемый 没 (мэй), в результате возможен сочетание в виде 没完成 (мэйванчэн).

未成年 みせいねん (мисэйнэн) *несовершеннолетний* как и предыдущее японское слово является прилагательным. В китайском языке может встретиться сочетание 未成年人 (вэйчэн няньжэнь) со значением *несовершеннолетний*.

3. Японское отрицание 無 (му) равноценно 存在しないこと со значением *без-, отсутствие*. В современном китайском языке, как было выше отмечено, используется упрощённый вариант иероглифа 无 (у). Что касается его статуса то он, как и другие отрицания представляет собой знаменательную единицу. Приведем японские примеры с отрицанием и сопоставим их с китайским.

無人 (мудзин) – 人がいない (хито га инай) *безлюдный* – в японском языке выражает значение прилагательного. В китайском языке 无人 (у жэнь) эти два иероглифа могут встретиться вместе, но это образование не несет статус слова, оно может быть только словосочетанием и может передавать значение *никто; ни один человек*.

Японское слово 無名 むめい (мумэй) *безымянный* – прилагательное. В китайском языке 无名 (умин) тоже является прилагательным, только непроемодным словом, как в японском языке, а сложным словом. И предает значение *неизвестный, анонимный*.

無料 むりょう (мурё:) *бесплатный* – в японском языке имеет значение прилагательного. Однако в современном китайском языке такого сочетания нет, возможно он встречался в древнекитайском, от которого он произошел или это творчество японцев, которые иногда создают новые слова из заимствованных китайских иероглифов. Исконное значение иероглифа 料 (ляо) в китайском языке было: *материал, средства*. Очень

⁷ 现代汉语词典。北京，商务印书馆，2002 年，1314 页

возможно, что японцы учитывая второе значение иероглифа вместе с отрицанием создали слово 无料. В современном китайском языке имеется два слова 免费 (мяньфэй) и 无偿 (учан) со значением *бесплатный*, один из слов в своем составе имеет отрицание: 无偿 (учан), первый компонент 无(у) – *нет, не-*, а второй компонент 偿(чан) имеет два значения – *сбываться* (о желании); *компенсировать, возвращать* (долг). Поэтому слово 无偿 (учан) буквально имеет значение *без долгов*, что эквивалентно значению *бесплатный*.

無理 むり (мури) японское слово имеет значение прилагательного – *невозможный*. В китайском языке 无理 (ули) в части речном отношении тоже выражает значение прилагательного, только следует отметить, что оно немного отличается: *необоснованный, без всякого обоснования*. Возможно это связано с национальными особенностями выражения понятий.

無断 むだん (мудан) *бесполезный* – прилагательное слово японского языка. Слово, образованное в японском языке, в современном китайском не встречается. Понятие *бесполезный* в китайском языке передается двумя словами: 无用 (уюн) и 没用 (мэйюн). Они синонимичны и практически не отличаются друг от друга.

無限 むげん (мугэн) *безграничный*, следует отметить, что мы не берем примеры слов сочетания иероглифов с алфавитным письмо, где возможны как препозиции, так постпозиции иероглифов отрицаний. В китайском языке 无限 (усян) имеет значение *неограниченный, бесконечный*. В современном китайском языке слово *безграничный* переводиться как 无边 (убянь) или 无穷 (уцюн). Второе слово может переводиться и как *бесконечный*, этим они несколько отличаются, хотя и являются синонимами.

4.Еще один иероглиф-отрицание 非 (хи) = ではない、がない передает значения: *не являться чем-либо, противоположность; ошибка, осуждение*. Приведем примеры слов, образованных при помощи этого отрицания:

非常 (хидзё:) – 普通ではない (фуцу: де ва най) *экстренная ситуация* – не является нормой. В китайском языке 非常 (фэйчан) тоже является словом, обычно его относят к наречиям, переводится как: *очень, чрезвычайно*. Но как прилагательное имеет значение *исключительный, необыкновенный, особый*.

В японском языке 非行 ひこう (хико:) *плохой поступок; дурное поведение*. В современном китайском языке не встречается в таком сочетании. *Поведение, поступок* на китайском языке будет 行为 (синвэй). Чтобы сказать *плохое поведение*, необходимо составить словосочетание 不良行为 (булянь синвэй). Где 不良 прилагательное – *плохой, дурной*, а 行为 существительное – *поведение, поступок*. Получается, что японский язык строго опирается на старые значения и сохраняет правила древнекитайского

языка. Что не всегда совпадает с современным китайским, поскольку слова и иероглифы приобретают дополнительные значения и отклонения от исконных правил.

非難 ひなん (хинан) *критика* данное японское слово может относиться к существительным. Иероглиф 難 представляет традиционное начертание иероглифа 难 (нан) *трудный* во втором тоне произношения, если его произнести в четвертом тоне, то он приобретет значение *упрекать, обличать*. Однако в этом значении в современном китайском языке он очень редко встречается и только в сочетании. Здесь прослеживается консервативность японского языка, который сохраняет исконно древние значения иероглифов. Понятие *критика* в современном китайском языке передается словом 批评 (пипинг) оно может выполнять функции как существительного, так и глагола – *критиковать*.

非凡 ひぼん (хибон) *незаурядный* – прилагательное японского языка. В китайском языке 非凡 (фэйфан) тоже является прилагательным со значением *выдающийся, незаурядный*. Идеальное совпадение значения и смысла слова как в японском, так и в китайском языках.

非同期 ひどうき (хидо:ки) *асинхронный* – производное прилагательное слово японского языка. В китайском языке есть слово 同期 (тунци) – существительное имеющее значение *соответствующий период, тот же период*. Однако значение *асинхронный* передает другое слово современного китайского языка 异步 (и бу). Но судя по логике, японцы смысл слова 同期 понимали, как *в одно и тоже время*, поэтому присоединив к ней отрицательную приставку 非 получили необходимое им слово *асинхронный*. Это указывает на то, что иероглифы, заимствованные из китайского языка в японском языке ведут совершенно самостоятельную не похожую на китайскую форму развития и применения.

非売品 ひばいひん (хибайхин) *не подлежащий продаже* – слово японского языка, в таком сочетании не встречается в современном китайском языке. Но данный смысл передается выражением 非卖品 (фэй майпин), где иероглиф 卖 (май) переводиться как *продавать*. Из чего исходили японцы при составлении слова 非売品, разберём каждый компонент в отдельности: 非 (фэй) отрицание *нет*, 売 (кэ) *твёрдая оболочка, скорлупа*, 品 (пинь) *продукт, характер*. Значит если продукт, имеется ввиду пищевой продукт, приобрел твёрдую оболочку, то естественно продукт потерял своё качество и не подлежит продаже.

Выводы. Рассмотренные выше четыре иероглифа-отрицания используемые в японском языке 不 (фу), 未 (ми), 無 (му), 非 (хи) в отличии от китайского языка, как было отмечено, приобрели иное чтение. Кроме того все иероглифы используемые в японском языке сохранили полное

начертание. В современном китайском языке, только один иероглиф 無 подвергся сокращению и приобрел следующую форму 无.

В результате сопоставления были выявлены следующие типологические особенности:

- как единицы языка иероглифы-отрицания в японском языке выполняют функции префиксов, способные образовывать новые слова. А по статусу представляют собой служебные морфемы. В китайском языке эти же иероглифы-отрицания являются знаменательными единицами, способные образовывать новые слова в качестве знаменательных компонентов, а также сочетаться с другими словами, образуя словосочетания или фразы. А по статусу представляют собой знаменательное слово. Как часть речи они относятся к наречиям.

- в семантическом плане иероглифы-отрицания в японском языке почти полностью сохраняют древние, исконные значения. Правила использования также опираются согласно старому языку.

- при образовании новых слов и подборе компонентов слов японцы строго придерживаются логике учитывая исконные значения иероглифов. В отдельных случаях логика подчиняется особому восприятию окружающего мира, иначе говоря картина мира приобретает национальную окраску.

- существенную роль в использовании иероглифов-отрицаний в японском языке играет ее типологическая отнесенность. Как мы знаем японский язык относится к агглютинативным языкам. Этот фактор и повлиял, например при определении статуса иероглифов-отрицаний как служебных элементов, представляющие собой префиксы.

- в современном китайском языке явление префиксации и суффиксации тоже присутствуют. Это происходит с теми иероглифами, которые потеряли синтаксическую самостоятельность и превратились в служебные морфемы, а служебные морфемы могут быть префиксами или суффиксами.

- слова образованные при помощи иероглифов-отрицаний в японском языке в большинстве случаев представляют собой прилагательные. В китайском языке слова образованные при помощи отрицаний могут быть прилагательными, существительными, реже глаголами, наречиями или целыми фразами. Это только в рамках тех слов и значений, которые представлены в японском языке. То есть мы в китайском языке брали только те слова и значения, которые передавали японские новообразования.

- слова образованные при помощи иероглифов-отрицаний в китайском языке могут передавать два и более значений, разные в частиречном отношении. Выбор того или иного значения зависит от функции и задач которые оно выполняет.

- одинаковый иероглифический состав встречаемый в двух языках еще не значит, что обязательно передает одно и тоже значение. Как показывают примеры, отличия как правило встречаются в тех случаях, когда это касается

обстрактных понятий, где восприятие окружающего мира и ассоциации разных народов отличаются.

- как показало сопоставление идеального совпадения значения одного и того же слова, с участием отрицаний, в двух языках встречается не так часто.

Заключение. Заклучая можно сказать, что типологическая отнесенность того или иного языка влияет на отнесенность новообразования к тому или иному уровню языка и наличия целого ряда типологических особенностей которые мы указали выше. Особо необходимо отметить, что выбранные нами иероглифы-отрицания, когда-то заимствованные японским языком из китайского трактуются не как знаменательная морфема или слово, а как служебная морфема и префикс. А слова образованные при помощи префиксации естественно представляют собой производное слово, слова же, образованные знаменательными словами являются как правило сложными словами или словосочетаниями.

Список использованной литературы:

1. Каримов А.А. Хитой тилида инкор. Т. Фан ва технология матбаа нашриёт ўйи. 2022 й. Б. 96
2. Н.И.Фельдман- Конрад. «Японско-русский учебный словарь иероглифов». М., Русский язык, 1977 г. С.680
3. 现代汉语词典。北京，商务印书馆，2002 年， 1314 页
4. Каримов А.А. Вопрос китаеведения. Сборник статей. Т., Байёз, 2020 г. С.192
5. Каримов А.А.Японская лексика в китайском языке или проблема вторичного заимствования. // Материалы международной конференции. “Язык, культура и общество на перекрёстке цивилизаций”. 18 февраля 2006года. Ташкент-Цукуба. 2006, 135-138 с.
6. Каримов А.А.Взаимосвязь культур Дальнего Востока и Центральной Азии. // в книге проф. Имаи Масахару “Общество и культура современной Японии”. Цукуба (Япония). изд-во «Дзисёся» стр 2-8.
7. Каримов А.А.Слова, обозначающие цвета и их национальные особенности восприятия (на примере японского и узбекского языков). // Материалы международной конференции “Японоведение: вопросы филологии, философии, истории и культуры» 10-11 марта 2011 года. Ташкент. ТашГИВ, 2011 г. Стр 6-8.
8. Каримов А.А.Иероглифическое письмо японского языка и особенности его усвоения. // “Япония ва Ўзбекистон маданиятини қиёсий ўрганиш: интеллектуал ва моддий бойликларини излаб топиш имкониятлари” мавзуидаги халқаро илмий анжуман материаллари.(2014 йил 14-15 ноябр.) . Тошкент . ТошДШИ– 2014. 189-192 бет.
9. Каримов А.А.Относительно структуры и чтения иероглифов, используемых в японском языке (на примере именных слов). // Материалы совместной конференции. ТашГИВ – Университет Цукуба. «Разнообразие культур, этничность, язык и междисциплинарные исследования»японоведов. 16 марта 2019 года. Ташкент 2019. С 73 - 77

10. Каримов А.А.Выявление исконных и приобретенных значений иероглифов 念, 讀, 看(сравнительный анализ японского и китайского языков).// Материалы международной конференции по японоведению. Цукуба .Ташкент, февраль, 2020г. 12 стр
11. 吕叔湘。现代汉语八百词。北京，商务印书馆，1984 年，350 页。
12. 刘月华。使用现代汉语语法。北京，商务印书馆，2019 年，809 页。
13. 汉俄词典。北京，商务印书馆，1984 年，1908 页。

日本語におけるコミュニケーション・バリア：敬語表現と人間関係 の要因の影響

Nadira KHALMURZAEVA

*Ph.D, Associate Professor, The higher school of Japanese Studies
Tashkent State University of Oriental Studies*

Annotation. *This study explores communication barriers encountered by Uzbek learners of Japanese, with a particular focus on the role of honorific expressions and interpersonal relationships. Drawing on pragmatics and intercultural communication theory, the research analyzes the cultural, social, and linguistic factors that complicate mutual understanding in Japanese. Key attention is given to how Japan's context-dependent communication style, hierarchical social norms, and the complex system of honorifics (keigo) can hinder effective dialogue, especially among non-native speakers. Survey results from Uzbek learners reveal major challenges including misunderstanding indirect or ambiguous expressions, difficulties in distinguishing between respectful and humble language forms, and psychological barriers when using keigo. The findings underscore that mastering Japanese communication involves not only grammatical proficiency but also a nuanced understanding of sociocultural expectations. The study proposes that teaching strategies should include situational training in natural conversational settings, helping learners to internalize appropriate use of honorifics in various contexts and reduce communication friction across cultures.*

Keywords: *Communication barriers, honorifics (keigo), Uzbek learners of Japanese, interpersonal relationships, cultural, social, and linguistic factors*

序論

コミュニケーションのバリアに関する研究は、現代の言語研究において重要な位置を占めており、異文化間の相互理解で生じるさまざまな困難を含めている。語用論的な観点から、この現象は、対話参加者のコミュニケーション戦略の違い、認知的態度、言語能力レベルおよび社会的環境の特性の違いなどに起因し、祖語理解のプロセスを複雑化にしたり、または歪めたりするバリアとして定義される。

「グライスの協調の原則によれば、円滑なコミュニケーションは、量、質、関連性、方法という 4 つの原則を遵守するかどうかに直接依存しています。これらの違反すると、コミュニケーションの破綻が避けられず、特に日本語のような文脈依存度の高い言語では、必然的にコミュニケーションの途絶につながります。この場合、情報の大部分が暗黙的に伝達されるため、解釈プロセスが複雑になり、誤解が生じる原因となる」【1, 41-58】。

M. ハキモフは、語用論的バリアを、特定の発話状況における発話者と発話対象者の間の発話行為で生じる現象と定義している。彼は、実用的なバリアは人工的に作り出されるか、コミュニケーションの過程で自然に生じる可能性があるかと主張している【2, 124】。

一方、Kiselyova 氏は、語用論的なバリアはさまざまな要因の相互作用の結果として考察している。その要因には以下のようなものが含まれる。対話者間の社会的関係、対話参加者の言語能力、役割とステータスの違い、期待される語用論的な効果（話者の意図と聞き手の認識）。【3, 135-136】。Kiselyova のモデルは、語用論的なバリアの発生に影響を与える要因を構造化し、日本語によるコミュニケーションの理解を複雑にする重要な要素を特定するのに役立つ。日本語では、このような要素が重要な役割を果たしている。

コミュニケーションバリアとは、人々がお互いを効果的に理解し合うことを困難にする要因である。日本語と日本文化の文脈では、このようなバリアは、文化的規範、言語的特徴、コミュニケーションの参加者間の地位や役割の違いなどの対人関係の要因によって引き起こされることが多い。日本のコミュニケーション文化は、文脈に大きく依存するものと考えられており、つまり、理解は言葉だけでなく状況、関係、文脈といった暗示的な要素に大きく影響される。

したがって、グローバル化と活発な異文化交流の状況において、コミュニケーションバリアを理解することはますます重要になってきている。日本で働く外国人専門家は、普段の行動パターンが日本人の礼儀正しさや状況への期待と一致しないことがあるため、目に見えないコミュニケーションのバリアに直面することがよくある。

本発表では、文化的、言語的、そして地位・役割に関する 3 つの主なバリアに注目し、それらが相互理解の成功のためにウズベク人の日本語学習者にはどのように影響を与えるかを検討・分析し、特に、日本語における敬語のカテゴリーと対人関係がコミュニケーションのバリアの形成にどのように影響を与えるかを考察し、克服するための可能な方法について試していきたいと思う。

本論

3 つの主なバリアに関する考察について

1) 日本のコミュニケーションにおける文化的バリア

異文化コミュニケーションを困難にする最も重要な要因の一つは文化の違いである。これは、日本人とのコミュニケーションにおける根本的なバリアとなる。エドワード・ホールの理論によれば、日本は高コンテクスト文化に分類される。つまり、情報の多くは言葉で直接伝えられるのではなく、暗示的な文脈、非言語的なシグナル、共通の文化的コードの理解を通じて伝達される。

日本語の会話には、「隠れた表現の仕方」が特徴的であり、意図的に直接的な表現を避ける傾向がある。話し手はしばしば言葉を最後まで言い切らず、「行間に意味を込める」ことを好み、聞き手がその意図を読み取ることを期待する【4, 9】。

このような発話の曖昧さは、日本語において意図的に用いられることが多く、特に相手を傷つけないため、敬意と礼儀を示すために使用される。その結果、日本のコミュニケーションは多義的になりやすく、直接的な「ノー」や明確な反対意見の表明はほとんど見られない。代わりに、婉曲的な表現による丁寧な拒絶や、沈黙による不満の表現が用いられる【4, 9】。

日本のコミュニケーションは、調和の維持を目的としており、そのために意見を曖昧にしたり、対立を避けたり、顔をを守ることを重視されています。このような文化的範囲は、外国人にとって大きなバリアとなり得る。外国人は、日本特有の「空気を読む」という概念に慣れておらず、非言語的なシグナルや発話の裏にある意図を読み取るのが難しい場合がある。このため、曖昧な表現や相手に同調する態度が一般的な戦略として用いられる。例えば、日本人の話し手は、自分の本心とは異なる場合でも、「はいはい」＝「うんうん」と相槌を打つことがある。これは、対立を避け、調和を保つための手段であり、必ずしも実際の同意を意味しない。

したがって、礼儀作法や異議の表現方法における文化的な違いは、重大な文化的バリアとなり、誤解を引き起こす要因となる。

次に、こうした文化的誤解を示す具体的な**会話例**を考えてみよう。【5】。

先生：今日はこれで終わります。

学生：ご苦労様でした。また、明日会いましょう。さようなら。

先生：??

以下のとおりに考察をしていく。「ご苦労様でした」という表現は、伝統的に目上の者が目下の者に対して使う敬語表現である。そのため、生徒が教師に対してこの表現を使うと、コミュニケーション上の誤りとなる。適切な表現としては、「お疲れ様でした」や「ありがとうございました」を用いるのが望ましい。文化的なバリアの影響は、外国人とのコミュニケーションだけでなく、日本人同士のやり取りにおいても見られる。日本社会には暗黙のルールが存在し、それを破ると違和感を生じさせることがある。特に、集団の調和を乱したり、期待される役割から逸脱したりすると、周囲の人々に不快感を与える可能性がある。

このような現象は、日本語で「違和感」と表現される。違和感とは、文字通り「不一致感」や「場違いな感覚」を意味し、文化的・心理的な要因によってコミュニケーションが困難になることを示唆する【6, 166-181】。違和感が生じると、相手が無意識に距離を置くことがあり、スムーズな対話が難しくなる可能性がある。

立場と役割によるコミュニケーションのバリア

日本の社会は、伝統的に厳格な階層構造を持っており、その影響はコミュニケーションのあらゆる場面に表れている。これまで説明してきた文化的なコミュニケーションの違いが主に話し方のスタイルや言葉の選び方に関わるものだったのに対し、立場によるコミュニケーションの壁は、そもそも情報のやり取りそのものを制限してしまうことがある。たとえば、目上の人に対して意見を率直に伝えるのが難しい、または部下が上司にネガティブな情報を伝えるのをためらうといったケースがこれに当たる。こうしたヒエラルキーの影響は、日本社会のあらゆる場面で見られ、特にビジネスや教育の現場では顕著に表れる。日本の社会では、単なる年齢差や経験の違いではなく、暗黙のルールとして機能する人間関係の枠組みとなっている。

近年、日本国内でも立場による壁を和らげようとする動きが見られる。特に若い世代や国際的な企業では、オープンなコミュニケーションや意見の平等性を重視する傾向が強まっている【6, 166-181】。

例えば、多くの日本企業では、欧米式の企業文化を取り入れ、組織内の意見交換を活性化させる取り組みが進んでいる。ブレインストーミングの導入は役職に関係なく、全員が自由に意見を出せる場を設ける。呼び方の変化 → 「〇〇さん」や役職名での呼称を増やし、英語風にファーストネームで呼ぶことも心理的距離を縮める工夫し、フラットな関係性を促進し、風通しの良い職場を作る。こうした変化は、日本の伝統的な価値観を尊重しながらも、より柔軟で開かれた職場環境を目指す試みと言える。

日本人は、このような場面で直接指摘することは少ないが、「この人はマナーを知らない」と感じ、信頼関係が築きにくくなることがある。つまり、日本の職場では、明確なルール以外にも「暗黙の了解」を理解することが大切である。

会話例 2: 推薦状の依頼 【5】。

生徒: 推薦状をお願いしたいんですが、金曜日必着でお書きください。

この表現は、「金曜日必着」と期限を厳しく指定しており、命令に近い口調になってしまうため、日本の礼儀にそぐわない。日本語では、相手に対して柔らかくお願いする表現が好まれる。

より適切な表現するためには寧ろ自然な依頼表現に変化する必要がある。

生徒: 推薦状を書いていただけますでしょうか？もし可能であれば、金曜日までにお願いできますでしょうか。

「～いただけますでしょうか？」 → 「書いてください」よりも丁寧な依頼表現であり、「もし可能であれば」 → 期限を押しつけず、相手の状況を考慮する表現になる。「お願いできますでしょうか？」 → 相手に負担をかけないよう、柔らかい印象を与える。このように、日本語では命令口調を避け、相手の状況に配慮した表現を使うことで、より円滑なコミュニケーションが可能となる。

日本の企業では、役職や上下関係がコミュニケーションに大きく影響する。しかし、海外から来たビジネスパーソンにとっては、こうした暗黙のルールが分かりにくいことがある。

日本では、上下関係があらゆるコミュニケーションに影響を与える。例えば、会議では役職が上の人から発言するのが一般的であり、日常のやり取りでも誰が誰に対してどの程度お辞儀をするかといった細かなルールが存在する。こうしたルールを無視すると、相手に「礼儀を知らない」「攻撃的だ」「信頼できない」と思われることがある。特に、日本の社会では表立って指摘されることは少ないが、内心ではネガティブな印象を持たれることがある。

敬語は、言語を通じたステータス表現は目上の人への尊敬を示すために使われる。年上や上司への敬意は、文化的な価値観はただのマナーではなく、社会の一部として根付いている。ステータスの影響は、話し方だけでなく、発言そのものに影響を与える。若手社員が会議で意見を控えることもある。特に、日本の職場では、部下が上司に悪いニュースを伝えにくいという問題がある。これは、上司の「メンツ」を守るため、または関係を壊したくないという心理からくるもの。しかし、その結果、重要な問題が経営陣に届かず、意思決定を妨げることがある。

このように、「過度な敬意」が情報の流れを妨げることを「敬意の壁」と呼ぶこともある。日本では、礼儀や序列を重んじる文化が、時としてスムーズな意思疎通の妨げになることがある。

一方で、上司や年長者の立場から生まれるコミュニケーションの壁も存在する。日本の職場では、指示が一方的に下され、部下が意見を述べる機会が少ないことがある。このような環境では、部下は上司の意図や目的を完全に理解できないまま仕事を進めることになるが、「分からない」と質問するのをためらうことが多い。理由のひとつは、質問することで「理解力が足りない」と思われるのを避けたいという心理的なプレッシャーである。

このように、上下関係の距離が大きすぎると、健全な対話が生まれにくくなり、組織のコミュニケーションに深刻な影響を及ぼすことがある。

近年、日本国内でもステータスによる壁を和らげようとする動きが見られる。特に若い世代や国際的な企業では、オープンなコミュニケーションや意見の平等性を重視する傾向が強まっている。伝統的な「先輩・後輩」の文化は今も根付いているが、その厳格さは徐々に緩和されつつある【7】。

日本社会では、過度なヒエラルキーがイノベーションや効率的な業務推進の妨げになるという認識が広まりつつある。そのため、よりインクルーシブ（包摂的）なコミュニケーション環境を整えることが、今後の課題となっている。

言語的なバリア

文化的なニュアンスに加え、日本語の特殊性によって大きなコミュニケーションバリアが生じる。日本語には敬語の体系が豊富にあり、対話相手の立場やコミュニケーションの状況に応じて、言葉や文法形式の選択に厳格な規則が課せられる。実際、同じメッセージでも、文脈や話し手と聞き手の階層的立場によって表現が異なる。同じ考えでも、友人と対人等に話すときと、上司や顧客に話すときとは、まったく違った表現になる。

適切に丁寧語を選び、敬意を表す謙虚な言葉遣いを使い分ける能力は、日本語環境における相互理解の必要条件である。これらの違いを知らない、または認識していないと、自動的にバリアが生まれる。つまり、発言が失礼に聞こえたり、逆に過度に形式的で冷たい印象を与えたりする可能性があります。言葉選びひとつで、相手に与える印象が大きく変わるため、日本語における敬語の習得は、言語的な壁を乗り越えるための重要なポイントとなる。

ビジネスコミュニケーションの研究によると、日本では社会的な序列の理解不足や、場面に応じた敬語の使い分けの誤りが、コミュニケーションの失敗につながる主な要因となっている【8, 83-84】。そのため、日本語を使う環境では、文法や敬語の習得だけでなく、社会的な背景を理解することも重要である。

つまり、会社の社長に対してフレンドリーな口調で話しかけたり、逆に同僚に対して過度に格式張った言葉を使ったりすると、コミュニケーションがうまくいかなくなるということだ。

日本語の言葉遣いには厳格な礼儀作法があり、適切でない敬語の使用は相手に不快感を与える可能性がある。例えば、社長に対してタメ口を使えば無礼と見なされるし、逆に同じ立場の同僚に過剰な敬語を使うと、距離を感じさせたり、皮肉に聞こえたりすることがある。

ビジネスの場面では、言葉遣いのミスが信頼関係の崩壊につながることもある。例えば、メールのやり取りにおいて、本来フォーマルな文体が求められる場面でカジュアルな表現を使ったり、逆に必要以上に敬語や尊称を多用しすぎると、相手が皮肉や冗談と受け取ってしまうケースもある。実際、日本の企業間取引では、「不適切な敬語表現」を理由に取引が打ち切られた事例も報告されている。【9, 129】。

このように、本来相手に敬意を示し、円滑なコミュニケーションを促すはずの敬語は、その使い方を誤ると逆に言語的な壁となり、相手との関係を損ねるリスクを伴う。

敬語の特徴のおかげで、日本語は文脈に応じた細かいニュアンスを表現できるという利点がある。一方で、日本語に慣れていない人にとっては、接辞の違いを聞き取るだけでなく、正しく解釈するのが難しいという問題がある。

こうした文法の複雑さは、日本語を正確に理解する上で大きな壁となる。特に、日本語の文構造や接辞の仕組みを十分に理解していないと、相手の発言の意味を取り違えてしまうこと

がある。これは、日本語を学ぶ外国人だけでなく、日本語を母語とする人にとっても、時にはコミュニケーションの障害になりうる。

日本語には、主語を明示しないという特徴がある。日常的な会話では、主語や代名詞、さらには話題そのものが文脈から推測できる場合、自然に省略される。

日本語のネイティブスピーカーにとって、これは特に問題にはならない。話の流れや状況から誰が何をしているのかを推測することに慣れているため、明示的に言葉にしなくても十分に理解できる。【10, 27-33】。

しかし、異文化間のコミュニケーションでは、この特徴が誤解を生む原因となることがある。日本語に不慣れな人にとっては、誰が話しているのか、誰について言及しているのかが分かりにくくなるため、会話の内容を正確に理解するのが難しくなる。

実際、日本語は「曖昧で分かりにくい言語」と表現されることがあり、文脈なしでは、主語が誰なのかを判断するのが困難な場合もある。特に、ビジネスやフォーマルな場面では、誤解を避けるために意識的に主語を補う工夫が必要になることもある。

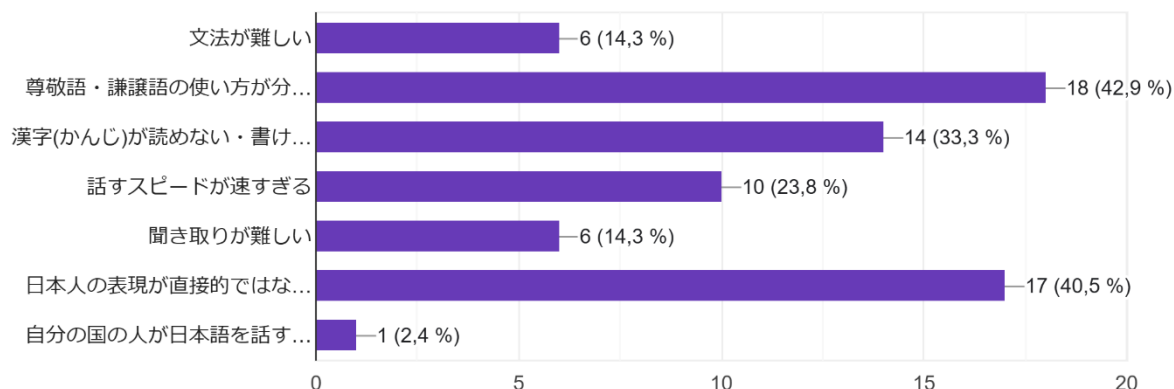
これは、「文脈を読む」文化と「明示的に伝える」文化の違いが引き起こす言語的な壁の一例だ。日本語話者はニュアンスや状況から自然に補完するが、明確な主語を求める言語の話者にとっては、情報が不足しているように感じられることが多い。

人間関係と日本語の敬語表現を含むバリアに関するアンケート調査

この問題を踏まえて、ウズベキスタンの日本語の学習者の中で人間関係と日本語の敬語表現を含むバリアに関するアンケート調査を行った。

1. 日本語でコミュニケーションを取る際にどのような問題がありますか? (複数選択可)

42 ОТВЕТА

本アンケート調査の問1では、日本語でのコミュニケーションにおいてどのような問題が生じるかを尋ね、40名の回答者からデータを収集した。その結果、特に敬語表現、間接的な表現の理解、漢字の習得、ネイティブスピーカーの話すスピードという4つの要素が大きなバリアとなっていることが分かった。

最も多く42, 5%の回答者が挙げたのは、「**尊敬語・謙譲語の使い方が分からない**」という項目と「**日本人の表現が直接的ではないため、意味が分からないことがある**」という項目を選んだ40%回答者がいる。

これらの結果から、日本語の敬語表現の習得が多くの学習者にとって難しく、また、日本人特有の間接的な表現が理解しにくいことが課題として挙げられる。である。敬語は日本語の中でも特に複雑な要素の一つであり、単に文法ルールを覚えるだけでなく、場面ごとの適切な使い分けが求められる。このため、学習者にとっては単なる言語知識以上に、日本文化や社会的背景を理解することが不可欠となる。特に、ビジネスシーンやフォーマルな場面での適切な表現の習得には時間がかかる傾向がある。

日本語には、相手の気持ちを尊重し、ストレートな表現を避ける文化的特徴がある。「遠回しな言い方」や「曖昧な表現」が多く使われるため、学習者にとっては単純な単語や文法を理解するだけでは会話の意図を正確に読み取ることができない。例えば、日本人が「考えておきます」と言った場合、必ずしも前向きな返答ではなく、実際には断る意図が含まれていることもある。このような微妙なニュアンスの違いが、外国人学習者にとって大きな壁となっている。

次の項目は「**漢字が読めない・書けない**」という回答も30%を占め、依然として多くの学習者にとって漢字が大きな課題であることが分かった。漢字は一文字ごとに複数の読み方があり、また熟語になると意味が変化することもあるため、単純に暗記するだけでは習得が難しいです。特に、日常会話では耳で聞いて理解できても、文字として認識できないケースが多く、読解力向上のためには継続的な学習が必要となる。

次の項目では、**話すスピードが速すぎると感じる学習者は22.5%**となり、日本語の会話は、特にネイティブスピーカー同士では非常に速く、音の省略や連結が頻繁に起こる。このため、「話すスピードが速すぎて聞き取れない」と感じる学習者が多く存在する。特に、カジュアルな会話が加わると、さらに理解が難しくなる。会話のスピードについていくためには、単語や文法を知っているだけでなく、リスニング力を鍛え、実際の会話のリズムに慣れることが求められる。

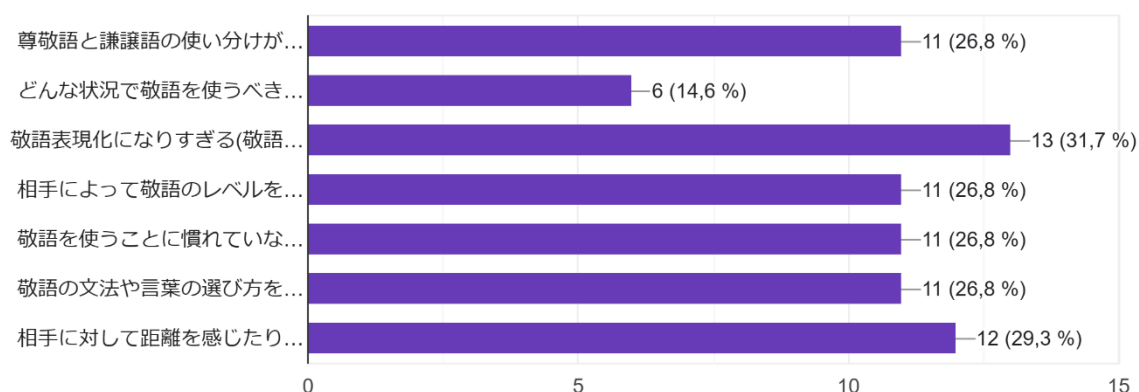
「**文法が難しい**」と感じる学習者は15%にとどまり、意外にも他の問題に比べて優先度が低いことが分かった。これは、日本語の文法は一見複雑に思えるものの、一定のパターンを覚えれば比較的習得しやすいと感じる学習者が多いことを示唆している。また、「**聞き取りが難し**

い」と回答した人も 15%いたが、これは単に音声の問題だけではなく、文脈や間接表現の影響を受けている可能性が高い。これらの項目は他の問題点と比べると低い割合ではあるが、それでも 15%の学習者が日本語の文法や聞き取りに困難を感じていることが分かる。

「遠回しな言い方」や「曖昧な表現」が多く使われるため、学習者にとっては単純な単語や文法を理解するだけでは会話の意図を正確に読み取ることができないのは日本人とコミュニケーションバリアとなっています。

2. 敬語を使うときにどのような困難を感じますか? (複数選択可)

41 回答

本アンケート調査の問い 2 では、日本語学習者が敬語を使う際に感じる具体的な困難について尋ねました。回答結果から、敬語の適切な使い分け、状況ごとの判断、話し方の不自然さ、敬語を使う際の心理的負担など、複数の要素が課題として浮かび上がった。

最も多く 31.7%の学習者が感じている困難は、**敬語表現化になりすぎる**ことであった。日本語には、相手に対する敬意を表すための多様な敬語表現が存在するが、学習者の多くは「失礼にならないように」と慎重になりすぎてしまい、結果として過剰にかしこまった話し方になってしまっている場合もあるからです。例えば、友達同士の会話で「ご覧になりましたか？」などを使うと、不自然に聞こえることがある。このような問題は、日本語学習者が「適切な敬語のレベル」を判断するのが難しいことに起因している。

29.3%の学習者が「相手に対して距離を感じたり、不自然に聞こえたりすることもある」項目に占めて、困難を感じた。相手に対して敬語を使うことで、逆に距離感が生まれてしまうことが課題として挙げられた。これは、日本語の敬語が単なる「礼儀正しさ」を表すものではなく、相手との関係性や親密度によって適用範囲が変わるため、学習者にとって混乱しやすい要素になっていることを示している。

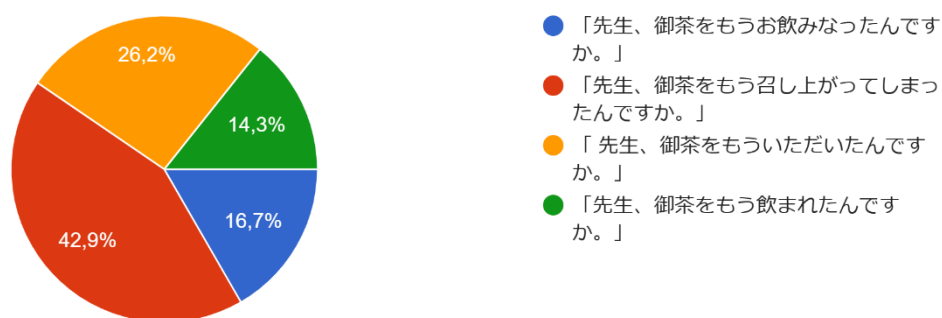
アンケートでは次の4つの項目は、「尊敬語と謙譲語の使い分け」、「相手によって敬語のレベルを調整すること」、「敬語を使うことに慣れていないと、スムーズに話せない」、「考えすぎて話すスピードが遅くなってしまう」という項目も同じく26.8%となっている。

なぜかという、学習者の難しさを感じることは、敬語の文法や語彙の選びに気を取られすぎると、話が途中で止まってしまう、スムーズに会話ができなくなるという問題も見受けられた。これは、日本語の敬語が単なる語彙の置き換えではなく、場面ごとの適切な使い分けが求められるため、瞬時に判断するのが難しいことを示している。

最後の項目では、「適切な使用場面」を見極めるのが難しいと感じる学習者が14.6%となっている。敬語は、必ずしもすべての場面で必要というわけではないが、フォーマルな場では敬語を使うのが一般的だが、カジュアルな会話ではむしろ敬語が距離を生んでしまうこともある。

これらの課題を克服するためには、単なる文法の学習にとどまらず、実際のコミュニケーションの中で自然な敬語表現を身につけるトレーニングが必要となる。また、学習者が敬語を無理に使いすぎないように、適切な場面と適度な使い方を理解できるような指導方法も重要である。特に、ネイティブスピーカーとの実践的な会話練習を通じて、敬語の適切な使い分けや、自然な話し方の習得を目指すことが効果的だと考えられる。

3-5. 次の表現のうち、正しい敬語の使い方を選ん... 「先生、御茶をもう飲んでしまったんですか。」
42 ОТВЕТА

本アンケート調査の第3問では、「先生がすでにお茶を飲んでしまったことを敬語でどのように表現するか」という問いに対し、学習者が適切な表現を選ぶ課題が与えられた。結果を分析すると、敬語の文法的な正しさだけでなく、日本の対人関係における序列や敬意の示し方が、学習者にとって大きなバリアとなっていることが明らかになった。

本アンケート調査の第3問では、「先生がすでにお茶を飲んでしまったことを敬語でどのように表現するか」という問いに対し、学習者が適切な表現を選ぶ課題が与えられた。結

果を分析すると、敬語の文法的な正しさだけでなく、日本の対人関係における序列や敬意の示し方が、学習者にとって大きなバリアとなっていることが明らかになった。

日本語学習者に最も多く **42.9%** 選ばれたのは「先生、御茶をもう召し上がってしまったんですか。」という表現であった。文法的には、動詞「飲む」の尊敬語「召し上がる」を使っているため、文法上のミスはない。しかし、ここで問題となるのは学習者が「召し上がる」という言葉を使えば、相手に対する敬意が十分に示されると考えている点である。

実際の日本語のコミュニケーションでは、単に正しい尊敬語を使うだけではなく、話し手と聞き手の関係性を考慮した適切な表現を選ぶことが求められる。今回の例では、「召し上がる」は尊敬語として正しいが、「～してしまったんですか」という言い回しが問題となる。このフレーズには、「もう飲んでしまったのですか？（もうなくなってしまうでしたね）」というニュアンスが含まれ、先生という目上の人に対しては失礼に聞こえる可能性がある。

このことから、学習者が敬語の文法的な正しさに意識を向けるあまり、実際の対人関係における適切な表現の選択を見落としていることが分かる。

次に、「先生、御茶をもうお飲みになったんですか。」という選択肢を選んだ学習者は16.7%にとどまった。「お飲みになる」は「飲む」の尊敬語表現として適切であり、かつシンプルで自然な敬語表現である。したがって、この表現が最も自然で適切な回答と言える。

この選択肢を選んだ割合が比較的低かったことから、多くの学習者が「お～になる」よりも「召し上がる」を優先する傾向があることが分かる。これは、敬語の学習において「～になる」よりも「召し上がる」などの専用の尊敬語を強調して学ぶケースが多いことが影響していると考えられる。

また、「先生、御茶をもういただいたんですか。」を選んだ学習者は **26.2%**だった。この表現は、「いただく」が謙譲語であるため、敬語として誤りである。しかし、ここで注目すべきは、単なる文法の誤りではなく、日本語の敬語におけるヒエラルキー（階層構造）が理解しづらい点にある。学習者がこの表現を選んだ理由として、「先生に敬意を表したい」という意識がある

「いただく」はへりくだった表現なので、使えば丁寧になると誤解しているという2つの要因が考えられる。しかし、実際の日本語では、「いただく」は話し手（学習者）が自分を低めるときに使う表現であり、目上の人への行動には使えない。これは、日本語の敬語体系が単なる「丁寧さ」ではなく、「話し手と聞き手の上下関係を明確に示す手段」であることを意味している。このように、学習者が敬語を使う際には、「単語の選択」だけでなく、「話し手と聞き手の関係性」を常に意識しなければならない。この点が、日本語学習者にとって大きなコミュニケーションの壁となっている。

そのほかに、「先生、御茶をもう飲まれたんですか。」という選択肢を選んだのは 14.3%だった。これは、「飲む」の受身形「飲まれる」を使った尊敬表現で、文法的には間違いではない。しかし、

「飲まれる」という表現がやや硬く、日常会話ではあまり自然ではない受動尊敬は文脈によっては「被害のニュアンス」にも聞こえるという点で、不適切になる可能性がある。

また、「飲まれる」のような受動尊敬表現は、ビジネス文書や公式な場面では使われるものの、対面の会話では不自然になりやすい。このことから、日本語学習者にとって 文法的に正しい敬語と、実際の会話で適切な敬語の違いを理解することが難しい という課題が浮かび上がる。

今回の調査結果を踏まえると、日本語学習者が敬語を使用する際に直面する主な課題は次の3点に分類できる。「尊敬語を使えば丁寧」という誤解 → 実際には文脈が重要「召し上がる」を使えば問題ないと思っているが、実際には「～してしまったんですか」のニュアンスが失礼になることに気づいていない。敬語は上下関係を示すツールであることの理解が不十分「いただく」のような謙譲語を相手に使うのは不適切だが、「敬語＝丁寧」という認識が強すぎるため、こうした誤用が起こる。敬語の選択が適切でも、相手との関係性を誤ると失礼になる文法的に正しくても、学習者と先生の関係性を考えたときに、学習者が「召し上がってしまったんですか」と言うのは不適切であり、より自然な表現を選ぶ必要がある。

アンケート考察のまとめ

日本語の敬語とコミュニケーションのバリアは単なる文法的な形式ではなく、話し手と聞き手の関係を調整するためのツールである。今回のアンケート調査からも分かるように、学習者が敬語を使う際に直面する問題は、単に適切な語彙を選ぶことだけではない。相手との関係性をどのように表現するかが、実際のコミュニケーションにおいてより重要な課題となる。敬語は単なる言語の一部ではなく、日本の社会文化や対人関係に深く根ざした要素である。そのため、今後の日本語学習においては、敬語の形式的な使い方だけでなく、「どの場面で」「誰に対して」「どの程度の敬語を使うべきか」という、より実践的な指導が必要である。

結論

日本語におけるコミュニケーションの壁は、文化的価値観、言語的特徴、そして社会的ヒエラルキーに深く根ざした複雑な現象である。特に、敬語表現や対人関係のルールは、日本語での円滑な対話を大きく左右する要素となっている。相手に敬意を示すためには、話し手の立場に応じた適切な言葉遣いが求められる。また、日本語の文法は、敬語の階層や多くの接辞を含み、正しい表現の選択を難しくしている。さらに、日本語は高コンテクストな言語であり、多くの情報が言葉ではなく、文脈や暗示によって伝えられるため、非言語的な要素を理解できないと、誤解が生じる可能性が高い。

敬語使用の誤用は、無礼と見なされたり、逆に過度な形式性として受け取られたりするため、話し手は慎重に言葉を選ぶ必要があり、言語的な知識だけでなく、日本の文化や社会規範への深い理解が求められる。

この調査結果から、日本語学習者にとって特に難しいと感じるのは 敬語の使い方 や 間接的な表現 であり、加えて 漢字の読み書き や ネイティブの速い会話 も課題であることが明らかになった。今後、日本語教育においては、これらの問題を解決するための指導方法を工夫する必要があると考えられる。

日本語における効果的な対話を実現するには、社会文化的な適応力を高め、状況に応じた適切なコミュニケーション戦略を身につけることが不可欠である。言葉の表面的な意味を超えて、対人関係の微妙なニュアンスに気を配ることで、コミュニケーションの壁を克服し、相互理解を深めることができる。グローバル化が進む現代において、異文化適応力を養うことは、日本語を用いた円滑な意思疎通を実現するための重要な要素となる。

参考文献

1. **Grice, H. P.** (1975). *Logic and conversation*. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics: Vol. 3. Speech acts* (pp. 41–58). Academic Press.
2. Ҳақимов М. Ўзбек прагмалингвистикаси асослари. – Тошкент: Академнашр, 2013. – Б.124.;
3. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л., 1978. – С.135-136;
4. Glossika Blog. *How Japan's High Context Culture Influences Japanese*. – 2019 ([How Japan's High Context Culture Influences Japanese | The Glossika Blog](#)).
5. 小川譽子美, & 前田直子. (2003). 敬語を中心とした対人関係の表現: 待遇表現 (日本語文法演習). くろしお出版.
6. Razdorskaya N. V. *Emotional and psychological aspect of cross-cultural communication with the Japanese* // *Linguistics & Polyglot Studies*. – 2024. – Vol. 10, No.2. – P.166-181 ([\(PDF\) Emotional and psychological aspect of cross-cultural communication with the Japanese](#)).
7. Халмурзаева Н. Т. Проблема определения категории вежливости в японской лингвистике // *International Scientific Review*. – 2016. – №18(28). – С.83-84.
8. Khalmurzaeva N. T. *Способы классификации вербальных форм категории вежливости в японском языке* // *Theoretical & Applied Science*. – 2019. – №12. – P.27-33
9. Nipino. *Japan's Senpai-Kōhai Culture: Bridging Japan and the Philippines*. – 2023 ([Japan's Senpai-Kōhai Culture - Nipino.com - Bridging Japan and the Philippines Online](#)) ([Japan's Senpai-Kōhai Culture - Nipino.com - Bridging Japan and the Philippines Online](#)).
10. 萩原 喜美子, 敬語表現化の工夫に関する考察, 待遇コミュニケーション研究, 2022, 19 巻, p. 129, 公開日 2022/04/01, Online ISSN 2434-4680, Print ISSN

1348-

8481, https://doi.org/10.32252/tcg.19.0_129, https://www.jstage.jst.go.jp/article/tcg/19/0/19_129/article/-char/ja

11. 蒲谷宏・川口義一・坂本恵（1998）『敬語表現』大修館書店

XITOIY VA YAPON TILLARIDA RANGLAR SEMANTIKASI

Samida MUSTAFAYEVA

*dotsent, filologiya fanlari doktori
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti*

Annotatsiya. *Tilda rangni ifodalovchi leksika tilshunoslarning doimiy e'tiborida bo'lib kelgan. Chunki ranglar tizimi nafaqat lingvistik jihatdan, balki kognitiv, madaniy, falsafiy va psixologik jihatdan ham tadqiqot uchun ahamiyatlidir. Muayyan tilda ranglarning yuqoridagi kabi fanlar kesishuvida tadqiq etish esa bugungi kun lingvistika sohasi uchun muhim ma'lumotlarni berishi mumkin. Xitoy va Yaponiya geografik jihatdangina yaqin bo'lmay, tarixiy, madaniy aloqalarning ham uzoq o'tmishga egaligi bilan alohida e'tiborga molik. Mazkur maqola doirasida bu ikki mamlakat tillarida ranglar, ularning semantik xususiyatlarini chog'ishtirib o'rganish, ranglar tizimi orqali tillardagi leksik tizim, ularning xitoy va yapon millatlari ongi olam manzarasidagi in'ikosi masalalarini o'rganish maqsad qilindi.*

Kalit so'z va iboralar: *rang, koloronim, semantika, olam manzarasi, semantik yadro, xitoy tili, yapon tili, assotsativ ma'nolari.*

Annotation: *The lexical expression of color in language has been a constant focus of attention for linguists, as the system of colors is important not only from a linguistic perspective but also from cognitive, cultural, philosophical, and psychological aspects. Studying colors within these intersecting fields in a particular language can provide significant insights into contemporary linguistics. China and Japan, not only geographically close but also historically and culturally interconnected for centuries, are of particular interest in this regard. The aim of this article is to compare and study the color systems and their semantic characteristics in these two languages, as well as to explore how these color systems reflect the lexical structures of the languages and the worldviews of the Chinese and Japanese peoples.*

Keywords and Phrases: *color, color terms, semantics, worldview, semantic core, Chinese language, Japanese language, associative meanings.*

Ranglar semantikasi dunyo tillarida eng ko'p tadqiq etiladigan masalalardan biri sanaladi. Buning asosiy sababi aynan rangni ifodalovchi so'zlar leksikaning boshqa guruhlariga qaraganda umumiy sistem belgilarni yaqqolroq namoyon etishida bo'lib, mazkur omil lingvistikada tilning tizimlararo yoki turli tillar tizimlarini chog'ishtirishda qo'l keladi [1; 21-26]. Shu bois, ya'ni xitoy va yapon tillari leksik tizimlarini chog'ishtirish, ikki til leksik sistemasida universalisa va lingvistik unikalisa hodisalarini aniqlash maqsadida mazkur maqolani bevosita har ikki tildagi rangni ifodalovchi leksemalar va ularning semantik xususiyatini o'rganishga bag'ishladik.

Gipoteza: Janubiy-sharqiy Osiyo tillari, boshqacha ta'bir bilan aytganda sinosferaga kiruvchi tillarda, xitoy tili va madaniyatining ta'siri yozuv, ya'ni iyerogliflar vositasida bo'lib, bu grafik belgilar muayyan darajada yapon tili lug'at tarkibini boyitishga xizmat qilgan. N.I. Konrad yapon adabiy tilining takomil

bosqichlari haqida yozar ekan, shunday degan: xitoy tilining yapon tiliga ta'siri shunchalik bo'lganki, hozirgi yapon tili leksika nuqtai-nazaridan haqli ravishda "yaponcha-xitoycha" deb atalishi mumkin [2; 31]. Demak, yapon tilida rangni ifodalovchi leksika shakllanishida xitoy tilining ta'siri va bu ta'sir natijasida mazkur leksik guruh so'zlarida struktur, grafik, semantik, xususan, semantik yadrosida lingvistik universaluya hodisasi kuzatilishi kerak. Ikkinchi tomondan, yaqin davr (XIX asr oxiri-XX asr boshi) xitoy va yapon tillari aloqasi, xususan, Yaponiya ilm-fani turli jabhalariga G'arb ilmining ta'siri, Yaponiya orqali bu ta'sirning Xitoyga kirib borishi fonida til leksik sathida kechgan o'zgarishlar, ayniqsa, terminologik leksikada yapon tilining ta'siridan kelib chiqib, xitoy tilida rangni anglatuvchi leksemalarning yondosh ma'nolari, koloronimlarning so'z yasallishida ishtiroki kabi jarayonlarda yapon tilining ta'siri kutiladigan holatdir.

Asosiy tahlillar. Xitoy tilida rangni ifodalovchi leksemalar tizimi asos ranglarni ifodalovchi 白 *bái* "oq", 黑 *hēi* "qora", 红 *hóng* "qizil", 黄 *huáng* "sariq", 绿 *lǜ* "yashil", 蓝 *lán* "ko'k", 灰 *huī* "kul rang" leksemalari bir komponentli strukturaga ega, boshqa ranglar asos ranglarga 深 *shēn* "to'q" va 浅 *qiǎn* "och" leksemalarini qo'shish orqali hosil qilinadi. Hozirgi xitoy tilida ranglar asos komponentga 色 *sè* "rang" ma'nosini anglatuvchi morfema qo'shish orqali ham qo'llanadi. Aynan shu ma'nodagi koloronimlarni yapon tilida oladigan bo'lsak, 白 *shiro* "oq", 黑 *kuro* "qora", 赤 *aka* "qizil", 黄 *ki* "sariq", 绿 *midori* "yashil", 青 *ao* "ko'k", 灰色 *haiiro* "kul rang". Struktur jihatdan qaralganda bu yetti leksema sodda shaklga ega. Faqat "kulrang" ma'nosidagi so'z yapon tilida ikki komponentli bo'lib kelmoqda. Bunda birinchi komponent "kul", ikkinchi komponent esa "rang" ma'nolarini ifodalaydi. Grafik jihatdan xitoy va yapon tillarida yettitadan beshtasida mos, xitoy tilida qo'llanuvchi iyerogliflar yapon tilida ham ayni ma'nodagi koloronimni ifodalash uchun qo'llanadi. Faqat, "qizil" va "ko'k" ma'noli koloronimlarda grafik jihatdan farqlanish, aniqrog'i boshqa iyeroglifning qo'llanishi kuzatiladi. Ma'lumki, yapon tilida xitoy iyerogliflarining xitoycha va yaponcha o'qilishi mavjud. Yuqorida keltirilgan yettita koloronimdan oltitasi xitoy iyerogliflari vositasida yozilsa-da, yaponcha leksemalardir. Demak, yapon tilida asos ranglar tizimi xitoy tili ta'sirisiz, mustaqil shakllangan. Bundan mustasno faqat 灰色 *haiiro* "kul rang" leksemasi, bunda 灰 *hai* "kul" xitoycha 灰 *huī* so'zi bilan ham grafik bir xil, ham fonetik jihatdan yaqin. Ikki tilda grafik farqli, ya'ni turli iyerogliflar bilan yoziladigan koloronimlar 赤 *aka* "qizil" va 青 *ao* "ko'k" bo'lib, bu ranglar hozirgi xitoy tilida 红 *hóng* "qizil" va 蓝 *lán* "ko'k" iyerogliflari vositasida ifodalanadi. Lekin, 赤 *aka* "qizil" va 青 *ao* "ko'k" iyerogliflari qadimgi va o'rta davr xitoy tilida "qizil" va "ko'k" ma'nolarini ifodalash uchun qo'llangan. Ushbu iyerogliflarining xitoy tilida o'qilishi 赤 *chì*, 青 *qīng* tarzida bo'lib, tarixan "qizil, alvon" va "ko'k, yashil" ranglarni anglatgan. Katta xitoycha-ruscha lug'atga asosan 赤 *chì* "qizil, alvon", "bo'sh, yalang", "qirib tashlamoq, yo'q qilmoq" ma'nolarini anglatadi va mazkur morfema

ishtirokida yasalgan 138 ta leksik birlik lug‘at maqolasida keltirilgan [3; 836-838]. Mazkur morfema “qizil, alvon” ma’nosida asosan tabiatda mavjud metallar va metallar, zoonim va floronimlarni hosil qilishda qo‘llangani aniqlandi. Iyeroglifning yuqorigi bo‘lagida 土 *tǔ* “tuproq” kalitining joylashishi uning tabiatdagi ma’danlar bilan bog‘liq shakllanganiga ishora qiladi. Xitoy tarixida “赤壁之战” *Chìbì zhīzhàn* “Qizil qoya jangi” nomi bilan qolgan jang⁸ geografik hudud, bugungi kunda ham Hubei provinsiyasidagi tuman nomini anglatuvchi toponim sifatida qo‘llanadi.

青 *qīng* iyeroglifiga leksikografik manbalarda quyidagicha ta’rif beriladi: 1. Quyuq, chuqur, boy (asosan rang haqida, bahor va sharq tushunchalariga bog‘lanadi); to‘q havo rang, och ko‘k, och yashil; ko‘karish, yashil tus olish. 2. Bahoriy, yosh, navqiron. 3. arxaizm sifatida sokin, tinch. 4. e’tiborli, hassos va b. bundan tashqari mazkur koloronim o‘zak morfema sifatida 195 ta leksik birlikni hosil qilgani lug‘at maqolasi asosida aniqlandi [4; 198-201]. 青 *qīng* morfemasi ishtirokida yasalgan leksik birliklar o‘simliklar, hayvonlar va joy nomlarini ifodalaydi. Uning assotsiativ ma’nosiga aloqador shakllangan 青年 *qīngnián* “yoshlar”, 青春 *qīngchūn* “umr bahori” kabi lisoniy birliklar bugungi kunda xitoy tili badiiy va publitsistik diskurslarida faol muomalada.

Umuman, xitoy tilida koloronimlar so‘z yasilishida faol qo‘llanadi. Bu turdagi leksemalarni so‘z yasash funksiyasi yuqoridagi ikki koloronimning lug‘at maqolasi asosidagi statistik tahlilida ham ko‘rindi. Qolaversa, xitoycha rangni ifodalovchi leksemalar hozirgi xitoy tilida ham so‘z yasalishidagi faollikni yo‘qotmagan. Masalan, 绿色食品 *lǜsèshípǐn* “yashil rangdagi oziq-ovqat mahsuloti”, “白色污染” *báisè wūrǎn* “oq rangdagi chiqindilar (oq ifloslanish)” kabi lisoniy birliklarda “yashil”, “oq” koloronimlari assotsiativ ma’nolarida qo‘llanib, birinchisida ekologik toza mahsulotni anglatga, ikkinchisida plastik chiqindilar sabab ifloslanish ma’nosini ifodalash uchun qo‘llanadi. Ayni til birliklarini yapon tilida ko‘rsak, 绿色食品 *lǜsèshípǐn* グリーンフード ya’ni inglizcha “green food”, 白い污染 *shiroi osen* kabi so‘zma-so‘z tarjima chiqsada, biroq tilda ularning オーガニック食品 *Ōganikku shokuhin* “organik mahsulot” va プラスチック汚染 *Purasuchikku osen* “plastik chiqindilar” shaklida, ya’ni inglizcha + yaponcha gubrid birikmalar shaklida qo‘llanishi aniqlandi.

Sodda strukturaga ega koloronimlar orasida ham inglizcha o‘zlashmalar yapon tilida qo‘llanadi. Pinku “pushti”, orenji “olov rang”, gu ree “kul rang”, buraun “jigar rang”, kaaki “xaki”, beeju “bej”, kuriimuiro “qaymoq rang”, emerarudo “zumrad”, guriin “yashil” bu inglizcha o‘zlashmalar qo‘llanish chastotasi yuqorida keltirilgan yaponcha so‘zlardan kam emas [1; 23].

⁸ 208-209 yy. Uch shohlik davrida yuz bergan mazkur hal qiluvchi ahamiyatga ega bo‘lgan jang Xitoy tarixida muhim tarixiy voqea sifatida qolgan.

Xitoy va Yapon tillarida ranglarning semantikasi o'ziga xos xususiyatlarga ega. Bu tillarda ranglarning ifodalanishi va tasnifi madaniyatning o'ziga xosligini, estetik va falsafiy qarashlarni ko'rsatadi.

1. Xitoy tilida ranglar semantikasi:

Xitoy tili, ayniqsa, uning an'anaviy madaniyatida ranglar va ranglarning ifodalanishi bilan bog'liq juda ko'p ma'nolarni o'z ichiga oladi. Ranglar nafaqat fiziologik idrokni, balki ruhiy holatlarni, falsafiy tushunchalarni va hatto axloqiy qadriyatlarni ifodalaydi.

Qizil (红 - hóng):

Xitoyda qizil rang juda muhim va ommaviy ravishda baxt, muvaffaqiyat va quvonchning ramzi hisoblanadi. Bu rang Yangi yil bayramlarida, nikoh marosimlarida va boshqa ijtimoiy tadbirlarda keng qo'llaniladi. Qizil Xitoy madaniyatida jangchilik va mustahkamlikni ifodalovchi rang sifatida ham tasvirlanadi. Bu rangning tarixi qadimiy Xitoydagi imperatorlar tomonidan ishlatilgan "qizil rang" bilan ham bog'liq bo'lib, u hukumatning kuchini va buyukligini ifodalagan.

Oq (白 - bái):

Oq rang Xitoyda o'lim, motam va qayg'u bilan bog'liq bo'lib, bu rangni motam kiyimlari sifatida ko'rsatiladi. Shuning uchun oq rang xitoy madaniyatida ba'zi noxushliklar va qayg'ularni ifodalovchi rang sifatida qaraladi.

Sariq (黄 - huáng):

Sariq rang Xitoyda qadrlangan ranglardan biridir. U imperatorlikning rangidir va xitoy tarixida eng oliy darajadagi hukmdorlar, ya'ni imperatorlar tomonidan ishlatilgan. Bu rang insoniyatning markaziga, sabr-toqatga va ma'naviy boylikka ham ishora qiladi.

Yashil (绿 - lǜ):

Yashil rang tabiat bilan bog'liq, Xitoyda esa u hayot, o'sish va barqarorlik ramzi sifatida qabul qilinadi. Ammo ba'zida yashil rangni "xavf" yoki "yashirin niyat" bilan ham bog'lash mumkin.

Ko'k (蓝 - lán):

Ko'k rang Xitoyda salomatlik, tinchlik va uzoqlik bilan bog'lanadi. U ko'pincha osmon va dengizni ifodalovchi rang sifatida ishlatiladi.

2. Yapon tilida ranglar semantikasi:

Yapon tilida ranglar ko'plab an'anaviy va zamonaviy ma'nolarni o'z ichiga oladi. Yaponlar ranglarni faqat estetika yoki tashqi ko'rinish nuqtai nazaridan emas, balki tabiiy dunyo va falsafiy qarashlar bilan bog'liq holda tasniflaydi.

Qizil (赤 - aka):

Yapon tilida qizil rang xitoy bilan o'xshash tarzda baxt, sevgi va quvonchni anglatadi. Biroq, Yapon madaniyatida qizil rang ko'pincha "muhabbat" va "hayot" bilan bog'lanadi, ayniqsa "qizil" va "oq" ranglar jamlanganda bu ma'no kuchayadi. Yaponiyada qizil rang ko'pincha yangi yil yoki nikoh marosimlarida ishlatiladi.

Oq (白 - shiro):

Oq rang Yaponiyada tozalik, poklik va tinchlik bilan bog'liq. Shuningdek, o'lim va motam bilan bog'liq bo'lib, Yaponiyada o'limni ifodalovchi ranglardan biridir. "Oq" rangi ko'pincha diniy marosimlar va tabiatni tasvirlashda ishlatiladi.

Sariq (黄 - ki):

Yaponiyada sariq rang ba'zan "xushbichimlik" va "quvonch"ni anglatadi, lekin ba'zi hollarda u "hiyla" va "xavf" bilan ham bog'liq bo'lishi mumkin. Yaponlarning ranglar haqidagi tasavvurlari vaqt o'tishi bilan o'zgargan.

Yashil (緑 - midori):

Yashil rang Yaponiyada tabiat va o'sishni anglatadi. Shuningdek, u bahor, yangi boshlanishlar va ijobiy energiya bilan bog'liqdir. Yaponiyada yashil rang tabiat va o'simliklar bilan bevosita aloqador bo'lib, xalqning tabiiy dunyo bilan bog'liqligini ko'rsatadi.

Ko'k (青 - ao):

Ko'k rang Yaponiyada keng tarqalgan ranglardan biri bo'lib, u tinchlik va osoyishtalikni anglatadi. Yaponlarda "ao" so'zi nafaqat ko'k, balki ba'zi hollarda yashil rangni ham ifodalaydi. Bu rangni do'stlik va qo'llab-quvvatlash bilan bog'lashadi.

Xitoy va yapon tillarida ranglar semantikasida o'xshash jihatlar bilan bir qatorda ayrim tafovutlar ham kuzatiladi.

- **Sariq rang:** Xitoyda sariq rang imperatorlik va kuch ramzi bo'lsa, Yaponiyada u ba'zan "xavf" va "xushbichimlik" bilan bog'liq. Bu ranglarning semantikasi madaniyatlar o'rtasida sezilarli farq qiladi.

- **Oq rang:** Xitoyda oq rang qayg'u va motam bilan bog'liq bo'lsa, Yaponiyada esa u tozalik va poklikni ifodalaydi.

- **Yashil rang:** Xitoyda yashil rang hayot va barqarorlik ramzi sifatida qo'llansa, Yaponiyada esa yashil rang tabiat va o'sishni anglatadi.

- **Ko'k rang:** Xitoyda ko'k rang tinchlik va salomatlik bilan bog'lanadi, Yaponiyada esa u ko'pincha do'stlik va qo'llab-quvvatlashni ifodalash uchun ishlatiladi.

Xitoy va yapon tillarida ranglarning semantikasi bir qator o'xshashliklarga va farqlarga ega. Har ikki madaniyatda ranglar nafaqat estetik, balki falsafiy va madaniy qadriyatlarni, hissiyotlarni, va dunyoqarashni ifodalaydi. Ranglarning semantikasi tilda qanday ishlatilishi, ijtimoiy kontekstda qanday talqin qilinishi va tarixiy madaniyatga qanday bog'lanishi muhim ahamiyatga ega. Bu madaniyatlarda ranglarning o'ziga xos o'rni bor, ular jamiyatning falsafiy va axloqiy tushunchalarini aks ettiradi.

Xitoy tilida ranglar tizimi asos ranglardan iborat bo'lib, qolgan ranglar ularga "to'q" yoki "och" ma'nosidagi so'zni qo'shish orqali hosil qilinadi. Yapon tilida esa, asos ranglar va nisbatan kam qo'llanuvchi ranglarni atash uchun alohida leksemalar mavjud. Grafik jihatdan yapon tilidagi asl yaponcha koloronimlar xitoy iyerogliflari vositasida yoziladi. Shuningdek, yapon tilida yaponcha koloronimlar bilan bir qatorda inglizcha o'zlashmalardan ham keng

qo‘llanadi va ular yozuvda katakana alifbosida yoziladi. Xitoy asos ranglar tizimida esa, o‘zlashmalar aniqlanmadi.

Xitoy tili so‘z yasashida koloronimlar yapon tilidagidan ancha faol qo‘llanishi aniqlandi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati:

1. Алпатов В.М. Семантика цвета в японском языке // Слово и язык : сб. ст. к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, Ин-т проблем передачи информ. им. А. А. Харкевича. - М. : Яз. славян. культур, 2011. - С. 21-26.
2. Конрад Н.И. Синтаксис японского национального литературного языка. -М., 1937.
3. Под.ред. И.М. Ошанина. Большой китайско-русский словарь (БКРС). Т.4. -М., 1984.
4. Под.ред. И.М. Ошанина. Большой китайско-русский словарь (БКРС). Т.3. -М., 1984.
5. Berlin, Kay 1969 — Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles, 1969.

ВОЗВРАЩАЮЩИЕСЯ МУЖЬЯ, ОЖИДАЮЩИЕ ЖЁНЫ: СКАЗАНИЕ О ЮРИВАКЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ТИБЕТЕ И КОРЕЕ

Сауда ХАЛМИРЗАЕВА

岡山大学グローバル人材育成院 准教授

Abstract. *The hero who leaves his land to fight an enemy returns home after years of seclusion, only to find his family being harassed by traitors. The hero's appearance has changed beyond recognition, which is why no one, not even his loyal servant, can identify him. For a time, the hero observes what has occurred during his absence, finally revealing his identity by stringing his distinctive bow, punishing the traitors, and reuniting with his family. This famous story about the return of Odysseus is widely known around the world. However, motifs such as "the hero returns on the day of his wife's wedding," "the hero returns home in disguise," or "the hero strings his distinctive bow" are not unique to the Odyssey. Dozens of tales with a similar combination of motifs have been collected from different parts of the world. They are grouped into a tale-type known as "The Homecoming Husband" (ATU 974). Thorough comparative research on these tales' historical and cultural backgrounds suggests that regional variants found across Asia—such as the Central Asian Alpamish, the Japanese story about Yuriwaka, and other similar narratives—could have evolved from a common source: an older Asian tale about a returning husband.*

This paper is part of broader research on the tale-type "The Homecoming Husband." It introduces stories representing this tale-type in Asia—The Epic of King Gesar (Tibet, Mongolia) and The Song of Chunhyang (Korea)—which have been overlooked in Yuriwaka-related research but could be the missing links offering clues about the route of transmission of the returning husband story from the continent to Japan.

Keywords: "Returning Husband," epic, motif, "Odyssey," "Alpamish," Yuriwaka tale, "Gesar," "Chunhyang-jeon," myth.

Аннотация. Сюжет о возвращении мужа, известный как сказочный сюжет №974 «Возвращение мужа» или «Муж на свадьбе жены» (идентифицированный по индексу Аарне–Томпсона–Утера), уже долгое время привлекает внимание учёных со всего мира. Он может быть кратко изложен следующим образом: герой, вынужденный покинуть дом, возвращается переодетым (в изменённом облике) после долгого отсутствия. Он натягивает лук, с которым не справляется ни один из соперников, и наказывает претендентов, пытавшихся добиться руки его жены. Этот сюжет находит своё отражение в литературе и фольклоре различных народов. Одним из самых известных и ранних письменных примеров является «Одиссея», датированная VIII веком до нашей эры, автором которой считается древнегреческий поэт Гомер. Сравнительные исследования, посвящённые историко-культурному контексту региональных

версий произведений о возвращении мужа, позволяют предположить, что региональные варианты, распространённые по всей Азии — такие как центральноазиатский «Алпамыш», японское сказание о Юриваке и другие близкие по структуре повествования — могли произойти от общего источника: древнего азиатского сказания о возвращающемся муже.

Данная статья является частью более широкого исследования сюжетного типа «Возвращение мужа». В ней рассматриваются два азиатских произведения, соответствующие этому типу: тибетско-монгольский эпос о Гесере и корейское произведения «Чхунхян-джон», которые ранее не включались в исследования, посвящённые сказанию о Юриваке в Японии, но потенциально могут служить недостающими звеньями в изучении пути трансформации и передачи мотива возвращающегося мужа с материка в Японию.

Ключевые слова: «Возвращение мужа», эпос, сюжет, «Одиссея», «Алпамыш», сказание о Юриваке, «Гесер», «Чхунхян-джон», миф

Сюжет о возвращении мужа, известный как сказочный сюжет №974 «Возвращение мужа» или «Муж на свадьбе жены» (идентифицированный по индексу Аарне–Томпсона–Утера), уже долгое время привлекает внимание учёных со всего мира. Он может быть кратко изложен так: герой, вынужденный покинуть дом, возвращается переодетым (в изменённом облике) после долгого отсутствия. Он натягивает лук, с которым не справляется ни один из соперников, и наказывает претендентов, пытавшихся добиться руки его жены. Этот сюжет находит своё отражение в литературе и фольклоре различных народов. Одним из самых известных и ранних письменных примеров является «Одиссея», датируемая VIII веком до нашей эры, автором которой считается древнегреческий поэт Гомер.

Сюжет «Возвращение мужа» стал объектом тщательного изучения и обсуждения учёных разных стран. Исследователи анализировали его значение и первичный смысл, проводили параллели с мифами о боге растительности (Альберт Лорд, Каспар Шнорф), исследовали структуру и функции отдельных мотивов (Патрисия Арант, Уильям Хансен, Джонатан Рэди, Джозеф Руссо), а также изучали происхождение и взаимосвязи между различными вариантами (Джеймс Араки, Сабир Бадалхан, Виктор Жирмунский, Такэо Канасэки, Карл Райкл, Иван Созонович, Иван Толстой, Акира Фукуда). Исследования автора данной статьи, позволили сделать значимые выводы о процессе эволюции сюжетной линии «Возвращение мужа», в фокусе внимания развития его региональных версий — от Типа А («Одиссея») до Типа С. Тип С — это древнее сказание, возникшее на территории материковой Азии и основанное на «Одиссее». Предположительно, впоследствии оно стало основой для эпоса «Алпамыш» и других азиатских произведений с аналогичной структурой.⁹

⁹ ハルミルザエヴァ・サイダ. (2014). 「『アルポミシュ』と「百合若大臣」-影響関係をめぐると一試論-」 『法政大学国際交流基金による招聘研究紀要』, 16. ; Khalmirzaeva, S. (2016). A

Сходство японского сказания о Юриваке и центральноазиатского эпоса «Алпамыш» было замечено японскими учёными ещё несколько десятилетий назад. Тем не менее, глубокие сравнительные исследования, направленные на выявление связей между эпосом континентального происхождения и японским сказанием, долгое время не проводились. Это можно объяснить недостатком информации на японском языке и ограниченной доступностью источников о континентальных сказаниях и их культурно-историческом контексте в целом.

Несмотря на то, что вопросы о возможном континентальном происхождении японского сказания о Юриваке уже давно активно обсуждаются в научных кругах, связь между ним и «Алпамышем» подвергалась сомнению. Одним из основных аргументов японских исследователей, ставящих под вопрос существование связи между «Алпамышем» и японским сказанием, являлось отсутствие преданий, которые могли бы показать тематическое и композиционное сходство со сказанием о Юриваке и эпосом «Алпамыш» на территориях между Японией и Средней Азией — в частности, в Китае и Корее. Исследователи не могли обнаружить промежуточное звено, объясняющее цепочку передачи сюжета. Это обстоятельство долгое время служило основанием для скептицизма в научных кругах и воспринималось как препятствие для признания гипотезы о трансрегиональном распространении сюжета древнего сказания, лёгшего в основу современного «Алпамыша».

Однако, в последние годы автором были выявлены потенциальные промежуточные варианты, встречающиеся в Монголии, Бурятии, Тибете, а также в нескольких регионах современного Китая (включая провинции Цинхай, Ганьсу и Юньнань), а также в Корее. Результаты этих наблюдений уже были представлены японскому и международному научному сообществу на конференциях и опубликованы в академических изданиях.¹⁰

comparative study of storytelling traditions of Central Asia and Japan (Doctoral dissertation). Institute of International Japanese Studies, Hosei University. ; ハルミルザエヴァ・サイダ. (2014). 「『アルポミシュ』の起源に関する新仮説」『「人・もの・知の往来-国際比較日本文化研究の可能性を探る-」シルクロード国際研究フォーラム報告書』; ; ハルミルザエヴァ・サイダ. (2015). 「『アルポミシュ』と幸若舞曲『百合若大臣』-影響関係をめぐる一試論-」『国際日本学』, 12. ; ハルミルザエヴァ・サイダ. (2017). 「話型〈帰還した夫〉の成立と伝播-『オデュッセイア』から『百合若大臣』まで」『軍記と語り物』, 53. ; Халмирзаева, С. (2022). Сюжет о возвращении мужа – к вопросу о происхождении «японского Алпамыша». *Сборник трудов Международного форума японоведения*, 2 (спецвыпуск 22), 214–221.

¹⁰ ハルミルザエヴァ・サイダ. (2020). 「アジア大陸の〈帰還した夫〉『ゲセル』と『アルポミシュ』をめぐって」『国際日本学』, 17. ; Khalmirzaeva, S. (2023). Narrative development across cultural and historical contexts: A case study of the Asian versions of the Homecoming Husband". *Global Perspectives on Japan*, (6). ; ハルミルザエヴァ・サイダ. (2024). 「アジア大陸における百合若大臣 – 〈帰還した夫〉の成立と歴史的展開を巡って」『説話・伝承学』, 32.

В следующих разделах будут рассмотрены произведения, подтверждающие существование сюжета о «вернувшемся муже» на промежуточных территориях между Средней Азией и Японией.

1. Тибето-монгольский вариант сюжета о «возвращении мужа»: Эпос «Гесер»

«Гесер» — один из наиболее значимых эпосов азиатского континента, являющийся общим культурным наследием таких народов, как тибетцы, монголы, буряты, жители Внутренней Монголии и Ладакха. Эпос бытует на территории, охватывающей обширный регион. На юго-западе — Тибетский автономный район Китая, части провинций Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, а также Бутан, Ладакх, Сикким, север Пакистана, северо-запад Индии и Непал. На северо-востоке — Внутреннюю Монголию, Монголию, Маньчжурию, Сибирь. На северо-западе — регионы, населённые уйгурами и ойратами.

Эпос передавался среди тибетских, тибето-бирманских, монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов и был зафиксирован на ряде языков: тибетском, монгольском, бурятском, калмыцком, лепча, балти и буршаски. «Гесер» существует и в письменной форме (в виде свитков и рукописей), и в устной традиции, и до сих пор продолжает бытовать, как одно из немногих живых эпических произведений, передаваемых устно.¹¹

Несмотря на устоявшееся представление о тибетском происхождении эпоса, его первоначальная форма и процессы формирования языковых версий вызывают активные споры. С течением времени, версии «Гесера» подверглись значительным изменениям, что делает невозможной точную реконструкцию первоисточника. Однако исследования в этом направлении продолжаются.

Одна из древнейших частей эпоса — «Война с царями Шарайгол (Хорскими)» — содержит ряд ключевых мотивов, характерных для произведений о «возвращении мужа»:

- принуждение жены героя к браку или её похищение во время отсутствия супруга;
- герой получает весточку от жены или её родственников;
- возвращение героя после длительного отсутствия;
- изменение облика героя;
- соревнование в стрельбе из лука.

¹¹ Stein, R. (1959). *Recherches sur l'épopée et le Barde au Tibet*. Paris: Presses Universitaires de France. ; Herrmann, S. (1990). The life and history of the epic King Gesar in Ladakh. In L. Honko (Ed.), *Religion, myth, and folklore in the world's epics: The Kalevala and its predecessors*. Berlin: Mouton de Gruyter. ; Harvilahti, L. (1996). Epos and national identity: Transformations and incarnations. *Oral Tradition*, 11(1).

Эти элементы встречаются во многих языковых версиях «Гесера» и составляют основу сюжетной структуры произведения.¹² Помимо этого, в эпосе можно выделить и другие характерные мотивы: зелье, ставшее причиной заточения героя в чужой земле; «летающий объект», с помощью которого он узнаёт о свадьбе жены; а также освобождение, совершённое при содействии верного коня. Интересный факт — аналогичные мотивы прослеживаются и в эпосе «Алпамыш», распространённом в Центральной Азии. Учитывая наличие культурного обмена между регионами распространения этих произведений, можно предположить существование потенциальной связи между ними.¹³

2. Корейский вариант сюжета о «возвращении мужа»: «Чхунхян-джон»

В исследованиях, посвящённых сказанию о Юриваке, уже упоминались «Предание о Нектаре Бессмертия» и такие литературные произведения как «Сончжонбон хэ», «Чжоксон ичжон», «Юкмидонги», «Ким Тхэчжа чжон» и некоторые другие. Наибольшее сходство со сказанием о Юриваке демонстрирует «Сончжонбон хэ».¹⁴ Однако в этом произведении отсутствует ключевой элемент сюжета «возвращения мужа» — а именно, принуждение жены главного героя к браку (отношениям) во время его отсутствия. Этот мотив отчётливо выражен в «Чхунхян-джон» — одном из самых известных произведений корейской литературы. Произведение представлено в различных формах: повествовательные песни пансори, романы, песни, драмы, оперы и кинофильмы. Но, несмотря на широкую популярность, оно не привлекло внимания японских исследователей и ранее не рассматривалось в контексте его возможной связи с японским сказанием о Юриваке.

Происхождение «Чхунхян-джон» остаётся предметом дискуссий. Принято считать, что оно сформировалось в поздний период династии Чосон (XVII–XIX вв.). Существует несколько теорий о соотношении устных и письменных версий. Согласно одной, история возникла из рассказов о

¹² Roerich, G. (2013). *Skazanie o Tsare Kesare Lingskom. Kultura i Vremya*, 3. Moscow: International Center of the Roerichs. (Original work published 1942; translated by V. S. Dalikova-Parfionovich). ; Дамдинсурэн, Ц. (1957). *Исторические корни Гесериады*. Москва: АН СССР.

¹³ ハルミルザエヴァ・サイダ. (2020). 「アジア大陸の〈帰還した夫〉『ゲセル』と『アルポミシュ』をめぐって」『国際日本学』, 17. — Подробный анализ монгольской, тибетской и бурятской версий эпоса «Гесер», а также их сопоставление с центральноазиатским эпосом «Алпамыш» представлен в данной публикации.

¹⁴ 金贊會. (2002). 「伝承説話からみる日本と韓国のかかわり—百合若説話を中心に—」『ポリグロシア』, 5. ; 金贊會. (2011). 「百合若大臣伝説と韓国の民間伝承」『古代朝鮮文化を考える』, 26. ; 金贊會. (2015a). 「韓国の『百合若大臣』—成造本解をめぐって—」『鷹と鍛冶の文化を拓く 百合若大臣』. 東京: 三弥井書店. ; 金贊會. (2015b). 「韓国の鷹と鍛冶」In 三弥井書店 (Ed.), 『鷹と鍛冶の文化を拓く 百合若大臣』. 東京: 三弥井書店.

добродетельных женщинах и тайных инспекторах, получила форму пансори, а затем была адаптирована как роман. Другая теория утверждает обратное. Роман был первичен и позднее положен в основу пансори «Чхунхян-га». Известно более 100 вариантов этой истории, что затрудняет реконструкцию её эволюции.¹⁵

Краткое изложение сюжета:

Сын намвонского чиновника, Ли Моннё, во время прогулки встречается Чхунхян — дочь кисэн. Молодые влюбляются и обручаются. Однако вскоре отец Моннё завершает службу, и семья уезжает из Намвона. После их отъезда новый чиновник Пён, очарованный красотой Чхунхян, пытается сделать её своей наложницей. Получив отказ, он заключает её в тюрьму и приказывает казнить в день своего рождения. Тем временем, Ли Моннё успешно сдаёт государственный экзамен в столице и получает назначение в качестве тайного инспектора (амхен-оса). Под видом нищего, он отправляется в Намвон. По дороге он встречается юношу с письмом от Чхунхян и узнаёт о её заключении. Моннё проникает в тюрьму, Чхунхян не узнаёт его, но он бросает ей кольцо, как знак. Позднее, на празднике в честь дня рождения Пёна, он инкогнито участвует в поэтическом состязании. Присутствующие вскоре понимают, что перед ними — не нищий, а тайный инспектор. Ли Моннё наказывает злодея, освобождает Чхунхян, и после трёх лет разлуки влюблённые воссоединяются.

Как видно из сюжета, в «Чхунхян-джон» прослеживаются ключевые мотивы, характерные для произведений о «возвращении мужа»:

- принуждение жены героя к браку или её похищение во время отсутствия супруга;
- герой получает весточку от жены или её родственников;
- возвращение героя после длительного отсутствия;
- изменение облика героя;
- соревнование.

Однако в «Чхунхян-джон» они приобретают более осмысленный и реалистичный характер. Так, изменение облика героя связано не с чудесным превращением, а с преднамеренным переодеванием, обусловленным его статусом тайного инспектора. Таким образом, архаический мотив получает логически обоснованную интерпретацию. Аналогичным образом переосмыслен и мотив передачи послания. В других версиях сюжета, к примеру, в эпосах «Алпамыш» и «Гесер», а также в сказании о Юриваке, роль посредника выполняют гусь, ворон, сокол или пущенная стрела. В «Чхунхян-джон» эту функцию выполняет молодой человек, бывший слуга

¹⁵ 許南麒 (訳). (1956). 『春香伝』. 東京: 岩波文庫.; 全相昱. (2021). 「坊刻本『春香伝』の発生とその変貌について」『書物・印刷・本屋: 日中韓をめぐる本の文化史』. 東京: 勉誠社.; 大谷森繁. (2003年8月). 「『春香伝』の世界—「パンソリ」から小説へ」『韓国文化』.; 薛盛璟. (2002). 『春香伝の世界その通時的研究』. 東京: 法政大学出版局.

героя, что отражает реалистическую адаптацию мотива. Наконец, один из самых устойчивых элементов — испытание силы — также подвергся трансформации. В «Одиссее», «Алпамыше», «Гесере» и сказании о Юриваке, он реализуется через соревнование в стрельбе из лука. В «Чхунхян-джон» этот мотив заменяется поэтическим состязанием. Это можно рассматривать, как пример, рационального переосмысления архаического элемента в контексте культурных реалий поздней Чосонской Кореи. В архаических обществах умение владеть луком ассоциировалось с выживанием и защитой семьи, поэтому этот навык был важным критерием при выборе супруга. Благодаря этому сцена стрельбы из лука в мифах и эпосах служит доказательством доблести героя и его права на брак с самой прекрасной женщиной. Однако в эпоху, когда формировался дошедший до наших дней «Чхунхян-джон», культурные приоритеты, очевидно, изменились. Для знати важнее стало искусство слова. Соответственно, испытание трансформировалось в поэтическое состязание, отражающее ценности нового периода.

В рамках данного исследования были проанализированы ключевые сюжетные элементы «Чхунхян-джон» — произведения, ранее не учитывавшегося в работах, посвящённых сказанию о Юриваке. Очевидно, что дошедшие до наших дней более поздние версии «Чхунхян-джон» содержат частично рационализированные мотивы. Эти мотивы являются общими с эпосами «Гесер» и «Алпамыш», а также с японским сказанием о Юриваке. Это позволяет рассматривать «Чхунхян-джон» в качестве важного промежуточного звена в возможной трансазиатской передаче и адаптации сюжета о «вернувшемся муже».

Заключение

В фольклористике существуют две основные теории, объясняющие схожесть сюжетов (сказок, преданий, легенд). Первая, теория универсального происхождения. Вторая, теория заимствования или передачи сюжетов. Наряду с ними, существует и третья точка зрения, согласно которой единого объяснения не существует. В одних случаях возможно спонтанное и независимое возникновение сюжета. В других, его передача от одного народа к другому. Так, в своей «Исторической поэтике» Александр Веселовский подчёркивал, что при рассмотрении схожих произведений, изучении вопроса об их происхождении и взаимосвязи, необходимо чётко различать такие понятия, как мотив и сюжет (то есть композицию произведения, составленную из ряда мотивов в определённой последовательности). Он подчёркивал необходимость индивидуального анализа каждого сюжетного комплекса.¹⁶ Особое внимание при этом следует уделять возможностям миграции сюжета, в особенности в тех регионах, которые исторически были связаны с такими культурными явлениями, как

¹⁶ Веселовский, А. Н. (1940). *Историческая поэтика*. Ленинград: Гослитиздат.

буддизм, конфуцианство или ислам. Эти культурные системы способствовали не только религиозной интеграции, но и активному межэтническому и межрегиональному обмену, включая распространение фольклорных сюжетов, литературных мотивов и эпических традиций. В подобных условиях сложные сюжеты с устойчивой структурой и ярко выраженными мотивами могли легко переходить от одной культуры к другой, адаптируясь к местным условиям, но при этом сохраняя основную композиционную рамку и ключевые элементы.

Эпосы «Алпамыш», «Гесер» и «Чхунхян-джон» можно назвать настоящими фольклорными «хитами», любимыми народами Азии. Их распространение происходило в регионах с активными миграциями и межкультурным взаимодействием, что, несомненно, отразилось на устной и письменной традиции народов Азии. Не исключено, что региональные варианты произведений о «возвращении мужа» возникли как результат миграций и межкультурных связей. Вследствие этого при изучении их происхождения необходимо выходить за рамки отдельных языков и регионов, используя междисциплинарные подходы. Сегодня трудно однозначно определить, каким именно путём и в какой форме древний континентальный сюжет, положенный в основу современного «Алпамыша», мог достичь Японии. Вероятнее всего, передача происходила через устную сказительскую традицию, связанную с буддизмом, а не через письменные источники. Древнее предание могло переходить «из уст в уста» в виде устойчивой структуры — сюжета, сложенного из ряда мотивов в определённой последовательности.

Безусловно, дальнейшее сравнительное исследование эпосов «Алпамыш», «Гесер», «Чхунхян-джон», сказания о Юриваке, а также сбор и анализ материалов по этой теме в азиатском пространстве позволит восполнить пробелы в изучении фольклора, обогатить общие теории народных традиций и углубить понимание истории культурных связей и межэтнического взаимодействия в Азии.

Список использованной литературы:

1. Веселовский, А. Н. (1940). *Историческая поэтика*. Ленинград: Гослитиздат.
2. Дамдинсурэн, Ц. (1957). *Исторические корни Гесериады*. Москва: АН СССР.
3. Harvilahti, L. (1996). Epos and national identity: Transformations and incarnations. *Oral Tradition*, 11(1).
4. Herrmann, S. (1990). The life and history of the epic King Gesar in Ladakh. In L. Honko (Ed.), *Religion, myth, and folklore in the world's epics: The Kalevala and its predecessors*. Berlin: Mouton de Gruyter.
5. Khalmirzaeva, S. (2016). *A comparative study of storytelling traditions of Central Asia and Japan* (Doctoral dissertation). Institute of International Japanese Studies, Hosei University.

6. Khalmirzaeva, S. (2023). Narrative development across cultural and historical contexts: A case study of the Asian versions of the Homecoming Husband. *Global Perspectives on Japan*, (6).
7. Roerich, G. (2013). Skazanie o Tsare Kesare Lingskom. *Kultura i Vremya*, 3. Moscow: International Center of the Roerichs. (Original work published 1942; translated by V. S. Dalikova-Parfionovich).
8. Stein, R. (1959). *Recherches sur l'épopée et le Barde au Tibet*. Paris: Presses Universitaires de France.
9. Халмирзаева, С. (2022). Сюжет о возвращении мужа – к вопросу о происхождении «японского Алпамыша». *Сборник трудов Международного форума японоведения*, 2 (спецвыпуск 22), 214–221.
10. 金賛會 (2002). 「伝承説話からみる日本と韓国のかかわり—百合若説話を中心に—」『ポリグロシア』, 5.
11. 金賛會 (2011). 「百合若大臣伝説と韓国の民間伝承」『古代朝鮮文化を考える』, 26.
12. 金賛會 (2015a). 「韓国の『百合若大臣』—成造本解をめぐって—」『鷹と鍛冶の文化を拓く 百合若大臣』. 東京: 三弥井書店.
13. 金賛會 (2015b). 「韓国の鷹と鍛冶」In 三弥井書店 (Ed.), 『鷹と鍛冶の文化を拓く 百合若大臣』. 東京: 三弥井書店.
14. ハルミルザエヴァ・サイダ (2014a). 「『アルポミシュ』と「百合若大臣」—影響関係をめぐる一試論—」『法政大学国際交流基金による招聘研究紀要』, 16.
15. ハルミルザエヴァ・サイダ (2014b). 「『アルポミシュ』の起源に関する新仮説」『「人・もの・知の往来—国際比較日本文化研究の可能性を探る—」シルクロード国際研究フォーラム報告書』.
16. ハルミルザエヴァ・サイダ (2015). 「『アルポミシュ』と幸若舞曲『百合若大臣』—影響関係をめぐる一試論—」『国際日本学』, 12.
17. ハルミルザエヴァ・サイダ (2017). 「話型〈帰還した夫〉の成立と伝播—『オデュッセイア』から『百合若大臣』まで」『軍記と語り物』, 53.
18. ハルミルザエヴァ・サイダ (2020). 「アジア大陸の〈帰還した夫〉『ゲセル』と『アルポミシュ』をめぐって」『国際日本学』, 17.
19. ハルミルザエヴァ・サイダ (2024). 「アジア大陸における百合若大臣—〈帰還した夫〉の成立と歴史的展開を巡って」『説話・伝承学』, 32.
20. 大谷森繁 (2003 年 8 月). 「『春香伝』の世界—「パンソリ」から小説へ」『韓国文化』.
21. 全相昱 (2021). 「坊刻本『春香伝』の発生とその変貌について」『書物・印刷・本屋：日中韓をめぐる本の文化史』. 東京: 勉誠社.
22. 許南麒 (訳) (1956). 『春香伝』. 東京: 岩波文庫.
23. 薛盛璟 (2002). 『春香伝の世界その通時的研究』. 東京: 法政大学出版局.

依頼行動の日本語とトルクメン語の対照研究 —教育場面における発話パターンの比較—

Esenmyrat DADAYEV,

筑波大学大学院 人文社会ビジネス科学研究院
人文社会科学研究群 国際日本研究学位プログラム
博士前期課程

Abstract. *This study explores the cultural differences in requesting behavior between Japanese and Turkmen languages, focusing on the challenges faced by Turkmen learners of Japanese. Requests are essential in communication, varying based on relationships, age, and the burden of the request. While previous research has examined Japanese request expressions, detailed analysis of differences between native Japanese speakers and learners from different linguistic backgrounds is lacking. The study highlights the rapid growth of Japanese language education in Turkmenistan, with learners increasing from around 50 in 2015 to approximately 13,000 in 2023. This growth necessitates effective teaching methods that consider cultural differences in request expressions. The research aims to identify differences in the frequency and order of speech elements in requests, understand the cultural background influencing these differences, and analyze the interlanguage characteristics of Turkmen learners of Japanese. Using a free-response questionnaire, the study finds significant differences in the use of elements such as greetings, titles, and apologies. Japanese speakers emphasize apologies and consideration for the listener, while Turkmen speakers use greetings and titles to show respect. The study proposes integrating explicit instruction, comparative learning, exploratory learning, and meaning-focused approaches to improve teaching request expressions in Japanese.*

Keywords: Request behavior, cultural differences, Japanese Language education, Turkmen learners, pragmatic analysis

1. はじめに

言語は単なるコミュニケーションの手段ではなく、文化や社会規範を反映する重要な要素である。特に、依頼行動は対人関係を築く上で不可欠なものであり、発話の仕方が相手に与える印象や関係の維持に大きな影響を及ぼす。依頼はコミュニケーションにおいて非常に重要な行為であり、相手との関係性、年齢、依頼の負担などによって表現方法が異なる。本研究は、日本語とトルクメン語における依頼行動を教育場面に焦点を当てて対照分析したものである。近年、トルクメニスタンでは日本語教育が急速に発展しており、2023 年時点で学習者数は約 13,000 人に達している。このような背景から、両言語における依頼表現の特徴を明らかにし、より効果的な日本語教育への示唆を得ることを目的とした。

1.1 研究の背景

トルクメニスタンにおける日本語教育は 2007 年に始まり、当初は学習者数 50 人程度であったが、2023 年には約 13,000 人まで急増している。この急速な発展に伴い、トルクメン人日本語学習者特有の言語使用上の課題も顕在化してきている。特に、依頼表現は相手との関係性や場面に応じて適切に使い分ける必要があり、学習者にとって

習得が困難な項目の一つとなっている。こうした背景から、両言語における依頼表現の特徴を明らかにし、より効果的な日本語教育への示唆を得ることが求められている。

先行研究の理論的基盤

依頼行動に関する研究は、主に Brown & Levinson (1987) のポライトネス理論を基盤として発展してきました。この理論は、依頼という行為が本質的に相手のフェイスを脅かす行為 (FTA) であることを指摘し、異なる文化における配慮の表現方法を分析する枠組みを提供しています。しかし、この理論は西洋的な価値観に基づいており、アジアの言語における配慮の表現方法を十分に説明できていないという批判もある。

異文化間の依頼行動研究

アクドアン・大浜 (2008) による日本人学生とトルコ人学生の依頼行動の比較研究は、本研究に最も近い先行研究の一つです。この研究では、トルコ語話者が呼称や挨拶を重視し、相手との関係構築を重視する特徴が明らかにされました。一方、日本語母語話者は謝罪表現を多用し、相手への負担に対する配慮を示す傾向が強いことが指摘されています。しかし、この研究は一般的な場面での依頼行動を対象としており、教育場面特有の特徴については十分な検討がなされていません。

趙 (2021) による日中対照研究は、依頼の負担度が依頼表現の選択に与える影響を意味公式の観点から分析しています。この研究により、依頼の負担度が高くなるほど、日本語母語話者は間接的な表現を用いる傾向が強まることが明らかになりました。しかし、この研究は依頼表現の形式的な特徴の分析に重点を置いており、なぜそのような言語使用の違いが生じるのか、その文化的背景については十分な考察がなされていません。

電子メールにおける依頼行動研究

李 (2004) は、電子メールにおける依頼行動を台日対照研究として行い、依頼行動の展開と依頼ストラテジーを分析しています。この研究では、日本語母語話者が「謝罪→理由説明→依頼」という順序を基本とするのに対し、台湾人学習者は母語の影響により異なる展開パターンを示すことが報告されています。この研究は、異なる言語背景を持つ学習者の依頼表現における母語の影響を明らかにした点で重要ですが、実際の対面コミュニケーションにおける依頼行動は扱われていません。

本研究の位置づけ

これらの先行研究は、異なる言語間での依頼行動の特徴を明らかにする上で重要な知見を提供しています。しかし、トルクメン語と日本語の依頼行動を対照分析した研究は管見の限り見当たりません。また、教育場面に特化した依頼行動の研究も限られています。本研究は、これらの研究の限界を補完し、教育場面という具体的な文脈におけるトルクメン語と日本語の依頼行動の特徴を、文化的背景を含めて包括的に分析することを目指します。

1.2 研究目的と課題

本研究では、日本語とトルクメン語の依頼表現における発話要素の使用頻度と順序の違いを明らかにすることを第一の目的としている。また、両言語の依頼行動の違いがどのような文化的背景に起因するのかを解明することを第二の目的とする。さら

に、トルクメン語を母語とする日本語学習者の依頼表現が、母語と目標言語からどのような影響を受けているのかを分析することを第三の目的として設定した。

2. 研究方法

2.1 調査対象者

本研究では、日本語母語話者 17 名（筑波大学の学部生・大学院生）、トルクメン語母語話者 20 名（トルクメニスタンの大学生）、そしてトルクメン人日本語学習者 13 名（日本語能力試験 N3 以上の学習者）を対象に調査を実施した。調査対象者の選定にあたっては、年齢や教育背景の均質性を考慮し、大学生・大学院生に限定した。

2.2 調査方法

調査方法として、Google Forms を用いた自由記述式アンケートを採用した。教育場面における 4 つの依頼状況を設定し、それぞれの場面での依頼表現を収集した。具体的には、学生が大学院受験に必要な推薦状の執筆を指導教員に依頼する場面、予期せぬ理由により課題の提出締め切りの延長を依頼する場面、授業中に隣席の親しい友人に筆記用具を借りる場面、そして欠席した授業の記録を友人に借りる場面である。これらの場面設定は、教育現場で実際に遭遇する可能性が高く、かつ依頼の負担度が異なる状況を網羅するように配慮した。

3. 研究結果

3.1 発話要素の使用頻度の違い

統計分析の結果、各グループの依頼表現に特徴的な傾向が観察された。日本語母語話者は謝罪表現を多用する傾向が顕著であり、出現率は 80%以上に達した。一方、トルクメン語母語話者は呼称（80%）や挨拶（65%）、気遣いの表現を多用する特徴が見られた。日本語学習者の場合、両言語の特徴を併せ持つ中間言語的な特徴が観察され、特に目上の人への依頼場面では日本語的な謝罪表現と、トルクメン語的な呼称使用が混在する傾向が確認された。

3.2 意味形式の順序パターン

依頼表現の構造分析から、各グループに特徴的な意味形式の順序パターンが明らかになった。日本語母語話者は「謝罪→理由説明→依頼」という順序を基本とし、相手への配慮を前面に出す構造を持つ。トルクメン語母語話者は「挨拶→呼称→気遣い→前置き→理由説明→依頼」という、より複雑な順序パターンを示し、相手との関係構築を重視する特徴が見られた。日本語学習者は「謝罪→呼称→理由説明→依頼」という、両言語の特徴を組み合わせた独自のパターンを形成していることが判明した。

3.3 依頼表現の文化的背景

両言語における依頼行動の違いには、それぞれの文化的背景が大きく影響していることが明らかになった。日本語母語話者は相手への負担や迷惑を強く意識し、謝罪表現を通じて配慮を示すとともに、相手との適切な距離感の維持を重視する傾向が見られた。一方、トルクメン語母語話者は挨拶や呼称を用いて相手との関係性を積極的に構築し、より直接的なコミュニケーションを通じて、相手との距離を縮めることで円滑な依頼の実現を図る特徴が観察された。

4. 日本語教育への示唆

本研究の結果から、トルクメン人日本語学習者に対する教育内容について、重要な示唆が得られた。まず、場面や人間関係に応じた適切な依頼表現の体系的な指導の必要性が明確になった。具体的には、日本語の謝罪表現の使い分け、場面に応じた適切な呼称の使用方法、直接的・間接的な依頼表現の使い分けなどを、文化的背景の違いを踏まえて指導することが重要である。また、両言語における配慮の示し方の違いを明示的に説明し、場面ごとの適切な言語使用を例示するとともに、相手との関係性に応じた表現選択の練習を取り入れることが効果的であると考えられる。

5. 今後の課題

本研究の限界と今後の展望として、以下の点が指摘できる。まず、実際の会話場面における依頼表現の分析が必要である。本研究で用いた自由記述式アンケートでは、実際のコミュニケーションにおける即時的な言語使用を十分に捉えることができなかった。また、被依頼者側の応答も含めた相互作用の検討や、より多様な場面における依頼表現の比較分析も今後の課題として挙げられる。さらに、長期的な学習者の依頼表現の習得過程の観察や、教育現場での実践研究の実施、効果的な教材開発とその検証なども必要である。これらの課題に取り組むことで、より効果的な日本語教育の実現が期待される。

参考文献

- アクドーアン, P.・大浜, R. (2008) 「日本人学生とトルコ人学生の依頼行動の分析—相手配慮の視点から—」 『世界の日本語教育』 18, 45-60.
- 国際交流基金 (2023) 「日本語教育 国・地域別情報 トルクメニスタン」
- 趙丹楠 (2021) 「依頼発話行為に関する日中対照研究：意味公式から見る依頼負担度の影響を中心に」 『外国語学研究』 23, 57-64.
- Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge University Press.
- 上原龍彦 (2022) 「孤立環境における日本語学習者の「学び」を支える日本語教育」 『早稲田日本語教育学』 32, 1-20.
- 李佳盈 (2004) 「電子メールにおける依頼行動—依頼行動の展開と依頼ストラテジーの台日対照研究—」 『言語文化と日本語教育』 28, 99-102.

ウズベキスタンにおける外国語教育政策 -日本語教育の歴史的変遷及び課題-

イブラギモヴァ・マリカ **Malika IBRAGIMIOVA**

准教授

ウズベキスタン国立世界言語大学

Abstract. *This year marks the 35th anniversary of Japanese language education in Uzbekistan, which has steadily developed with the support of the country's foreign language education policies and the deepening of diplomatic ties with Japan. A significant expansion has been observed in both the number of educational institutions and the student population. Furthermore, national universities responsible for training Japanese language teachers have been implementing measures to promote academic research and allocate budgetary resources to address scholarly challenges.*

However, numerous challenges remain unresolved, including inadequate infrastructure to accommodate the growing number of learners, an increased workload for educators, issues in the supply of teaching materials, and insufficient provisions for fostering academic research. To ensure sustainable development in the future, further improvements in the educational system, the enhancement of support structures, and the establishment of a conducive environment for research activities will be essential.

Keywords: *Uzbekistan, Japanese language education, foreign language education policy, Japan Foundation, presidential decree, human resource development, increase in the number of learners, teacher workload*

1. はじめに

ウズベキスタン共和国は、1924 年に旧ソ連を構成する 15 共和国の一つとして成立し、国名自体は比較的新しい。しかしながら、本地域は 2500 年以上の歴史を有するシルクロードの通過地であり、古来より多様な言語が用いられてきた。こうした歴史的背景に踏まえ、1991 年に独立した若い国家は世界における急速なグローバル化の進展に対応するため、国際社会への統合を目指し、外国語教育を主要な教育課題の一つとして積極的に推進している。

また、独立後にウズベキスタンで開始された日本語教育は、国家の外国語教育政策の一環として著しい進展を遂げている。本稿では、ウズベキスタンにおける日本語教育の歴史的変遷および現状を概観し、将来的な課題について考察する。

2. 旧ソ連諸国における日本語教育の発展と主要イベント

旧ソ連地域における日本語教育の展開状況について、国際交流基金が実施した「海外日本語教育機関調査」の結果に基づき、1993 年から 2021 年までの各国の学習者数や教育機関数の推移を以下の表 1 に示す。この表から、ロシアが長年にわたり日本語教育の中心的な位置を占めていることがわかる。1993 年の時点でロシアの学習者数は 3,174 名に達し、2021 年には 12,426 名にまで増加した。一方、ウズベキスタンは 1993 年にわずか 70 名だった学習者数が、2021 年には 3,579 名と約 51 倍に拡大している。ウクライナやジョージアといった国々も着実に学習者を増やしているが、ウズベキスタンの成長率は特に顕著である。なお、1993 年調査では、ウクライナに次いで 3 位、

2021 年調査でも、学習者数が 8,865 名と非常に多いトルクメニスタンに次いで 3 位となっている。

表 1 旧ソ連諸国における日本語学習者数の推移（1993 年～2021 年）

	国名	1993 年			2021 年				
		機関数	教師数	学習者数	機関数	教師数	学習者数	～倍増加	ランキン
1	ロシア	52	186	3,174	151	666	12,426	4	1
2	ウクライナ	10	20	731	17	105	2,152	3	4
3	ウズベキスタン	1	7	70	18	129	3,579	51	3
4	ジョージア	2	2	68	9	25	588	9	7
5	エストニア	2	4	45	14	18	376	8	10
6	ラトビア	1	3	42	3	5	175	4	14
7	ベラルーシ	1	3	36	10	26	384	11	9
8	リトアニア	1	5	35	10	16	404	12	8
9	トルクメニスタ	—	—	—	12	56	8,865		2
10	キルギス	—	—	—	13	40	1,300		5
11	カザフスタン	—	—	—	8	38	611		6
12	アゼルバイジャン	—	—	—	4	15	339		11
13	アルメニア	—	—	—	8	23	321		12
14	タジキスタン	—	—	—	5	8	223		13
15	モルドバ	—	—	—	1	2	131		15
合計		70	230	4201	283	1172	31874	8	

旧ソ連諸国における日本語教育の重要なイベントとしては「日本語弁論大会」が挙げられる。ウズベキスタンでは 1992 年にタシケント国立東洋学大学で初開催された。その後、1997 年には「中央アジア日本語弁論大会」が創設され、ウズベキスタン、カザフスタン、キルギスの持ち回りで開催されるようになった。現在ではトルクメニス

タン、タジキスタンも加わり、中央アジア 5 カ国の学生が参加する大会へと発展している。

3. ウズベキスタンにおける日本語教育の概要

ウズベキスタンにおける日本語教育は、1990 年にタシケント国立東洋学大学に設置された国際経済関係（日本）専攻において、約 20 名の学生を対象として開始された。当初の指導教員は、Vagin Oleg Aleksandrovich 氏と、朝鮮系移住者の Kim Mun Uk 氏であった。1991 年には正式に日本語学科が設置され、Kim Mun Uk 氏が初代学科長に就任した。

また、同大学における日本語教育は、1991/1992 学年度より菅野怜子氏が関与するところから始まり、1992/1993 学年度以降は Pen Tkhe Sek 氏および Pak Nelya Vitaliyevna 氏が加わって教育活動に従事している。さらに、1994/1995 学年度には国際交流基金による日本語教育専門家派遣が開始され、初代専門家として杉崎敏子氏が赴任した。その後も、多くの日本語教育専門家がウズベキスタンにおける日本語教育の発展に大きく寄与している。

ウズベキスタンにおける日本語教育の主要な経緯（1990 年～2000 年）は以下のとおりである。

- 1990 年 タシケント国立東洋学大学における日本語教育の開始
(1991 年より日本語専攻正式開設)
- 1992 年 ウズベキスタン日本語弁論大会開催（タシケント国立東洋学大学にて）
- 1993 年 国際交流基金によるウズベキスタン日本語教育初回調査
- 1995 年 世界外交経済大学における日本語教育開始
- 1996 年 ウズベキスタン国立世界言語大学における日本語教育開始
(2014 年より日本語専攻設置)
- 1997 年 中央アジア日本語弁論大会（ウズベキスタン・カザフスタン・キルギス）
- 1998 年 サマルカンド国立外国語大学における日本語教育開始
(2008 年より日本語専攻設置) のりこ学級（6 月開始）
- 1999 年 ウズベキスタン日本語教師会設立
- 2000 年 ウズベキスタン日本センター設立

現在、ウズベキスタン国内には日本語専攻を設置している国立大学が 3 校存在する。これらの大学は、日本語教育に従事する教員を養成する主要な高等教育機関であり、ウズベキスタン共和国高等教育科学イノベーション省（Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan）の管轄下にある。

<日本語専攻を設置している国立大学>

- ・ タシケント国立東洋学大学
- ・ ウズベキスタン国立世界言語大学
- ・ サマルカンド国立外国語大学

表 2 には、ウズベキスタンにおける日本語教育を実施している教育機関に関するデータを取りまとめたものである。これらのデータは、主に国際交流基金が公表した統計資料およびウズベキスタン日本語教師会が実施した調査結果に基づくものである。

表2 ウズベキスタンの日本語教育機関(1990年～2024年)

	機関数	教師数	学習者数			
			初中等教育	高等教育	その他の機関	合計
1990	1	2	-	20	-	20
1991	1	3	-	40	-	40
1992	1	4	-	50	-	50
1993	1	7	-	70	-	70
1995	2		-		-	
1996	4				-	
1998	8	23	416	240	90	746
2003	12	63	473	508	430	1411
2006	24	87	723	721	459	1903
2009	16	77	485	786	357	1628
2012	15	58	256	847	425	1528
2015	14	61	126	813	566	1505
2017	11	35				
2018	15	85	192	868	1228	2288
2019	15	59				
2020	17	76	352	1423	509	2066
2021	18	129	366	1852	1361	3579
2023	17	103	100	2929	568	3597
2024	15	121	119	3092	600	3881

- *太字の数字は国際交流基金のデータを示す。
- *斜体の数字はウズベキスタン日本語教師会のデータを示す。
- *その他の数字は筆者が収集・整理したデータである。
- *表中の空白セルは、該当データが存在しないことを示す。

4. ウズベキスタンの外国語教育対策の一環としての日本語教育

ウズベキスタンにおける教育制度は、国家が定める法令や各種の規範的・法的文書により規定されている。外国語教育についても、これらの法的枠組みに基づき政策が策定・実施されている。本節では、外国語教育政策に関連する主要な法的文書から重要な部分を抜粋し、その和訳を枠内に示した上で、筆者による解説を加えながら、日本語教育への影響について考察する。

4.1 外国語教育改善における主要な政令

2012年12月10日付ウズベキスタン共和国大統領令№PP-1875「外国語教育システムをさらに向上させるための措置について」は、ウズベキスタンにおける外国語教育改革の出発点となったと考えられる。本政令は、ウズベキスタン共和国初代大統領イスラム・カリモフによって発令され、その目的は、若年世代に対する外国語教育制度の抜本的改革を通じ、外国語を自在に操る専門人材の育成を図ることである。これを実現するため、現代の教育技術および情報通信技術を駆使した先進的な教授法を導入し、世界文明の成果および国際的な情報資源への広範なアクセス環境を整備するとともに、国際協力および交流の発展を促進することを目指す。そのために、以下に打ち出されたいくつかの主要な施策を取り上げる。

①小学校から大学までの継続的な外国語教育システムの構築

- ・2013/2014 学年度から、一般教育学校の1年生より外国語学習を開始（主に英語）
- ・高等教育機関では、専門科目（特に技術系科目や国際関係分野の科目）を外国語で教授

外国語教育は初等教育段階から開始された点が重要なポイントであった。

日本語専攻を有する大学に対しては、日本語で実施する専門科目を設定することが求められ、例えば、ウズベキスタン国立世界言語大学では、「東洋言語教授法」が日本語で実施されることとなった。

②国家試験センターにおける外国語能力評価管理部門の新設

- ・国際的に認められた基準に基づき、国家レベルの外国語能力評価テストシステムを開発・導入する。
- ・応募者に対し、有料で試験（インターネットを利用した遠隔試験を含む）を実施し、その結果に応じた国家規格の資格証明書を交付する。

2013年からウズベキスタン国家試験センターにおいて、CEFRに基づく外国語能力評価システムが導入され、学生・教員・公務員・一般市民を対象とした外国語試験の受験機会が提供された。2014年には日本語試験も開始され、年1～2回実施されるようになった。

③外国語をすべての大学入学試験における必須科目とする

2015/2016 学年からすべての高等教育機関の入学試験ブロックに外国語科目が導入されました。

④外国語教教師の給与に特別手当を導入

・地方の教育機関に勤務する外国語教員には月給の 30%、その他の教育機関に勤務する教員には 15%の手当を基本給に加算すること

外国語教員の給与が引き上げられ、特に人材不足が深刻な地域でその傾向が顕著となっている。

4.2 外国語教育の強化を目指すその他の令

外国語教育システムの発展を目的とした主要文書である上述のカリモフ大統領令は、その後、シャフカト・ミルジヨエフ大統領による以下の大統領令により強化・発展された。

2021 年 5 月 19 日付ウズベキスタン共和国大統領令 №PK-5117

「外国語教育の普及活動を質的に新たなレベルへ引き上げるための措置について」

この令の冒頭では、「外国語教育を教育政策の優先分野として位置づけ、外国語教育の抜本的な改善、専門性の高い教師の確保、国民の外国語学習への関心向上」を目標に掲げている。高等教育、特に日本語教育に関係する主な項目を以下に示す。

①教師給与への特別手当導入

・外国語教師には、IELTS、JLPT、TOPIK 等の語学力証明に基づき、特別手当を支給する。

2022/2023 学年度より、日本語を含む外国語を担当する国立教育機関の教師について、国内または国際的な語学証明書（C1 レベル以上）を有する場合、基本賃金の 50% 相当の追加手当が支給されるようになった。その結果、独立当初に比べて非常に低かった教師給与は 150 倍以上に増加し、男性教師の数も増加している。

②入学定員の拡大

・2021/2022 学年度に、外国語教育専門の高等教育機関の入学定員を、通常枠で 2 倍、国費枠で 3 倍に拡大する。

現在その結果、外国語専攻（英語、日本語、中国語、韓国語など）の**入学人数**が大幅に拡大している。日本語専攻の学生数は、主要 3 国立大学において、1990 年代にはそれぞれ約 100 名程度だったが、現在では約 5～6 倍にまで増加している。

さらに夜間課程も新設され、2021/2022 学年度に東洋学大学で、2022/2023 学年度には世界言語大学およびサマルカンド外国語大学で夜間コースがスタートした。しかし、2023/2024 学年度以降、夜間課程の日本語専攻は世界言語大学のみとなっている。現在、同大学の夜間課程には 3 年生までが在籍しており、来年度には昼間課程の学生数を上回る見込みである。

一方で、入学者数の増加に伴い、教材や教室、留学枠の不足、さらには学生一人ひとりへのきめ細やかな指導が行き届かないといった課題も顕在化している。特に夜間課程では授業時間が限られているため、日本語習得率の低下が懸念される。

また、新制度により、2～3 年生には約 1 か月間のインターンシップ、4 年生には教育実習が必修となっているが、学生数が多いため、日本語関連の受け入れ先を確保することも難しくなっている。

③外国語教育学部卒業生に対し、外国語能力試験の義務化

2021/2022 学年度より、外国語教育機関の卒業生は、国家試験に加え、外国語能力試験によるレベル判定が義務付けられるようになった。さらに、2023/2024 学年度より、CEFR C1 に相当する証明書を有する場合、国家試験または卒業論文の提出が免除される仕組みも導入された。また、卒業条件として、80%以上の卒業生が CEFR B1 レベルの証明書を提出することが求められている。

しかしながら、ウズベキスタンにおける日本語教育では、英語教育が小学校から開始される一方で、日本語は一般に大学から学習される。日本語は世界的に難易度が高い言語とされ、大学入学後にゼロから学び始めた学生が、2～3 年次から日本語による専門科目の履修を求められ、さらに卒業時に CEFR C1 レベルの到達が義務付けられる現状に対し、教育現場からは過剰な負担であるとの指摘が相次いでいる。現行のカリキュラム、シラバス、及び授業内容を考慮すると、実際の卒業時の日本語能力は、最大レベルとして JLPT N2 を目指すが、一般的には JLPT N3 レベルの卒業生が多く、優秀な学生でさえ N2 程度に留まるのが実態である。

④大学院入試における外国語能力証明書の義務化

- ・ 2022/2023 年度以降、国家または相当する国際認定証明書を保有する者を対象に、修士課程および大学院専門課程への選抜手続を導入する。なお、文系分野は C1 以上、非文系分野は B2 以上の証明書を要件とする。

2022/2023 学年度から、語学専攻の大学院入試においては、C1 相当の外国語能力証明書の提出が必須となった。日本語の場合は、JLPT N1 または CEFR C1 に相当する国家証明書が条件となる。その結果、より高い語学力を有する学生のみが入学する仕組みとなったが、実際には入学者数の減少を招いている。例えば、2024/2025 学年度において、世界言語大学の日本語専攻修士課程への入学者は 0 名であった。

⑤国家公務員の外国語能力向上に向けた特別装置

- ・ 2021 年 7 月 1 日以降、国家機関において、契約講師を活用した週 1 回以上の外国語研修を実施する。
- ・ 2022 年以降、国家機関への採用および上位職任用の際に、外国語能力を必須の資格要件とする。

外国語能力証明書の取得への関心が高まり、外国語教師の需要も増加した。

2024 年 6 月 27 日付ウズベキスタン共和国大統領令 №PK-239

「若者を対象とする外国語教育制度の効果を向上させるための追加措置について」

本施策は、若者支援体制のさらなる向上、教養ある青少年の育成、創造性・知性の発展、外国語教育の普及、及び関連事業の支援環境整備を目的とする。

①外国語教育を実施する民間教育センターの国の援助

- ・民間教育センターに一般中等教育機関の空き教室を無償で利用で提供する。
- ・各地域の民間教育センターを評価し、遠隔地で活動する上位センターに対して、施設費用の一部を補助する仕組みを導入する。

その結果、日本語を含む外国語教育を行う多くの学習センターが出現し、教員の需要が高まった。

②外国語教育専攻学生の教員就業認可

- ・2024～2026年度より CEFR C1 以上の証明書を有し、外国語学部の3～4年生は、一般中等教育機関、専門学校、職業教育機関において教員として勤務することが認められる。

この措置は、外国語教育分野における人材不足の問題解決と、大学生が理論を実践に結びつける仕組みの構築を目的としている。

③認める外国語能力証明書の拡大

- ・ドイツ語、フランス語、韓国語、中国語、日本語に関する国際試験システムおよび証明書の認定範囲を拡大する。

国家外国語資格と並びに正式に認められる同様国際外国語証明書が拡大された。

④専門・職業学校における外国語教育の拡充

- ・保護者および生徒の要求に基づき、専門学校および職業学校の現行基幹カリキュラムの授業時間内に、外国語としてドイツ語、フランス語、韓国語、中国語、日本語の教育を導入する。

日本語教育に関連する内容として、2024/2025 学年度より専門・職業学校のカリキュラムにドイツ語、フランス語、韓国語、中国語、日本語が正式に導入されることが決定された。これにより、これらの言語を教える教師の需要がさらに高まることが予想される。

5.日本との関係

ウズベキスタン共和国の独立をいち早く承認した国の一つである日本との友好関係は、相互利益に基づく協力のもとで、着実に発展し続けている。特に、2016年にミルジョエフ大統領が就任して以降、経済的な規制が緩和され、日本を含む多くの国に対して短期入国ビザが不要となったことなどから、元々良好だった日本との関係はさらに活発化している。日本人観光客も増加し、コロナ禍で一時的に減少したものの、現在は回復傾向にある。観光シーズンには、プロのガイドが不足するという課題も生じている。

また、日本政府による公式開発援助（ODA）プロジェクトに加え、ウズベキスタンでは経済、政治、文化など多岐にわたる分野で日本の経験が参考にされており、その具体的な事例はテレビ番組やメディアを通じて頻繁に紹介されている。

一方、日本にとっては、高齢化や少子化、人材不足などの課題を抱える中、共通のアジア的価値観を持ち、若年層が多く人口も増加しているウズベキスタンは、非常に魅力的な国と位置付けられている。2019年から日本は特定技能制度を導入し、特定分野における外国人労働者の受け入れを開始した。この制度を利用するには、日本語試験と技能試験の両方に合格する必要があるため、現在ウズベキスタン国内では多くの

日本語教育センターが開設されている。さらに、日本企業が資本参加する教育機関も増加している。

加えて、日本の人材派遣会社は、ウズベキスタンからウズベク語、ロシア語、英語、日本語を話せる若手人材を積極的に採用するためのルート構築にも力を入れている。日本語の文法がウズベク語と類似していることに加え、中国、韓国、ベトナムなど他のアジア諸国の人材と比べても言語的親和性が高いことは、ウズベキスタン人材の大きな強みとなっている。

このように、日本の技術や経験を導入することを目的として、ウズベキスタンの人材が日本で働くことは、将来的にウズベキスタン経済の多様な分野に良い影響を与えることが期待されている。

6. 終わりに

ウズベキスタンの日本語教育は、この 35 年間にわたり、現地の教員と多くの日本人教員による支援のもと、教材・教員の不足という困難を乗り越えながら、大きく発展してきた。特に、1990 年代には日本語専攻の卒業生が就職先を見つけるのに苦労する状況であったが、現在では逆に日本語教師、ガイド、通訳といった専門職が不足するという需要超過の状況へと変化した。このことから、日本語教育の重要性がますます高まっていることが分かる。

しかしながら、日本語教育のさらなる発展のためには、依然として多くの課題が存在する。特に、日本語教師の養成を担う国立大学では、外国語教師の給与向上、教員の授業負担軽減、海外研修支援や待遇改善、高度な外国人教員の受け入れ制度などが導入されているものの、教育環境の整備不足や教員の勤務環境の改善といった構造的な問題は依然として解決されていない。

特に、教材の確保に関しては深刻な問題がある。日本からの教材輸入が困難であり、増加し続ける学習者全員に十分な教材を提供することができていない。タシケント国立東洋学大学などの伝統ある教育機関では独自の日本語教材を開発しているが、高等教育科学イノベーション省によるカリキュラム変更が毎年行われるため、そのたびに教材整備が追いついていない。また、同一カリキュラムを使用する 3 つの国立大学間で統一的な教材供給の仕組みが未整備であり、教育の質の均一化が求められる。

さらに、大学ランキングの向上を目的とした研究活動の推進も重要な課題である。しかし、研究に充てられる時間的・経済的余裕は依然として十分ではなく、博士号取得者への手当制度が設けられているものの、研究環境の整備は未だ不十分である。加えて、教育の質向上を目的とした書類作成や監査対応が教員に求められることで、授業準備や研究活動への影響が懸念される。

さらなる発展のためには、教育環境の整備、教材供給の安定化、研究環境の充実、教員の待遇改善など、多くの課題を解決する必要がある。今後、日本語教育の持続的な成長を実現するためには、教育制度のさらなる改善と支援体制の強化が不可欠である。

参考文献

1. カリモフ・イスラム、「外国語学習システムのさらなる改善措置について」ウズベキスタン共和国大統領令№PK-1875、2012 年 12 月 10 日
<https://lex.uz/docs/2126030>

2. ミルジヨエフ・シャフカト、「外国語学習システムをさらに改善するための措置について」ウズベキスタン共和国大統領令 №PK-5117、2021 年 5 月 19 日
<https://lex.uz/docs/5426740>
3. ミルジヨエフ・シャフカト、「外国語学習システムをさらに発展させるための追加措置について」ウズベキスタン共和国大統領令 №PK-239、2024 年 6 月 27 日
<https://lex.uz/ru/docs/6986657>
4. 国際交流基金：海外日本語教育調査
<https://www.jpf.go.jp/j/project/japanese/survey/result/index.html>
5. JETRO: 民間送出機関による技能実習生の派遣始まる（ウズベキスタン、日本）
6. <https://www.jetro.go.jp/biznews/2019/11/835ea94c3f1da621.html>

ネコ（猫）と日本語
—— ネコ（猫）に係る慣用表現とその背景 ——

小池 里奈 *Rina KOIKE*

学士

タシケント国立東洋学大学

日本語教師

Abstract. *Taking up cats, which have been kept as pets since ancient times in Japan, we study the origin of the name "cat" and also study, from a linguistic standpoint, idioms and proverbs including a word "cat" that have arisen and been used in relations between humans and cats. We investigate the function of particles "wa" and "ga" in idioms and proverbs that have "cat" as a subjective word. We also investigate their function in relation to the subjective word in idioms and proverbs that have "cat" as an objective word. Based on these considerations, we try to understand that the meaning of idioms and proverbs including a word "cat" can be determined in relations between humans and cats from ancient times to modern times.*

Keywords: *Neko, Cat, Idiom, Japanese grammar, Case particles, Special particles*

1. 序論

古来から日本列島に住み着き日本人と生活を共にしてきた小動物であるネコ（猫）（特にイエネコ）を取り上げ、単語：「猫」に係る日本語の言語表現について、慣用表現を例に挙げて言語学的な考察を加える。現代においても人間と共に生活している小動物を指す名詞：「ネコ（猫）」の源流は明確には判っていないが、古代の日本語である大和言葉の発現の時代にまで遡ることはできる。以来、「ネコ（猫）」は現代までの歴史の中で様々な日本語表現の中で使われ、豊かな意味を与えられ、さらに、それらの意味との関わり合いに於いて「ネコ（猫）」に係る表現は淘汰を受けてきた。慣用句、成句、や諺などの慣用表現の中にそれらの歴史を見て取ることができる。言語の構造が言語の構成要素である単語の意味内容によってどのように影響を受けるかを言語学の立場から考察を加えることは「言語」の理解を深める上で大変重要な視点であると考えられる。猫と人間の長い共生の歴史が「ネコ（猫）」を含む

「文」を育んできたことを考慮するならば、「ネコ（猫）の慣用表現」を言語構造の観点から分析し研究を進めることは大変有益である。文中に単語：「ネコ（猫）」を含む慣用句、成句、や諺などの慣用表現を文献中から収集し、これらの慣用表現の言語構造を分析し、人間との長い共生の歴史を持つ小動物である猫が文や句の中で表現されるとき、「ネコ（猫）」の持つそのような背景が文や句の構造にどのような影響を与えるかについて研究する。とりわけ、名詞に膠着して使用される格助詞の「が」と取り立て助詞（副助詞）の「は」の用法の分析を行い、名詞である「ネコ（猫）」との相関関係（correlation）について調べる。

このような解析においては、着目する単語である「ネコ（猫）」が表す小動物と人間の関わり合いの蓄積を歴史に沿って調べ理解しておくことは避けられない。そこで、解析に先立って、「ネコ」の日本への渡来の歴史、「ネコ（猫）」という言葉の

源流、そして、平安期から江戸期を経て現代にいたるまでの日本人の猫との関わり合いについて調べる。

日本における猫と人間の緊密な関係の中から発生した猫に関わる慣用句、成句、や諺を言語学的な立場から分析することによって、日本語の文法における、単語の意味と言語の構造が互いに関わりあって作り出されている複層的な構造について考察を行う。単語の意味と言語の構造が互いに関わりあって作り出されている文章の複層的な構造について考察を行う上で、事例となる単語の選択は極めて重要である。具体的ではあるけれども普遍的に知られた単語を採用することにより、形式的な定義に依存することなく、科学的に厳密な議論を展開することができる。

本論考では「ネコ（猫）」の慣用表現の分析研究によって、単語の意味と文の表現が互いに相関（correlate）するように見える事例が提示される。膠着語のひとつである日本語において助詞（particle）の選択が使われる名詞の意味に影響されるように見える事例があることが指摘される。このことは言語の構造と単語の意味が互いに独立ではないという自然言語の特質に沿ったものと言え、本研究は、理論的には日本語もその範疇に入る、との主張をなすものである。この点を考慮することによって、日本語による文章表現を行う際に、使用する単語の歴史的背景や文化的背景を斟酌することの実践的意義が理解される。

2.猫の日本史、「ネコ」の起源

最近の研究により、現代の日本で暮らす家畜の猫、家猫（イエネコ）に直接つながる祖先は平安時代の九州に本格的に渡来し、その後鎌倉時代に入って大きく増え、さらに日本列島を北上するように広まったことが明らかになりつつある[1, 2]。遺伝学的に遡ることができる「ネコ」は平安時代までと明らかになったとはいえ、さらに遡る時代に日本人によって「ねこ」、「ねこま」、あるいは「狸（り、ねこま）」と呼ばれて親しまれた動物が日本列島に居たようである。飛鳥時代から奈良時代にかけて、猫に似た動物を総称して「狸（ねこま）」と呼んでいたようである。その中には現代のヤマネコに繋がる「ネコ」も居て現代とは異なり人間の生活圏の中にも数多く生息していたようである。現代のイエネコに繋がる種が居たか否かについては科学的には判っていない。文献史料に猫が登場し始めるのは平安時代からである[3]。「今昔物語（1120年代以降に成立）」の「大蔵大夫藤原野清廉、怖猫語（おおくらのだいぶふじわらのきよかど、ねこをおそるること）」の中にネコ嫌いの男の話が出てくる[4]。そして、この物語の時代には「ネコ」は既にありふれた動物であったと推察される。しかし、これらが現代の日本で暮らす家畜の猫、家猫（イエネコ）であったとの確認はできていない。現代の家猫（イエネコ）に繋がる猫が平安時代あるいは奈良時代に大陸から渡ってきたとの説は、遺伝子解析の結果[1, 2]と矛盾しない。しかし、それ以前にも「狸（ねこま）」が日本列島に棲んでおり、市中で暮らしていたこともまた確からしい。他方、平安時代の文献には「唐猫（からねこ）」という言葉が登場する[5, 6]。そして、こ

の唐猫は当時とても珍しい動物であった。

中世の頃までは猫は大変貴重な動物で、猫は図1のように紐に繋いで飼育するのが普通であった。そこで、繁殖の機会が得られず、猫の数があまり増えなかった。

図1. 「石山寺縁起絵巻」
(1324年～1805年にかけて制作)
裕福な商人の家で紐に繋がれた猫。

猫が増え始めたのは戦国時代から江戸時代にかけての時期といわれている[7]。1602年に京都所司代は徳川家康の命により“猫放し飼い令”を發布し、猫に“ネズミ捕りパトロール”をさせることにした。このことは日本の猫の歴史にとって大きな転換期となった[8]。自由になった猫は繁殖の機会も得て、猫の数は増えていくことになった。大きく花開く江戸文化の中で、猫は上流階級から庶民までのあらゆる階層の人々の間で様々な文化的作品に取り上げられて百花繚乱の時代を迎えた。図2のように浮世絵にも多くの猫が描かれた。

図2. 歌川国芳(1798-1861)による『其のまま地口 猫飼好五十三疋』。

「ネコ」と「猫(ビョウ)」は、日本語において同じ動物を指す言葉である。ただし、「ネコ」は大和言葉、「猫(ビョウ)」は漢語に由来する言葉である[9]。ネコは古代に大陸からもたらされた動物であるとされているが、中国語由来でない「ネコ」という名前を持っている。このことは、「ネコ」が漢字以前に大陸から渡来したか、あるいは、日本列島に住み着いて日本人に親しまれる中で漢語とは異なる名前、和語としての「ネコ」を与えられたかのいずれかである可能性を示唆している。前掲の議論に従えば後者の可能性が高いと考えられる。

文献史料に猫が登場し始めるのは平安時代からである[3]。日本最古の仏教説話集である『日本霊異記』に猫の存在を確認することができる[7]。「猫」は奈良時代から平安時代初期にかけて、遣隋使や遣唐使らの船に乗せられ、仏教が伝わると同時に持ち

込まれたとされている。中国では、猫が仏教の大切な経典や重要書物をねずみから守る使役動物として活躍していた。そのため日本に仏教が伝わる際にも、経典や重要書物とセットで猫が持ち込まれたとされている。ネコを表す漢字「猫（ビョウ）」も同時に伝わったと考えられる。

平安時代の文献には「唐猫（からねこ）」という言葉が登場する。唐（618年 -907年、中国）から渡来の猫という意味で唐猫と呼んでいた可能性が考えられている[5, 6]。そして、この唐猫は当時とても珍しい動物であった。例えば、『源氏物語（1001頃から執筆が始まり 1021年頃までに完成） 第34帖 若菜上』には、柏木が女三宮に近づくために彼女が飼っている猫を盗もうとするエピソードが描かれている。唐猫（からねこ）は珍しく貴重な動物であったが故に、特に貴族や高僧の間で珍重され、その神秘的な力や美しさが語られることがあった。貴族や皇族の館の奥深くに住んでいるという、その神秘性や近寄りがたさゆえに唐猫が年を経て猫又（または猫股）（ねこまた）年老いた猫が妖怪化したもので、尾が二股に分かれていることが多い）になると考えられることもあった（図3）。

図3. 鳥山石燕『画図百鬼夜行（1776年）』より
「猫また」
猫の尾が2本に分かれている。

そして、後世の庶民の猫に対する嗜好にも影響を与えたと考えられている。また、「ネコ」についての「魔性」を伴った言葉や成句を導くことになったのかも知れないと考えられる。

時代が下って江戸時代になると「ネコ」が町中に放たれて暮らすようになり[3]（図2）、「ヤマネコ」はあまり見かけることは無くなったので、「ネコ」は単に「ネコ」と呼ばれるようになり、「唐猫」は死語になった。今日では、「ネコ」は単に「猫（ネコ：訓読み、ビョウ：音読み）」と呼ばれている。ただし、「ビョウ」は単独で「ネコ」の呼称になることはない。「愛猫家（アイビョウカ）」のように、熟語の中で用いられる。

3. 猫の成句、諺

3.1. 猫跨ぎ (ねこまたぎ)

「猫」が主語、「跨ぎ」は動詞の「跨ぐ(straddle, 英語)」が名詞化された表現である。文法的には間に入るべき助詞が省略されている。格助詞の「が」を用いた「猫が跨ぐ」と取り立て助詞(副助詞)の「は」を用いた「猫は跨ぐ」のどちらが正しいのかを考察することができる。言語の構造論からはどちらも正しいのであるが、ネコという動物の人間との係わりから考察すると、この成句を含む文の中で、この成句の意味が文脈の中で確定され、「猫が跨ぐ」が正しいことが導かれる。

「猫跨ぎ (nekomatagi)」とは“猫が跨ぐほどの不味い魚”、敷衍して表現すれば、“あの悪食の猫でさえもが食わずに跨いで通り過ぎるほど食味の悪い魚”の意の慣用句である。この表現は都市が発展し魚を遠くから運んで来て食べるようになった時代に現れた。運搬に時間がかかると魚は傷み食べられないほど不味くなるからである。

取り立て助詞(副助詞)の「は」は主語を強調する働きがあるので、「猫は跨ぐけれども虎は跨がない」は“跨ぐのは誰なのか”を識別する表現として自然な表現である。しかし「猫跨ぎ」とはかけ離れた意味になる。対して、格助詞の「が」は述語を強調する働きがあるので、「猫が跨ぐ」であれば述語の「跨ぐ」が論点の主要部分になり、「猫」は「跨ぐ」という動作をする動物の一例を示すのみの働きを与えられる。「猫」も「虎」も「兎」も「犬」も皆跨いで通るけれども、最も例外となる筈の「猫」でさえも「跨ぐ」との意味になって跨ぐ対象を極限まで強調し、「猫跨ぎ」の意味するところを正しく表す表現となる。

3.2. 窮鼠猫を噛む (きゅうそねこをかむ)

「窮鼠猫を噛む」(きゅうそねこをかむ)は、絶体絶命の窮地に追い詰められた弱者が、強者に対して反撃することを意味する諺である[10]。この諺は、猫に追い詰められた「ネズミ(鼠)(rat, 英語)」が、逃げ場を失って必死に猫に噛みつく様子から来ている。

『窮鼠猫を噛む』の語源は、中国・前漢時代(BC206～AD8)の書物『塩鉄論(えんてつろん)』に登場する文章である[11]。中国語由来の「窮鼠猫を噛む」を日本語に直して理解するときには助詞を付加しなければならない。主語を指す代表的な助詞には取り立て助詞(副助詞)の「は」と格助詞の「が」の二つがあるので、両者を使い分けることによって文のニュアンスを補完し文を豊かにすることができる。「窮鼠猫を噛む」からは、「窮鼠は猫を噛む」と「窮鼠が猫を噛む」の二つの文が導かれる。

「は」と「が」の機能を考慮して両文を敷衍して解釈してみると次のようになる。

「窮鼠は猫を噛む」→ 弱い動物であるネズミ(鼠)でさえも追い詰められて困ったとき(窮)は猫に立ち向かい猫を噛むものである。

「窮鼠が猫を噛む」→ 追い詰められて困っているネズミ(窮鼠)が、驚いたことに猫に立ち向かい猫を噛んでいる。

取り立て助詞(副助詞)の「は」は主語を強調し主語の行為の一般性を主張する働きがあるので、「窮鼠は」とあれば、“窮鼠のような立場に立たされた者は誰でも”という、もともと、「塩鉄論」で論じられた内容を反映する表現になる。他方、格助詞

の「が」は主語を強調しそのうえで主語の行為に焦点を当てる働きがあるので、「猫を囓む」が注目の対象になる表現になる。

3.3. 上手の猫が爪を隠す（じょうずのねこがつめをかくす）

「上手の猫が爪を隠す」（じょうずのねこがつめをかくす）は、本当に能力のある人はその才能や技術をひけらかすことなく、控えめに振る舞う様子を表す諺である。江戸時代の俳諧集『毛吹草』（1638年）に見られる。猫が普段は爪を隠しているが、必要なときにはその爪を使って獲物を捕らえる様子から来ている。つまり、実力のある人が普段はその力を見せびらかさず、必要なときにだけその力を発揮するという驚きを表している。

類似の諺に「能ある鷹は爪を隠す」（のうあるたかはつめをかくす）がある。安土桃山時代の諺集「北条氏直時分諺留（ほうじょううじなおじぶんことわざどめ）」

（AD 16C 末 - 17C 初）に記載されていることが確認されている。この諺の由来は、鷹（タカ、hawk, 英語）の習性にある。鷹は非常に鋭い爪を持っているが、獲物を捕まえるまではその爪を隠しておき、獲物に近づいた瞬間に爪を出して仕留める。この行動が転じて、実力のある者ほどそれを見せびらかさないという意味になった。

「上手の猫が爪を隠す」と「能ある鷹は爪を隠す」は基本的に同じ意味を持つ。しかし、後者では取り立て助詞（副助詞）「は」が使われ、前者では格助詞「が」が使われており、「上手の猫は爪を隠す」と「能ある鷹が爪を隠す」のように両者が逆に使われたり、混用されることはない。このことは、助詞「が」と「は」の機能の違いのために「上手の猫が爪を隠す」と「能ある鷹は爪を隠す」に意味の違いが生じており、使われる場面も異なって来ることを示唆している。助詞の「が」と「は」の働きの違いから来る意味の違いは次のように説明できる。

格助詞「が」：

- ・主語を強調し、そのうえで、主語の行動に焦点を当てる役割がある。
- ・「上手の猫が爪を隠す」では、「上手の猫」という主語が強調され、特にその猫が爪を隠すという行動をしていることに焦点が当たる。

取り立て助詞（副助詞）「は」：

- ・主語を他と比較して強調し、行為の主体が主語であることに焦点が当てられる。
- ・「能ある鷹は爪を隠す」では、「能ある鷹」という主語が提示され、その鷹が爪を隠すという行動を「能ある鷹」であるからこそ行う行動であること、そして「能ある鷹」ならする一般的な行動であることを示している。

3.4. 猫は禿げても猫（ねこははげてもねこ）

「猫は禿げても猫」という表現は、猫は毛が抜けて禿げても猫であることに変わりはないという意味から、表面的な変化があっても本質は変わらないことを示す表現である。この表現の由来や原典については、具体的な出典が明確に示されているわけではないが、一般的には日常の観察から生まれたものと考えられる。

この慣用句は「A は B でも A」という形式を持っている。B でないことは A が A であるための必要条件ではない、すなわち本質的で欠かせない事柄ではないことを表現する。

A = 猫、そして、B = 禿げる、として、 $B \rightarrow \text{Not } A$ が「偽」であると述べている。従って、 $A \rightarrow \text{Not } B$ も成立しないと主張している。

A と B は例えば「猫」や「禿げる」以外の語に代替することは可能で、例えば、「猿は禿げても猿」、「猿は木から落ちてても猿」、あるいは、「猫は木から落ちてても猫」のように構文上は色々な変化形が考えられる。現実に使われる慣用句の中で「A = 猫」が選ばれているのは、古くからの人間との関わり合いの中で愛くるしく、かつ、神秘的な小動物として人間に愛されてきたという歴史が背景にあると考えられる。「B = 禿げる」が選ばれたのは毛が在ることは重要だけれどもそこが猫であることの本質ではない事柄であるからだと考えられる。「禿げている」ことは猫である為の本質的な要件では無いことは、古来から猫を見てきた人間には全くの既知であるが故に、あえて、「B = 禿げる」を採用することによって慣用句の論点を際立たせることが出来るのだと考えられる。

「猫は禿げても猫」の主語「猫」に取り立て助詞（副助詞）「は」が宛てられていることは、上記の考察から自然に理解できる。「は」は主語を強調し、述部に表現される事柄が一般的に成り立つ事柄であることを示す働きがある。「は」を用いることによって「禿げても猫」が一般的に成り立つことを強調することができまる。

4. 猫の言語学

成句、格言、諺、や慣用句は通常非常に短い文や句として表現され、会話や文章の中で使われるとそれらの内容を豊かにし、かつ、品格を高める働きがある。成句等は意味が凝集された短い文や句で表現されるために、それらを構成する単語はその成立の歴史や人間との係りの歴史など、背景となる事柄を背負って登場する。この背景となる事柄を会話の話し手と受け手の、文章の書き手と読み手の共通の理解として前提することによって初めて、意思伝達や情報伝達の手段として成り立つことになる。

成句や諺等は、短い構文で意味を伝えようとするために、助詞が省略されたり、逆に助詞を置くことによって内容を強調しようとする場合がある。また、中国語由来の句の場合には助詞を欠いていることがある。日本語の最も簡単な構文は、「主語」を S、「目的語を O、そして、動詞を V、として、

S-O-V あるいは S-V

の形を取る。S と O には通常助詞が付随する。これをそれぞれ p および p' と表すことにする。すると、日本語のもっとも簡単な構文は

Sp-Op' -V あるいは Sp-V

となる。このような短い構文においては、文の意味内容を決定するうえで助詞 p が大きな役割を果たす。主語につく代表的な助詞 p には「は」と「が」の 2 つがある。

p = 「は」と「が」の文 Sp-O-V および Sp-V 内での働きについては次のことが成り立つと考えられる。

・ p = 「は」：テーマを提示する助詞であり、一般的な事実や普遍的な事柄を述べる際に使われる。Sp-Op' -V および Sp-V の中で、S を強調し、その上で、S による行為 V が S にとって一般的であることを主張する。例えば、

「(S=能ある鷹)(p=は) (O=爪) (p' =を) (V=隠す)」

の場合、「能ある鷹」という一般的な存在がテーマとなり、その行動が普遍的な事実として述べられている。

・p = 「が」：特定の主語を強調する助詞であり、具体的な事例や特定の状況を述べる際に使われる。Sp-Op'-V および Sp-V の中で、具体的な存在として S を強調し、その上で、論の焦点を S による行為 V に当てる。例えば、

「(S=上手の猫) (p=が) (O=爪) (p' =を) (V=隠す)」

の場合、「上手な猫」という特定の存在が強調され、その行動が具体的な事例として述べられている。

このように、助詞「は」と「が」の使い分けによって、同じ意味を持つ慣用句でも微妙なニュアンスの違いが生じる。これにより、表現の幅が広がり、より豊かな言語表現が可能となる。

5. 結論

日本に於いて古来から愛玩動物として飼育されてきた「猫(cat, 英語)」を取り上げ、日本における「猫」の歴史と「猫」の呼称の由来について考察し、その上で、「猫」の人間との係りの中で発生し使われてきた「猫」を含む成句や諺について言語学的な立場から分析した。「猫」を主語とする成句や諺について、格助詞の「が」と取り立て助詞（副助詞）の「は」の使い分けについて詳しく考察し、さらに、「猫」を目的語とする成句や諺についても、主語との関係における助詞の「は」と「が」の使い分けについて詳しく考察した。

格助詞の「が」は主語を指示し述語に論の焦点を当てる働きがあり、取り立て助詞（副助詞）の「は」は主題を提示し述語が主題に対して一般的に成り立つことを示す働きがあるが、これらが、短い文、すなわち、成句や諺の中で使われた時には成句や諺の主張を際立たせ強化することを詳細な分析によって明らかにした。

参考文献

- [1] 松本悠貴, “遺伝子から見たネコの世界”, milsil、国立科学博物館、15, No.2, 6-8 (2022)。
- [2] 松本悠貴、中村保一, “猫のゲノム獣医療研究の最前線”, 猫の臨床専門誌「フェーリス」、18, 128-132 (2021)。
- [3] <https://moffme.com/article/1854>
- [4] 桐野作人、吉門裕, “猫の日本史” 戎光祥出版、2024年1月10日初版初刷
- [5] 小林明、DIAMOND online、2024年2月11日
<https://diamond.jp/articles/-/338674>
- [6] 柴内晶子、日本獣医史学雑誌 59 (2022) pp. 1-20
- [7] 大島建彦 校注・訳：猫の草紙、御伽草紙集、日本古典文学全集36、小学館 (1974)

- [8] <https://ja.wikipedia.org/wiki/日本国現報善悪霊異記>
- [9] <https://nekochan.jp/column/article/16529>
- [10] <https://yoji.jitenon.jp/yojie/2485>
- [11] 窮鼠猫を噛む - ウィクショナリー日本語版 (wiktionary.org)

RESOLVING THE PROBLEM OF SUBJECT DEFINING IN THE SIMPLE JAPANESE SENTENCE

Vasilina MEDZIULYANOVA

PhD candidate

Minsk state linguistic university, associate professor

Annotation. *The article deals with the status of subject in the simple Japanese sentence. Two kinds of subject (direct and indirect) are grounded. Direct subject, marked by the particle *ga*, expresses the immediate agent of event from the sentence semantic structure. The indirect subject, marked by the particle *wa*, is related to the action or state through the direct subject. The holo-meronomic relation between indirect and direct subject in sentences with non-subjective predicate is established. If the predicate is subjective one, then the compound predicate acts as a part of the whole in relation to the indirect subject. The compound predicate expresses the characteristics of the person represented by indirect subject, through a part of his mental space.*

Key words: *direct subject, indirect subject, simple sentence, particles *wa* and *ga*, subjective predicate, compound predicate, simple predicate, holo-meronomic, logical relation.*

When solving didactic and translation problems connected with the constant search for lexical and grammatical equivalents, it is impossible to avoid the need to identify the subject in the original Japanese text, which is presented as an obligatory structural component of the sentence in a number of European languages. Beginning with the study of Japanese grammar from a new 'europeanized' angle in the Meiji era (1868-1912), discussions on the status of subject in Japanese sentence have not subsided. Many Japanese linguists (K. Kusano, Y. Nakamura, A. Mikami, S. Bekku, and others) argue on this issue.

Judging by the publications on the topic of subject, two main debatable issues can be identified in this area: 1) is there a subject in a Japanese sentence; 2) if there is, how is it marked and how can it be recognized.

A number of scholars, primarily Japanese, argue that the subject identifying is inspired by European ideas about syntax; that a subject similar to that in European languages does not exist; and that a Japanese sentence remains fully legitimate with only a predicate in it [1], [2]. And what is traditionally called a subject is either a means of attracting attention (marked by the particle *wa*), or new information (marked by the particle *ga*) [3, p. 79-80]. In fact, such view addresses the actual division of a sentence into theme and rheme, topic and comment. Other scholars, including the Meiji era's linguist K. Kusano, are of the opinion that the Japanese subject does exist and it is highlighted in the surface structure on the basis of the particles *ga* or *wa* [4], [5, p. 190, 440].

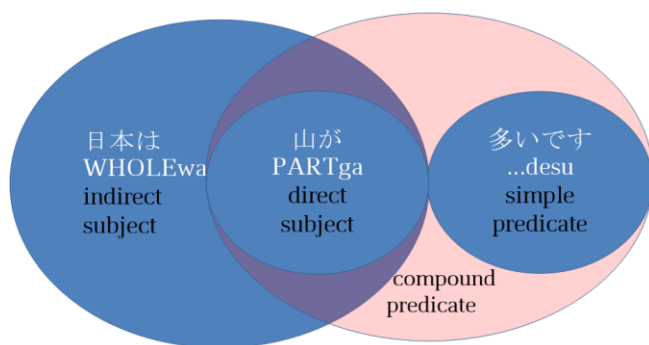
Moreover, in one simple sentence there can be more than one subject of different types [6, p. 256], [4], [7], as in the following example with two supposed subjects (*elephant* and *nose*): 像は鼻が長い. According to the American linguist S.

Martin, in a number of cases this is essentially due to a conflict between the surface and deep levels of the sentence, associated with the initially intransitive nature of the Japanese predicate [6, p. 257].

Yet we support the view that the root of the theoretical problem of subject defining in Japanese lies in the confusion of units of two other fundamentally different structures: syntactic, related to language system, and communicative, related to speech. Obviously, this confusion is due to the fact that, on the one hand, in Japanese the topic – a component of the communicative structure of the utterance, receives grammatical representation through the particle *wa*, and therefore it receives also grammatical status and must be somehow named in the sentence syntactic structure. On the other hand, the particle *wa*, by means of which the grammaticalization of the topic is carried out and therefore it received the name *thematic*, can also indicate the subject – a component of the syntactic structure. As M. Shibatani points out, "Japanese affords an interesting perspective on the two basic types of sentence construction that are generally merged in one direction or the other in many other languages" [8, p. 92]

The ambiguous status of the subject and the role of the particle *wa* leads to confusion in solving practical problems of teaching Japanese as a foreign language. Japanese textbooks usually avoid using the terms *subject* and *predicate*, which are familiar at least to Eastern European schoolchildren. It is proposed to memorize sentence patterns (*wa...ga*, etc.), for instance, as in the textbook *Minna no Nihongo*; or essentially 'form-to-content' approach is used, which involves considering the functions of various particles, including *wa* and *ga* (*Genki* textbook). In some textbooks, in attempt to combine elements of different functional levels, such terms as *thematic subject*, *nominative thematic case*, etc. are introduced into usage, and, judging by practical experience, learned with some difficulties.

Yet probably a large lot of experts in Japanese do not disagree about the function of the particle *ga*, which almost always, closely adjoining the substantive, indicates the latter as the subject of the action, state, etc. [6, p. 183], [5, p. 190]. At the same time it should be noted that if the particle *ga* indicates the subject, then the connection between the subject and the predicate is direct. If the subject is marked by the particle *wa*, then the connection between the subject and the predicate will be indirect. If both particles indicating the corresponding subjects are present in the sentence, then these subjects, firstly, are not isolated from each other, they are connected by logical hierarchical relations of the **whole** and the **part**; secondly, the *ga*-subject is part of a compound predicate characterizing the *wa*-subject (Picture 1).

Picture 1. Logical relation between subjects in the model *wa...ga*.

Let us provide some examples.

- 1) 日本は山が多いです。 *There are a lot of mountains in Japan.*
- 2) 太郎くんは頭がいいですね。 *Taro is smart.*
- 3) 私は気が変わりました。 *I changed my mind.*

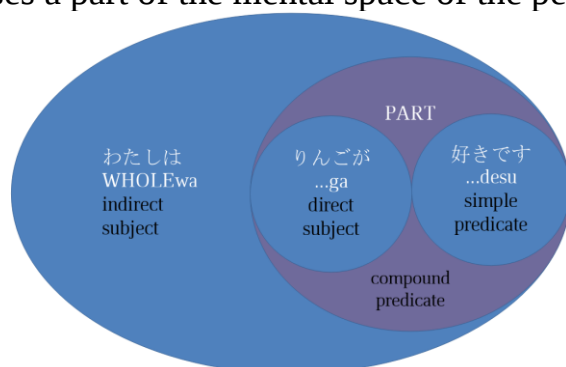
In the example (1), the *mountains* are part of *Japan* and characterize *it* by *their* abundance. In the example (2), the *head* is both literally and figuratively part of the *Taro*, who is characterized intellectually by *its* features. In the example (3), *my mood* is part of *me*: if *it* has changed, then in general *I* have changed my mind. Thus, with the sentence scheme *wa...ga*, one subject is indirectly related to the predicate through another subject, just as the whole is characterized by the features of its part.

Based on the above observations, we propose to operate with the terms of direct and indirect subjects by analogy with the existing concepts of direct and indirect objects. **Direct subject**, marked by the particle *ga* and may be an inanimate entity, expresses the immediate agent of the event in the sentence semantic structure. **Indirect subject**, marked by the particle *wa*, is related to the action or state through the direct subject.

As it can be seen, the *wa...ga* model as a characteristic of the whole through its part is especially revealing with words naming parts of the human body and soul, since the words of this class are in holo-meronymic relations and successfully combined with the semantics of this syntactic model. As it is known, they belong to the most ancient original layer of Japanese lexis [9] and are extremely common. There are hundreds of expressions involving such words in Japanese, for instance 気がまわる *to be attentive to someone*, 目が高い *to have good taste*, etc. We believe that their stability in the lexical language subsystem is associated with the opportunity they provide not to directly and unambiguously indicate the subject, that entirely correlates with Japanese politeness. They also allow somewhat to wall off from responsibility for the actions performed (*it's not me, but my hands*).

The *wa...ga* model with subjective predicates has a slightly different interpretation of meronymic relation. By *subjective* we mean the predicates, that denote psychophysiological processes and states of a person, such as thinking, sensations, experiences [10, p.97], expressed by verbs and adjectives like ほしい *desirable*, 好きな *favorite*, etc.

In such a structure of logical relations, not a part of a compound predicate (direct subject), but the entire compound predicate is part of the indirect subject (Picture 2). A compound predicate with a simple subjective one in its composition expresses a part of the mental space of the person expressed by a direct subject.

Picture 2. Logical relation between subjects in the model *wa...ga* with subjective predicate.

Let us look at the following examples.

(4) 私はりんごが好きです。 *I like apples.*

(5) 妹はドイツ語が上手ですよ。 *My younger sister is good at German.*

(6) 母は父がこいしいですよ。 *My mother misses my father.*

In the example (4), *my love for apples* is part of *my* preferences. In the example (5), *my younger sister's ability* is part of *her* skills. In the example (6), *my mother's feelings* occupy a certain part of *her* mental life. In all three cases, sensory and mental features are part of the internal mental space of the persons expressed in the syntactic structure by the indirect subject, which characterize them in some way.

It seems that any action or state of a person can be attributed to parts of his body or soul. Therefore, in any Japanese sentence we can assume the presence of a direct subject. For example, the sentence *Watashi wa daigaku he ikimasu* can be represented as *Watashi wa [ashi ga] daigaku he ikimasu*. However, with many verbs such usage has not taken root in speech practice due to probable semantic redundancy, as well as with adjectives of Chinese origin, containing in their semantics defining and defined components. For instance, 利口な *smart* is interpreted by hieroglyphs like 'quick mouth'. It can be accepted that in such sentences the direct subject is omitted, and the verbs in relation to the indirect subject are used metaphorically.

I. Takashi gives an interesting example with the omission of the direct subject [11, p. 193]:

(7) 学問の自由はこれを保障する。

At first glance, this sentence may be translated as *Freedom of science guarantees this*. However, the author interprets it as *Freedom of science is guaranteed [by people, the constitution, etc.]*, and it can be presented like 学問の自由を憲法が保障する。

In such examples the ambiguity is caused by the direct object as the topic of the utterance, which is marked by the particle *wo* in the rheme, but loses it in the thematic position. In cases where the particle *wa* is used for marking of a direct

object, that can only be understood from the context, the indirect subject and compound predicate are absent in the sentence (provided that there is one particle *wa* there). Consequently, the holo-meronimic relationship between them or their components is not established. Such utterances are constructed with a deviation from the basic word SOV order of a simple Japanese sentence.

It is also necessary to take into account the existence of another function of the particle *ga* – an emphasizing one. In this case the particle *ga* is directly adjacent to the indirect subject. Such sentences can be translated into English using the construction *it is ... who ...*. For example:

(8) 私がみかんが好きですよ。 *It is me who likes tangerines.*

In example (8) there are two particles *ga* in different functions: the first one – in the emphasizing one, the second *ga* marks the direct subject.

Summarizing the above, we can conclude that the problem of defining the subject in a simple Japanese sentence consists in finding a way to combine two fundamentally different levels of utterance consideration: syntactic and communicative. This is due to the fact that the component of the communicative structure – topic – is marked grammatically in Japanese. The posed problem can be solved by identifying the nature of the logical-semantic connection between the direct and indirect subjects, subjects and predicates. In any simple Japanese sentence with the basic word order or containing particle *wa* it is possible to imply the direct and indirect subjects, which in the case of a non-subjective predicate are connected by holo-meronimic relations. If the predicate is subjective one, then a compound predicate acts as a part of the whole in relation to the indirect subject. The compound predicate expresses the characteristics of the person represented by indirect subject, through a part of his mental space.

References

1. 三上章, 象は鼻が長い, 日本文法入門 (改訂増補版), くろしお出版, 1969, 270 ページ.
2. 金谷武洋, 日本語に主語はいらない (講談社選書メチエ 230), 講談社, 2002, 256 ページ.
3. 金谷武洋, 日本語文法の謎を解く: ある日本語とする英語 (ちくま新書 383), 筑摩書房, 2003, 189 ページ.
4. 草野清民, 国語ノ特有セル語法—総主, 帝国文学, 五卷, 五号, 1899.
5. Алпатов, В. М. Теоретическая грамматика японского языка: в 2 кн. / В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлеская. – М.: Наталис, 2008. – Кн. 1. – 559 с.
6. Martin, S. A Reference grammar of Japanese / S. Martin. – Rutland: C. E. Tuttle, 1988. – 1198 p.
7. 青山文啓, 二重主語構文と辞書 // 第 10 回日本語教育連絡会議総合報告書 (Proceedings of the 10th International Conference on Japanese Language Teaching, July 1997, Ljubljana), ページ 9–13.
8. Shibatani, M. The languages of Japan / M. Shibatani. – Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 1990. – XV, 411 p.
9. Уэмура С. Курс лекций из истории японского языка [Electronic resource] / С. Уэмура. – К.: КНУ им. Т. Шевченко. – Mode of access:

[http://www.philology.kiev.ua/php/HYPERLINK"http://www.philology.kiev.ua/php/26bibl.html"26HYPERLINK"http://www.philology.kiev.ua/php/26bibl.html"bibl.html](http://www.philology.kiev.ua/php/HYPERLINK). Date of access: 12.07.2023.

10. Медюлянова В.А. Персональный дейксис в японском языке: функциональный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / В.А. Медюлянова. – Минск, 2022. – 155 л.

11.磯谷孝, ロシア語作文教程:Учиться переводу с японского языка на русский, 三省堂, 1973, 263 ページ.

«НОВЕЛЛИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА» И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ КОМПОЗИЦИОННЫХ СРЕДСТВ РОМАНА «ГЭНДЗИ МОНОГАТАРИ»

Альфия ХАБИБУЛИНА

Стажер-преподаватель

Ташкентский государственный университет востоковедения

Аннотация: *Статья анализирует новеллистическую структуру Гэндзи моногатари, подчеркивая его эпизодичность. Рассматривается автономность глав и их связь в рамках общей композиции. Особое внимание уделяется роли "глав-новелл" в организации текста. Автор сравнивает различные подходы к интерпретации структуры романа. Обсуждаются композиционные средства и их влияние на восприятие произведения. Анализ проводится в контексте японской литературной традиции. Рассматриваются мнения исследователей о целостности текста.*

Ключевые слова: *Гэндзи моногатари, новеллистическая структура, эпизодичность, японская литература, композиционные средства, главы-новеллы, сюжетная линия, тематическая целостность, критический анализ.*

Abstract: *The article analyzes the novelistic structure of The Tale of Genji, emphasizing its episodic nature. It examines the autonomy of chapters and their connection within the overall composition. Special attention is given to the role of "novella-like chapters" in structuring the text. The author compares various approaches to interpreting the novel's structure. The study discusses compositional techniques and their impact on the perception of the work. The analysis is conducted within the context of the Japanese literary tradition. Researchers' perspectives on the text's integrity are also considered.*

Keywords: *The Tale of Genji, novelistic structure, episodicity, Japanese literature, compositional devices, novella-like chapters, plotline, thematic integrity, critical analysis.*

Роман Гэндзи моногатари («Повесть о Гэндзи»), написанный Мурасаки Сикибу в XI веке, считается одним из важнейших произведений японской и мировой литературы. Это не просто повествование о жизни придворного аристократа, но и сложное художественное произведение, в котором переплетаются темы любви, судьбы, времени и бренности человеческого существования. Уникальность Гэндзи моногатари во многом обусловлена его структурой, которая значительно отличается от привычных для европейской традиции романских форм.

Вопрос композиции Гэндзи моногатари на протяжении веков остается объектом изучения как японских, так и зарубежных исследователей. Особый интерес вызывает концепция новеллистической структуры произведения, предполагающая, что главы представляют собой относительно самостоятельные эпизоды, которые можно рассматривать как отдельные

новеллы. При этом между ними сохраняется сюжетная связь, формирующая единое повествовательное полотно. Это делает роман уникальным с точки зрения организации текста и требует особого подхода к его анализу.

В данной статье рассматривается, как новеллистическая структура Гэндзи моногатари влияет на восприятие произведения, как автономность глав сочетается с их общей композицией и какие приемы использует автор для создания цельного литературного произведения. Анализируется мнение различных исследователей, предлагаются интерпретации роли отдельных эпизодов, а также обсуждается значение этой структуры в контексте японской литературной традиции. Японские исследователи, как правило, отмечают «эпизодичность» (場面性 *бамэнсэй*) и «новеллистичность» (短編性 *тампэнсэй*) «Гэндзи моногатари» [風巻啓二路(1961)「日本文学史の研究」東京. - р.133]; указывают на то, что роман состоит из «глав-новелл», многие из которых представляют собой сюжетно законченное самодостаточное целое[中田康之(1967)「平安時文学の文芸定期」東京. – р. 223]. «Главам-новеллам» (短編編 *тампэн-хэн*) первой части романа посвящен специальный раздел в «Истории японской литературы» [中田康之(1967)「平安時文学の文芸定期」東京. – pp. 223—266.]. об «эпизодичности» «Гэндзи моногатари» пишет Накада Ясуюки.

Такая структура романа создает эффект мозаичности, позволяя читателю воспринимать каждую главу как отдельное художественное произведение, но при этом сохраняя ощущение общей связности повествования. Одним из инструментов, объединяющих главы, является повторяющийся мотив воспоминаний и эмоциональных состояний персонажей, что способствует плавному переходу между различными частями произведения. Например, в главе "Югао" особое внимание уделяется переживаниям Гэндзи, связанным с утратой возлюбленной, что находит отклик в последующих главах.

Кроме того, Мурасаки Сикибу использует прием перекрестного развития персонажей: герои, впервые появляющиеся в одном эпизоде, получают дальнейшее развитие в последующих частях романа. Это создает эффект исторической глубины и последовательности, который отличает "Гэндзи моногатари" от более традиционных сборников новелл, распространенных в тот период. Важно отметить, что такая структура характерна для японской литературной традиции, где большое значение придавалось фрагментарности и созерцательному восприятию жизни. Влияние подобного подхода можно увидеть и в последующих произведениях, таких как "Цурэ-дзурэ-гуса" и "Ходзёки", где также присутствует эпизодическая композиция. Следовательно, "Гэндзи моногатари" сочетает в себе черты как цельного романа, так и сборника отдельных новелл, что делает его уникальным явлением в японской литературе. Эта особенность не только расширяет возможности

художественного выражения, но и влияет на способы интерпретации произведения различными поколениями читателей и исследователей.

Кубота Уцубо, например, говорит о самостоятельных (по существу) темах глав «Югао» и «Цветок шафрана». Тема первой, по его определению, — «предрешенность смерти» (死の因縁 *си-ноиннэн*), тема второй — «разочарование» (幻滅 *гэммэ-цу*). Кадзамаки Кэйдзиро и Аояги Акио пишут о наличии в романе «групп глав», или «групп эпизодов». «Группу эпизодов» составляют, например, как считает Аояги Акио, главы «Дерево-метла», «Югао» и «Уцусэми». «Югао» и «Уцусэми» имеют прямую связь лишь с главой «Дерево-метла». овеллистическая структура "Гэндзи моногатари" позволяет рассматривать его как собрание автономных, но связанных между собой эпизодов, формирующих цельное повествование. Данное свойство делает роман уникальным для японской литературной традиции и объясняет его влияние на последующие литературные произведения.

Многие ученые выделяют часть глав, которые, по их мнению, не имеют непосредственной связи с основной линией романа. К их числу относят в первую очередь главы «Кирицубо», «Дерево-метла», «Югао», «Уцусэми», «Цветок шафрана», «Праздник алых листьев», «Юная Мурасаки».

Кадзамаки Кэйдзиро говорит об основной линии и «сопутствующих главах», «не имеющих прямого продолжения», к которым он относит помимо указанных семи главы «Дворец в зарослях» и «На границе» [風巻啓二路(1961)

「日本文学史の研究」東京. - p. 133.] (окадзаки Ёсиэ называеих «вставными эпизодами»). Некоторые исследователи, в том числе Накадзима Эдудзи, указывают на то, что последовательность написания глав не всегда соответствует последовательности расположения их в романе. Например, в соответствии с рядом версий, глава «Кирицубо» была написана позже некоторых других [中島悦治(1957)「古典の新研究『源氏物語』」東京. - p.250]. Аояги Акио считает, что раньше всех была написана глава «Юная Мурасаки».

Накадзима Эдудзи выдвигает свою концепцию композиционной структуры «Гэндзи моногатари». он уподобляет ее в структуре литературы сэцува («сэцува бунгаку»). Памятник литературы «сэцува» представляет собой сборник разно жанровых коротких произведений — рассказов, обработанных легенд, притчей, былин, отрывков из повествовательной прозы, объединенных общей концепцией.

Концепция «сэцува бунгаку» (説話文学), предложенная Накадзимой Эдудзи в анализе структуры «Гэндзи моногатари», представляет особый интерес. Литература сэцува традиционно включает сборники рассказов, легенд, притч и других коротких произведений, объединенных общей темой или мировоззренческой концепцией. В таких сборниках часто встречаются элементы устной традиции, где отдельные эпизоды могут существовать автономно, но в совокупности формируют цельную картину.

Накадзима Эдудзи уподобляет структуру «Гэндзи моногатари» этому принципу, подчеркивая, что главы романа, хотя и связаны общим повествованием, могут читаться как самостоятельные новеллы. Это особенно заметно в первой части романа, где ряд эпизодов имеет собственные законченные сюжетные арки. Например, главы «Югао» и «Цветок шафрана» демонстрируют разные темы («предрешенность смерти» и «разочарование»), что сближает их с самодостаточными притчами или легендами, характерными для литературы сэцува.

Однако важное отличие состоит в том, что «Гэндзи моногатари» использует эти элементы в рамках более сложной повествовательной структуры. В отличие от традиционных сэцува-сборников, роман не представляет собой просто набор историй, а создает многослойный и взаимосвязанный мир. Это позволяет говорить о синтезе новеллистичности и эпической целостности, что делает произведение уникальным в японской литературе. Таким образом, концепция Накадзимы Эдудзи раскрывает одну из ключевых особенностей «Гэндзи моногатари»: сочетание автономности глав и общей композиции, что одновременно роднит его с устной литературной традицией и отличает от нее.

Японские литературоведы часто обращают также внимание на имеющиеся в романе «пропуски», на «недостающие главы». одной из таких «недостающих глав» принято считать главу о Фудзицубо, которую дописал Норинага, дав ей название «Принцесса сияющего солнца» («Кагаяку хи-но мия»).

Естественно, проводятся аналогии со структурой лирической повести «Исэ моногатари». Эпизоды-отрывки, из которых она состоит, представляют собой (каждый в отдельности) сюжетно законченное целое, не обнаруживающее видимой причинно-следственной связи с предшествующим и последующим эпизодами. Большинство глав романа представляются такими же сюжетно завершенными эпизодами, разве что более пространными. Некоторые из них действительно оставляют впечатление «самостоятельных новелл», «вставных эпизодов» и т. п.

Здесь уместно вспомнить концепцию композиции художественного произведения, принадлежащую Ито Сэй. Согласно этой концепции, существуют два типа литературных произведений — «линейные», где действие сосредоточено вокруг одного главного героя (остальные герои проходят в основном каждый по своей линии, не соприкасаясь друг с другом), и «оркестровые», где действия героев объединены, связаны в единое целое. Примером первого типа Ито Сэй считает роман Мурасаки Сикибу, примером второго типа — «Войну и мир» Толстого [意図性(1971)「文学入門」東京. - pp.18—23].

Такое разграничение литературных структур позволяет взглянуть на «Гэндзи моногатари» не только как на собрание отдельных новелл, но и как на произведение с особой художественной логикой. Если следовать

концепции Ито Сэя, роман можно рассматривать как «линейный» не только в плане сюжетного развития, но и с точки зрения восприятия главного героя — Хикару Гэндзи, чья жизнь является связующим звеном между эпизодами. Однако даже в этой «линейности» можно найти элементы, выходящие за рамки традиционного повествования.

Одним из таких элементов является смена повествовательных фокусов в разных частях романа. Например, во второй половине повествование отходит от самого Гэндзи и сосредотачивается на его потомках, особенно на Каору и Ниё. Это добавляет структуре произведения многослойность, делая его чем-то большим, чем просто хроникой одной жизни.

Интересно, что подобная особенность композиции наблюдается в японской литературе и позже, например, в ряде произведений периода Эдо, где тоже присутствуют сборные структуры. Однако, в отличие от более поздних сборников рассказов, объединенных тематикой или персонажем, «Гэндзи моногатари» сохраняет глубину эмоциональной и психологической проработки, что делает его не просто последовательностью новелл, а цельным художественным высказыванием.

Эта особенность перекликается с традицией восприятия японского искусства в целом. В живописи, поэзии и театре важную роль играет концепция фрагментарности, ассоциируемая с принципами моно-но аварэ (печальная прелесть вещей) и югэн (тонкая, скрытая красота). Возможно, именно благодаря такому подходу «Гэндзи моногатари» до сих пор сохраняет свою актуальность — его сюжет словно приглашает читателя не просто следить за событиями, а созерцать их, позволяя каждому эпизоду звучать самостоятельно, но при этом формируя общее настроение произведения.

Из этого следует, дискуссия о структуре «Гэндзи моногатари» не сводится к простому определению его как линейного или эпизодического романа. Скорее, он представляет собой гибридный литературный феномен, в котором западные категории цельности или разрозненности оказываются недостаточными для полного понимания его художественной природы.

Произведение Мурасаки в определенном смысле тяготеет к «линейному» типу композиции: действие романа в значительной мере сконцентрировано вокруг основного героя. Большинство других персонажей связано с ним, но вместе с тем каждый представляет свою, обособленную сюжетную линию, — персонажи не контактируют между собой. Однако в «Гэндзи моногатари» мы находим далеко не все признаки произведения «линейного» типа. В качестве одного из главных признаков «линейного» произведения Ито Сэй отмечает «отсутствие развития образов в глубину», в романе же Мурасаки характеры разработаны достаточно глубоко с проникновением во внутренний мир человека. И второй момент: нами уже отмечались идейные и тематические связи в романе, сами по себе говорящие о наличии определенного художественного плана, которому следовала

писательница в работе над произведением и который в совокупности с многими другими факторами не позволяет рассматривать его в композиционном отношении на одном уровне с произведениями эссеистического типа. В «новеллистической» структуре «Гэндзи моногатари» и обусловленных ею элементах «линейной» композиции следует видеть, как нам кажется, отражение неких общих закономерностей развития сюжетной прозы. Ито Сэй, например, совершенно справедливо подчеркивает, что создание произведений «оркестрового» типа относится к более позднему периоду, показательно для нового времени. Ито Сэй и связывает их появление с развитием торговли и капиталистических отношений вообще, приходящих на смену феодальной раздробленности, изолированности классов и сословий и способствующих человеческой общности [意図性(1971)「文学入門」東京. – pp. 20-22].

Таким образом, «новеллистичность» «Гэндзи моногатари» в определенном смысле является отражением общих закономерностей развития произведений художественной литературы крупных форм в средние века.

Вместе с тем мы не можем не обратить внимания на явно ощущаемую в трудах упомянутых выше японских ученых тенденцию к преувеличению роли и даже к абсолютизации «новеллистической» структуры «Гэндзи моногатари». Со своей стороны, мы не склонны ни квалифицировать отдельные главы романа как «самостоятельные новеллы», ни выделять в его структуре главы основные и вспомогательные, вставные эпизоды, сопутствующие главы и т. д. Японские филологи исходят из критериев сюжетно-фабульной композиции, показательно и для японского романа нового времени, тогда как композиционная система романа Мурасаки нам представляется сложной и своеобразной, в определенном смысле даже синкретичной, и ее едва ли можно однозначно определить как «новеллистическую».

Писательница связывает между собой части и главы романа единством идеи и замысла, единством тематики и общего содержания, единством героя, и в определенных частях повествования эти связи оказываются превалирующими. Вместо внешних ситуационных, причинно-следственных форм связи на первый план выступают связи внутренние, глубинные, которые могут показаться малозначащими или остаться вовсе не замеченными. Только этим можно объяснить обнаружение в романе «самостоятельных глав», «вставных эпизодов» и т. п.

Внутренняя сюжетная завершенность ряда глав романа и отсутствие внешней связи их с основной сюжетной линией могут создавать видимость их автономности. однако это едва ли дает основания именовать их самостоятельными главами, вставными эпизодами. Любая глава романа, будучи изъятой из его контекста, если и сможет существовать как самостоятельная новелла, то получит иное звучание, предстанет в ином

идейно художественном качестве. Здесь уместна параллель с японскими стихами аллегорического содержания. Японская аллегория отличается от западной более скрытым, замкнутым характером. Не зная ситуации, контекста, нелегко бывает обнаружить и раскрыть ее. Многие из таких стихотворений могут существовать и как обычные «песни природы», вне связи с их идеей и замыслом, но это уже иное качество! [Боронина И. А. Поэтика классического японского стиха (VIII—XIII вв.). М., 1978. С. 97-98]. То же можно сказать и о «главах-эпизодах» романа.

Возьмем, например, главу «Аои». В ней представлена суть взаимоотношений Гэндзи и Аои как некоего сложившегося фактора. Вне контекста романа остается неясной до конца причина той отчужденности, которая существовала между Гэндзи и его официальной женой. Причина эта не только в «легкомыслии» и неверности Гэндзи, как может показаться на первый взгляд. И раскрывается она не здесь, а много раньше - в главе «Кирицубо», где говорится о женитьбе Гэндзи. Писательница подчеркивает, что Аои, будучи на четыре года старше Гэндзи, *彼を子供のように見て、むしろ彼を恥じていた* «смотрела на него как на ребенка и, скорее, стыдилась его». Она была чопорна, горда, прямолинейна, и это сдерживало чувство Гэндзи. Затем в главе «Юная Мурасаки» говорится, что Аои «даже не спросила Гэндзи о его здоровье», когда он навестил ее после своей измены. Далее, в главе «Цветок шафрана» содержится намек на то, что Гэндзи искал сближения с Аои, однако безуспешно: *彼が愛していた別の場所では、寒さと誇りの表出が次々と続いた* «В другом месте, где искал он любви, проявления холодности и гордыни следовали одно за другим».

Этот пример наглядно демонстрирует, что смысл многих сцен и взаимоотношений в «Гэндзи моногатари» раскрывается лишь в более широком контексте произведения. Глава «Аои» сама по себе может восприниматься как законченная история — драматическое столкновение страсти, ревности и надменности, завершающееся трагической смертью героини. Однако без знания предшествующих эпизодов трудно понять всю глубину этой трагедии, ее предопределенность и психологическую сложность.

Такой прием можно рассматривать как одно из проявлений структуры романа, в которой каждая глава — это не просто отдельная новелла, но часть более масштабного художественного замысла. В этом смысле «Гэндзи моногатари» отличается от классических западных повествовательных форм, таких как роман XIX века, где сюжетные линии, как правило, строятся на четкой причинно-следственной связи.

Еще один интересный аспект состоит в том, как Мурасаки Сикибу использует повторы и переклички между разными главами. Например, холодность Аои перекликается с отстраненностью Леди Рокудзё, но если первая воспринимает Гэндзи скорее как чужого ей человека, то вторая испытывает к нему страстные, но мучительные чувства. В свою очередь,

отношения Гэндзи с Юной Мурасаки можно рассматривать как попытку компенсировать эмоциональную отчужденность, с которой он столкнулся в браке с Аои.

Получается, композиция романа формирует не только последовательность событий, но и сложную систему мотивов и перекличек, придающих произведению особую глубину. Гэндзи, переходя от одной женщины к другой, словно проходит через разные эмоциональные состояния, которые складываются в цельный, но не линейный портрет его личности. Это еще раз подчеркивает уникальность структуры романа — он одновременно и эпизодичен, и связан единой художественной логикой.

В главе «Сума» (Аои уже нет в живых) Гэндзи посещает отца Аои, к тому времени отставного министра, и видится со своим маленьким сыном от Аои. Их встреча обнаруживает привязанность Гэндзи, к ребенку, вновь пробуждает его воспоминания об Аои. И это вносит какие-то новые штрихи в понимание образа и судьбы этой женщины. Иначе говоря, вне общего контекста логика развития характера Аои и взаимоотношений супругов оказывается утраченной для читателя.

Более того, изъятие из текста романа главы «Аои» нанесло бы ущерб полноте раскрытия другого художественного образа — Рокудзё, которая в силу своей ревливой и мстительной натуры оказывается невольной причиной болезни и смерти Аои. С историей Аои связаны и сложные переживания Рокудзё, частично показанные в данной главе, частично в последующих, и ее дальнейшие действия, в том числе и решение, покинуть столицу, а также и развитие ее отношений с Гэндзи, последовательно раскрываемое в этой и других главах романа. Кроме того, через взаимоотношения с Аои в этой главе выявляется и ряд черт характера самого Гэндзи: он осознает свою неправоту по отношению к Аои, испытывает раскаяние в том, что «так долго пренебрегал этой прекрасной женщиной».

Кроме того, сохранение главы «Аои» в тексте романа необходимо не только для полноты характеристики Гэндзи, Аои и Рокудзё, но и для понимания общей темы произведения — сложности человеческих чувств, их изменчивости и трагичности. Взаимоотношения героев показывают, как любовь, ревность, обида и раскаяние переплетаются, формируя судьбы персонажей.

Гэндзи, осознающий свою вину перед Аои после её смерти, предстает не просто как блистательный молодой аристократ, но как человек, способный к саморефлексии и глубоким переживаниям. Это раскаяние усиливается его встречей с сыном: ребёнок становится живым напоминанием об утраченной женщине, чьи чувства Гэндзи при жизни не до конца ценил. Этот момент позволяет читателю увидеть Гэндзи не только как соблазнителя, но и как человека, несущего последствия своих поступков.

Что касается Рокудзё, её ревность и сверхъестественное воздействие на Аои раскрывают тему внутренней борьбы, свойственной многим

персонажам романа. Она не просто коварная соперница, но и трагическая фигура, раздираемая противоречиями. Виноватой в смерти Аои она становится не по собственной воле, а в силу мощных, неуправляемых эмоций, что делает её образ ещё более сложным и многослойным.

Таким образом, изъятие главы «Аои» ослабило бы смысловую и эмоциональную ткань романа, нарушив целостность повествования. Без неё сложно было бы в полной мере понять чувства Гэндзи, трагедию Рокудзё и саму Аои, которая, несмотря на свою внешнюю сдержанность, оказывается важной фигурой в развитии всех этих сюжетных линий.

Глава «Дерево-метла», значительная часть которой посвящена разбору женских характеров, раскрывает типичные черты хэйанской женщины, которые в последующих главах найдут свое воплощение в конкретных женских образах. Глава чрезвычайно важна для раскрытия характера Тюдзё, одного из главных мужских персонажей романа, и самого Гэндзи, не говоря уж о том, что здесь содержится завязка историй Югао и Уцусэми, которые имеют либо продолжение («Уцусэми» — в главе «На границе»), либо связь с последующими главами («Югао» с «Тамакадзура»).

Глава «Дерево-метла» интересна тем, что в ней одновременно сочетаются несколько повествовательных функций: характеристика женских образов, развитие персонажей Гэндзи и Тюдзё, а также завязка будущих сюжетных линий. Это еще раз подтверждает, что роман строится не как линейное повествование, а как сложная сеть взаимосвязанных эпизодов, в которых одни события подготавливают читателя к последующим, а другие находят свое отражение в будущих главах.

Особенно примечательно, что обсуждение женских характеров в этой главе имеет не только описательный, но и программный характер. В нем словно закладываются те архетипы, которые впоследствии воплотятся в образах конкретных героинь: утонченная и хрупкая Югао, гордая и недоступная Уцусэми, страстная Рокудзё, сдержанная и благородная Аои. Следовательно, глава выполняет функцию своеобразного пролога к многочисленным любовным историям Гэндзи.

Связь главы с последующими эпизодами («Югао» и «Уцусэми») показывает, что даже относительно самостоятельные новеллистические части романа все же объединены общей композицией. Причем эта связь выражается не только на уровне сюжета, но и через мотивы и образы. Например, в «Югао» Гэндзи впервые сталкивается со смертью возлюбленной, что затем отзовется в его дальнейших отношениях с женщинами, а глава «Тамакадзура» можно рассматривать как своеобразное продолжение истории Югао через судьбу ее дочери.

Исходя из этого, «Дерево-метла» оказывается не просто фрагментом повествования, а важным узлом, связывающим несколько сюжетных линий и раскрывающим центральные мотивы романа. Это еще один пример того, как Мурасаки Сикибу создает сложное и многослойное повествование, где

отдельные эпизоды могут восприниматься как самостоятельные новеллы, но при этом встраиваются в общую художественную концепцию произведения.

Исходя из этого, «эпизодичность» характеризует, структуру романа, по сути дела, лишь на одном из его уровней — на уровне внешних связей глав между собой.

Рассмотрение Гэндзи моногатари через призму новеллистической структуры позволяет глубже понять его композиционное устройство и художественный замысел. Одним из ключевых аспектов произведения является эпизодичность: каждая глава обладает относительной автономностью, что сближает роман с жанром новеллы. Однако эта автономность не означает разобщенность — напротив, главы связаны между собой сквозными сюжетными линиями, повторяющимися мотивами, системой символов и развитием характеров героев.

Подобная структура придает произведению особую динамику, создавая ритм повествования, который не подчиняется традиционному линейному развитию событий. В Гэндзи моногатари прошлое, настоящее и будущее героев переплетаются, а эмоциональные состояния и внутренние переживания персонажей играют не меньшую роль, чем внешние события. Благодаря этому роман сочетает в себе элементы эпизодического повествования и монументальной литературной формы, что делает его уникальным явлением в японской литературе.

Таким образом, Гэндзи моногатари можно рассматривать как произведение, находящееся на стыке разных повествовательных традиций. С одной стороны, его эпизодичность позволяет читать главы как отдельные истории, а с другой — сложная система связей между эпизодами формирует единое, цельное произведение. Анализируя новеллистическую структуру Гэндзи моногатари, мы получаем более глубокое понимание его художественного своеобразия и особенностей японской классической прозы.

Список использованной литературы:

1. Боронина И. А. Поэтика классического японского стиха (VIII—XIII вв.). М., 1978.
2. Боронина И. А. Классический японский роман («Гэндзи моногатари» Мурасаки Сикибу) / Отв. ред. Т. П. Григорьева. — М. : Наука, 1981
3. 久松仙一(1973)「日本文学先般」東京.
4. 国語国文学研究し体制『源氏物語』(1960-1961)、東京.
5. 中田康之(1967)「平安時文学の文芸定期」東京.
6. 中島悦治(1957)「古典の新研究『源氏物語』」東京.
7. 意図性(1971)「文学入門」東京.
8. 風巻啓二路(1961)「日本文学史の研究」東京.

YAPON TILIDAGI ISTAK VA XOHISHNI IFODALOVCHI FE'L SHAKLLARINI O'ZBEK TILIDAGI V-MOQCHI FE'L SHAKLI BILAN QIYOSLASH VA YAPON TILI TA'LIMIGA TAKLIF

Shinsuke HIDAKA
University of Tsukuba

Abstract: Previous studies have stated that V-moqchi in Uzbek, a language of the Turkic family's Southeastern branch, conveys intention, plan, and desire. However, a unified description of its meaning has not yet been established. This study aims to provide a consistent account of V-moqchi's meaning by contrasting it with Japanese, where intention, plan, and desire are expressed through distinct forms. Specifically, it compares V-moqchi with the Japanese expressions for intention ((-u)=tumori=da "intend to do"), desire ((-i)-tai "want to do"), and plan ((-u)=yotei=da "plan to do"), using examples from prior research and the author's own data. The findings reveal that V-moqchi corresponds to both intention (-u)=tumori=da and plan (-u)=yotei=da. Consequently, this study concludes that V-moqchi primarily expresses a plan. I suggest a point to consider when a teacher instructs Uzbek native speakers on Japanese (-i)-tai, based on this conclusion.

Keywords: Japanese, Uzbek, intention, plan, V-moqchi

Annotatsiya: Oldingi tadqiqotlarda turkiy tillarning janubi-sharqiy guruhi tarkibiga kiruvchi o'zbek tilidagi V-moqchi shakli niyat, reja va xohishni ifodalashi ta'kidlangan. Biroq, uning ma'nosi bo'yicha yagona tavsif hali shakllanmagan. Ushbu tadqiqot V-moqchi shaklining ma'nosini to'liq yagona tasvirlashni maqsad qilgan bo'lib, u maqsad, reja va xohish alohida shakllar bilan ifodalanadigan yapon tili bilan qiyoslanadi. Xususan, ushbu shakl yapon tilidagi maqsadni ifodalovchi (-u)=tumori=da, xohish-istakni ifodalovchi (-i)-tai, hamda rejani ifodalovchi (-u)=yotei=da shakllari bilan solishtiriladi. Tahlil esa oldingi tadqiqotlardan olingan yoki muallif tomonidan tuzilgan misollarga asoslangan. Natijalar shuni ko'rsatdiki, V-moqchi shakli maqsadni ifodalovchi (-u)=tumori=da hamda rejani ifodalovchi (-u)=yotei=da shakllari bilan mos keladi. Shu sababli, ushbu tadqiqot oxirda V-moqchi shakli asosan reja ma'nosini anglatadi degan xulosaga kelindi. O'qituvchi o'zbek tilisi ona tili bo'lgan talabalarga yapon tilidagi (-i)-taini o'rgatayotganda, shu xulosaga asoslanib, e'tiborga olish kerak bo'lgan fikrni taklif qilaman.

Kalit so'zlar: yapon tili, o'zbek tili, maqsad, reja fe'l shakli, V-moqchi

Kirish. O'zbek tili (Tukiy tillarning janubiy-sharqiy guruhiga tegishli) dagi V(erb stem)-moqchi o'zbek tilining gramatikasi (Kononov 1960, Bodrogligeti 2003) ga ko'ra, maqsadni ifodalaydi. Hidaka (2021) "muqarrar/belgilangan maqsad" (Moriyama 1990) yoki rejani ifodalashini va Hidaka (2024) amalga oshish imkoniyati baland bo'ladigan voqea-hodisaga tegishli xohishni ifodalashini aytadi. Ammo, oldingi tadqiqotlar V(erb stem)-moqchi ning to'liq yagona izohini bera olmadi. Ushbu tadqiqotning maqsadi xohish-istak, maqsad va reja turli shakllarda ifodalanadigan yapon tili bilan qiyoslash orqali V-moqchining yagona izohini yoritib berishdir. Bu maqolada muallif maqsadni ifodalovchi (-

u)=*tumori*=*da*, xohish-istak ifodalovchi (*-i*)-*tai* va rejani ifodalovchi (*-u*)=*yotei*=*da* ni Hidaka 2021 va 2024 da ko'rsatilgan yoki muallif tomonidan keltirilgan misollar bilan qiyoslaydi. Tadqiqot natijasi shuni ko'rsatdiki, *V-moqchi* shakli ko'p jihatdan (*-u*)=*tumori*=*daga* o'xshash, lekin shuningdek (*-u*)=*yotei*=*da* ifodalagan ma'noga ham ega, ya'ni so'zlovchidan boshqa odamlarning kelishib, qaror qilingan hodisalarga ham ishlatishi mumkin. Xulosa sifatida shuni aytishimiz mumkinki, *V-moqchi* rejani ham ifodalaydi.

Bu maqola quydagicha tuzilgan: 2-bo'limda oldingi o'tkazilgan tadqiqot va muhokamalardan kelib chiqqan natija asosida xulosani keltiramiz. Ushbu maqola Hidaka (2024b) maqolasining qo'shimcha ma'lumotlar bilan boyitilgan nuxsasi hisoblanadi.

1. Oldingi ilmiy tadqiqotlar va muammolarni ko'rsatish

Avvalo, o'zbek tilining grammatikasidagi *V-moqchining* fe'l shaklining ma'nosi haqidagi tavsiflarni tekshiraman. Keyin, Hidaka 2021 va 2024 yilda chop etgan maqolasining tavsiflarini tekshiraman. Hidaka 2021 yilda chop etgan maqolasida *V-moqchi* fe'l shaklining mazmunini "muqarrar/belgilangan maqsad" (Moriyama 1990) sifatida ifodalaydi. Hidaka 2024 yilda chop etgan maqolasida xohishni bildiradigan fe'l shakllari orasidagi farqlarni yoritib beradi. Asosan, o'zbek tilida yozilgan misollarning katta qismi muallif tomonidan yozilgan. Keyin bu misollar yapon tiliga tarjima qilib, ikki tilidagi misollar ona tili o'zbek tili bo'lgan talabalarga ko'rsatildi. Ushu talabalar misollarni o'qib to'g'ri yoki noto'g'ri ekanligini aytishdi. Oxirgi bo'limda muammolar yoritib beriladi.

Kononov 1960 yilda, Bodrogligeti 2003 yilda chop etgan O'zbek tilining grammatikalarida *V-moqchi* fe'l shakli maqsad (Kononov 1960: 278) yoki ifoda mayli (Bodrogligeti 2003: 708) sifatida tushuntirilib, misollar bilan yozilgan.

Sen-ga bir yaxshilik qil-moqchi=man.

2SG-DAT one goodness do-INT=1SG

'Я желаю тебе сделать добро'

'Watasi wa kimi ni hitotu yoi koto wo **s-i-tai.**' (Kononov 1960: 279)

Shuningdek, Bodrogligeti (2003: 708) ifoda mayli sifatida tushuntirgan *V-moqchi* fe'l shakli so'zlovchining nimadir qilish yoki nimadir qilmaslik kabi qarorini ifodalaydi deb yozgan.

(2) *U maktab-da ol-gan o'z nazariy bilim-lar-i-ni*

3SG school-LOC take-PTCP.PAST own thereotical knowledge-PL-3.POSS-ACC

tajriba-da qo'lla-b yetuk journalist bo'l-moqchi.

experience-LOC use-CVB.SEQ meture journalist become-INT

‘Kanozyo wa gakkou de eta zisin no riron-teki na tikisi wo zissai ni mochiite, rippa na zyaanarisuto ni nar-i-tai.’¹⁷ (Bodrogligeti 2003: 709)

V-moqchi fe’l shakli o‘zidan keyin *emas* so‘zini olganda inkor ma’nosini ifodalaydi va *edi* so‘zi yordamida o‘tgan zamonni ifodalaydi. *V-moqchi* fe’l shaklining inkor shakli, o‘tgan zamon shakli va o‘tgan zamon inkor shaklini misollar orqali ko‘rsataman: *yoʻz-moqchi emas=man* [write-INT NEG=1SG] ‘(я) не намерен (на)писать’ ‘Kaku tumori de wa nai.’, *yoʻz-moqchi edi-m* [write-INT PAST-1SG] ‘(я) намеревался || предполагал (на)писать’ ‘Kaku tumori datta.’, *yoʻz-moqchi emas edi-m* [write-INT NEG PAST-1SG] ‘(я) не намеревался (на)писать’ ‘Kaku tumori de wa nakatta.’ (Kononov 1960: 279).

Hidaka 2021 yilda chop etgan maqolasida yapon tili grammatikasidagi mayl haqidagi tadqiqot natijalari (Moriyama 1990) dan foydalanib, *V-moqchi* fe’l shaklining “muqarrar/belgilangan maqsad” mayl sifatida ifodalanishini yoritib beradi. Moriyama (1990: 9) 3-misolni ko‘rsatib, qoida doirasidan chiqqan misol hisoblaydi. Bunga qo‘shimcha ravishda, Moriyama (1990: 9) bu misolni quyidagicha izohlab beradi: “bunday, (-u)=*tumorida* misolida muqarrar/belgilangan maqsad mavjud va gap ma’nosiga bog‘liq bo‘lmagan holda so‘zlovchining esida qo‘ladi. Shuningdek gap davomida muqarrar/belgilangan maqsad o‘zgarishga uchrashmaydi.”

- (3) ??*Dewa watasi=ha asu sanji=ni kenkyuusitu=ni*
INTJ 1SG=TOP tomorrow three.o’clock=DAT laboratory=DAT

ukaga-u=tumori=des-u.

go.HON-IND=intent=COP.HON-IND

[Kutilgan tarjima: Unday bo‘lsa, men ertaga soat uchda kabinetga bormoqchiman.]

O‘zbek tilida so‘zlovchining maqsadi aynan suhbat dovomida aniqlashganda, *V-moqchining* qo‘llanilishi qoida doirasidan chiqadi. Buni biz A va B so‘zlovchi o‘rtasidagi suhbat 4-misolda ko‘ramiz.

- (4) A: *Kim=dir u yer-ga bor-ib, un-ga yordamlash-ib*
who=IND that place-DAT go-CVB.SEQ 3SG-DAT help-CVB.SEQ

yubor-ol-ma-y=di=mi?

send-POT-NEG-NPST=3=Q

‘Dareka soko ni itte kare wo tetsudatte kurenai ka?’

B: ?? *Bo‘l-di, Men bor-moqchi=man*

¹⁷ Muallif Bodrogligeti (2003: 709) tomonidan ingliz tilida berilgan ‘Applying in practice the theoretical knowledge she has obtained in school she wants to become an able journalist.’ ushbu misolning ostiga chizilgan qismini ‘rippa na zyaanarisuto ni nar-i-tai’ sifatida tarjima qildi.

be-PAST 1SG go-INT=1SG
 ‘Wakarimasita, watasi ga ikimasu.’ (Hidaka 2021)

Hidaka 2021 yilda chop etgan maqolasida *V-moqchi* biror-bir rejani ifodalashda ham ishlatiladi deydi. Bunga 5-misol qilib, vebdagi xabar sarlavhasini keltiradi.

- (5) *O‘zbekiston 2020 yil-gacha eksport hajm-i-ni*
 Uzbekistan year-until export quantity-3.POSS-ACC

25 milliard dollar-ga **yet-kaz-moqchi**.
 billion dollar-DAT reach-CAUS-INT

‘Uzubekisutan wa 2020 nen made ni yusyuturyou wo 250 oku doru ni toutatu saseru yotei de aru.’

(Hidaka 2021; <https://www.ozodlik.org/a/27355234.html> [Oxirgi ko‘rilgan sana: 2024/01/21])

5-misoldagi *yet-kaz-moqchi* ‘toutatu saseru yotei de aru (yetkazilishi rejalashtirilgan)’ deb tarjima qilindi. Hidaka 2024 yilda chop etgan maqolasida bu tarjima ustida to‘xtalmadi. Ushbu maqolaning 3.3 bo‘limida yana 5-misolga qaytamiz.

Hidaka (2024) xohish ifodalaydigan uch forma (1. *V-moqchi*, 2. *V-gi kel-* ‘lit. V suru koto ga kuru’, 3. *V-(i)sh-ni xohla-* ‘lit. V suru koto wo hossuru’) ning manolari orasidagi farqni yoritib beradi. Bu qismda Hidaka (2024) ning faqat *V-moqchi* haqidagi ta’rifini tushuntirib beraman. Hidakaning 2024 yilda chop etagan maqolasiga ko‘ra, *V-moqchi* faqat amalga oshish imkoniyati bo‘ladigan voqealar uchun ishlatiladi. Quyidagi 6 va 7-misollarda amalga oshish imkoniyati bo‘lmagan voqea-hodisalar uchun *V-moqchi* noto‘g‘ri ravishda ishlatilishi ko‘rsatilgan.

<i>*Bolalik</i>	<i>payt-im-ga</i>	<i>qayt-moqchi=man.</i>
childhood	time-1SG.POSS-DAT	return-INT=1SG

‘Kodomo no koro ni **modor-i-tai.**’ (Hidaka 2024: 28)

- (7) **Men* *qush* ***bo‘l-moqchi=man.***
 1SG bird be-INT=1SG
 ‘Watasi wa tori ni **nar-i-tai.**’ (Hidaka 2024: 28)

Bu maqolada ko‘rsatilgandek, *V-moqchi* maqsad ((1), (2)), muqarrar/belgilangan maqsad (4), reja (5) va amalga oshish imkoniyati baland bo‘ladigan voqeaga tegishli xohishni ifodalaydi deb aytili. Lekin, bitta yagona izohi mavjud emas. Yapon tilida maqsad ifodalovchi (*-u*)=*tumori=da*, istak-xohish (*-i*)=*-tai* va reja ifodalovchi (*-u*)=*yotei=da* alohida shaklda ifodalanadi. Bu maqola *V-moqchini* yapon tilidagi shakllarga qiyoslash orqali uning to‘liq yagona izohini bera olaman.

2. Qiyoslash yo‘li va natija

3.1 bo‘limda maqsad ifodalovchi (-u)=*tumori=da*, 3.2 bo‘limda istak-xohish ifodalovchi (-i)-*tai* va 3.3 bo‘limda reja ifodalovchi (-u)=*yotei=dani* ifodalovchi yapon tilidagi misollarni o‘zbek tili bilan qiyoslayman. Bu maqolada qiyoslash uchun ishlatiladigan o‘zbek tilidagi gaplar Hidaka (2021, 2024) dagi misollar va muallif tomonidan tuzilgan gaplardan iborat. Nazorat qilib bo‘lmaydigan voqea-hodisalar (ob-havo va fiziologik hodisalar; har bir holat uchun ikkitadan misol keltirilgan) va “... to omo-u” (...deb o‘ylayman) ning ifodalash uchun uchta gap tuzilgan. Shundan keyin ona tilisi o‘zbek tili bo‘lgan mahalliy kishidan misollar to‘g‘ri yoki noto‘g‘ri ekanligini tekshirtirdim. 3.1 bo‘limda keltirgan misollarni batafsil yoritib beraman.

2.1. Maqsad ifodalovchi (-u)=*tumori=da* ga qiyoslash

Birinchi, ikkinchi bo‘limda aytilgandek, suhbat davomida so‘zlovchining maqsadi aniqlashayotgan misolni takroran ko‘rsatib, keyin, *V-moqchi* maqsadsiz harakat ham ifodalashi mumkin yoki mumkin emasligini tushuntirib beraman. Ikkinchi bo‘limdagi keltirilgan tadqiqotlar *V-moqchi* maqsadsiz harakat ham ifodalashini yoritib bermaydi.

A: Kim=*dir* u yer-ga bor-ib, un-ga yordamlash-ib

who=IND that place-DAT go-CVB.SEQ 3SG-DAT help-CVB.SEQ

yubor-ol-ma-y-di=mi?

send-POT-NEG-PST=3=Q

‘Dareka soko ni itte kare wo tetsudatte kurenai ka?’

B: ?? *Bo ‘l-di,* Men *bor-moqchi=man*

be-PAST 1SG go-INT=1SG

‘Wakarimasita, watasi ga ikimasu.’ (Hidaka 2021)

Bu misol Moriyama (1990: 9) aytganidek, (-u)=*tumori=da* ishlatilgan yapon tilidagi gap ham qoida doirasidan chiqadi.

(9) ??*Dewa* watasi=*ha* asu sanji=*ni* kenkyuusitu=*ni*

INTJ 1SG=TOP tomorrow three.o’clock=DAT
laboratory=DAT

ukaga-u=tumori=des-u.

go.HON-IND=intent=COP.HON-IND

[Kutilgan tarjima: Unday bo‘lsa, men ertaga soat uchda kabinetga bormoqchiman.] (= (3))

Ikkinchi bo‘limdagi keltirilgan tadqiqotlar V-moqchi maqsadsiz harakat ham ifodalashini yoritib bermaydi. Bu bo‘limda gap egasi tomonidan nazorat qilib bo‘lmaydigan voqealar ya’ni ob-havo va fiziologik hodisalar haqida gapiramiz. Yapon tilida quyidagi 10 va 11-misollar qoida doirasidan chiqadi.

- (10) **Kyou* *kaze=ga* *huk-u=tumori=da*.
today wind=NOM blow-IND=intent=COP
[Kutilgan tarjima: Bugun shamol esmoqchi.]

- (11) **Atu-kute* *ase=o* *kak-u=tumori=da*¹⁸.
hot-CVB sweat=ACC sweat-IND=intent=COP
[Kutilgan tarjima: Havo issiq bo‘lgani uchun terlamqchi.]

O‘zbek tilida ham “shamol esmoqchi” (12) va “havo issiq bo‘lgani uchun terlamqchi” (13) degan gaplar mantiqan noto‘g‘ri bo‘ladi.

- (12) **Bugun* *kuchli* *shamol* *es-moqchi*
today strong wind wind-INT

- (13)
**Ertaga* *havo* *issiq* *bo‘l-a=di*. *Shu-ning uchun, ko‘p* *terla-moqchi*.
tomorrow weather hot be-NPST=3 that-GEN for much sweat-INT

Yuqoridagi (12), (13) misollardan, *V-moqchi* shu egasi nazorat qila olmaydigan voqeaga ishlatilmaydi degan xulosaga keldim.

Nitta (1991: 208-209) buni quyidagicha izohlab beradi; so‘zlovchining ichki nutqini ifodalovchi ... *to omo-u* ‘...deb o‘ylayman’ fe’li so‘zlovchining maqsadini ifodalaydigan (*-u*)=*tumori=da* (...moqchiman) fe’li qatnashgan gap ichida uchrashi mumkin emas. Bu *Men qilmoqchiman* shakl faqat tinglovchi mavjud bo‘lgan dialoglarda ishlatilishi mumkinligini ko‘rsatadi. (Nitta 1991: 208). 14a va 14b misolda ko‘rganimizdek V-moqchi shuningdek ...*deb o‘ylayman* kabi gaplarda uchrashi mumkin emas. ...*deb o‘ylayman* ishlatilganda gapning fe’li o‘tgan zamonda emas, balki hozirgi zamonda bo‘lishi kerak. (14c).

14

- a. **Men* *qattiq* *harakat* *qil-moqchi=man* *deb* *o‘yla-y=man*.
1SG hard action do-INT=1SG QT think-NPST=1SG
Men *qattiq* *harakat* *qil-moqchi=man*.

¹⁸ To‘g‘ri holat qo‘ysa, *ase=wo kak-u=tumori=da* ham ayta oladi. Masalan, irodali harakat qilish hatijasida terlay olishi uchun *kyouha undou=shi-te ase=o kak-u=tumori=da* [today exercise=do-CVB sweat-IND=intent=COP] ‘Bugun batan tarbiya qilib terlamqchiman.’ deb aytiladi.

b.

1SG hard action do-INT=1SG
'Watasi wa doryoku sur-u=tumori=da.'

c. *Men qattiq harakat qil-a=man deb o'yla-y=man.*

1SG hard action do-INT=1SG QT think-NPST=1SG
'Watasi wa doryoku siyou to omotta. (lit. Watasi wa doryoku suru to omotta.)'

Shuning uchun, *V-moqchi* so'zlovchining maqsadini ifodalaganida yapon tiliga o'xshab faqat tinglovchi mavjud bo'lgan dialog holatida ishlatiladi.

Bu bo'limda *V-moqchi* 1. suhbat ichida so'zlovchining maqsadi aniq bo'layotganda ishlatilmasligi, 2. gap egasi tomonidan nazorat qilib bo'lmaydigan voqea-hodisalarga ishlatilmasligi, 3. *deb o'yla-y=man* fe'li qatnashgan gap ichida kelmasligini ko'rsatdi. "(-u)=tumori=da" ham 1.-3. belgini ko'satdi.

2.2. *Xohish-istak ifodalovchi (-i)-tai ga qiyoslash*

Ikkinchi bo'limda ko'rsatilgandek, *V-moqchi* faqat amalga oshish imkoniyati baland bo'ladigan hodisaga ishlatiladi. Muallif buni 15- va 16-misollarda ko'rsatadi.

(15)

Pul yig'-ib, ayol-im va farzand-lar-im-ni

money gather-CVB.SEQ woman-1SG.POSS and child-PL-1SG.POSS-ACC

Yaponiya-ga chaqir-moqchi=man.

japan-DAT call-INT=1SG

'Watasi wa okane wo tamete, saisi wo Nihon ni **yob-i-tai**.' (Hidaka 2024: 27)

(16)

Grant yut-ib, Yaponiya-dagi universitet-ga o'qi-sh-ga bor-moqchi=man.

Grant win-CVB.SEQ Japan-ADJLZ university-DAT study-VN-DAT go-INT=1SG

'Syooagakukin wo totte, Nihon no daigakuu ni **ryuugakuu s-i-tai**.' (Hidaka 2024: 27)

Amalga oshish imkoniyati bo'lmaydigan hodisa uchun *V-moqchi* ishlatilmaydi. Lekin, yapon tilida *(-i)-tai* ishlatiladi. Buni biz takroran 17- va 18-misollarda ko'ramiz.

- (17) **Bolalik* *payt-im-ga* ***qayt-moqchi=man.***
 Childhood time-1SG.POSS-DAT return-INT=1SG
 ‘Watasi wa kodomo no koro ni **modor-i-tai.**’ (= (6))

- (18) **Men* *qush* *bo ‘l-moqchi=man.*
 1SG bird be-INT=1SG
 ‘Watasi wa tori ni **nar-i-tai.**’ (= (7))

Yuqorida aytib olganimizdek, *V-moqchi* o‘zbek tilida faqat amalga oshish imkoniyati baland bo‘ladigan hodisalarga ishlatiladi, lekin yapon tilidagi *(-i)-tai* o‘sha voqea-hodisalarning ro‘y berish imkoniyati past bo‘lsa-da, lekin so‘zlovchi ularning amalga oshishiga ishongan holatlarda ishlatiladi.

2.3. *Rejani ifodalovchi (-u)=yotei=da ga qiyoslash*

Ikkinchi bo‘limda vebdagi xabar maqolasining sarlavhasi misol sifatida keltirilgan edi. Bu misol 19-misolda takroran ko‘rsatiladi.

- (19)
O‘zbekiston 2020 *yil-gacha* *eksport* *hajm-i-ni*
 Uzbekistan year-until export quantity-3.POSS-ACC

- 5 *milliard* *dollar-ga* ***yet-kaz-moqchi.***
 billion dollar-DAT reach-CAUS-INT

‘Uzubekisutan wa 2020 nen made ni yusyuturyoo wo 250 oku doru ni tootatu saser-**u=yotei=de**
=aru.’ (= (5))

Iori, Takanasi, Nakanisi va Yamada (2001:36) “*tumori=da*” so‘zlovchining shaxsiy maqsadini ifodalashini, lekin “*yotei=da*” boshqa odam bilan maslahat qilib qaror qilish yoki rasmiy qarorni ifodalashini aytishadi. 19-misol rasmiy qarorni ifodalagani uchun uni yapon tiliga “*(-u)=tumori=da*” yordamida tarjima qila olmaymiz. Shuning uchun, *V-moqchi* kengroq ma‘noni ifodalab, boshqa odam bilan maslahat qilib qabul qilingan qarorni yoki rasmiy qarorni ifodalashda ham ishlatilishi mumkin.

3. **Xulosa va taklif**

1- jadvalda 3-bo‘limdagi qiyos natijalarini umumlashtirib, *V-moqchi* ning umumiy yagona ta‘rifi keltiriladi. Shundan keyin, yapon tili dagi *(-u)=tumori=da* ning izohlari haqida bir necha takliflar ham beriladi.

1-jadval: *V-moqchini (-u)=tumori=da, (-i)-tai* va *(-u)=yotei=da* ga qiyoslash natijalari

			V-moqchi	Misol
3.1	Maqsad (-u)= <i>tumori</i> =da	1. Suhbat davomida soʻzlovchining maqsadi aniq boʻlayotganda ishlatilmaydi.	○	(8)
		2. Gap egasi tomonidan nazorat qilib boʻlmaydigan hodisaga ishlatilmaydi.	○	(12), (13)
		3. Soʻzlovchining ichki nutqini ifodalovchi <i>deb oʻyla-y=man</i> ‘to omou’ fe’li qatnashgan gap ichida kelmaydi.	○	(14)
3.2	Xohish (-i)- <i>tai</i>	4. Amalga oshish imkoniyati baland boʻladigan voqea-hodisaga ishlatiladi.	○	(15), (16)
		5. Amalga oshishi mumkin boʻlmagan voqea-hodisalarga ishlatiladi.	×	(17), (18)
3.3	Reja (-u)= <i>yotei</i> =da	6. Boshqa odam bilan maslahat orqali qabul qilingan qaror yoki rasmiy qarorni ham ifodalaydi.	○	(19)

Uchinchi boʻlimda 1-b qismi 1-jadvalda keltirilgan misollardagi V-moqchining izohlarini koʻrib chiqamiz:

1. Suhbat davomida soʻzlovchining maqsadi aniq boʻlganda ishlatilmaydi: 3.1 boʻlimdagi misol (9) (2 boʻlimdagi (3)) da koʻrsatilgandek, Moriyama (1990: 9) firka koʻra, (-u)=*tumori*=da aniq belgilangan maqsadi ifodalaydi. 8-misolda koʻrsatilganidek V-moqchi soʻzlovchining maqsadi suhbat boshlanishidan oldin belgilangan maqsadi suhbat davomida aniqlashgan holatlarda ishlatilmaydi, shuning uchun V-moqchi suhbat boshlanishidan oldin belgilangan maqsadni ifodalaydi deyishimiz mumkin.

2. Gap egasi tomonidan irodasi tomonidan nazorat qilib boʻlmaydigan voqea-siz voqeaga ishlatilmaydi: 3.1 bolimda V-moqchi “Kuchli shamol esmoqda” (12) va “havo issiq, shuning uchun terlayapman” boʻlgani uchun terlamoq” (13) degan gaplarda ishlatilmaganini aytib oʻtdik. Shunga asoslangan holda V-moqchi gap egasi nazorat qila oladigan voqea-hodisalarni ifodalashda ishlatiladi desak boʻladi. Bu (-u)=*tumori*=da misolida ham xuddi shu holatni koʻramiz.

3. *deb oʻyla-y=man* ‘to omou’ fe’li qatnashgan gaplar sirasiga tkirmaydi: Ikkinchi va 3.1 boʻlimda koʻrsatilgandek, Nitta (1991: 208-209) *deb oʻyla-y=man* ‘to omou’ faqatgina tinglovchi mavjud boʻlgan suhbat davomida ishlatilishi mumkin deydi, chunki u ichki nuqtani ifodalaydi, shuning uchun maqsadini ifodalovchi (-u)=*tumori*=da qatnashgan gap doirasida ishlatilishi mumkin emas. Xuddi shuningdek, V-moqchi 12-misolda koʻrsatilganidek, *deb oʻyla-y=man* ‘to omou’ qatnashgan gaplarda ham kelishi mumkin emas, chunki u faqat tinglovchi boʻlgan gaplarda ishlatiladi.

4. Amalga oshish imkoniyati baland boʻladigan voqea-hodisalarga ishlatiladi.

5. Amalga oshish imkoniyat past boʻlgan voqea-hodisaga ishlatilmaydi: (-i)-*tai* amalga oshish imkoniyati bor yoki yoʻqligiga qaramasdan ishlatiladi. Lekin, V-moqchi faqat amalga oshish imkoniyati boʻladigan voqeaga ishlatiladi. Chunki, aslida amalga oshish imkoniyati boʻlmaydigan voqeaga nisbatan soʻzlovchi biror bir maqsad ifodala olmaydi.

6. Boshqa odam bilan maslahat qilib, qabul qilingan qaror yoki rasmiy qarorni ham ifodalaydi: 3.3 bo‘limda eslatib o‘tilgan Iori, Takanasi, Nakanisi va Yamada (2001:36) tomonidan izohlarga yana murojaat qilsak, *tumori=da* so‘zlovchining shaxsiy maqsadni ifodalashini, lekin *yotei=da* boshqa odam bilan maslahat qilib, qabul qilingan qaror yoki rasmiy qarorni ifodalashi aytilgan. Bu 19-misolda yaxshi tushuntirib berilgan.

Yuqoridagilardan kelib chiqqan holda *V-moqchi* quyidagi uch semantik va pragmatik belgilarga ega deyishimiz mumkin:

① So‘zlovchi suhbatni boshlashdan oldin amalga oshirishini o‘ylab qo‘ygan voqeaga ishlatiladi.

② *V-moqchi* so‘zlovchining shaxsan o‘zi o‘ylab qo‘ygan voqeaga yoki so‘zlovchidan tashqari boshqa odamlarning kelishishidan qaror qilingan voqealarga ham ishlatiladi.

③ Tinglovchi bo‘lishi kerak.

Xulosa qilib aytganda, *V-moqchi* nafaqat so‘zlovchining shaxsiy maqsadi, balki uning rejalarni ham ifodalaydi. Bunday xulosa nima uchun *V-moqchi* so‘zlovchidan boshqa odamlar tomonidan qaror qilingan voqeaga ham ishlatilishni tushuntirib beradi.

Ona tili o‘zbek tili bo‘lgan talabalarga yapon tilidagi *(-i)-tai* shaklini o‘rgatganda diqqat qiladigan narsalarni taklif qilaman. “Minnano Nihongo” (dunyoda eng mashhur yapon tili darsligi) dagi 13-darsda *(-i)-tai* shaklini o‘qishi uchun quyidagi gap yapon tilida yozilgan.

(20)	<i>watashi=ha</i>	<i>sushi{=wo/=ga}</i>	<i>tabe-tai=des-u.</i>
	1SG=TOP	sushi=ACC/=ACC	eat-INT=COP.HON-IND

‘Men sushini yeyishni xohlayman.’ (“Minnano Nihongo”, p.110)

Buning o‘zbek tili tarjimasi sifatida quyidagi 21-misol ko‘rsatiladi.

(21)	<i>Men</i>	<i>sushi</i>	<i>ye-moqchi=man.</i>
	1SG	sushi	eat-INT=1SG

1- jadvalda ko‘rsatilganday, *(-i)-tai* amalga oshish imkoniyati baland ham past ham bo‘ladigan hodisaga ishlatiladi. Lekin, *V-moqchi* imkoniyat past bo‘ladigan hodisaga ishlatilmaydi. Shuni talabalar bilishi kerak emas, ammo o‘qituvchi bilim sifatida bilishi kerak.

Minnatdorchilik

Ushbu ilmiy tadqiqotlarni amalga oshirishda meni qo‘llab-quvvatlagan JSPS Granti JP22J01538 va JP22KJ1443ga minnatdorchilik bildirmoqchiman.

Qisqartmalar

=	clitic border	HON	honorific	POSS	possessive
-	suffix border	IND	indicative	POT	potential
1, 2, 3	1, 2, 3 person	INT	intentional	PTCP	participle
ACC	accusative	INTJ	interjection	Q	question marker
ADJLZ	adjectivize	LOC	locative	QT	quotation
CAUS	causative	NEG	negative	SEQ	sequential
COP	copula	NOM	nominative	SG	singular
CVB	converb	NPST	non-past	TOP	topic
DAT	dative	PAST	past	VN	verbal noun
GEN	genitive	PL	plural		

Foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxati:

1. Bodrogligeti, András J. E. (2003) *An academic grammar of Modern Literary Uzbek*. München: Lincom Europa.
2. Hidaka Shinsuke (2021) Uzubekugo ni okeru V-moqchi no honsitu-teki na imi. Gengogaku Fesu 2021 plakati.
3. Hidaka Shinsuke (2024a) On the use of three forms expressing desire in Uzbek. Kogura, Norikazu and Kumiko Sato (eds.) *Aspects of Turkic Grammar 2: Information Structure and Knowledge Management*. Fuchu: ILCAA.
4. Hidaka Shinsuke (2024b) Nihongo no ganboo/isi hyoogen to Uzubekugo no V-moqchi no taisyoo. *Gengo no huhensei to kobetusei*. 15: 85-95.
5. Iori Isao, Takanasi Sino, Nakanisi Kumiko, Yamada Toshihiro (2001) *Tyuuzyoogyuu wo osieru hito no tame no Nihongo Handobukku*. Tokyo: 3A Network.
6. Kononov, A. N. (1960) *Grammatika sovremennogo Uzbekskogo literaturnogo jazyka*. Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR.
7. Moriyama Takurou (1990) Isi no Modaritii ni tuite. *Handai Nihongo Kenkyuu*. 2: 1-19.
8. Nitta Yoshio (1991) *Nihongo no Modaritii to Ninsyoo*. Tokyo: Hituzi Syoboo.

SCIENTIFIC AND THEORETICAL VIEWS ON THE STUDY OF ADVERBIAL CATEGORY IN JAPANESE AND UZBEK LANGUAGES

Muslima TEMIROVA

*Tashkent State University of Oriental Studies
Teacher of Japanese at the Higher School of Japanese Studies*

Barnoxon SHAMSIYEVA

Tashkent State University of Oriental Studies

Annotation: *In this article, we will try to study the Japanese and Uzbek languages definition of inclination, history of study of the inclination category, and problematic situations.*

The problems of the internal system of the language have been thoroughly studied until the present period of the development of the science of linguistics. It can be easily observed that the studied phenomena are of great importance both in general linguistics and in specific linguistics.

Key words: *inclined category, conditional inclined, unobstructed inclined, categorical form, inclined, inclined classification*

The various relations between action and subject, as well as the phenomena of their occurrence, have always been in the center of attention of linguistics. This phenomenon is one of the most fully studied issues in the compared languages.

Japanese is recognized as one of the most complex languages in the world, and it intrigues linguists not only with its written language (characters) but also with its complex grammar. It is well known that although the Japanese language, its origin and development have not yet been fully proven, various issues of Japanese grammar have long been of interest not only to Japanese linguistics but also to linguistics in general, and this continues to be the case today.

As the Japanese scholar M. Kieda explains, although the grammatical system of the Japanese language was formed at the end of the Tokugawa period, it is only in the last thirty to forty years that scientific research has begun to be conducted. This means that there are still many phenomena in Japanese grammar that need to be studied and investigated.

The problematics of case categories in Japanese has been studied in linguistic literature since the end of the last century. In scientific works of this period, adverbs were not analyzed as a separate category, but only their forms. As a result, contradictory opinions and approaches began to emerge among linguists.

The results of the study have shown that there is no single systematic approach to the question of the category of inflection and its types in Japanese. In many works on Japanese literature, it was considered appropriate to study each of them as a separate "auxiliary adverb" rather than to divide them into semantic groups. One of the main reasons for this is the lack of consensus among scholars.

Among the first scientific works on the problems of the mayel category is M. Kieda's work on the grammar of the Japanese language. This Japanese scholar comprehensively analyzes the views of linguists working in the 1950s, and states that, in his opinion, the verb is a type of yōgen, which are independent words, and words that are not independent cannot be verbs. In his work explaining the conjugation of verbs, he explains the forms expressing the inflections of verbs not as inflections but as auxiliary verbs. Only forms expressing conditional inflection are mentioned as auxiliary forms. He was a member of a number of Japanese linguists, including Mr. Yamada, analyzed the general ideas expressed by D. Maizaburo, N. Yoshitaro and others on this phenomenon. In his view, if words are building material, then speech itself is a building. The verb is one of the sufficient grounds for the erection of this building. It also recognizes that the word is not used outside the sentence.

In addition, the Japanese linguists A. Hanusuma collaborated to analyze the forms と (to), ば (ba), expressing the conditional mood, and たら (tara), なら (nara), expressing the predicate mood, and named all the forms 手机形制告 (jokenhyogen). It categorized the forms semantically into groups. However, it was not observed to be analyzed as a declension category. Some Japanese linguistic literature identifies three groups of conditional expressions, 仮定分類 (kateijoken), 生方・生方 (genin, ryuu), and 逆説 (gyakusetsu), and explains how these conditional expressions are expressed through conjunctions.

It was noted that many of the analyzed works on Japanese linguistics considered forms expressing the imperative mood, wish, and message content in the structure of verb conjugation in addition to forms expressing the conditional mood. However, it is especially important that they be analyzed semantically by means of examples.

In addition to the above-mentioned contradictory opinions of Japanese linguists, it is important to take into account the point of view of Russian japanologists. Their contribution has also been great in explaining the category of inclination in Japanese.

The famous academician and japanologist V. Alpatov in his book on the theoretical study of Japanese language in a collective, taking into account the ideas of the Japanese linguist Suzuki, subdivides the category of inclination into four types: the indicative inclination, the presumptive inclination, the second person imperative inclination and the first person imperative inclination. However, in Nitta's views this phenomenon is divided into two large groups (imperative and presumptive), and in the work of the Russian scientist Syromyatnikov he emphasizes that there is no unified opinion on this matter, explaining that the above types of inclinations include negation and otritation and desirable. This also includes the fact that linguists often reject the notion of "inclination" altogether, considering it preferable to consider each of the suffixes in the above groups separately.

Japanese scholar V. Golovnin's approach to this phenomenon is particularly noteworthy because it differs from others. He begins to systematically study verb inflections in Japanese and emphasizes that they can be divided into two functionally opposite groups: the narrative inflection and the imperative inflection. He also divides each of these two groups into smaller groups. In an attempt to justify this phenomenon, it is emphasized that the first group, namely the indicative modality, serves the function of expressing definiteness in relation to an individual subject, whereas the second group, its opposite, i.e., the imperative modality, which expresses the meanings of the imperative, serves in general to indicate the doing or not doing of an action. It should also be noted that he developed the category of inclination partly on the basis of Russian grammar.

It is noteworthy that the category "may" in Japanese was practically studied by another Japanese scholar, B. Lavrentiev. He singles out the forms of inclination into a separate group and divides them into six types: presumptive (presumptive), desire (desirable^{1,2,3}), ordered (imperative), permission (permissive) and prohibitive (prohibitive), and explains the forms in each group separately. The Japanese scholar tends to base the expression of the forms of inclination on practical grammar, and this phenomenon is clearly demonstrated in the examples he gives.

In addition to identifying the difficulties and problems of the category of inclination in Japanese, a number of Russian Japanologists have also sought to find solutions in their articles and essays. Examples include I. Kolbina, V. Pryakhina, and A. Kolesnikova.

In the article "Some semantic complements of the subjunctive mood in modern Japanese" I. Kolbina analyzes the forms ば(ba), たら(tara), which are means of expressing the subjunctive mood in a sentence. It cannot be denied that the problem of subjunctive mood and mood in Japanese in general is of great interest not only for linguists teaching Japanese, but also for linguistics in general.

B. Temerov, on the other hand, has described the types of means of expressing the conditional inclination on the basis of Russian grammar, and in his article he mentions that this inclination is formed in two different ways, namely by means of the forms eba and ra.

In an essay on Japanese grammar, Russian-Japanese scholars V. Pryakhina and A. Kolesnikova analyze the suffixes と to, ば ba and たた tara as conditional forms rather than as conditional inflections. It has also been observed that the category of inclination is almost absent in the essay.

In addition, Japanese linguists have also focused on the comparative study of this phenomenon, and the cited scholarly works served as an important basis for our study. Among such Japanese linguists, one cannot ignore the research work of Yo. Mizuta, who defended his dissertation in Chicago. He compared the formants 「～ている (te iru) and たた(ta)」, which express the mood of the message, with English in terms of semantics. He also emphasized that the above formants

expressing time indicators play an important role in expressing precision in Japanese grammar and sentence content.

Anglo-Japanese scholar R. Bogdan analyzes the ways of teaching harmony of inclination and time in the pedagogical process and compares them with Polish and Japanese ones.

Also the scientific works related to our study include O. Hideaki's work on the role of time and form in Japanese, P. Ananta's doctoral dissertation and Yo. Takekura's pedagogical approach to this problem.

Along with the studies devoted to these areas, there are works devoted solely to the definition of Japanese, which do not emphasize the presence in Japanese of word-formation of one or another category of word-formation. Despite the fact that the authors' points of view in these studies do not coincide, insufficient evidence is given, and there are contradictions in the treatment of the issue, their ideas have helped to find solutions to complex issues in Japanese grammar.

The theoretical studies of Japanese scholars allow for a comparative study of the categories of word forms in Japanese and their forms with the Uzbek language. Indeed, their scientific research serves as an important scientific resource for specialists studying the Japanese language. In this research work, the Japanese scholar relies, in addition to Japanese linguists, also on the views of Russian scholars V. Alpatov and V. Golovnin.

As for the clarification of the category of inflection in Japanese, we can conclude that the role of verb inflection in Japanese speech is important for expressing the relationship between action and subject in relation to reality. The problematics of case category in Japanese linguistics is a comprehensively studied phenomenon, but the types of case category and their forms in various sources are insufficiently described. In the early years, the relationship between the form of the inflectional category and the content it expresses in a sentence was the most prominent. Along with Japanese linguists, English and Russian Japanese scholars made a great contribution to the semantic analysis of verb suffixes.

In Uzbek language, the category of case has long been one of the problems in the focus of Uzbek linguistics, and this phenomenon is among the problems analyzed by many Uzbek linguists.

As is well known, word formation plays a very important role in Uzbek grammar, especially in the morphology section. While nouns and verbs constitute a relatively large part of the word classes of Uzbek grammar, verbs are considered a vast area among them. The verb word class has a richer and more complex system of grammatical categories than other word classes.

The category of adverbs is considered one of the most controversial issues in linguistics. As mentioned above, the definitions given to this category, as well as the types of adverbs, are not equally represented in all linguistic literature.

In linguistic literature and dictionaries, inclination is defined as follows: "A grammatical category indicating the relation of action to reality is called

inclination". There are also different approaches to this definition among linguists. For example, Uzbek linguist Sh.H. Rakhmatullaev believes that "the relation of action to reality" is a broad concept, covering both being, non-being and time, and emphasizes that this definition should be somewhat narrowed. The linguist in his scientific work defines: "Modal meanings expressing the realization of action by means of an order, desire, purpose or condition are called inclinations of the verb".

It cannot be denied that the verb and its inflections occupy a central place in the construction of a sentence. The role of verb inflection is also important in expressing the mental-psychological, expressive-emotional state of the subject and its various modal relations to reality, the listener and other people.

Almost all Uzbek linguists have worked on the subject of the category of verb verbalization, its system, types and their expressive formants (forms), and their scientific works have been a great impetus for the development of the modern Uzbek literary language.

If we turn to the history of Uzbek linguistics, a major step towards a broader coverage of the category of inclination was made by the scientific studies of A. Gulomov, T. Khodjaev and A. Khodjiev. At the same time, a number of fundamental works created by the team also gave an impetus to the development of Uzbek grammar.

As we said above, there is no consensus among scholars about the types of inclination categories.

A number of seminal literatures by the collective present mainly three types of inclination: imperative-desirable, indicative and conditional, and the means of their expression are called inclination formants. Some sources cite four types.

T. Hodjaev recommends adding two more types of Milni to the four types of Milni, namely: unimpeded and conditional Milni.

The contribution of the great linguist A. Khodjiev to the wide disclosure of the verb turn in Uzbek grammar is invaluable. The author, while comprehensively studying the verb in his scientific work, also presented his unique views on the category of inclination. One of his unique features is that he divides the category of inclination into five types, and among them, the inclination to accuracy is also referred to as "executive inclination".

A. Hajiyeu's idea that different languages, even related ones, can have different types of inclinations is supported by Sh. Shukurov confirms it in his scientific work. Sh. Shukurov, analyzing the verbs found in written Uzbek texts, divides the inclinations into three groups: imperative, conditional and definite. A comparative analysis of tune formants over time. The linguist emphasizes that the other types of inclination mentioned "require evidence to distinguish". His doctoral dissertation will serve as an auxiliary source for our scientific research in comparative terms.

As a result of observations, it is worth noting that in the past, in studies conducted on the same topic, our linguists have often relied on the conclusions of Russian grammarians when studying the question of the category of inflection.

Because of this, in some cases, the unique aspect and essence of the Uzbek language is overlooked.

Although the category of inclination is presented in the whole literature on Uzbek grammar, many of its issues still need to be studied. New analyses of these developments contribute to the further development and improvement of the modern Uzbek literary language and continue to improve it.

The observations showed that lexical, grammatical and stylistic analysis of the category of inclination was further developed in the subsequent period. In this M. Sadykova, A. Shomaksudov. It is appropriate to give an example of such scientists as Shomaksudov.

In her doctoral dissertation, M. Sadykova analyzed verbs from the lexico-stylistic and grammatical-stylistic points of view, examining the features of the verb and its place in the grammar of the Uzbek language. The second chapter of the research paper is devoted to the stylistic and grammatical features of verbs, in which the author tried to identify the forms of verb inclinations and their stylistic characteristics. He also examined the definiteness of intention, imperative and conditional, and purposeful intention and their forms based on the fundamental literature. We relied on M. Sadykova's views on the issues considered in this research paper. As you know, verb tenses are divided into different groups. However, M. Sadykova also noted that the classification and naming of categories do not have a unified scheme in traditional normative grammars.

In addition, A. Shomaksudov, jointly considering the stylistics of the Uzbek language, analyzes the stylistics of declension forms within the framework of morphological stylistics, confirming that one declension form can be used instead of another, and that one declension form can give the meaning of another declension.

For example, the subjunctive mood (definite mood) indicates whether an action has been performed or not and has no grammatical indicator, although it is suggested that it can sometimes replace the imperative and sometimes the conditional mood and express the meaning they are supposed to convey.

It is known that comparative Uzbek linguistics emerged much earlier. It was noted that this phenomenon was also observed in the context of verb tenses. Indeed, the comparative study of linguistic problems in related and unrelated languages has become a particularly urgent need today. An Uzbek linguist who conducted a comparative study of verb tenses, U. Tursunov, analyzed the expression and forms of the conditional tense in Uzbek, as well as the ways of their expression in Russian. However, in the process of comparative analysis, the author relies on the grammar of the Soviet period. At that time, he realized that due to the growing need to study the Russian language and conduct research work, it became necessary to make a comparative study of Russian linguistic phenomena with the Uzbek language. This research paper is also devoted to the comparative study of the category of inflection in both languages, namely Japanese and Uzbek, and analyzing the differences and similarities between them.

They have made a great contribution to the study of the category of verb word-formation in Uzbek linguistics, as well as its analysis through our spiritual masterpieces. In particular, Uzbek linguist Z. Islamov pays special attention to Turkic verbs in the works of Mahmud Zamakhshari. The author has analyzed tenses, action names, adjectives, verb inflections, degrees and laws of their formation in Turkic verbs in Mahmud Zamakhshari's "Mukaddimatu-l-adab" in a comparative-historical perspective. A small paragraph of chapter 2 of the research work is devoted specifically to verb tenses. In it, he studied the verbs presented in traditional grammar in three different inclinations.

Uzbek linguist Z. Khudaibergenova also does not deny that views on the issue of the category of inclination and its types are expressed differently in different literature. It raises the issue of the categories of tense and inclination in Uzbek and Turkish and recognizes that it is difficult to distinguish them from each other. In this case, the author emphasizes the past tense of the verb. In his research paper, the author compared past tense verbs in Uzbek and Turkish in grammatical, functional-semantic and stylistic terms, revealing their differences and common features.

Among modern Uzbek linguists, N. Musulmanova has a special approach to the category of inclination. He sought to substantiate the fact that the grammatical meaning of the Uzbek language is complex, in which, along with the categorial meaning, there is a mixture of related and concomitant meanings characteristic of other categories. By identifying these types of grammatical meanings, the author seeks to theoretically substantiate the fact that the meaning "tendency" in the category of time exists as a synonym of the meaning "time".

From the above, we can conclude that the issue of the category of inclination has been comprehensively studied by Uzbek linguists, but the types of inclinations and the forms expressing them are given differently in the literature. The category of inclination has been studied by linguists in stylistic, grammatical and semantic aspects. In Uzbek, the category of inclination, along with time and person-number, is united in one verb conjugation.

It has been noted that the issue of the category of inclination in Japanese and Uzbek is one of the most fully studied phenomena. The analysis of the classification and period of study of the category of inclination in both languages has revealed many similarities and a narrow range of differences.

Similar aspects of the classification of the inflectional category in the compared languages can be expressed as follows:

1. Both languages have a category of inclination, which in Japanese is expressed by 法 *hou* or ㄥーㄞ *mu-do*, i.e. by two lexemes, and in Uzbek by the lexeme "mayl";

2. In both languages, the category of inflection is one of the phenomena that has been the subject of numerous scientific works and analyses. Nevertheless, observations show that there is no consensus among linguists about the types of

inflection and the number of its forms in both languages, i.e. they are differently represented in the literature;

3. It was found that there are many types of inflection that do not occur in both languages: these include the definite (reporting) inflection, the imperative inflection and the conditional inflection.

4. It was noted that in both languages the category of inclination is closely related to time and forms the basis of verb conjugation.

When analyzing the description of the inclination category in Japanese and Uzbek, a number of differences were revealed. First, it was noted that the number of types of inclination in Japanese is greater than in Uzbek. Second, if we consider the types of inclination, the form and essence of the conditional inclination in Japanese can be distinguished from each other in four different forms, whereas in Uzbek it is expressed by only one form - "-sa". Thirdly, due to the absence of suffixes of the personal number in Japanese, there are difficulties in expressing inclination, whereas Uzbek has suffixes of time and personal number, but the boundary between inclination and time is still not definitively defined.

REFERENCE LIST

1. Abdug'afforov I. F. O'zbek tili grammatikasi. -T.: "O'qituvchi", 1999. -238 b.
2. Abdurahmonov G'., Shukurov SH., Mahmudov Q. O'zbek tilining tarixiy grammatikasi. -T.: "O'zbekiston faylasuflari milliy jamiyati", 2008. - 320 b.
3. G'ulomov A. Fe'l. -T.: "Fan", 1954. -180 b.
4. Hojiyev A. Fe'l. -T.: "Fan", 1973. -197 b.
5. Hojiyev A. O'zbek tilida hozirgi zamon fe'li: Filol.fan. nomz. ...diss -T.,1959. -145 b.
6. Hozirgi o'zbek adabiy tili (jamoal). I- jild. -T., 1966. -300 b.
7. Musulmanova N.R. Grammatik shakllarda kategorial, yondosh va hamroh ma'no (zamon va mayl): Filol. fan. nomz. ...diss. -T., 2007. -124 b.
8. Alpatov V.M., Arkadyev P.M., Podleskaya V.M. Theoretical grammar of the Japanese language. -- M.: "Natalis", 2008. - 447 c.
9. Golovnin I. Textbook of the Japanese language. - Minsk: "Polesie", 1999. -260 c.
10. Kieda M. Grammar of the Japanese language. I part. -M.: "URSS", 2002.-674 p.
11. Kieda M. Grammar of Japanese. II part. -M.: "URSS", 2004.-259 p.
12. Kononov A.H. Grammar of the modern Uzbek language. -M.,1960. -232 c.
13. Kononov A.N. Grammar of the modern Turkish literary language. -M., 1956. -240 c.
14. Turaeva Z.Ya. The category of time. Time grammatical and time artistic. – Moscow: "Vysshaya Shkola", 1979. - C. 210.
15. Shukurov Sh. History of the development of verb forms of the Uzbek language. -T.: "Fan", 1967. -235 c.
16. David Richard Bogdan. Tense, aspect and narrative organization in Polish and Japanese: Ph.D diss. - Florida, 1990. - 234 p.
17. 井上優「中国語・韓国語との比較から見た日本語のテンス・アスペクト」『月刊言語』12月号2001.
18. 加藤福地. テンス、アスペクト、ムード. 荒竹出版株式会社 1989 年

ABE KOBONING 「砂の女」 «QUMDAGI AYOL» ROMANIDA XRONOTOPNING IFODALANISHI

Dilafruz ABDUXAMIDOVA

Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
Yaponshunoslik oliy maktabi katta o'qituvchisi, PhD

Gulnora QOSIMOVA

Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
Yaponshunoslik oliy maktabi katta o'qituvchisi, PhD

Annotatsiya. Mazkur maqola XX asr yapon adabiyotining atoqli yozuvchisi Abe Koboning “Qumdagi ayol” romanida o‘z ifodasini topgan xronotop masalasining tilshunoslik hamda adabiyotshunoslik nuqtayi nazaridan tahliliga bag‘ishlangan. Maqolaning nazariy qismida vaqt va makon tushunchalarining tadqiqiga oid J.Piaje, D.Elkin va A.V.Zaporojets kabi olimlarning nazariy yondashuvlari yoritilgan. Shuningdek, M.M.Baxtin tomonidan taklif etilgan hamda badiiy asar tahlilida muhim ro‘l o‘naydigan xronotop nazariyasiga alohida urg‘u berilgan. Ushbu nazariyaga tayanilib, Abe Koboning “Qumdagi ayol” romanidagi vaqt va makon uyg‘un holda ifodalangani misollar asosida tahlil qilingan. Romanda davriy vaqt modelidan foydalanilgani aniqlangan.

Kalit so‘zlar. Xronotop, davriy vaqt, chiziqli vaqt, chegaralangan makon, Abe Kobo

Аннотация. Данная статья посвящена лингвистическому и литературоведческому анализу хронотопа, отражённого в романе «Женщина в песках» известного японского писателя XX века Абэ Кобо. В теоретической части статьи рассмотрены подходы таких учёных, как Ж.Пиаже, Д.Элькин и А.В.Запорожец к исследованию понятий времени и пространства. Особое внимание уделяется теории хронотопа, предложенной М.М.Бахтиным, играющей важную роль в анализе художественного произведения. Опираясь на эту теорию, на основе примеров проанализировано гармонично сплетенное выражение времени и пространства в романе Абэ Кобо «Женщина в песках». Выявлено, что в романе используется модель циклического времени.

Ключевые слова: хронотоп, циклическое время, линейное время, ограниченное пространство, Абэ Кобо

Abstract. The article is dedicated to the linguistic and literary analysis of the chronotope reflected in the novel *Woman in the Dunes* by the famous 20th-century Japanese writer Abe Kobo. The theoretical part of the article examines the approaches of scholars such as J.Piaget, D.Elkin, and A. V. Zaporozhets to the study of the concepts of time and space. Special attention is paid to the theory of chronotope proposed by M.M.Bakhtin, which plays an important role in the analysis of a literary work. Based on this theory, and using examples, the harmonious intertwining of time and space in Abe Kobo's *Woman in the Dunes* is analyzed. It is revealed that the novel employs a model of cyclical time.

Keywords: chronotope, cyclical time, linear time, limited space, Abe Kobo

Makon va vaqtga oid tasavvurlar inson psixikasi ontogeneziga oid ko'pgina yirik tadqiqotlarda tadqiq etilgan. Jumladan J.Piaje¹⁹, D.G.Elkin²⁰, A.V. Zaporozets²¹, E.V.Subbotskiy²² kabilarni ishlarida kuzatish mumkin. Ular makon va vaqtga oid tasavvurlar psixik jarayon ekanligini ta'kidlab, turli darajadagi psixik hodisalar misolida ko'rib chiqishadi. Makon va vaqtning umumxususiyatlari ilmiy tavsifiy apparatni shakllantiradi. Ushbu ilmiy tadqiqotlarda vaqt jismoniy, tarixiy, biologik, geologik, psixologik, ijtimoiy, madaniy, lingvistik kabi turlarga ajratiladi. Bundan tashqari, vaqt bir vaqtning o'zida ichki va tashqi, davriy va chiziqli, obyektiv va subyektiv, konseptual va perseptiv bo'lishi mumkin²³.

Inson tafakkurida vaqt haqidagi tasavvurlar 2 xil ko'rinishda mavjuddir. Ketma-ketlikda takrorlanuvchi bir turdagi hodisalar, ya'ni hayotiy faoliyat aylanma jarayoni (davriylik) sifatidagi vaqt va bir yo'nalishda sodir bo'luvchi ilgari harakat sifatidagi chiziqli vaqt. Davriy vaqtda takrorlanuvchi vaqt jarayoni nazarda tutilsa, ikkinchisida qaytarib bo'lmas jarayonlar vaqt sifatida tushuniladi.

Til tadqiqotlarida ham vaqtni tadqiq qilishda asosan 2 ta modeldan foydalaniladi. Bular davriy va chiziqli vaqt modellaridir. Ikkala model ham tarixchilar va madaniyatshunos olimlar tomonidan ishlab chiqilgan (M.Gyuyo, N.A.Berdyayev, A.Y. Gurevich). Keyinchalik tilshunoslar tomonidan tadqiqotlarda muvafaqqiyatli qo'llanilgan (B.A.Uspenskiy, Y.S.Stepanov, N.D. Arutyunova, Y.S. Yakovleva, T.V. Toporova va b.). Bu 2 modelda vaqt kategoriyasi ma'lum madaniyat ta'siri ostida va inson tafakkurida shakllangan lisoniy-konseptual yoki lingvomadaniy kategoriya sifatida namoyon bo'ladi hamda vaqt haqidagi tasavvurlarni til birliklari vositasida ifodalaydi²⁴. Davriy va chiziqli vaqt dixtonomiyasi tilda o'z aksini topadi. Misol tariqasida o'zbek tilidagi *fursat* va *vaqt*, *hozirgi* va *bugungi*, *o'tgan* va *o'tmish*, *bundan buyon* va *kelajak* kabilarni misol tariqasida keltirish mumkin.

Makon va vaqtga oid tasavvurlar xronotop termini orqali beriladi. Xronotop grekchadan so'zma-so'z χρόνος-vaqt, τόπος-makon tarzida tarjima qilinadi. Xronotop bu vaqt va makonning o'zaro munosabati sanaladi. Bu borada M.M.Baxtinning "Romanda xronotop va vaqt shakli" nomli tarixiy poetika bo'yicha ocherki mavjud. Baxtin bu nazariyani Eynshteyn o'zining nisbiylik

¹⁹ Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии : Учеб. пособие для студентов психол. специальностей и направлений / Под ред. Л. Ф. Обуковой, Г. В. Бурменской. — М.: Гардарики, 2001.

²⁰ Элькин, Д.Г. Восприятие времени / Д.Г. Элькин. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962.

²¹ Запорожец А.В. Психология ощущений и восприятия. Хрестоматия по психологии. М., 1999. С. 539-546.

²² Субботский, Е.В. (2023). Живая субъективность и культурно-исторический подход: Границы применимости. Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология, 46(2), 133–153.

²³ Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании. Автореферат дисс. на соис. уч. степ. док. фил. наук. — М.: 2009.

²⁴ Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании. Автореферат дисс. на соис. уч. степ. док. фил. наук. — М.: 2009.

nazariyasida kiritganini va asoslab berganini yozadi²⁵. Baxtin bu nazariyani adabiyotshunoslikka metafora sifatida olib kiradi va vaqt bilan makonni bir-biridan ajralmas jarayon sifatida asarda ifodalanishini ta'kidlaydi. Shuningdek, u xronotopni adabiyotdagi shakl va mazmunga oid kategoriya sifatida tushunadi.

Ushbu maqolada xronotopning bir-biriga uyg'un holda aks etishi badiiy asar tahlili asosida ko'rib chiqiladi. Manba sifatida Abe Koboning "Qumdagi ayol" romanidan foydalaniladi. Abe Koboning «Qumdagi ayol» romanida xronotop (vaqt va makon) qahramonning murakkab holati va uning obrazi orqali yoritilayotgan mavzu hamda asarning g'oyasiga hamohang hamda monand holda ifodalanadi. Adib tomonidan berilgan vaqt va zamon ifodasi bosh qahramon - Niki Junpei mavjudligining og'ir hamda nafasni bo'g'adigan sharoitlarini, butun asarning bo'g'iq muhitini yanada og'irlashtiradi.

Mazkur o'rinda asar muallifining ijodiga to'xtalish maqsadga muvofiqdir. Iste'dodli adib va dramaturg Abe Kobo (1924-1993) zamonaviy davrda insonning begonalashuvi, mavjudlikning ma'nosizligi, ruhiy va psixologik yakkalanish kabi mavzularni yoritib beruvchi asarlari bilan urushdan keyingi yapon adabiyoti sahifalarida nom qoldirgan yirik ijodkordir. 「砂の女」 («Qumdagi ayol», 1962), 「他人の顔」 («Begonaning yuzi», 1964), 「箱男」 («Quti erkak», 1973) va boshqa bir qator asarlarida adib hayotning mohiyati, ijtimoiy tuzum va shaxsning o'zligini, shaxsiy «meni»ni izlashi kabi falsafiy xarakterdagi masalalarni ko'tardi.

Yuqorida nomi zikr etilganlar sirasida «Qumdagi ayol» romani Abe Kobo ijodidagi eng ahamiyatli asar sanalib, o'zida adib butun ijodining asosiy mavzularini to'laqonli mujassamlashtirgan. Romanda voqealar bosh qahramon - o'qituvchi hamda entomolog Niki Junpeining ispan pashshasini yig'ish va o'rganish maqsadida sahroda joylashgan qishloqqa kelishi, qishloq aholisining taklifiga binoan bir ayolning qum o'rasidagi uyida tunab qolishi bilan boshlanadi. Syujet rivojida qahramon ushbu qum o'rasidagi uy aslida qishloq aholisi tomonidan qo'yilgan tuzoq ekanligini va u bundan buyon qishloqni qum bosib qolishini oldini olish uchun ayolga majburan yordam berishga mahkum qilinganligini anglab yetadi. Bosh qahramon bilan sodir bo'lgan ushbu voqealar fonida Abe Koboning hayot, vaqt, taqdir va inson tabiati bilan bog'liq mushohadalari o'zining badiiy ifodasini topadi. Nima sababdan bu kabi voqealar aynan u bilan sodir bo'layotganligini tushuna olmay, bunday qismatini o'zgartirish imkoniyatiga ega bo'lmagan bosh qahramonning absurd holati, tashqi tuzum bilan ma'nosiz kurash, olamdan hamda boshqa odamlarda ajralib, yopiq makonda qamalib qolish motivi «Qumdagi ayol» romanini Frans Kafka asarlariga yaqinlashtiradi. Kafka kabi Abe Kobo ham romani orqali hayot va o'lim, mavjudlikning ma'nosizligi va insonning o'zligini anglashi bilan bog'liq muhim masalalarni kitobxon oldiga ko'ndalang qo'yadi.

²⁵ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

«Qumdagi ayol» oʻziga xos arxitektonikaga ega boʻlib, u 31 bob va asarning soʻnggi qismida keltirilgan ikki rasmiy hujjatdan («odam yoʻqolganligi toʻgʻrisidagi eʼlon» va «sud qarori») tashkil topgan romandir. Asar mutolaa qilinganda, unda ikki hikoyachi mavjudligi ayon boʻlib²⁶, ushbu ikki hikoyachi ikki xil zamon sathlarida voqealarni bayon etadi. Birinchi hikoyachi romanning dastlabki bobidagina namoyon boʻlib, oʻtgan zamonda sodir boʻlgan, yaʼni 2-bobdan boshlab asarning oxirgi 31-bobigacha hikoya qilnadigan voqealar haqida xabar beradi.

8月のある日、男が一人、行方不明になった。休暇を利用して、汽車で半日ばかりの海岸に出掛けたり、消息をたててしまったのだ。搜索願も、新聞報告も、すべて、無駄におわった。[安部公房「砂の女」: 5]

Avgust kunlarining birida, bir erkak yoʻqolib qoldi. Taʼtil kunlaridan foydalangan holda poyezdda atigi yarim kunlik yoʻl uzoqlikdagi sohilga ketganicha dong daraksiz yoʻqoldi. Politsiyaga berilgan qidiruv arizasi ham, gazetadagi eʼlon ham, bari natijasiz yakun topdi.

Birinchi hikoyachi soʻzlab berayotgan voqealar oʻtmishda sodir boʻlganligini «sud qarori» shaklida kelritilgan asarning oxirgi qismi aniq tasdiqlaydi.

...仁木順平... 上記の不在者に対する失踪宣告申立について、公示催告の手続きをした上、不在者は昭和 30 年 8 月 18 日以来 7 年以上生死が分からないものと認め、次のとおり審判する。...仁木順平失踪者とする。昭和 37 年 10 月 5 日... [安部公房「砂の女」: 230]

...Niki Junpei... Yuqorida ismi zikr etilgan shaxsning yoʻqolganligi toʻgʻrisidagi ariza berilib, uning 1955- yil 18-avgustidan beri 7 yildan ortiq muddat ichida tirik yoki oʻlikligi maʼlum emas deb topildi va quyidagicha hukmga kelindi. ... Niki Junpei dong daraksiz yoʻqolgan deb hisoblansin. 1962 yil 5 oktyabr...

Mazkur parchalar orqali romanda bosh qahramon bilan sodir boʻlgan voqealar zamon nuqatayi nazaridan umumhisobda yetti yillik muddatni qamrab olganligini tushunish mumkin. Biroq asarda Niki Junpeining qum oʻrasidagi hayotining taxminan dastlabki oʻn oyligi (avgustdan may oyining oxirigacha) hikoya qilinib, kitobxon sud qarori orqaligina uning ushbu qumli qishloqda oʻz xohishi bilan qolib ketganligini anglaydi. Xususan, romanning soʻnggi 31-bobida voqealar rivojining jadallashganini kuzatish mumkin boʻlib, unda kunlar, haftalar, oy va fasllar asarning boshqa boblaridan farqli ravishda koʻz ochib-yumguncha oʻtib ketadi. Qismatiga, yangi hayot tarziga oʻzi bilmagan holda koʻnikib borayotgan va qumli makonda suv yigʻish imkonini beruvchi qurilmani tasodifan ixtiro qilgan qahramon uchun vaqt goʻyoki oʻzining ahamiyatini butunlay yoʻqogandek tuyuladi.

²⁶ «Qumdagi ayol» romanida ikki hikoyachi mavjud ekanligi bilan bogʻliq fikr Shifu Hioning 「安部公房『砂の女』論—「異空間」の叙事詩」 «Abe Koboning «Qumdagi ayol» romani tadqiqi: «oʻzga makon» epos» nomli tadqiqotida ham keltiriladi. Batafsil qarang: https://www.ritsumei.ac.jp/acd/cg/lt/rb/655/655PDF/Shifu_Huo.pdf

また、変りばえのしない、砂と夜の何週間かが過ぎさった。[安部公房「砂の女」: 221]十一月のはじめに、一日四リットルを記録したのを最後にして、あとは一日ごとに、下降線をたどりはじめた。[安部公房「砂の女」: 225] ... それでもなんとか、冬が過ぎ、春になった。三月のはじめに、やっとラジオが手に入り、屋根の上に、高いアンテナをたてた。... その月の終わりに、女が妊娠した。さらに、二た月たって、大きな白い鳥が三日にわたって西から東に飛んでいったある日、突然女が下半身を血に染めて、激痛を訴えだした。...[安部公房「砂の女」: 226]

Yana, bir xil qumli tunlar, bir necha haftalar o'tib ketdi... Noyabrning boshlarida suv to'rt litrgacha yig'ilib, undan keyin kundan kun kamayib, quyi chizig'igacha yetishni boshladi... Shunday bo'lsada, qish tugab, bahor keldi. Mart oyining boshida, vanihoyat, radioni qo'lga kiritib, tomga baland antenna o'rnatdi... Ushbu oyning yakunida, ayol homilador bo'ldi. Yana ikki oy o'tib, katta oq qushlar uch kun mobaynida g'arbdan sharqqa uchganidan keyin bir kun o'tib, to'satdan badanining pastki qismi qonga bo'yalgan ayol qattiq og'riqdan shikoyat qildi...

Romanning 2-bobidan boshlab ikkinchi hikoyachi so'zga kirib, bosh qahramonni chetdan kuzatgan holda u boshidan kechirayotgan voqea-hodisalarni birin-ketin tafsilotlari bilan yoritib beradi. Ikkinchi hikoyachi go'yoki Niki Junpeining kundalik hayoti haqida kitobxonga kunlik xabar berib turayotgan muxbir sifatida namoyon bo'ladi. Bu hikoyachining bosh qahramon bilan bir zamon sathida mavjud ekanligi bilan izohlanadi. Shu nuqtayi nazardan, birinchi hikoyachiga nisbatan ikkinchi hikoyachi bosh qahramon kabi o'tmishga tegishli hisoblanadi. Yuqorida ta'kidlanganidek, zamon nuqtayi nazaridan o'n oylik davrni qamrab oluvchi syujet aynan ushbu ikkinchi, boshqacha qilib aytganda, asosiy hikoyachi tilidan yoritiladi. Yuqoridagi gapda vaqt va makonning uyg'un holda ifodalanganini ham kuzatish mumkin. Ushbu gapda kun, hafta, sana, oy va faslni ifodalovchi so'zlar bilan bir qatorda, ma'lum vaqtning boshlanishini bildiruvchi ~はじめに *boshlarida*, ~のはじめに *oyining boshida* kabi ravishlar, ma'lum jarayonning boshlanishini anglatuvchi たどりはじめた *yetishni boshladi* ko'makchi fe'llar, ma'lum davr tugashini bildiruvchi 終わりに *-ning yakunida* kabi ravishlar hamda vaqtning o'tishi ~たって yoki tugashini bildiruvchi 過ぎ去った *o'tib ketdi*, fasllar almashinuvini, jarayonning o'zgarishini bildiruvchi ~になった *kirib keldi* kabi fe'llar qo'llanilganini ko'rish mumkin. Bundan tashqari, ushbu gapning yakunida vaqt aniq bir so'z turkumiga oid so'z yoki grammatik kategoriya orqali ifodalanmay, bilvosita aniq bir vaqtni ifodalovchi hodisa orqali berilayotganini guvohi bo'lamiz: 大きな白い鳥が三日にわたって西から東に飛んでいったある日 *katta oq qushlar uch kun mobaynida g'arbdan sharqqa uchganidan keyin bir kun* qushlarning g'arbdan sharqqa 3 kun mobaynida uchish hodisasi orqali may oyining bir kuni nazarda tutilayotganini anglash mumkin. Bu katta jumlada qo'llanilgan so'z va iboralar romanda vaqt ifodalashning davriy modelidan foydalanilganidan dalolat beradi.

Qum o'rasidan qochish imkoniyati va istagi kamayishi bilan vaqt hamda zamonning ifodasi ham mavhumlashib boradi. Adib vaqt o'tayotganini 終わった

tugadi, 過ぎ去った o'tib ketdi, 経った *vaqt o'tdi*, なった *bo'ldi* kabi fe'llar ifodalaydi.

Umuman olganda, romanda vaqtni idrok qilish murakkab bo'lib, u syujet doirasida cho'zilib, davriy tus oladi. Bir zamon, bir vaqt oralig'ida to'xtab qolgan qahramon har kuni bir xil ishni bajarishga, ya'ni kun bo'yi qum bosgan o'rani tunda yana qumdan tozalashi kerak. U vaqt o'tganini kun va tunning almashishi bilangina anglaydi. Mazkur holat bosh qahramon hayotini go'yoki har yangi kun undan oldingi kunning takroridek tuyuladigan cheksiz **siklga** aylantiradi. Shu bois, deyarli barcha modernizm adabiyoti namunalari kabi «Qumdagi ayol» romanida ham o'z chizig'i va shaklini yo'qotgan vaqt mavjudlikning ma'nosizligini ta'minlab berayotgan mexanizmga aylanadi.

Romanda o'ta mavhum ifodalangan vaqt asarning asosiy obrazi - muayyan bir shaklga ega bo'lmagan, oquvchan «qum»ga o'xshaydi. Aniq bir vaqt o'lchovining mavjud emasligi qahramonning ekzistensial bo'shlig'ini, vaqtning muayyan bir natija yoki o'zgarishga olib kelmayotganligi tufayli tushib qolgan umidsiz ahvolini yanada kuchli namoyon etadi. Bu o'z navbatida bosh qahramonning real hayoti na kelajagi, na o'tmishi bor bo'lgan bir zamonda qotib qolganligi g'oyasini ifodalaydi.

Romanda vaqt noaniq tarzda ifodalanganini quyidagi misollarda kuzatish mumkin.

八月のある日、男が一人、行方が不明になった。[安部公房「砂の女」: 5]

Avgustning ma'lum bir kunida bir erkak kishi yo'qolib qoldi.

Bu gapda avgust oyining ma'lum bir kuni tarzida berilib aniq qaysi kunligi ochiqqlanmagan, 行方が不明になった birikmasida 行方 qayerda ekanligi *noma'lumligi* nazarda tutilgani bois gapda makon ham ifodalanmoqda.

ある八月の午後、大きな木箱と水筒を肩から十文字にかけ、まるでこれから山登りにもするのように、ネズミ色のピケ帽の男が一人、S 駅のプラットホームに降り立った。[安部公房「砂の女」: 7]

Avgust kunlarining birida tushdan keyin kulrang piket panamadagi bir kishi S stansiyasi platformasida paydo bo'ldi, u xuddi buyog'iga toqqa chiqmoqchi bo'lgandek, yelkasiga ko'ndalang osilgan katta yog'och sumka va suvdonni ko'tarib olgandi.

Yuqoridagi gapda ma'lum bir avgust oyining tushdan keyingi vaqti nazarda tutilayotgan bo'lsa-da, qaysi yilning aynan qaysi sanasi ekanligi aniq aytilmagan. Ushbu gapda berilgan これから *buyog'iga* (olmosh+chiqish kelishigi) so'zi ham vaqtni, ham makonni ifodalab kelmoqda.

いつまでたっても海は見えなかった。[安部公房「砂の女」: 8]

Qancha vaqt o'tsa ham dengiz ko'rinmadi.

いつまでたっても birligi orqali *noma'lum* vaqt ifodalanganini ko'rish mumkin.

Makon masalasiga kelsak, zamondan farqli o'laroq u aksincha, tafsilotlari bilan juda aniq o'zining ifodasini topadi. Abe Kobo yapon adabiy an'alariga sodiq qolgan holda peyzaj tasviriga alohida e'tibor bergan bo'lib, u butun asar matnida salmoqli o'rin tutadi.

«Qumdagi ayol» romanida makon yopiq, chegaralangan muhit sifatida namoyon bo'lib, u qahramonning tashqi dunyodan yakkalanishi yoki uzilib qolishini ramziy ifodalaydi. Asarning boshidanoq qahramon bir qishloqqa borib qoladi va shu ondan boshlab u tashqi dunyo bilan o'z aloqalarini yo'qotgan yopiq bir makonga kiradi. Adib asarning bir necha sahifalarini ushbu o'ziga xos g'ayritabiiy, fantastik qishloqning tasviri uchun bag'ishlaydi.

...とつぜん視界がひらけて、小さな部落があらわれた。高い火の見機を中心に、小石でおさえた板がきの屋根がむらがった、貧しいありふれた村落である。むろん、その中の何軒かは、黒い瓦ぶきだったり、べにがら色のトタンぶきだったりした。トタンがきの建物は、部落の中の嘘一の四つ出の角にあって、どうやら漁業組合の集合所らしかった。...この向うに、目的の海も、砂丘もあるのだろう。だがその部落は意外に広がった。わずかに土が露出しているところもあったが、大半は白く乾いた砂地だった。[安部公房「砂の女」: 8-9]

...部落の側を振り返ると、砂丘の頂上に近いほど深く掘られた、大きな穴が、部落の中心にむかって幾層にも並び、まるで壊れかかった蜂の巣である。砂丘に村が、重なりあってしまったのだ。あるいは、村に砂丘が、重なりあってしまったのだ。いずれにしても、苛立たしい、人を落着かせない景色だった。[安部公房「砂の女」: 10]

適当な湿気さえあれば、一日で芽をふきそうな雑草が、ところどころに浅い根をひろげている以外、生物らしいものの影一つない。[安部公房「砂の女」: 17]

To'satdan ko'z o'ngida manzara ochilib, kichik qishloq namoyon bo'ldi. Markazidagi o't o'chirish minorasining atrofini kichik toshlar bilan bostirilgan to'sinli tomlar qurshagan edi. Qashshoqlik ufurib turgan qishloq. Albatta, qishloqdagi ayrim uylar qora cherepitsali yoki qizil rangdagi tunuka tomli edi. Tunuka tomli bino qishloqning yagona chorrahasi muyulishida joylashgan bo'lib, aftidan baliqchilar uyushmasining boshqarmasi bo'lsa kerak. ...Bu tomonda, ehtimol kutilgan dengiz va qum tepa bo'lsa kerak. Biroq bu qishloq kutilmaganda keng bo'lib chiqdi. Ba'zi joylarda yer ko'rinib tursa-da, asosan hamma yoq oq, quruq qum bilan qoplangan edi. ...

...qishloq tomon o'girilganida, qum tepaliklarining eng yuqori qismida, qishloq markaziga qarab chuqurroq qazilgan katta o'ralar bir necha qatlamlarda joylashgan bo'lib go'yo vayron bo'lgan bolari uyasidek edi. Qishloq qum tepalarini bosib olgan yoki aksincha, qishloqni qum tepalari bosi olgan edi. Nima bo'lganda ham, bu odamni jig'iga tegadigan, halovat bermaydigan manzara edi.

Agar biroz namlik bo'lsa, bir kun ichida o'sib chiqishi mumkin bo'lgan begona o'tlar yuzaki ildizlarini yoygan. Bundan boshqa hech qanday tirik jon ko'rinmaydi.

Yuqoridagi parchadan romanda noaniq ifodalangan vaqtdan farqli ravishda, makonning aniq ifodalanganini, uning chegaralari aniq ko'rsatilganini kuzatish mumkin.

Bosh qahramon yashaydigan shahardan farqli ravishda tashqi dunyodan uzilib qolgan qishloq asarda begonalashuv va yakkalanish hissini yuzaga kelishini ta'minlab bergan muhim obraz hisoblanadi. Mazkur qishloqning aholisi ham ushbu makonga undan ozod bo'lish imkonini yo'qotgan holda mahkum etilgan. Bu o'z navbatida asarda ilgari surilgan inson mavjudligining ma'nosizligi

mavzusini yanada kuchaytirgan hamda qay tarzda jamiyat kundalik hayot chegaralarini oshib o'tish imkonini bermagan holda insonlarni o'z domiga tortib ketayotgan ulkan mexanizmning qismiga aylanishi mumkinligini namoyon etgan.

Muallif qishloq ko'rinishidagi yopiq makon ichida bosh qahramonni yana yopiq makonda, ya'ni ayolning qum o'ralaridagi kulbasiga mahkum qiladi. Asar syujetida yoritiladigan voqea-hodisalarining asosiy makoni sifatidagi ushbu kulba qishloq peyzaji kabi adib tomonidan tafsilotlari bilan tasvirlanadi.

壁ははげ落ち、襖のかわりにムシロがかかり、柱はゆがみ、窓にはすべて板が打ちつけられ、畳はほとんど腐る一步手前で、歩くと濡れたスポンジを踏むような音をたてた。そのうえ、焼けた砂のむれるような異臭が、いちめんにただよっていた。
[安部公房「砂の女」: 24]

Devorlar to'kilib, fushimaning o'rniga bo'yra osilgan, ustunlar qiyshaygan, derazalarning barchasi taxta bilan qoqib to'silgan, tatamilar deyarli chirigan bo'lib, qadam tashlaganda ho'l yostiqni bosgandagidek tovush chiqadi. Shuningdek, kuygan qumning namlanganidek badbo'y hidi anqib turar edi.

Hamisha qum ostida g'arq bo'lishi mumkin bo'lgan ushbu kulba asarda adib yetkazib bermoqchi bo'lgan tushunchalar - asirlik, begonalashuv kabilarning metaforasi hisoblanadi.

Bundan tashqari, romanda ba'zi so'zlar uchraydiki, ularda ham vaqt ham makon bir vaqtning o'zida ifodalanganini kuzatish mumkin.

いよいよこの先が目指す海に達しない。[安部公房「砂の女」: 8]

Va nihoyat buyog'i u ko'zlagan dengiz bo'lishi kerak.

Bu gapdagi [kono saki] birikmasi birozdan keyingi vaqtni anglatishi bilan birga, ozgina yurgandan keyingi joyni ham ko'rsatmoqda.

道はますます上がり坂になり、ますます砂らしい砂になった。[安部公房「砂の女」: 9]

Yo'l asta-sekin yuqorilab borib, asta-sekin qum ham haqiqiy qum kabi bo'lib boshladi.

Yapon tilida grammatik konstruksiyalar asosida ham davriy vaqt ifodalanadi.

先に進むにつれてひどくなり、やがて、すべての家が、砂の斜面を掘り下げ、そのくぼみの中に立てたように見えてきた。[安部公房「砂の女」: 10]

Oldinga yurgani sari ko'rinish battar yomonlashib, birozdan so'ng hamma uylar qumli qiyalikni kovlab, kovaklari ichiga qurilganga o'xshab ko'rina boshladi.

Ushbu gapda ~につれて ko'makchisi qahramonning oldinga harakatlanish jarayonini ko'rsatib vaqt harakatlanayotganiga ishora qilmoqda va やがて so'zi orqali esa noma'lum vaqt ifodalanib, biroz o'tib o'zgarish sodir bo'lgani aytilmoqda. Bundan tashqari, shu gapning o'zida bir vaqtda aniq chegaralangan makon ifodalanmoqda くぼみの中に kovak ichida joylashgan uy aniq chegaralarga ega makon sifatida namoyon bo'lmoqda.

道は次第に上がり坂になっていく。[安部公房「砂の女」: 9]

Yo'l asta-sekin yuqorilab borardi.

Yo'ldagi yuqorilama harakat orqali ushbu gapda ham vaqt va makonning uyg'un tarzda ifodalanganini ko'rish mumkin.

Abe Koboning «Qumdagi ayol» romanida zamon va makon masalasi haqida soʻz borar ekan, xulosa oʻrnida taʼkidlash mumkinki, xronotop nafaqat voqea-hodisalar uchun fon vazifasini oʻtaydi, balki asar muhitini faol shakllantiradi va begonalashuv, yolgʻizlik, mavjudlikning maʼnosizligi va tashqi kuchlar taʼsirida inson shaxsiyatining yoʻqolib borishi kabi asosiy falsafiy mavzularga ham urgʻu beradi. Yopiq makon, vaqt hamda zamonning davriyligi maʼnosiz va umidsiz dunyo bilan doimiy kurashish jarayorida oʻz shart-sharoitlarining tuzogʻiga tushib qolgan qahramonning ichki dunyosini aks ettirgan. Umuman olganda romanda vaqt va makon qahramonning hayotini ifodalaydi. Kun, oy, fasl, hodisa va jarayonlarning poyonsiz aylanmasi davriy takrorlanuvchi va yakka-yu yagona boʻlmagan bugungi kunni anglashga yordam beradi. Romanda ravish, feʼl va grammatik konstruksiyalar orqali berilgan takroriy jarayonlar hamda qahramon taqdiri davriy vaqt bilan assotsiatsiyalanadi.

Foydalanilgan adabiyotlar roʻyxati:

1. Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: Учеб. пособие для студентов психол. специальностей и направлений / Под. ред. Л. Ф. Обуховой, Г. В. Бурменской. — М.: Гардарики, 2001.
2. Элькин, Д.Г. Восприятие времени / Д.Г. Элькин. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962.
3. Запорожец А.В. Психология ощущений и восприятия. Хрестоматия по психологии. М., 1999. С. 539-546.
4. Субботский, Е.В. (2023). Живая субъективность и культурно-исторический подход: Границы применимости. Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология, 46(2), 133–153.
5. Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании. Автореферат дисс. на соис. уч. степ. док. фил. наук. – М.: 2009.
6. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
7. 安部公房 (1981) 「砂の女」 新潮社. - 240 p.
8. 霍士富. 安部公房 『砂の女』 論: 「異空間」 の叙事詩 // 立命館文學= The journal of cultural sciences/立命館大学人文学会 編. – 2018. – №. 655. – С. 486-466.

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВЛЕНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ “忍” (REN) И “САБР” В КИТАЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

(на примере фразеологических единиц)

Сайёра НАЗАРОВА

доктор философии педагогических наук, доцент ТГУВ,

Фарзона МАКСУДОВА

Магистр МГИМО

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставительному анализу концептов "忍" (ren) в китайской лингвокультуре и "сабр" в узбекской лингвокультуре. Концепт "忍" (ren) в китайской культуре обозначает идею терпения, сдержанности и умения переносить трудности, в то время как "сабр" в узбекской культуре – высокое духовное понятие, признак ума и культуры, выражение уважения к мнению и убеждениям других. В работе осуществляется анализ фразеологических единиц и выражений, связанных с этими концептами в обеих культурах, а также изучается их роль и значение в формировании ценностей, норм и обычаев.

Сравнительное исследование показывает, что, несмотря на признание терпения добродетелью в обеих культурах, его языковые и культурные интерпретации различны. В китайской культуре терпение воспринимается как активное решение, требующее самодисциплины и стратегического выжидания, часто служащее инструментом преодоления трудностей. В узбекской культуре терпение тесно связано с религиозной верой, моральным поведением и божественным вознаграждением.

Анализ концептов «忍» (rěn) в китайском языке и «сабр» в узбекском языке через призму фразеологических единиц позволяет глубже понять не только язык и его значения, но и особенности менталитета и культурные ценности. Оба народа рассматривают терпение как моральную и социальную добродетель, но их интерпретации отражают уникальные культурные ценности, исторический опыт и философский взгляд на мир. Это исследование способствует более широкому пониманию межкультурных взглядов на терпение и стойкость, раскрывая языковые и когнитивные основы, формирующие общественные ценности Китая и Узбекистана.

Ключевые слова: концепт, терпение, фразеологические единицы, лингвокультура.

Annotatsiya. Ushbu maqola xitoy lingo-madaniyatidagi "忍" (rěn) va o'zbek lingo-madaniyatidagi "sabr" tushunchalarining qiyosiy tahliliga bag'ishlangan. Xitoy madaniyatida "忍" (rěn) tushunchasi sabr, o'zini tuta bilish va qiyinchiliklarga chidash g'oyasini ifodalaydi, holbuki, o'zbek madaniyatida "sabr" – bu yuksak ma'naviy tushuncha, aql va madaniyat belgisi, boshqalarning fikr va e'tiqodlariga hurmat ifodasidir. Ushbu maqolada ushbu tushunchalar bilan bog'liq frazeologik birliklar va

iboralar tahlil qilinib, ularning qadriyatlar, me'yorlar va urf-odatlar shakllanishidagi roli va ahamiyati o'rganiladi.

Qiyosiy tadqiqot shuni ko'rsatadiki, har ikkala madaniyatda sabr fazilat sifatida e'tirof etilgan bo'lsa-da, uning lingvistik va madaniy talqini turlicha. Xitoy madaniyatida sabr intizom va strategik kutish talab qiluvchi faol qaror sifatida qabul qilinadi va ko'pincha qiyinchiliklarni engish vositasi bo'lib xizmat qiladi. O'zbek madaniyatida esa sabr diniy e'tiqod, axloqiy xulq va ilohiy mukofot bilan chambarchas bog'liq.

Xitoy va o'zbek tillaridagi frazeologik birliklar orqali "忍" (rěn) va "sabr" tushunchalarini tahlil qilish nafaqat til va uning semantik xususiyatlarini chuqurroq tushunishga, balki milliy mentalitet va madaniy qadriyatlarning o'ziga xos tomonlarini aniqlashga yordam beradi. Har ikkala xalq sabrni axloqiy va ijtimoiy fazilat deb biladi, ammo ularning talqini tarixiy tajriba, falsafiy qarash va madaniy qadriyatlarga bog'liq holda shakllangan. Ushbu tadqiqot sabr va matonatga oid xalqaro nuqtayi nazarni kengroq anglashga xizmat qilib, Xitoy va O'zbekiston jamiyatlarining til va kognitiv asoslarini ochib beradi.

Kalit so'zlar: konsept, sabr, frazeologik birliklar, lingvomadaniyat.

Abstract. This article is dedicated to the comparative analysis of the concepts of "忍" (rěn) in Chinese linguistic culture and "sabr" in Uzbek linguistic culture. In Chinese culture, the concept of "忍" (rěn) signifies patience, self-restraint, and the ability to endure hardships, whereas "sabr" in Uzbek culture is a profound spiritual notion, a sign of wisdom and culture, and an expression of respect for others' opinions and beliefs. This study examines phraseological units and expressions related to these concepts in both cultures, as well as their role and significance in shaping values, norms, and traditions.

The comparative study reveals that although patience is recognized as a virtue in both cultures, its linguistic and cultural interpretations differ. In Chinese culture, patience is perceived as an active decision requiring self-discipline and strategic endurance, often serving as a tool for overcoming difficulties. In Uzbek culture, patience is deeply intertwined with religious faith, moral conduct, and divine reward.

Analyzing the concepts of "忍" (rěn) in the Chinese language and "sabr" in the Uzbek language through the lens of phraseological units provides deeper insights not only into linguistic meanings but also into the unique aspects of national mentality and cultural values. Both nations regard patience as a moral and social virtue, yet their interpretations reflect distinctive cultural values, historical experiences, and philosophical worldviews. This research contributes to a broader understanding of intercultural perspectives on patience and resilience, uncovering the linguistic and cognitive foundations that shape societal values in China and Uzbekistan.

Key words: concept, patience, phraseological units, linguoculture.

Введение. Способность терпеть и идти на компромисс считалась традиционной добродетелью в китайской культуре с древних времен. Конфуцианство делает акцент на внутренней святости, даосизм делает акцент на защите мягкости, а школа Будды говорит о сострадании. Все три учения несут в себе внутреннюю коннотацию «Воздержания». Сделав один

шаг назад, вы обнаружите, что океан широк, а небо открыто. Проявляя терпимость, человек сможет достичь подлинных достижений.

В узбекской культуре концепт «сабр» (араб. горький, терпеть) является составляющей человеческой духовности и означает ждать, не переусердствуя, или сдерживать себя, терпимость, выдержку, волю и удовлетворение. Данный концепт несет в себе смысл высокого духовного понятия, это признак ума и культуры, выражение уважения к мнению и убеждениям других [1, 40-45]. «Сабр» в исламе, усиливает веру и духовное развитие верующего, оно выражается в том, чтобы оставаться стойким и сдержанным во всех жизненных ситуациях, будь то радость или горе, достаток или нехватка.

Основная часть. Концепт “忍” rěn в устойчивых фразеологических единицах китайского языка, характеризуется призывом к терпению и выдержке в трудных ситуациях, например, “忍耐是一种美德” (rěn nài shì yī zhǒng měi dé), что означает “терпение - это добродетель”, “忍辱负重” (rěn rǔ fù zhòng), что означает "терпеливо переносить унижения и бремя", в вышеперечисленных примерах подчёркивается необходимость терпения в ситуациях, когда приходится сталкиваться с трудностями или несправедливостью. Другой пример - выражение “忍无可忍” (rěn wú kě rěn), что можно перевести как "терпение иссякло, нет возможности больше терпеть", подчеркивает пределы человеческой выдержки и умение человека противостоять дальнейшим испытаниям.

В «Шан Шу» (один из классических конфуцианцев) Чжоу Чэн Ван (император династии Чжоу) предупреждал чиновников: «Только будучи терпимым, человек может достичь успехов, и только будучи снисходительным, он может иметь великую добродетель». Буддизм говорит: «Терпение – это номер один из шести путей спасения и десяти тысяч методов совершенствования». Все эти учения касаются Дао [2].

В «Лунь Юй» Конфуция есть много описаний «воздержания».

Он сказал: «Если человек не сможет терпеть тривиальные вещи, его главный план будет разрушен». Он также сказал: «Не слишком ли глупо забывать себя и своих близких из-за мгновенного гнева?» Конфуций также говорил: «Господа не соревнуются друг с другом» и «Господа сдержанны и не соревнуются» [3].

В «Лунь Юй» также записано, что Конфуций предупреждал Цзы Лу (ученика Конфуция): «Зубы легко сломать, потому что они жесткие. Язык легко защищается, потому что он гибкий. Мягкость, несомненно, преодолет жесткость, и слабое существо может победить сильное.

Третий аспект – «Маленькое нетерпение разрушит большие планы», а это означает, что, если вы не можете терпеть мелочи, вы разрушите свои долгосрочные планы [4,50-52].

Приведем примеры фразеологических единиц с концептом «忍», с целью определения его семантического поля.

忍帶來和平的心境 **Rěn dài lái hépíng de xīnjìng** – терпение приносит душевное спокойствие, так же выражение можно перевести как – «тот, кто имеет терпение, находит мир» [5].

忍尤含垢 **Rěn yóu hán gòu** – терпеть обиды и унижение. Книга поздней династии Хань: Биография жены Цао Шишу: «Есть необъяснимые хорошие вещи, и есть злые вещи, которые неопишутся. Терпеливо относиться к унижениям и грязи, всегда проявлять страх, это называется смиренным слугой.

小不忍则乱大谋 **xiǎo bù rěn zé luàn dà móu** – неспособность терпеть мелочи разрушит большие дела. Вот почему важно проявить терпение при выполнении больших задач, ибо маленькое нетерпение может разрушить большие планы.

吞声忍气 **tūn shēng rěn qì** – проглотить, не осмеливаться выговориться; терпеть, быть терпеливым. Оно описывает, что человек злится, но при этом неохотно терпит, не осмеливаясь высказаться.

是可忍，孰不可忍 **shì kě rěn, shú bù kě rěn** – существует то, что есть: терпимо. Но также есть вещи, которые невыносимы. Это значит, что этого никогда не потерпят.

忍耻含羞 **rěn chǐ hán xiū** – данный фразеологизм означает, смирится с позором, то же, что «терпеть унижение».

忍俊不禁 **rěn jùn bù jìn** – Буквально переводится как, не удержаться от смеха. Человек улыбается; не может помочь: не может контролировать себя. Это значит, что человек может удержаться от смеха.

忍饥受饿 **rěn jī shòu è** – терпеть голод, трудности, бедную жизнь. Фразеологизм описывает жизнь в крайней нищете и трудностях с существованием.

忍垢偷生 **rěn gòu tōu shēng** – терпеть унижение и выжить. Чтобы остаться в живых соглашаться на унижение, терпеть свое положение чтобы выжить.

忍气吞声 **rěn qì tūn shēng** – данный фразеологизм означает, терпеть гнев: злиться и не реагировать; глотать: не осмеливаться высказываться. Означает, что человек злится на грани, и едва сдерживается, не осмеливаясь ничего сказать.

忍耻苟活 **rěn chǐ gǒuhuó** – вытерпеть унижение и выжить. Из 20-го тома книги Фэн Мэнлуна «Пробуждение мира», 20-й том: «Не говорите, что вас поносили другие при жизни. Как вы можете видеть их даже после смерти! Вместо того, чтобы терпеть стыд и жить, почему бы не умереть спокойно?» [6].

忍心害理 *rěn xīn hài lǐ* – будь терпелив и неразумен. Жестокий и противоречащий естественным принципам. Терпеть своё сердце без причины, что означает быть жестоким и бессовестным.

百忍成金 *bǎi rěn chéng jīn* – терпение превращается в золото. Для более глубокого понимания смысла вышеприведенной фразеологической единицы, приведем историю его появления.

Во время правления императора Гаозуна из династии Тан жил премьер-министр по имени Чжан Гунъи. Его семья была дружной, его отец был добрым, а сын – сыновним. Его семье завидовали все в стране, от императора до простого народа. Однажды император Гаозун из династии Тан спросил Чжан Гунъи о секрете его успеха. Премьер-министр промолчал. Он только попросил своих слуг принести ручку и бумагу и написал сотню одинаковых слов: «Выносливость». Китайцы не думают, что «терпение» — это своего рода несчастье, своего рода бегство или трусость, а терпение не означает оцепенение. Напротив, китайцы всегда выражали восхищение «терпением» и даже верят, что «терпение» позволяет избежать многих споров и неприятностей, гармония – есть терпение, которое может превратиться в золото.

Таким образом, концепт 忍 (*rěn*) в китайских фразеологических единицах обычно ассоциируется с качествами, такими как выдержка, самообладание и спокойствие. Подчеркивает умение человека противостоять дальнейшим испытаниям.

В узбекской лингвокультуре принято считать, что «сабр» есть половина веры. Терпение – это стойкость в правилах Корана и Сунны. Терпение позволяет изящно стоять перед лицом невзгод «Терпение сохраняет сердце устойчивым во время испытаний». Терпение состоит из трёх частей:

1. Терпение в послушании Богу.
2. Терпение в воздержании от греха.
3. Терпение в Божьем испытании.

Аллах Всевышний говорит в Священном Коране: «Воистину, тот, кто терпелив и прощает, – это одно из храбрых дел». (Сура Шура, аят 43) [7].

Шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф – узбекский религиозный деятель и муфтий, в своем сборнике Хадис ва Хает много раз упоминает какое важное место занимает «сабр» в религии Ислам. В 18 жузе Тиб ва Дам сабр упоминается так: «Значит, маленьким и большим бедам, тяжелым заболеваниям, мусульманин должен проявить терпение» [8].

Рассмотрим фразеологические единицы с концептом «сабр» в узбекском языке.

Сабр таги сарик олтин (букв. Терпение, под ним золото) в переводе с узбекского языка на русский, данное устойчивое выражение означает что терпение и ещё раз терпение и потом можно получить золото. Отсюда в

народе вытекает понятие, проявив терпение потом мы можем получить вознаграждение за свои заслуги.

Одоб билан бахт топилар, сабр билан тахт (букв. Воспитанием находим счастье, терпением трон) – отсюда можно понять, что такие качества как терпение и воспитание принесут человеку и счастье, и трон (звание).

Сабр аччиқ меваси ширин (букв. Терпение горькое, но его плод сладок) – в данном устойчивое выражение подразумевает, что в начале пути будет сложно, но результат будет успешным.

Поклик соғликни, ақл сабрни сақлар (букв. Чистота хранит здоровье, а ум терпение) – данное выражение означает что чистотой и бережливостью мы можем сохранить наше здоровье, в то время как посредством ума мы храним терпение.

Сабр таги-рахмон, шошган иши – шайтон (букв. За терпением милостыня, в спешке дела ведут к дьяволу) – данное устойчивое выражение подразумевает, что за терпением человека при выполнении важных дел, Бог будет милостив к нему, а спешка приведет человека к плохому результату.

Сабр ютуқ калити (букв. Терпение – ключ успеха) – данное выражение несёт за собой смысл, что только наша выносливость и терпение является ключом успешного результата.

Сабр этган етар муродга, бесабр қолар уятга (букв. Терпеливый достигает желаемого, нетерпеливый остается в позоре) – данный фразеологизм буквально означает что, терпеливый достигает желаемого, а нетерпеливый может оказаться в конечном итоге в позоре.

Сабрли бўлсанг узарсан, сабрсиз бўлсанг, тузарсан (букв. Если ты терпеливый, то опередишь, если нет, то будешь топтаться на месте) – в народе данное выражение воспринимают – как с терпением мы можем превзойти препятствия и быть впереди, а если человек не проявит терпеливость, то он будет безрезультатно топтаться на месте.

Тоқат қилсанг тоғ эгилар, сабр қилсанг боғ эгилар (букв. Выносливостью свернуть горы, терпением сады) – данный фразеологизм означает что выносливость может свернуть горы, а терпение сады.

Жаҳл жонинга жабр, жаҳл душмани сабр (букв. Злостью вредишь своей душе, враг злости – это терпение) – данный фразеологизм несёт смысл того что, вспыльчивостью и агрессией ситуация только ухудшается, а терпение враг агрессии с помощью которого его можно победить своевременно.

Сабрли кишининг иши соз (букв. У терпеливого человека дела идут хорошо) – это устойчивое выражение подразумевает, что у человека у которого есть терпение, дела будут идти постепенно и умеренно.

Камоли иймон сабр (букв. Совершенство веры – это терпение) – для достижения совершенства, человеку на этом пути потребуется терпение.

Сабр билан хор гулистон бўлар, шўр замин боғ билан бўстон бўлар (букв. Если терпеливо трудиться и пустыню можно превратить в цветущий сад) – данное устойчивое выражение значит, когда нет ничего существующего для создания сада и кажется это невозможной задачей, но с помощью терпения можно усердно трудиться и постоянной работой превратить в цветущий сад даже пустыню.

В китайском языке терпение часто рассматривается как активный процесс, связанный с выдержкой, самоконтролем и стратегическим подходом к сложностям. Китайские фразеологизмы подчеркивают необходимость терпения для достижения успеха, но также фиксируют его пределы, как, например, в выражении «忍无可忍» (rěn wú kě rěn) – «Терпение иссякло, больше невозможно терпеть».

В узбекской культуре терпение («сабр») рассматривается через призму религиозных и моральных ценностей. Оно ассоциируется с верой, покорностью судьбе и смирением перед испытаниями. Узбекские фразеологизмы, такие как «Сабр таги сарик олтин» (Терпение приносит богатство и успех) или «Сабр ютуқ калити» (Терпение – ключ к успеху), акцентируют внимание на положительных результатах терпения и его важности в достижении гармонии.

Таким образом, в нижеприведённой таблице мы наглядно сравним фразеологические единицы связанные с концептами терпения в китайском («忍» – rěn) и узбекском («сабр») языках, которые были нами проанализированы. В таблице представлены устойчивые выражения, отражающие значение терпения в обеих культурах, а также их коннотативные оттенки, с целью выявления сходства и различия в восприятии терпения.

Таблица 1.

Аспект сравнения	“忍” (rěn) в китайской культуре	“Сабр” в узбекской культуре
Определение	Терпение, стойкость, умение выдерживать трудности	Терпение, выдержка, принятие судьбы
Философская основа	Конфуцианство, даосизм, буддизм	Ислам
Религиозное значение	Связано с самосовершенствованием и мудростью	Связано с верой в предопределение и смирением
Роль в обществе	Акцент на самоконтроль, стратегическое терпение	Акцент на покорность,

		выдержку, ожидание
Основные фразеологизмы	忍耐是一种美德 (Терпение – добродетель); 小不忍则乱大谋 (Маленькое нетерпение разрушит большие дела)	Сабр таги сарик олтин (Под терпением скрыто золото); Сабрли кишининг иши соз (Дела терпеливого идут хорошо)
Коннотации терпения	Может означать как добродетель, так и вынужденное смирение	Всегда положительная коннотация, выражает добродетель
Активность субъекта	Активное терпение, осознанное преодоление трудностей	Пассивное терпение, смирение перед обстоятельствами
Функция в языке	Используется для выражения выносливости и стратегического поведения	Используется для выражения стойкости в вере и жизни

Выводы. Исходя из проведенного нами анализа, мы пришли к следующим выводам:

Концепт "сабр" в составе фразеологических единиц в узбекском языке отражает глубокие устои и ценности этой культуры, призывая к терпимости, выдержке и уважению к другим. Данный концепт, отраженный во фразеологических единицах представляет собой не только принятие, но и активное сознательное удержание себя от плохих поступков, что подчеркивает его этическую и моральную значимость. Также следует отметить, что верующие мусульмане рассматривают терпение как неотъемлемую часть исполнения предписаний Аллаха и Сунны. Оно проявляется в послушании Богу, воздержании от греха и в терпении перед испытаниями, предопределенными судьбой.

В китайской лингвокультуре в отличие от узбекского языка, акцент делается не только на пассивном принятии ситуации, но и на активной роли субъекта. Терпение воспринимается как акт воли и выбора, умение справляться с трудностями и даже использовать их в своих целях. Отрицательные коннотации также присутствуют в китайском понимании терпения, что подчеркивает его сложность и противоречивость. Важно понимать, что терпение не всегда означает смирение или слепую терпимость,

но может быть и выражением силы и решительности, а также может сделать человека крепче, жестче и более выносливым, что свидетельствует о его ценности и значимости в китайском обществе. Таким образом, изучение концепта «сабр» и “忍” в китайской и узбекской лингвокультурах сквозь призму сопоставления фразеологических единиц, позволяет лучше понять не только язык и его значения, но и особенности менталитета и ценности этой культуры.

Список использованной литературы:

1. Бушуй А. Полный толковый словарь узбекского языка— фундаментальный труд в мировом лексикографическом процессе //Иностранная филология: язык, литература, образование. – 2016. – №. 3 (60). – С. 43-53.
2. Зыонг Куок Куан. Китайское и вьетнамское средневековое конфуцианство: основные принципы и категории // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskoe-i-vietnamskoe-srednevekovoe-konfutsianstvo-osnovnye-printsipy-i-kategorii-1> (дата обращения: 28.05.2024).
3. Чэнь Лян, Перфильева Наталия Владимировна, Ду Цзинцзэн ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ТРАКТАТА КОНФУЦИЯ «ЛУНЬ ЮЙ» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-metafory-drevnekitayskogo-traktata-konfutsiya-lun-yuy> (дата обращения: 28.05.2024).
4. 董树人. 也谈对外汉语教学中的文化教学——兼及《说汉语谈文化》 //世界汉语教学. – 1995. – №. 2. – С. 50-52.
5. Шуан Ч. Китайские идиомы (чэньюй 成语) как компонент содержания межкультурной компетенции //Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – №. 3 (23). – С. 69-75.
6. 馮夢龍. 喻世明言. – 一個人, 2014.
7. Кулиев Э. Смысловой перевод священного Корана //Медина, Саудовская Аравия: Комплекс имени Короля Фахда по изданию священного Корана. – 2002.
8. Юсуф, Шейх Мухаммад Садык Мухаммад. "Хадисы и жизнь."

АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЯПОНСКИХ ПОЛИТИКОВ

Хакима ГАФУРОВА

к.ф.н., доцент

Университет мировой экономики и дипломатии

Annotatsiya: Ushbu maqolada muallif yapon siyosiy madaniyati kontekstida siyosiy nutqning o'rni va ahamiyati haqida gapirib, zamonaviy yapon siyosatchilari nutqining xarakterli xususiyatlarini aniqlaydi.

Kalit so'zlar: nutq, siyosiy nutq, siyosiy madaniyat, lingvistik iboralar, ayollar tili, erkaklar tili.

Аннотация: В данной статье автор говорит о роли и значимости политического дискурса в контексте японской политической культуры, выявляет характерные черты выступлений современных японских политиков.

Ключевые слова: дискурс, политическое выступление, политическая культура, языковые обороты, женская язык, мужской язык.

Abstract: In this article the author talks about the role and significance of political discourse in the context of Japanese political culture, reveals the characteristic features of speeches of modern Japanese politicians.

Keywords: discourse, political speech, political culture, language turns, women's language, men's language.

Язык – это важное социокультурное средство передачи информации. Многие ученые–лингвисты анализируя особенности современного языка, находят непосредственную связь языка с развитием общества.

Немецкие философы и социологи, такие как Т. Адорно, М. Хоркхаймер, [Середенко 2012:134-139], рассматривали язык в неразрывной связи с идеологией определенного социума, отмечая что любой язык, это в своего рода механизм для достижения господства и социального контроля в обществе.

Тён Адрианус ван Дейк, один из пионеров анализа дискурса и языка СМИ, рассматривает идеологию как «систему базовых верований, которые лежат в основе всех видов социального познания групп». Тем самым Т. Ван Дейк подчеркивает связь языка и идеологии как неотъемлемых особенностей социума [Дейк 2013:344].

Язык способен манипулировать идеологической мыслью определенного общества, что подтверждает их тесную взаимосвязь.

Важно понимать, что язык всегда несет идеологическую нагрузку, именно с помощью слова можно воздействовать на общественное сознание социума, манипулировать носителями языка в интересах определенной социальной группы.

Общественно-политическая речь это одна из важных форм современной коммуникации, представляет собой один из наиболее

подвижных пластов лексики языка, что обуславливает её постоянное обновление и пополнение.

В результате различного рода преобразований, происходящих в политической жизни внутри определенной страны, общественно-политическая лексика так или иначе подвергается изменениям. Во внутриполитической лексике и терминологии кардинальные изменения происходят, в первую очередь, при смене государственного строя страны, чему сопутствует, как правило, формирование новой идеологии [Гладкова 2015: 72-82].

Язык отражает культурные ценности и традиции, а культура влияет на выбор языковых средств. Японская политическая культура глубоко укоренена в традициях конфуцианства, синтоизма и самурайского кодекса бусидо. Эти учения формировали такие ценности, как коллективизм, иерархия, уважение к старшим и авторитетам, которые до сих пор оказывают значительное влияние на политическое поведение японцев. Таким образом, можно сделать вывод, что язык политических выступлений — это **взаимосвязь языка и культуры**.

Выступления современных японских политиков необходимо рассматривать в контексте японской политической культуры и учитывать такие характерные черты японского общества как:

– **Консенсус и гармония:** Японские политики стремятся достигать консенсуса и избегать открытой конфронтации. Это связано с культурной ценностью гармонии и стремлением сохранить социальную стабильность.

– **Вежливость и уважение:** Политический дискурс в Японии отличается высокой степенью вежливости и уважения к оппонентам. Критика высказывается в мягкой форме, и часто используются эвфемизмы. В парламентских дебатах японские политики часто используют такие выражения, как "я глубоко уважаю мнение оппонента", "я хотел бы уточнить" и т.д.

– **Непрямая коммуникация:** Японцы предпочитают непрямую коммуникацию, используя намеки, аллюзии и подтексты. Это связано с желанием сохранить лицо и избежать конфликтов. Так, например, вместо прямого обвинения в некомпетентности, японский политик может намекнуть на необходимость улучшения работы правительства.

– **Коллективизм:** В политическом дискурсе акцент делается на интересах группы, а не индивидуума. Политики часто апеллируют к национальным интересам и общему благу, подчеркивая важность единства нации и сотрудничества для достижения общих целей.

– **Роль языка:** Богатая система вежливости и множество уровней формальности позволяет политикам тонко модулировать свои высказывания в зависимости от ситуации и адресата.

Говоря о роли и значимости языка в выступлениях японских политиков, необходимо учитывать особенности японского языка, а именно:

Уровень вежливости: Сложная система уровней вежливости позволяет политикам тонко модулировать свои высказывания в зависимости от ситуации и адресата.

Непрямая коммуникация: Использование намеков, аллюзий и подтекстов делает политический дискурс более сложным для интерпретации и позволяет политикам манипулировать общественным мнением.

Контекстуальная зависимость: Значение слова или выражения часто зависит от контекста, что позволяет создавать неоднозначные высказывания.

Использование идиом и пословиц позволяет политикам апеллировать к национальным чувствам и создавать образ мудрого и опытного лидера. Пример: Выражение "*тяжело для сакуры, но красиво цветет*" используется для описания ситуации, когда человек преодолевает трудности и достигает успеха.

Существующие заимствования из западных языков с одной стороны, обогащают политический лексикон, и может свидетельствовать о стремлении к модернизации и международной интеграции., но, с другой стороны, также могут приводить к неоднозначности и различной интерпретации.

Для Японии характерны серьезные гендерные различия в языковом плане. Женская речь носит специальное название *onna kotoba* или *jioseigo*. В отличие от мужчин японки активно используют специальные вежливые грамматические конструкции, префиксы вежливости.

Языковые различия заметны и местоимениях. Так, например, местоимение «я» по-разному передается на японский язык. Существуют местоимения, которые могут употреблять только женщины *atashi* или *watashi*. Мужчины говорят *watakushi* или *boku*.

Консерватизм японского политического дискурса проявляется в сохранении традиционных языковых форм. Старокитайские заимствования, вежливые формы глагола "*масу*" и суффикс "*-сан*" придают речи особый официальный характер и подчеркивают преемственность политических традиций. Использование архаичных языковых форм, связывает современную политику с историческими корнями японской культуры.

Особый пласт лексики, составляют заключительные частицы, которые японцы ставят в конце предложения. Женские частицы: *wa* – смягчает предложение, *wa yo* – носит информативный характер, *no yo* – выделяет важную информацию, *kashira* – выражает интерес.

Мужские частицы: *zo* – усилительная частица, *kana* – выражает интерес.

Одной из особенностей общественно-политических текстов на японском языке является активное использование **пассивного (страдательного) залога** 受身形.

Таким образом, можно сделать вывод, что современная японская политическая речь представляет собой своеобразный синтез традиций и инноваций.

Сегодня наблюдается активное влияние западных языковых моделей, но в тоже время, Япония сохранила приверженность к традиционным японским речевым паттернам, характеризующимся двусмысленностью и сложностью. Общественно-политическое выступление это произносится с целью оказания влияния на аудиторию, что и определяет тему и цель выступления.

СМИ Японии принимают активное внимание в избирательных компаниях, демонстрируя их приверженность к политическому и социальному единству.

Политики активно используют СМИ для формирования своего имиджа и продвижения своих идей. Именно, СМИ обладают значительным влиянием на общественное мнение.

Например, одно из выступлений премьер-министра Наото Кана можно разделить на три части, а именно: вступление, основная часть и заключение. Основная часть включает следующие пункты: целесообразность продолжения реформ, вывод страны из тупикового положения (объем укрепление экономики, государственного бюджета и социальной безопасности), проведение международной и национальной политики безопасности, основанной высоким на чувстве ответственности. В заключение Наото Кан суммирует основные положения своей политической программы. Показателем перехода от одного композиционного фрагмента к другому является не только смена подтем, но и лексико-семантических полей, тональности выступления, переход от одного функционально-смыслового типа речи к другому. В качестве вспомогательных композиционных фрагментов в выступление включены цитаты, что способствует большей убедительности высказываний:

孟子でしたか、こういう言葉があります。「天將にその人に大任をくださんとするや、まずその心志を苦しめ、その筋骨を勞せしむ。」

У китайского философа Мэн-Цзы, если я не ошибаюсь, есть такие слова: «Если Небеса хотят возложить важную миссию на человека, они сначала посылают ему душевные муки, заставляют его тело страдать от тяжелого труда» [Дзюньитиро К.].

「政治とは国民の生活を守るためにある。」民主党の標語であります。「Политика существует для того, чтобы защищать жизнь граждан». Это лозунг Демократической партии» [Таро А.].

Открытое выступление на японском языке представляет собой комплексный феномен, глубоко укорененный в культурных и языковых традициях Японии. Это сложный процесс взаимодействия между оратором и аудиторией, где каждый элемент – от выбора слов до интонации – играет важную роль. Социокультурные особенности, такие как вежливость,

сдержанность и коллективизм, глубоко проникают в структуру речи и влияют на ее восприятие.

Японская культура оказывает глубокое влияние на структуру и содержание публичных выступлений. Традиционные ценности, такие как вежливость, уважение к старшим и стремление к гармонии, находят отражение в выборе лексики, построении фраз и общей манере общения. Выступления японских политиков – это не просто передача информации, но и демонстрация приверженности культурным ценностям.

Так, наиболее часто упоминаемыми понятиями в выступлениях японских политиков являются: «Япония, японский, народ, демократический, безопасность, реформа, социальный, ответственность».

Язык политических выступлений в Японии обладает своими специфическими характеристиками. Он отражает как общие тенденции развития японского языка, так и особенности политического дискурса. Использование вежливых форм, сложных синтаксических конструкций и специфической лексики позволяет создавать образ компетентного и авторитетного оратора.

Языковые особенности политических выступлений в Японии отражают стремление к консенсусу и гармонии, характерное для японской культуры.

Таким образом, изучение особенностей политического дискурса японских политиков имеет как теоретическое, так и практическое значение, способствуя более глубокому пониманию японского общества и культуры, а также улучшению межкультурного взаимодействия.

Очевидно, что политический дискурс Японии представляет собой обширное поле для исследования. В японские реалии тонко вплетены культурно-исторические, самобытные черты, которые сегодня успешно сочетаются в современном японском обществе.

Список использованной литературы:

1. Гладкова Е.Л. Новые термины в общественно-политической лексике современного персидского языка / Е.Л.Гладкова // Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.): Научное издание / под. ред. Д.А.Крячкова, Д.Н.Новикова. — Издательство "МГИМО-Университет", 2015. — С. 72-82.
2. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с.
3. Инаугурационная речь премьер-министра Японии Дзюньитиро Коидзуми. URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/koizumispeech/2001/0427kisyakaiken.html>
4. Программная речь премьер-министра Японии Таро Асо на 170-й сессии парламента. URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/asospeech/2008/09/29housin.html>
5. Середенко В.М. Анализ функций и структуры открытых выступлений современных японских политиков // Russian Journal of Linguistics. - 2012. - №2. - С. 134-139.

6. Юдина Т.В. Дискурсивное пространство политической речи // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». — СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. — С. 172—185.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ 目 (ГЛАЗ) ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Наргиза ТУРАПОВА

Доктор философских наук, PhD
Ташкентский государственный
университет востоковедения

Аннотация. Настоящая статья рассматривает исследование соматических фразеологизмов японского языка с компонентом «мэ» (глаз), также были выявлены ключевые ассоциации и их модификации.

Ключевые слова: Соматические фразеологизмы, семантика соматических фразеологизмов, внутренняя форма соматических фразеологизмов с компонентом «мэ» (глаз), ассоциации, модификации.

Annotation. This article examines the study of somatic phraseological units of the Japanese language with the "me" (eye) component, and key associations and their modifications have also been identified.

Keywords: Somatic phraseological units, semantics of somatic phraseological units, internal form of somatic phraseological units with the component "me" (eye), associations, modifications.

В современной лингвистике выявились точки наибольшего интереса исследователей к «имплицитно содержащемуся в языке человеку», а точнее его представлениям о мире. Осваивая мир, человек оперировал представлениями о самой близкой и доступной из систем — о человеческом организме: «Человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектов, и слова, обозначающие части тела человека, так же древни, как и само человеческое сознание»²⁷.

Под соматической лексикой понимаются такие единицы, составными компонентами которых являются слова — наименования частей человеческого тела, тела животных. Данный термин может быть использован в биологии, медицине в значении «что-то, связанное с телом человека» и противопоставляется понятию «психический». Соматизмы — одни из универсальных лексических групп в любом языке и самый распространенный объект исследования в сравнительно-исторических, лингвокультурологических работах отечественных и зарубежных лингвистов. Отличительной чертой соматизмов является метафоризация представлений о человечес-

²⁷ Белявский С. Н. Фразеологизмы говорят о многом: образная фразеология немецкого языка. Минск: Выш. шк. 1997

ком теле, и попытки отождествления качеств человека с частями тела находят свое полное отражение в языке.

В современной лингвистике границы термина «соматизм» не определены, каждый исследователь принимает точку зрения, согласованную с целями работы. Предметами разногласия являются два вопроса: к чему применим данный термин и какие границы его составляют. Нужно отметить, что языковеды не всегда солидарны в трактовке самого термина «соматизм».

Первой обстоятельной работой явилась диссертация Ф. Вакка, посвященная соматическим фразеологизмам современного эстонского языка²⁸, в которой было сформулировано их широкое понимание. Так, под термином «соматический» автор понимает совокупность устойчивых словесных комплексов, в составе которых выступают названия частей тела человека, жидкостей в теле («кровь»), а также такие слова, как «нервы», «кость», непосредственно связанные с организмом человека, хотя они и не называют частей тела человека. Ф. Вакк рассматривает как соматические фразеологизмы такие устойчивые словосочетания, которые появились в результате описания символических жестов и мимики.²⁹ По его мнению, соматические фразеологизмы большей частью являются образными, метафорическими оборотами речи, в основе которых лежат наблюдения за поведением, психической деятельностью человека. Они выражают эмоции человека, его отношение к окружающей среде, отражают традиционную символику, связанную с частями тела.

Что касается японских ученых, что в центре внимания исследователей находятся структурные, семантические, функциональные особенности соматических фразеологизмов, и в соответствии с этим их классификации. Главное отличие связано с объемом явлений, включаемых в понятие «соматизм». Так, если для японских исследователей характерно, преимущественно, узкое понимание соматизма, т.е. это наименования наружных частей тела человека, то список соматизмов, выделяемых узбекскими учеными, существенно расширен и включает все лексемы, так или иначе относящиеся к человеческому организму³⁰.

²⁸ Вакк Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Таллин, 1964.

²⁹ См. Вакк Ф.О., указ. раб, с.29. Идеи Ф.О. Вакка нашли отражение в последующих работах, в частности см.: Назаров О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркм. языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1973. – 29 с., где был представлен первый опыт сопоставительного анализа соматических фразеологизмов русского и туркменского языков; Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1999, с. 205, где сказано, что под соматическим фразеологизмом понимается фразеологизм, зависимым компонентом которого является слово, обозначающее не только внешние физические формы организма человека (нос, голова, рука), но и элементы сердечно-сосудистой, нервной и других систем (печень, кровь, мозг); а также: Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань, 1999. с. 113.

³⁰ Исида П. Анализ соматических фразеологизмов в японском языке (на примере *глаз, рука, рот, грудь, нога*). – Цукуба, 2007; Шюкукэй Ю. Сравнительное исследование фразеологизмов японского и китайского языков (по примеру соматических фразеологизмов *глаза, рот, нос*). Кансай: Университет, 2003; Сурэнжов О. Сравнительное исследование соматических фразеологизмов японского и монгольского языка (на примере *глаз*): Автореф. дисс... док. филол. наук. – Хиросима: Университет, 2014; Фарзанэ М. Анализ соматических

В этой связи можно привести работы Исида П., Шюкукэй Ю., а также Сурэнжов О., Фарзанэ М. Исследование Исида П. посвящено структурно-грамматическим особенностям соматических фразеологизмов с лексемами «глаз», «ухо», «рот», «язык», «зубы», «бровь», «лоб» и «лицо», положенным в основу её классификации. Ю. Шюкукэй провел сопоставительное исследование соматических фразеологизмов японского и китайского языков с компонентами «глаз», «нос», «рот», проанализировал способы обозначения культурных, исторических и психологических различий между этими языками. О. Сурэнжов осуществил сопоставительное исследование структурных особенностей соматических фразеологизмов с компонентом «глаз» в японском и монгольском языках, выявив сходства и различия между этими языками. Аналогично, М. Фарзанэ провел структурно-грамматический анализ соматических фразеологизмов с компонентами «глаз», «рука», «рот», «тело» японского и персидского языков.

Далее рассмотрим ключевые ассоциации и их модификации, выявленные среди соматических фразеологизмов с компонентом «мэ» (глаз) японского языка.

Ассоциация ‘глаз – взгляд’

Исследователи отмечают, что японцы – это «люди зрения». ³¹ Так, Сэндзю Д. утверждает, что «глаза - зеркало разума». И если они закрыты, при том, что другие части его лица видны, очень трудно понять, что хочет выразить человек ³². Эта же мысль была высказана Т.М. Гуревич, подчеркнувшей, что при «относительно неподвижном, подобном маске лице особенно важным становится выражение глаз» ³³. Автор подчеркивает, что «глаза могут передать то, что нельзя выразить словами, глазами можно высказать то, что не хочешь говорить словами. Японцы прекрасно понимают друг друга и без слов, полагая, что мысль, облеченная в слова, лишается многих нюансов».

Анализ соматических фразеологизмов с компонентом «мэ» (глаз) показывает, что семантика этих оборотов дает представление о важнейшем архетипе японского языкового сознания: глаз не только ‘*орган зрения*’, но и, что особенно важно ‘*вместилище жизни*’. При этом семантика мотивированных соматических фразеологизмов с этим компонентом может быть обусловлена как прямым значением соматизма «мэ» (глаз), т.е. ‘*орган зрения*’, но и его трактовкой ‘*вместилище жизни*’. В соответствии с этим мотивация семантики рассматриваемых оборотов определяется двойной

фразеологизмов японского языка (через сравнительное исследование с персидским языком на примере *глаз, рука, рот, тела*): Автореф. дисс... док.филол. наук. – Хитоцубаси: Университет, 2016

³¹ См. Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира. Дисс.докт.наук, М.:2006. С.214.

³² Сэндзю Д. Дзихэй сёдзи-но сисэн кэнсюцу кико-но кэнто (Исследование механизма обнаружения взгляда у аутичных детей) // Дзихэй сэйсёгай-но ару дзидосэйто-но кёйку-ни кансуру кэнкю (Исследование образования для детей с аутизмом) № 6,2003. С.19 – 26.

³³ Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира. Дисс.докт.наук, М.:2006. С. 210.

соотнесенностью с действительностью. С одной стороны, они соотнесены с ситуацией зрительного восприятия, с другой – с человеком, что обеспечивает двуплановость выражаемых ими значений. Первый референтный план соотносит значения оборота с ситуацией зрительного восприятия как мотивирующей базой: второй – с планом характеристики человека: его поведения, мимики, движений, чувств, эмоционально-психологического состояния и т.д., лежащей в основе актуальных значений соматических фразеологизмов с компонентом «мэ» (глаз).

Мотивация семантики соматических фразеологизмов с компонентом «мэ» (глаз) – ‘взгляд’, обусловлена ситуацией зрительного восприятия, в частности следующими ее модификациями: ‘**фокус внимания**’, ‘**поле зрения**’ и ‘**отношение к объекту восприятия**’. Внутренняя форма этих оборотов определяется одним из этих аспектов.

‘фокус внимания’

‘**направление взгляда**’³⁴: 目を落とす мэ-о отосу (букв.: уронить глаза) 彼はパソコンの表面を見てから、再び机上の本に目を落とした。 карэ-ва пасокон-но хё:мэн-о митэ-кара, футатаби кидзё:-но хон-ни мэ-о отосита – «после того, как он посмотрел на экран компьютера, его взгляд снова упал на книгу, стоявшую на столе»;

‘поле зрения’

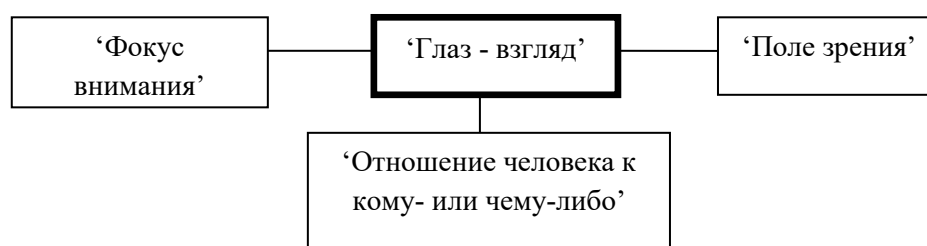
目を離す мэ-о ханасу (букв.: отделять глаза) ちょっと目を離れたすきに、かばんを盗まれてしまった。 тётто мэ-о ханасита сукини, кабан-о нусумарэтэ симатта – «как только я перестал следить, украли сумку»;

‘отношение к объекту восприятия’

目に障る мэ-ни савару (букв.: касаться глаз): 古い街並みを取り壊されて、目に触るようなビルが次々に建つ。 фуруй матинами-га ториковасарэтэ, мэ-ни савару ё:на биру-га цугицуги-ни тацу – «неприятно смотреть как один за другим строятся здания, разрушая ряд старых домов»

Обобщая результат анализа внутренней формы соматических фразеологизмов с компонентом «мэ» (глаз), основанная на ассоциации ‘глаз – взгляд’. См. след. схему.

Ассоциация ‘глаз – вместилище жизни’

³⁴ См.: Танака Сатоко. Анализ полисемии «мэ» и сочетание фрейма и метафоры. // Слово и культура. Университет Нагоя. № 2. 2001. С.61-78, где сказано: «Взгляд – это понятие, указывающее на прямолинейный путь, который связывает субъект с объектом и процесс зрительного восприятия, образовавшийся вследствие этого действия» (перевод мой – Н.Т.).

Анализ семантики соматических фразеологизмов с компонентом «мэ» (глаз), извлеченных из Фразеологического словаря японского языка (общим объемом 120 единиц), показал, что в ее основе лежит древнейший архетип японского языкового сознания *‘глаза –местилище жизни’*.³⁵ В этой связи можно выделить три семантические модификации: *‘инструмент познания’*, *‘центр лица’* и *‘человек’*.

‘инструмент познания’
目がくらむ *мэ-га кураму* (букв.: стало темно в глазах) 目先の欲に目がくらんで、つい犯罪に手を染めた。 *мэсаки-но ёку-ни мэ-га курандэ, цуй хандзай-ни тэ-о сомэта* – «от жадности голова вскружилась, и я невольно приложил руку к преступлению»

Вторая важнейшая модификация - *‘глаз – центр лица’* связана с представлениями японцев о том, что глаза – это самая подвижная, «живая» часть лица, уподобляемого в этой культуре маске, т.е. глаз трактуется как центр лица и, по мнению исследователей, глазами можно выразить больше и лучше, чем словами.³⁶ Поэтому важными характеристиками глаза становятся его подвижность, цвет, форма, разрез, положение и т.д. 目を皿のようにする *мэ-о сара-ноё: ни суру* (букв.: делать глаза словно тарелки) 写真のどこかに自分が写っていないかと、目を皿のようにして見る。 *сясин-но докока-ни дзибун-га уцуттэ инай-като, мэ-о сара-ноё:ни ситэ миру* – «смотрел широко раскрыв глаза, нет ли меня на фотоснимке»

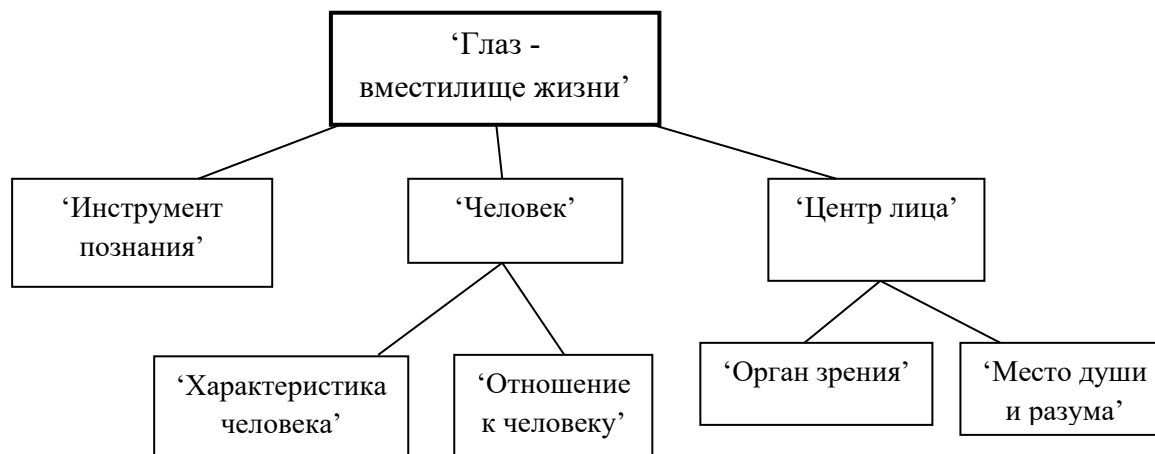
«Мэ» (глаз) может ассоциироваться в японском языковом сознании с *человеком*. Здесь можно выделить два варианта этого смысла: *‘характеристика человека’* и *‘отношение к человеку’*.

目元が涼しい *мэмото-га судзусий* (букв.: основа глаза прохладная), или же 目が涼しい *мэ-га судзусий* (букв.: глаза прохладные) 彼は目元が涼しく、礼儀正しい好青年だと、近所でも評判がいい。 *карэ-ва мэмото-га судзусику, рэйгитадасий ко:сэйнэн да-то, киндзё: дэмо хё:бан-га ий* – «среди соседей у него репутация вежливого, молодого человека с ясными глазами»; 目の敵にする *мэ-но катаки-ни суру* (букв.: делать врагом глаз) あなたは、どうして彼を目の敵にするのですか。 *аната-ва, до:ситэ карэ-о мэ-но катаки ни суру-но дэсу-ка* – «почему ты относишься к нему неприязненно».

Обобщая результат анализа внутренней формы соматических фразеологизмов с компонентом «мэ» (глаз), основанная на ассоциации *‘глаз –местилище жизни’*, можно увидеть в следующей схеме.

³⁵ Ёрэйдэ вакару канъёку дзитэн (Фразеологический словарь с примерами японского языка) /под ред. Токи Масааки. Гакусю: кэнкю: ся, 2008. 3000 словарных статей.

³⁶ Упоминание об этом см. Т.М. Гуревич Человек в японском лингвокультурном пространстве. – М.: МГИМО университета, 2005. – С.126

Заключение

Таким образом, можно сказать, что для японского языка «мэ» (глаз) – это не только орган зрения человека, но и инструмент познания, зеркало души и разума, мерило оценивания окружающей действительности человеком. Именно с этим фактом связано количественное преобладание соматических фразеологизмов с данным компонентом в японском языке.

В рамках первой ключевой ассоциации «мэ» (глаз) трактуются как *‘взгляд’*, тем не менее, эта трактовка связана с характеристикой *фокуса внимания, поля зрения и отношения к кому- или чему-либо*.

Немало важным следует отметить, что внутренняя форма соматических фразеологизмов с компонентом «мэ» (глаз) в японском языке связана, преимущественно, с отражением внешней точки зрения на человека, в частности, его состояния сознания, эмоций, переживаний, а также мимики, жестов, движений, отношения ко всему, что его окружает с позиции как бы стороннего наблюдателя.

Также проведенный анализ показал, что внутренняя форма соматических фразеологизмов с компонентом «мэ» (глаз) связана с двумя ключевыми ассоциациями: 1) «мэ» (глаз) - *‘взгляд’*; 2) «мэ» (глаз) - *‘вместилище жизни’*. Каждая из этих ключевых ассоциаций реализуется в ряде семантических модификаций. В частности ключевая ассоциация «мэ» (глаз) - *‘взгляд’* включает следующие семантические варианты: *‘фокус внимания’*, *‘поле зрения’* и *‘отношение к кому-чему-либо’*. Ключевая ассоциация «мэ» (глаз) - *‘вместилище жизни’* представлена такими модификациями, как: *‘инструмент познания’*, *‘человек’* и *‘центр лица’*.

Выявив такие ассоциации и их модификации, можно сказать, соматические фразеологизмы с компонентом «мэ» (глаз) связаны с отражением внешней точки зрения на человека, в частности, его состояния сознания, эмоций, переживаний, а также мимики, жестов, движений, отношения ко всему, что его окружает с позиции как бы стороннего наблюдателя.

Список использованной литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – 158 с.

2. Белявский С. Н. Фразеологизмы говорят о многом: образная фразеология немецкого языка. Минск: Выш. шк. 1997. – 143 с.
3. Вакк К.Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Таллин, 1968. – 32 с.
4. Долгополов Ю.А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (по материалу русского, английского и немецкого языков): Автореф. дисс...канд. филол. наук. – Казань, 1973. – 23 с.
5. Гуревич Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве. – М.: МГИМО университета, 2005. – 201 с.
6. Назаров О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркм. языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1973. – 29 с.
7. Шюкукэй Ю. Сравнительное исследование фразеологизмов японского и китайского языков (по примеру соматических фразеологизмов глаза, рот, нос). Кансай: Университет, 2003
8. Сэндзю Д. Дзихэй сёдзи-но сисэн кэнсюцу кико-но кэнто (Исследование механизма обнаружения взгляда у аутичных детей) // Дзихэй сэйсёгай-но ару дзидосэйто-но кёйку-ни кансуру кэнкю (Исследование образования для детей с аутизмом) № 6, 2003. С.19 – 26.
9. Турапова Н.А. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов японского и узбекского языков (лингвокультурологический аспект) Дисс...докт.филол.н. – Ташкент, 2020. – 146 с.
10. 石田プリシラ「身体語彙の意味分析」筑波大学、2007
11. 田中聡子「「目」の多義分析—フレームと比喩複合—」『言葉と文化』名古屋大学国際言語文化研究科、2001
12. 用例でわかる慣用句辞典 (Фразеологический словарь с примерами японского языка) /под ред. Токи Масааки. Гакусю: кэнкю: ся, 2008.
13. SURENJAV OYUNZUL 「日本語とモンゴル語における身体語彙慣用句の対照研究 —「目」を含む慣用句を中心に—」広島大学大学院国際協力研究科 2014
14. ファルザネ・モラデイ「身体語彙を含む日本語の慣用句の分析：ペルシア語との対照を通して —「目」「手」「口」「身」を用いた表現を中心に—」一橋大学大学院言語社会研究科、2014

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE APPROACHES AND METHODS FOR TEACHING JAPANESE AT THE ELEMENTARY LEVEL USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AT TSUOS (SUGGESTIONS AND EXAMPLES)

Luiza FATKULINA

*Senior lecturer at the Higher School of Japanese Studies
Tashkent State University of Oriental Studies*

Abstract. *Today, with a rapid development, serious attention is paid to the use of artificial intelligence (AI) in the field of learning foreign languages. This article discusses the motivation and level of interest of Japanese language learners using artificial intelligence, and the innovative approaches and methods of teaching Japanese at an elementary level. One of the basic principles of effective study of foreign languages is to maintain a high level of student activity as well as a harmonious combination of internal and external motivation. The article covers the initial study of Japanese using artificial intelligence as well as the opportunities available through computers and smartphones. By adapting artificial intelligence tools to the different learning needs of students, more individual and interesting methods of learning a foreign language have been recommended and highlighted, in particular, as an example of learning Japanese. In addition, practical recommendations have been made for teachers and students on how to optimally use artificial intelligence tools in language education. These recommendations aim to eliminate the gap between technology and traditional methods of language teaching, to offer a more comprehensive and effective approach to foreign language learning.*

Key words: *AI, NLP, DL, Japanese language, innovative apps, teaching methods, traditional teaching, immersive learning.*

President Of The Republic Of Uzbekistan Sh. M. Mirziyoyev's Decree No. 6079 dated October 5, 2020 "on the approval of the strategy" [6] digital Uzbekistan-2030" and measures to effectively implement it "and Resolution No. 4996" on measures to create conditions for the rapid introduction of artificial intelligence technologies» [5] of February 17, 2021 made it possible to put work in this area into one system and organize. In particular, the "program of measures to improve the position of the Republic of Uzbekistan in the index of readiness for artificial intelligence was approved. In it, special attention is paid to the development and use of Cytechnologies in the economic sectors and the social sphere, in the public administration system, the introduction of these technologies in the fields of Agriculture, Energy, Health, and e-government.

In recent years, interest in artificial intelligence has increased significantly in the Republic. Various teams are organized, training courses are opened and conferences are held. The goal is to increase the awareness and interest of the population about AI. The state actively supports the development of this area. For example, the biometric identification system helps to remotely identify customers

of different companies. In addition, highly specialized startups are actively developing in Uzbekistan in such areas of artificial intelligence as the creation of large language models aimed at the Uzbek language, as well as speech recognition and synthesis tools in the state language. In Uzbekistan, the number of people interested in obtaining education and finding work related to artificial intelligence is growing. This trend is felt in the recruitment process, which is regularly replenished in the Alif artificial intelligence community in Uzbekistan.

Japanese (日本語, nihongo) is one of the East Asian languages spoken by over 120 million people, predominantly in Japan, where it is the official language. The origin of the language remains largely unexplored and is still a mystery. However, experts identify two lexical layers in the language: Austronesian and Altaic, although neither has gained widespread acceptance. This language ranks among the top ten languages in the world by the number of native speakers, occupying the 9th position.

The Japanese language possesses a unique writing system, which includes both syllabic writing and ideography. It is known by two names: nihongo (日本語 — Japanese language) and kokugo (国語 — national language).

Logographic writing of Japanese language conveys the meaning of the words represented, but the specific pronunciation associated with each character, which is essentially a pictorial symbol, is not inherently linked. In all regions of China, similar characters are used, with nearly the same meaning, but their pronunciation can differ so greatly that people from one part of China may not understand those from another region; this phenomenon is also characteristic of Japan.

Logographic writing is very complex (though very beautiful and interesting!). In the Japanese language, almost all kanji characters have more than one pronunciation, depending on the words and combinations in which they appear. To become literate, an individual must learn a large number of complex characters.

The Japanese language has three writing systems. Many beginners make the common mistake of referring to the syllabaries as kanji, though they are, in fact, entirely different systems. Historically, Japan used two syllabic alphabets: hiragana and katakana. These coexisted with kanji, which are logographic characters borrowed from China.

Thousands of years ago, the Japanese had a spoken language but no writing system. To address this, they adopted the writing system from their neighboring country, China. Chinese characters are ideograms that represent the meaning of words. Phonetically, each character corresponds to a syllable. The Japanese, however, decided to use the phonetic value of the characters without regard to their meanings. In other words, Japanese words began to be written using kanji that matched the phonetic sounds. Later, Buddhist monks devised the syllabaries as a simplified way to read and write kanji.

The Japanese alphabets (and writing in general) were divided by gender. Learning Chinese characters was accessible to only a limited portion of the male population. Hiragana was primarily used by women, while katakana was predominantly used by men. The two alphabets differ in that hiragana characters have smoother outlines, while katakana characters are more angular.

Although hiragana was considered the "female" alphabet, not all women learned it—only those close to the imperial court or from the higher social classes. Katakana, on the other hand, was used by men as a shorthand system and later became used to write the grammatical elements of words.

Features of the Japanese Language

Logographic languages are inherently complex because both spoken language and writing must be learned separately. Japanese employs three writing systems. Two of these, hiragana and katakana, are syllabic alphabets. Hiragana is used to express grammatical relationships between words, whereas katakana is reserved for the transcription of foreign and borrowed words. Kanji, which are logographic characters derived from Chinese, represent the core meaning of a word. If the appropriate kanji for a word is forgotten, hiragana can be used as an alternative.

Word Order in Japanese Sentences

The word order in Japanese sentences does not present significant complexities. One simply needs to remember that the predicate always appears at the end of the sentence, while modifiers precede the noun they modify. Additionally, the subject may be omitted when it is clear from the context who or what is being discussed.

Features of the Japanese Language

When learning Japanese, there is no need to memorize various word forms, as words do not change according to person, gender, or number. The plural form is indicated by a particle attached to the word at the end. Additionally, Japanese does not have a future tense. Another unique feature is the three levels of politeness in conversation: casual communication (informal "you"), speech for official occasions (formal "you"), and respectful language. As for phonetics, the sounds of Japanese speech are similar to Russian, with some nuances. From the above, it is clear that the most challenging aspect of learning Japanese is its writing system.

Methods of Learning Japanese

There are various approaches to learning the Japanese language: independently, in group classes, or through one-on-one lessons with an instructor. The choice of method is a personal decision, as motivation is the crucial factor in language acquisition. With adequate motivation, any of these methods can yield successful results.

Group Classes

In large cities, it is possible to find linguistic centers or schools that offer Japanese language courses from the very beginning in group settings. Teachers in these centers are typically not only proficient in the language but also skilled in

effective memory techniques for word acquisition. Experienced instructors can make the learning process dynamic and engaging. However, it is important to note that if rapid language acquisition is the goal, time outside of class must also be dedicated to memorizing and practicing kanji, completing exercises, and repeating phrases and words. A drawback of group classes is the variation in students' language proficiency and learning speeds. Even if you progress faster than others, you will still need to adjust to their pace.

Individual Lessons

Unlike group classes, individual lessons allow students to learn at their own pace. The instructor can tailor the lessons specifically to the individual's needs. Additionally, the frequency of lessons can be adjusted according to the learner's requirements. This method is ideal if not for the high cost of one-on-one lessons.

Self-Study

The advantage of self-study is that it requires no financial investment, and the schedule is entirely dependent on the learner's own commitment. However, it is important to recognize that self-study can lead to complacency, and the learning process may become prolonged. The initial step is to learn the syllabic alphabets, which consist of 146 syllables, followed by learning kanji and grammar. To communicate fluently in Japanese, it is necessary to know approximately 2,000 kanji characters. Memorizing such a large number of characters can be challenging, so many teachers recommend using mnemonic techniques to aid retention.

Tips for Self-Study Learners

Language acquisition is a lengthy process, and it is important to ensure that it remains engaging and effective. The following recommendations can aid in maintaining both interest and effectiveness:

- Study every day! Languages with a logographic writing system are easily forgotten, so it is crucial to avoid taking extended breaks.
- Diversify your activities. For instance, practice writing kanji characters in a notebook in the morning, watch a Japanese film with subtitles after lunch, or listen to Japanese music. In the evening, try reading news articles on Japanese websites. Any method can contribute to language learning.
- For smartphone users, numerous apps are available to make learning more enjoyable. These apps include kanji practice, listening exercises, pronunciation checks, and dialogues. This method is particularly beneficial for those with limited time, as it requires only around five minutes a day. The key to success with this approach is consistency.
- For memorizing kanji, apps such as Ankidroid allow users to upload flashcard decks. By reviewing these flashcards daily, you can monitor the retention rate for each kanji, and the app will adjust the frequency of their review accordingly.
- Learn vocabulary not in isolation but as part of phrases or sentences. Associating a word with multiple phrases makes it easier to remember.

- If possible, engage in conversation with a native speaker, either in person or via Skype. This helps develop spontaneity and solidifies your knowledge.
- The most effective method would be immersion, by living in a country where the language is spoken.

Learning Japanese is a challenging but entirely achievable task. The two key components for successful language acquisition are strong motivation and discipline. With many available methods for learning the language, the best results can be attained by combining all these approaches.

Artificial intelligence is a field of Science and technology focused on creating machines capable of imitating human intelligence, relying on disciplines such as mathematics, psychology, linguistics, philosophy, neuroscience, and informatics. Mathematics, especially Statistics, provides the basis for algorithms in machine learning. Psychology and neurology contribute to the understanding and modeling of human knowledge and brain activity, enlivening AI models such as neural networks. Linguistics, on the other hand, plays a decisive role in natural language processing (NLP), a branch of artificial intelligence focused on language comprehension and creation. Below we list the main AI systems for learning a foreign language:

1. Natural Language Processing (NLP) is a human language related to AI and Linguistics and automated processing in general. It focuses on the creation and analysis of written and oral language. Intelligent language tutoring systems (ILTS) deal with aspects of lexical, morphological, and syntactic language, as well as aspects of meaning, speech, and attitude beyond these to the linguistic context [9; 817-831-p.]. NLP is a subset of artificial intelligence that allows computers and machines to understand, interpret, manipulate, and communicate human language.
2. Deep learning (DL) is a subfield of artificial intelligence that uses artificial neural networks (computational systems similar to the specific neural networks of the human brain) designed to study a wide range of data [11; 85-117-p.]. Deep learning (deep learning), which involves multilayer neural networks, has led to advances in areas such as image and speech recognition.

Language learning is a complex process that covers various cognitive, emotional and motivational factors. In recent years, AI has emerged as a transformative focus in the education system, offering new opportunities to attract and motivate foreign language learners to acquire new knowledge and skills. Many studies show the positive impact of AI on education, focusing on the experience of learning an individual approach (personalization). AI-led curricula can approach each student individually to meet their specific needs and interests. This flexibility is important in improving educational outcomes. NLP is used in voice assistants (such as Alice), automatic translation (Google Translate), and chatbots. It combines technology and language to make it easier for computers to communicate with humans. Imagine that you are teaching the computer to

recognize a cat in photos. Each layer of the neural network can learn something different: one layer learns to recognize edges, another learns to recognize shapes, another learns to recognize textures, etc. As the information passes through each layer, the network studies more detailed and complex features until it is able to determine if there is a cat in the picture. Deep learning is used in many areas for voice recognition (e.g., in smart assistants), image recognition (e.g., like a phone camera), and even self-guided cars to recognize objects and people on the road. It can learn directly from large amounts of data, improving the more information it receives. He conducted a number of studies in the field of G. Absalamova [1; 106–116-p.], O. Eshboyev [4; 612–615-p.], O. Bobokulova [2; 210–213-p.] emphasizes the importance of digital technologies in teaching foreign languages, saying that it is necessary to integrate technology into the teaching process in order to improve the effectiveness of the lesson.

Today, AI is widely used in the study of many foreign Tis, including Japanese. Japanese is distinguished from many other languages by its complex grammar, wide vocabulary and unique pronunciation. AI simplified the complex grammatical rules of the Japanese language for a while. For example, ChatGPT has brought elementary Japanese grammar rules to a level that even a 5-year old can understand. One of AI's most important advantages in language learning is its ability to teach vocabulary in context. This approach is different from the traditional method of memorization, which can be boring and ineffective. AI tools provide new words within phrases and conversations to help students better understand and remember them in life situations.

Many students have achieved success in learning Japanese using AI tools. These tools not only improve the ability to talk, but also provide insight into Japanese culture and dialects, prepare students for real-world influence, and enhance communication in a variety of contexts. However, AI tools like ChatGPT may not always provide 100% accurate information, especially in a more complex language such as Japanese. Therefore, it became very important to use these tools wisely and supplement them with other reliable learning resources. Saramad also increases when the language acquired in the traditional way is strengthened through AI. At this point, let's introduce you to the 3 best AI apps designed to learn Japanese:

1. Japanese Language Coach. This AI-powered program offers personalized learning experiences by adapting to each user's specific learning style through appropriate guidelines, exercises, and quizzes. It emphasizes the vital context and provides sample sentences for practical use of language. Interactive quizzes vary their difficulty depending on your performance, allowing for an interesting learning experience. The app also offers extensive breaches of Japanese sentence structure to better understand grammar and vocabulary. Tips for maximizing learning: it is recommended to practice regularly, with the application designed to fit busy schedules. As part of the training process, taking mistakes,

actively listening to Japanese audio content, and speaking out loud to improve pronunciation are recommended for effective learning.

2. Duolingo. Duolingo offers a gamified and intuitive approach to learning Japanese. It is ideal for beginners and focuses on teaching through immersion, similar to how a child learns a language. The lessons are based on pictures and intuitive learning, with game-like features to motivate and engage users. It covers writing systems, pronunciation, vocabulary, and sentence structure through short, manageable lessons. Duolingo is suited for learning Japanese words, Hiragana, Katakana, and Kanji.

3. FluentU. FluentU is an immersive learning app that uses real-world videos, turning them into language learning lessons. This approach provides a natural and engaging way to learn Japanese. The app adapts to your specific needs, ensuring active practice of newly learned language skills. These apps each offer unique approaches to learning Japanese, leveraging AI and interactive learning methods. Whether you prefer structured courses, immersive learning, personalized paths, or quick daily lessons, there's an app suited to your learning style and schedule.

In the age of technology, language learners, especially many adolescents, are using various gadgets and applications and applications in it with great interest. Therefore, today a modern foreign language teacher can know the opportunities that modern technologies are creating and use it effectively in drawing up lesson materials and increasing the activity of students in the lesson. With the new technologies AI offers, there are great opportunities that encourage young language learners who are coming of age in the age of technology to engage in reading. One of the most important advantages of using AI in language learning is its individual approach based on each student's need. AI platforms can collect and analyze information about the student's strengths and weaknesses, allowing for a more targeted approach to Language Teaching. For example, a number of AI-controlled language training programs (Duolingo, Rosetta Stone, Babbel, Lingodeer, Pronunciator) can evaluate a student's speech, provide quick feedback on pronunciation, intonation, and rhythm. This feedback helps students improve their speech skills faster and more accurately than traditional methods. In addition, AI can adapt to the learning style that the student likes. Each student has their own learning method and AI takes this into account when providing a personalized learning experience [10; 148–151-p.]. If the student responds better to visual materials, AI will create learning materials and training accordingly [12]. For example, AI-based platforms such as Duolingo and Rosetta Stone teach a foreign language with an individual approach to the level, interests and goals of students [3; 775–779-p.]. AI-based applications such as HelloTalk and Tandem allow readers to interact with other readers from around the world, sharing ideas about cultures . AI-based chatbots like replica and ChatGPT can have natural and fun conversations with readers and provide them with instant and constructive feedback [8; 436–464-p.].

2024 - year and came to many free applications have been created which teach the Japanese language, these are: Japan-日本語 GPT-tool advanced Japanese AI SAKURA-Anima-Focused AI Assistant, the sense of JLP Master-JLPT prep and Practice, 日本語語彙クイズボット-we are rid of Japanese vocabulary Tool オタクガール-father what culture chat AI, 康娜-Charming companion AI Nihon Cargo Sense-anima [7] forward with learning Japanese can be an example to the world.

In addition, AI-based analysis provides teachers with insights into student performance and activity levels, enabling them to make informed decisions to optimize teaching strategies. The gameplay elements and interactive content created at AI can make the learning process more interesting and viable, increasing student activity and motivation. AI technologies allow students to access educational content at any time and anywhere, eliminating the limitations of a traditional classroom class. This flexibility allows for continuous learning as well as practice, which is very important for language acquisition. This information helps teachers adjust their guidelines and identify areas where students need additional support. AI can provide feedback (feedback) to the assessment and the student's creative work. It can assess oral and written language skills, make corrections, and make suggestions for improvement. This, in its place, slightly relieves the work of the teacher and can provide practical support to young teachers. It can also make learning Japanese more fun and increase student motivation by using AI game elements. AI can adapt these elements to individual student preferences and encourage continued participation. AI's integration with gamification in education not only offers a new approach to teaching and learning, but also requires careful consideration of its effects.

Innovative teaching methods aren't just about using the most cutting-edge technology in class or constantly catching up with the latest education trends, using new teaching strategies that focus more on students. These innovative methods encourage students to join proactively and interact with their classmates and you the teacher during lessons. Unlike traditional teaching, which mainly focuses on how much knowledge you can pass on to your students, innovative ways of teaching dig deep into what students truly take away from what you're teaching during lectures.

Innovative teaching methods aren't just about using the most cutting-edge technology in class or constantly catching up with the latest education trends, these are the teaching-learning methods. They're all about using new teaching strategies that focus more on students. These innovative ones encourage students to join proactively and interact with their classmates and you - the teacher - during lessons. Students will have to work more, but in a way that meets their needs better and can help them grow faster. Unlike traditional teaching, which mainly focuses on how much knowledge you can pass on to your students, innovative ways of teaching dig deep into what students truly take away from what you're teaching during lectures.

In 2021:

- 57% of all US students had their digital tools.
- 75% of US schools had the plan to go virtual entirely.
- Education platforms took up 40% of student device usage.
- The use of remote management apps for educational purposes increased by 87%.

- There is an increase of 141% in the use of collaboration apps.
- 80% of schools and universities in the US had bought or tended to buy additional technology tools for students.

By the end of 2020:

- 98% of universities had their classes taught online.

Artificial intelligence also has disadvantages.:

It will not replace communication with a real person. AI often adapts to the human level, uses the same words and phrases, which reduces the effectiveness of communication. Also, neural networks are not able to convey lively intonations in a conversation, and they often do not understand cultural aspects. You can train with AI, but you should not rely on the depth of communication.

May make mistakes. Sometimes users catch neural networks making mistakes: incorrect use of a word, incorrect explanation of a rule, illiterate sentence, etc. In most cases, artificial intelligence writes correctly, but it is worth remembering that there may be flaws. It won't help you improve your pronunciation. You can voice the text in neural networks, listen to it and repeat it after the speaker. However, artificial intelligence won't check how well you speak, it needs a human to do it.

Learning experience for students and teachers when artificial intelligence and education come together changes. Students adapt to personalization, quick feedback and their requirements develops with Language learning like language bots, machine translation and customized textbooks artificial intelligence technologies. It is clear that such means language it can be of great help to learners to know the language perfectly, especially traditional when used in conjunction with learning methods. Students use one technique from another do not have to choose, instead, they have the most comprehensive language curriculum for themselves with many alternatives available to create their favorite mix ways.

Training teachers for the rational use of AI and support is essential. Use of teachers AI tools the goal is for them to participate in trainings and receive constant support according to. This is an effective integration of their teaching practice and sufficient knowledge to overcome any problems and indicates that they have the skill. Correct guidance and creativity of the teacher discover new aspects of foreign language education in technology tools makes the ground for making. When the AI is properly applied, the educational experience is enriching, bringing students' motivation and curiosity to new heights can be an effective assistant at the output. Also Foreign through the use of AI gamification elements to make learning the language more interesting, and the motivation of students can increase. AI these elements are the individual of the readers adapt to their

preferences and encourage constant participation can. AI's integration with gaming in education is not only offers a new approach to teaching and learning, but rather its it also requires careful consideration of the effect. The teachers are their critical exploration of Technology, their potential they need to understand the advantages and limitations.

The use of AI in the process of learning a foreign language in practice has confirmed its absolute effectiveness. The thoughtful and appropriate implementation of AI in language training programs ensures significant progress. At the same time, the participation of experts, including linguists, teachers and native speakers, is crucial for the development and implementation of AI-based language courses.

More and more language platforms and applications are using artificial intelligence to improve the learning process and help users achieve results faster. However, there are difficulties and mistakes here too. Some programs use only AI and do not involve live teachers, while a number of other developers still refuse to implement relevant technologies. But a balance is important: implementing AI requires a carefully thought-out strategy and a clear sequence of actions.

In conclusion, AI's education in a foreign language integration has changed the traditional classroom environment to include interactive, cultural rich in terms and offers a collaborative learning experience. As technology continues to evolve, it was created using AI these environments become more complex and collaborative language learning further increases the efficiency.

List of used literature

1. Absalamova G. S. Xorijiy tillarni o'qitishda raqamli texnologiyalarning ahamiyati // Academic Research in Educational Sciences: volume 4 (SamTSAU Conference 1). — Samarkand, 2023. — P. 106–116.

2. Babaqulova O., Umarova E. H., Xudayberdiyeva S. O. Xorijiy tillarni o'qitishda zamonaviy texnologiyalarning o'rni va ahamiyati // Yangi O'zbekistonda tabiiy va ijtimoiy-gumanitar fanlar respublika ilmiy amaliy konferensiyasi. — 2023. — № 1(8). — P. 210–213.

3. Chebotareva I. N., Lyaskovets A. V., Makhova V. V. Pros and cons of using gamification in the Russian educational system // materials of the 6th International Conference on social sciences and higher education 2020 (ICSSHE 2020). Atlantis Press, 2020. — P. 775–779. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.201214.148>

4. Eshbayev O., Rakhimova S., Samandarova N. A systemic mapping study of Mobile Assisted Language Learning methods and practices: a qualitative literature review // Proceedings of the 6th International Conference on Future networks & distributed systems. — 2022. — P. 612–615. <https://doi.org/10.1145/3584202.3584294>

5. <https://lex.uz/docs/-5297046>

6. <https://uzdon.uz/uz/news/info/uzbekistan/165/>

7. <https://www.yeschat.ai/tag/Japanese-Learning>

8. Liu S.H., et al. Computer Assisted Language Learning, 2019, No 32 (5-6), pp. 436–464.

9. Meurers, Detmar. «Natural Language Processing and Language Learning» The Concise Encyclopedia of Applied Linguistics. Ed. Carol A. Chapell. Chichester: Wiley, 2020. 817-831.

10. Mukhiddinova O. The role of artificial intelligence in the study of foreign languages // Journal of new Century Innovations. — 2023. — № 25(1). — P.148–151.

11. Schmidhuber, Jürgen. «Deep learning in neural networks: An overview» Neural Networks 61.117 (2015): 85-117. DOI: 10.1016/j.neunet.2014.09.003.

12. UNESCO. (2019). Digital library, artificial intelligence in education: challenges and opportunities for Sustainable Development. - URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000366994.locale=ru>

“TANA VA TAFAKKUR UYG‘UNLIGI: O‘ZBEK VA YAPON TILLARIDAGI MAQOLLARDA SOMATIK BIRLIKLARNING ROLI”

Feruza NASIMOVA
SamDCHTI o‘qituvchisi

Annotatsiya: Ushbu maqolada somatik birliklarning (tana a‘zolariga oid so‘zlarning) xalq maqollarida ifodalanishi tahlil qilinadi. Somatik frazemalar tildagi obrazlilikni kuchaytirib, xalq dunyoqarashi va mentalitetini aks ettiradi. Maqollar misolida somatik birliklarning semantik xususiyatlari va ularning ma‘no ko‘chishlari o‘rganiladi.

Kalit so‘zlar: somatik birliklar, maqollar, semantika, obrazlilik, mentalitet.

Аннотация: В данной статье анализируется выражение соматических единиц (слов, относящихся к частям тела) в народных пословицах. Соматические словосочетания усиливают образность языка и отражают мировоззрение и менталитет народа. На примере пословиц изучаются семантические свойства соматических единиц и их смысловые сдвиги.

Ключевые слова: соматические единицы, пословицы, семантика, образность, менталитет.

Abstract: This article analyzes the expression of somatic units (words related to body parts) in folk proverbs. Somatic phrases enhance the imagery in the language and reflect the worldview and mentality of the people. The semantic properties of somatic units and their meaning shifts are studied on the example of proverbs.

Key words: somatic units, proverbs, semantics, imagery, mentality.

Har bir til xalqning tarixiy va madaniy merosini o‘zida mujassam etadi. Xalq og‘zaki ijodi namunalari, xususan, maqollar xalq tafakkurining yorqin ifodasi bo‘lib, ularda somatik birliklar keng qo‘llaniladi. Somatik birliklar inson tanasining turli qismlari bilan bog‘liq so‘zlardan tashkil topib, ko‘pincha ko‘chma ma‘noda ishlatiladi. Shu o‘rinda, somatik birliklar tushunchasi va ularning lingvistik o‘rni haqida to‘xtalish joiz. Somatik birliklar - inson tanasi bilan bog‘liq bo‘lgan leksik birliklar bo‘lib, ular ko‘pincha frazeologizmlar, maqollar, matallar va xalqona iboralarda keng qo‘llanadi. Ushbu birliklar tilda nafaqat aniq ma‘noda, balki quyidagicha ko‘chma ma‘noda ham qo‘llaniladi:

1. Somatik birliklarning asosiy xususiyatlari va ularning tana qismlari bilan bog‘liqligi: bosh, ko‘z, qo‘l, oyoqlar, yurak kabi so‘zlar somatik birliklarga misol bo‘la oladi;

2. Ko‘chma ma‘noda qo‘llanilishi - ko‘pincha somatik birliklar metaforik yoki metonimik ma‘noda ishlatiladi: “boshi ko‘kka yetmoq”(xursand bo‘lmoq), “qo‘li ochiq” (saxiy) kabi iboralar.

3. Maqollarda, matallarda va frazeologizmlarda faol ishtirok etishi: “Ko‘r-ko‘rona ish tutma”, “Oyoq qo‘ygan joyingni bil”.

Somatik birliklarning o‘zbek tilidagi namunalari tahliliga to‘xtaladigan bo‘lsak, ularni quyidagicha izohlash mumkin:

1. Bosh bilan bog‘liq: Bosh qotirmoq (o‘ylab, yechim izlamoq), Bosh egmoq (bo‘ysunmoq), Bosh ko‘tarmoq (o‘ziga kelmoq, kuchaymoq).
2. Ko‘z bilan bog‘liq: Ko‘zi yorishmoq (farzandli bo‘lish), Ko‘z ochmoq (anglamoq, tushunmoq).
3. Qo‘l bilan bog‘liq: Qo‘l ochmoq (yordam so‘ramoq), Qo‘l uzmoq (yordamni to‘xtatmoq).
4. Yurak bilan bog‘liq: Yuragi keng (bag‘rikeng), Yuragi orqaga tortmoq (qo‘rqmoq).

Somatik birliklar tilshunoslikda quyidagi jihatlar orqali muhim ahamiyat kasb etadi. Xususan, maqollarda xalq donoligini ifodalashi alohida ahamiyatga ega bo‘lib, maqollar inson tanasining qismlari orqali chuqur ma’nolarni ochib berishga xizmat qiladi. Masalan, “Ko‘rning ko‘ngli ko‘zidan to‘q”(ko‘ngil pok bo‘lsa, yetarli). Shu o‘rinda, frazeologizmlarda obrazlilik yaratish - Somatik birliklar nutqni jonlantirish va tasviriylilikni oshirish uchun qo‘llaniladi. Madaniy va milliy xususiyatni aks ettiradi va har bir millat tilidagi somatik birliklar o‘sha xalqning madaniyati va dunyoqarashini ifoda etadi.

O‘zbek va yapon tillardagi somatik birliklarning taqqosiy tahlili.

Somatik birliklar turli tillarda inson tanasiga oid leksik birliklar orqali xalqning madaniyati, mentaliteti va dunyoqarashini ifodalaydi. O‘zbek va yapon tillarida ham somatik birliklar ko‘p uchraydi, lekin ularning ishlatilish uslubi, semantik xususiyatlari va metaforik ma’nolari ba’zan o‘xshash, ba’zan esa keskin farq qiladi.

1. O‘zbek va yapon tillarida somatik birliklarning umumiy xususiyatlari haqida qarab chiqamiz:

Ikki tilda ham ko‘p ishlatilish holatlari- somatik birliklar xalq maqollari, iboralar, matallar va she’riy nutqda keng uchraydi.

Ko‘chma ma’noda qo‘llanilishi - har ikkala til somatik birliklarni metafora va metonimiya asosida foydalanilishi.

Kuchli lingvokulturologik mazmun: yapon va o‘zbek xalqining qadriyatlari ularning somatik iboralarida aks etilishi.

2. Somatik birliklarning asosiy turlari va ularni taqqoslash:

a) Bosh (頭 – atama / kashira / kubi –首/ 頭). Yapon tilida kubi (首) va atama (頭) so‘zlari turli vaziyatlarda ishlatiladi. Kubi bo‘yin ma’nosida ham ishlatiladi va ishdan bo‘shatish bilan bog‘liq iboralarida uchraydi (首になる – kubi ni naru – “ishdan bo‘shatilmoq”).

O‘zbek tilida “bosh” so‘zi rahbarlik yoki fikrlash bilan bog‘liq ko‘plab iboralarga ega, lekin yapon tilida bu nuqta biroz murakkabroq.

b) Ko‘z (目 – me). O‘zbek tilida “ ko‘zi ochildi ” iborasi yangi narsani anglashni bildiradi, yapon tilida esa bu holat “ 目を開く (me o hiraku)” deb ifodalanadi.

Yapon tilida “目が高い (me ga takai)” iborasi “yaxshi didga ega” degan ma’ noda keladi, bu o‘zbek tilida aniq mos keladigan iboraga ega emas.

c) Yurak (心 – kokoro, 胸 – mune). Yapon tilida yurak ma’nosida ikkita so‘z – kokoro (心) va mune (胸) ishlatiladi. Kokoro his-tuyg‘ular, qalb ma’nosini bildiradi, mune esa ko‘krak qafasi bilan bog‘liq hissiyotlar ifodasida qo‘llanadi.

O‘zbek tilida yurak so‘zi his-tuyg‘ular va jasorat bilan bog‘liq bo‘lsa, yapon tilida u ba’zan mantiqiy tafakkurni ham anglatishi mumkin.

O‘zbek va yapon tillarida somatik birliklar juda keng qo‘llaniladi, lekin ularning semantik va pragmatik xususiyatlarida farqlar bor. Yapon tilida somatik iboralar ko‘proq iroda va ichki dunyo bilan bog‘liq bo‘lsa, o‘zbek tilida ularning ko‘pchiligi inson xulqi va ijtimoiy munosabatlarni ifodalaydi. Ikkala til xalqning madaniyati va mentalitetini aks ettirgan holda somatik birliklarni o‘ziga xos tarzda qo‘llaydi.

Somatik birliklar maqollarda milliy va madaniy xususiyatlarni ifodalashda muhim o‘rin tutadi. Chunki somatik birliklar nafaqat jismoniy holatlarni, balki xalqning dunyoqarashi, qadriyatlari va hayotiy tajribalari bilan bog‘liq chuqur ma’nolarni ham aks ettiradi. Ular xalqning tafakkuri, mentaliteti va madaniyatini ifodalovchi obrazlar sifatida ishlatiladi. Bu xususiyatlarni maqollar orqali kuzatishimiz mumkin. Quyida berilgan ayrim jihatlarni ta’kidlab o‘tsak.

1. Madaniy xususiyatlar - somatik birliklar madaniy o‘ziga xosliklarni, an’analarni, va odatlarni ifodalaydi. Misol uchun, ba’zi madaniyatlarda “qo‘l” yoki “ko‘z” kabi so‘zlar, insonning ishbilarmonligini, ma’naviy holatini yoki ijtimoiy roli bilan bog‘liq ma’nolarda ishlatiladi. O‘zbek xalq maqollarida “qo‘lni og‘ir qilsa, boshni yengil qil” kabi iboralar mehnat va erkning o‘rtasidagi muvozanatni aks ettiradi.

2. Tarixiy xususiyatlar - tarixiy jarayonlar, janglar, iqtisodiy vaziyatlar yoki ijtimoiy o‘zgarishlar somatik birliklar orqali ifodalangan. Maqollar, asosan, xalqning hayotiy tajribalarini ifodalovchi madaniy me’yorlarni o‘z ichiga oladi. Masalan, “ko‘zi ko‘r bo‘lib, qo‘llari ishlasa” kabi maqolalarda, shaxsning kuchi va o‘zgarmas xohishi, ayniqsa, qiyin sharoitlarda ham o‘zining ijtimoiy o‘rnini saqlashga urinishini ko‘rsatuvchi tarixiy voqea yoki ma’lumotlarga ishora qilinadi.

3. Milliy xususiyatlar - milliy xususiyatlar somatik birliklarda sezilarli ta’sir ko‘rsatadi, chunki har bir millat o‘zining jismoniy va ruhiy ehtiyojlariga mos ravishda maxsus tasavvurlarni shakllantiradi. O‘zbek maqollarida “yurakdan yurakka” kabi iboralar odamlar o‘rtasidagi ijtimoiy aloqalarning ahamiyatini ta’kidlaydi. Shu tarzda, milliy ruh va an’analar somatik obrazlarda o‘z aksini topadi.

4. Metaforik ma’nolar - somatik birliklar, shuningdek, ko‘pincha metaforik ma’nolarda ishlatiladi. Masalan, “ko‘zingni och, qo‘lingni uzat” kabi maqollar, odamni o‘z imkoniyatlarini ochish va uni faoliyatga jalb qilishni bildiradi. Bunda qo‘l, ko‘z va boshqa tana a’zolari jamiyatdagi turli vaziyatlarda harakat va faoliyatni tasvirlash uchun ishlatiladi.

5. Jismoniy va ruhiy uyg'unlik - maqollarda somatik birliklar jismoniy va ruhiy holatlarning uyg'unligini, qarama-qarshiliklarini, ayni paytda odamning ichki dunyosini ham aks ettiradi. Misol uchun, "yurakda azob, qo'lda mehnat" kabi iboralarda ruhiy zaiflik va jismoniy mehnat bir-birini to'ldirib, xalqning qiyinchiliklarga qarshi kurashdagi ruhini aks ettiradi.

Bunday tahlil somatik birliklarning maqollarda qanday qilib milliy va madaniy o'ziga xosliklarni ifodalashini, ulardagi tarixiy kontekstni qanday yoritishini ko'rsatadi. Shuningdek, ular xalqning hayotiy qadr-qimmatlarini, an'analarini va etnik xususiyatlarini qanday saqlashini tushunishga yordam beradi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro'yxati:

1. Karamatova K.M., Karamatov H.S. Proverbs—Maqollar— Пословицы. – T.: Mehnat, 2000.
2. Shotursun Shomaqsudov va Shuhrat Shorahmedov. „Hikmatnoma: O'zbek maqollarining izohli lug'ati“ T.1990 y
3. Sattorov U. U. Madaniyatlararo muloqotda emotsional ekspressivlikning ifodalanishi// Respublika ilmiy amaliy anjumani materiallari. S., 2012: 178-179 b.
4. Salomov G'. Tarjimon nazariyasi asoslari. T., O'qituvchi, 1983: 230 b.
5. Sulaymonov M. O'zbek xalq og'zaki ijodi (o'quv-uslubiy qog'llanma), Namangan . 2008. –120 b.

TARJIMANING MANBASINI ANIQLASHDAGI MASALALAR (Yulduzli tunlar romanining yapon tiliga tarjimasi misolida)

Umidbek SAIDOV
TDSHU doktoranti

Annotatsiya. Maqolada badiiy tarjima manbasining noaniqligi masalasi yoritilgan. Tarjima tahlili uchun asliyat matni zarur ekanligi barchamizga ma'lum. Odatda, asliyat matni haqida ma'lumotlar tarjimada aniq berilgan bo'ladi. Ammo, "Yulduzli tunlar" romanining yaponcha tarjimasi misolida bunday mantiq doim ham ish bermasligi ma'lum bo'ldi. Ya'ni tarjimada asliyat matni haqida hech qanday ma'lumotlar berilmagan. Agar tarjima manbasi aniq bo'lmasa tadqiqotchi hal qilishi kerak bo'lgan bir necha masalalar yuzaga keladi:

- a) Tarjima bilvositami yoki bevosita?
- b) Tarjima uchun qaysi til asos qilib olingan?
- c) Tarjima uchun nechanchi yilgi nashr asos qilib olingan?

Tarjima amaliyotida uchrashi mumkin bo'lgan bu masalani hal qilish va tarjima manbasi haqida aniq ma'lumotlarga ega bo'lish uchun "sarlavhalarining qiyosiy tahlil" metodidan foydalanish maqsadga muvofiq bo'lishi aniqlandi. Bunday tahlil metodi tarjima manbasini aniqlashdan tashqari, tarjima qanday tamoyillar asosida amalga oshirilgani haqida tasavvur shakillantirish uchun ham xizmat qilishi yoritilgan.

Kalit so'zlar: sarlavhalar qiyosiy tahlili, bilvosita tarjima, bevosita tarjima, Okkam ustarasi, inglizcha tarjima, ruscha tarjima.

Аннотация. В статье рассматривается проблема неопределённости исходного текста художественного перевода. Известно, что для сравнительного анализа перевода необходимо иметь в наличии исходный текст. Обычно информация об исходном тексте указывается в самом переводе. Однако на примере японского перевода романа «Звёздные ночи» выяснилось, что эта логика работает не всегда. В ситуации, когда исходный текст перевода не ясен, перед исследователем встают несколько вопросов, которые должны быть решены:

- а) Перевод прямой или опосредованный?
- б) Какой язык был взят за основу при переводе?
- в) Какого года издания исходного текста использовалось для перевода?

Для решения вышеуказанных вопросов, которые могут возникнуть в практике перевода, и получения точной информации об источнике перевода был определён наиболее целесообразный метод – сравнительный анализ заголовков. Этот метод не только помогает определить источник, но и даёт представление о принципах, на основе которых был выполнен перевод.

Ключевые слова: сравнительный анализ заголовков, опосредованный перевод, прямой перевод, бритва Оккама, английский перевод, русский перевод.

Annotation. The article examines the issue of uncertainty regarding the original text of a literary translation. It is known that for a comparative analysis of a translation, the original text must be available. Typically, information about the original text is indicated in the translation itself. However, based on the example of the Japanese translation of the novel *Starry Nights*, it was discovered that this logic does not always

apply. When the original text of the translation is unclear, several questions arise that must be addressed:

- a) Is the translation direct or mediated?
- b) Which language was used as the basis for the translation?
- c) Which edition (year) of the original text was used for the translation?

To resolve these issues, which may arise in translation practice, and to obtain accurate information about the source of the translation, the most appropriate method was identified – a comparative analysis of titles. This method not only helps determine the source but also provides insight into the principles on which the translation was based.

Key words: comparative analysis of titles, mediated translation, direct translation, Occam's razor, english translation, russian translation.

Pirimqul Qodirovning 2 qismli “Yulduzli tunlar” romani ilk bor 1979 – yilda nashr etilgan va hozirga qadar dunyoning ko‘p tillariga; fransuz, ingliz, rus, qirg‘iz, qoraqalpoq, qozoq, urdu, turkman, turk, hind, bengal tillariga o‘g‘irilgan³⁷. 2022 – yilda Yamaguchi Hisako (山口・久子) qalami ostida yapon tiliga ham o‘girildi. Tabiiyki, tarjimashunos sifatida ushbu asar e’tiborimizni tortdi va yapon tilidagi tarjima bilan tanishish jarayonida bir masala yuzaga keldi. Roman qaysi tildan o‘g‘irilganligi haqida tarjimada hech qanday ma’lumotlar berilmagan. O‘zbek tilida yozilgan roman o‘zbekchadan o‘girilishi mantiqan to‘g‘ridek tuyulsada bevosita tarjima bilan bir qatorda bilvosita tarjimalar ham ko‘p uchraydi. Ayniqsa dunyoning o‘ndan ortiq tillariga o‘girilgan asar bo‘lsa bilvosita tarjima bo‘lish ehtimoli oshadi. Shu sabab, bizga mantiqiy to‘g‘ridek tuyilgan javob emas, aniq javob kerak bo‘ldi. Aniq javob uchun tarajimon bilan aloqa o‘rnatishga harakat qilindi, ammo samara bermadi.

Mantiqga suyanib, roman o‘zbek tilidan o‘girilgan hisoblaganda ham “roman nechanchi yilgi nashrdan o‘girilgan?” degan boshqa bir masala paydo bo‘ladi.

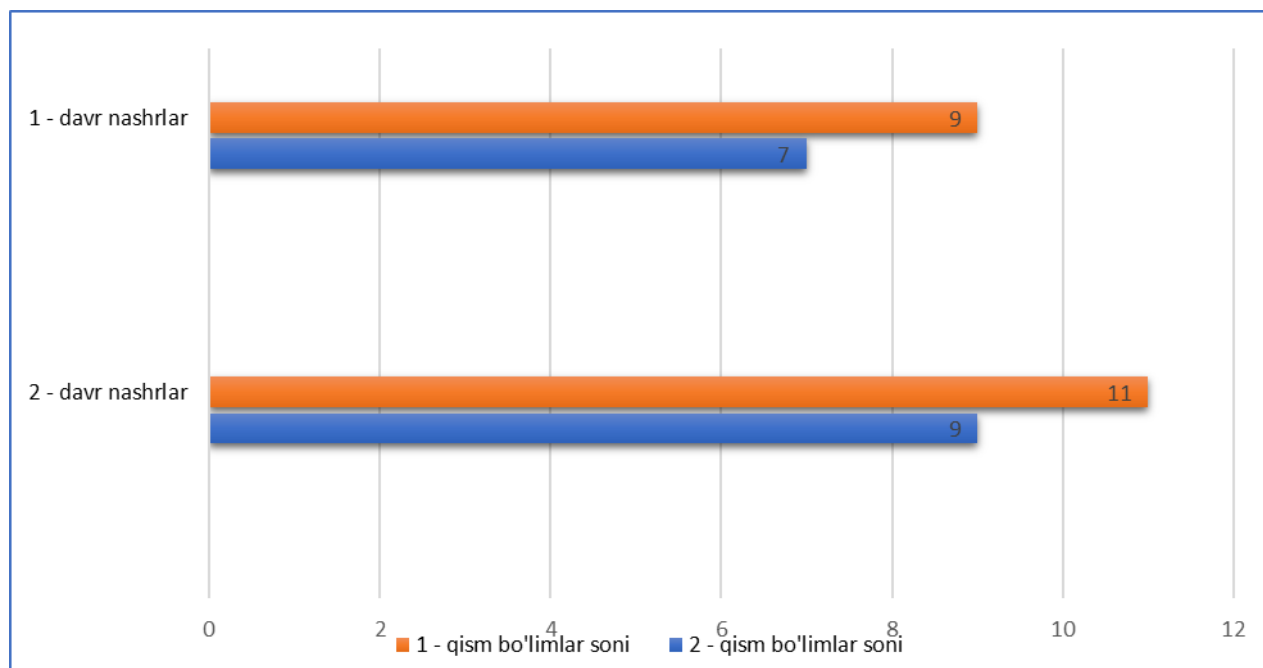
“Yulduzli tunlar” romani so‘nggi 40 yil ichida ko‘p marotaba qayta nashrdan chiqqan. Ularni “1 – davr nashrlar” va “2 – davr nashrlar” deb, ikki guruhga ajratish mumkin.

1 – davr: 1999 – yilgacha bo‘lgan nashrlar; 1979 [1], 1981 [2], 1985 [3], 1988 [4], 1990 [5] yillarni o‘z ichiga oladi. 1 – davrdagi nashrlarda bo‘limlarning umumiy soni 16 ta; 1 – qismda 9 ta bo‘lim va 2 – qismda 7 ta bo‘lim.

2 – davr: 1999 yildan keyingi nashrlar; 1999 [6], 2004 [7], 2013 [8], 2015 [9], 2019 [10] yillarni o‘z ichiga oladi. 2 – davrdagi nashrlarda bo‘limlarning umumiy soni 20 ta, 4taga ko‘paygan; 1 – qismda 11 ta bo‘lim, 2 – qismda 9 ta bo‘lim. 1999 – yildan keyingi nashrlarda bo‘limlar soni 4taga ko‘paygani uchun “to‘ldirilgan nashr” deb chop etila boshlagan.

1 – jadval

³⁷ https://uz.wikipedia.org/wiki/Yulduzli_tunlar, 2024.02.01, 15:30da qaraldi.

1999 – yilgacha va 1999 – yildan keyingi Yulduzli tunlar romanidagi bo‘limlar soni o‘zgarishi

Demak, roman o‘zbek tilida ko‘p marotaba qayta nashr etilgan. Bu esa yapon tilidagi tarjima manbasi bilan bog‘liq 3ta masalaga ishora qiladi:

- a) roman bevosita yoki bilvosita tarjimaligini bilmaymiz,
- b) roman bilvosita tarjima bo‘lganda ham, qaysi tildan ekanligini bilmaymiz,
- d) roman bevosita bo‘lsa, nechanchi yilgi nashr asos qilib olinganini bilmaymiz.

Aniq javob bo‘lmasa tahminlar ham fikrlar ham ko‘pyib boraveradi. Tarjima o‘zbek tilidan ekanligiga ma’lum bir darajada mantiqiy asoslarimiz bo‘lsada, bu asoslar shubhasiz deyish uchun yetarlik emas. Shubhalardan holi bo‘lish va tarjima manbasi haqida aniq ma’lumotga ega bo‘lish uchun bu masalani atroflicha o‘rganib chiqish kerak bo‘ladi. Maqsadga yetish uchun quyidagi masalalarni hal qilish kerak:

1. Yapon tiliga qaysi tildan o‘girilganligini aniqlash.
2. Agar tarjima bevosita ekanligi tasdiqini topsa, nechanchi yilgi nashrdan o‘girilganligini aniqlash.

Avval tarjima bilvosita degan nuqtai nazarni tahlil qilib chiqsak.

Birinchidan, tarjima bilvosita deb hisoblash uchun asos bu tarjima o‘zbek tilidan ekanligini tasdiqlaydigan ma’lumot yo‘qligida.

Ikkinchidan, tarjimonning o‘zbek tilini bilish qobilayti bilan bog‘liq shubhalar ham bunday tahminning foydasiga ishlaydi. Sababi, tarjimada tarjimon haqida hech qanday biografik ma’lumotlar berilmagan.

Tarjima bilvosita deb fikrlagan taqdirda ham, qaysi tildan o‘girilganligini qanday bilsa bo‘ladi? Buning uchun qiyosiy tahlilga murojaat qilamiz. Qiyosiy tahlil obyekti sifatida sarlavhalar olinadi. Bunday tahlil asliyat va tarjima asarlari o‘rtasidagi indentiklik darajasini aniqlashga yordam beradi.

“Yulduzli tunlar” tarjima qilingan tillar ko‘pligi sabab, tahlil uchun Okkam ustarasi uslubidan foydalanamiz. Roman o‘g‘irilgan 11ta tilning ichidan ingliz va rus tillarini e‘htimoliy bilvosita tarjimaning manbasi sifatida tanlab olamiz. Boshqa tillarni e‘tibordan chetda qoldirishdan asosiy maqsad, tadqiqot sifatiga to‘g‘ridan-to‘g‘ri ta’sir o‘tkazmaydigan tahminlarni jalb etmaslik.

Avval, rus va yapon so‘ng ingliz va yapon tillaridagi tarjima asar sarlavhalarining qiyosiy tahlilga beriladi. Bunday tahlil, tarjima bilvosita degan tahmin nechog‘liq asosli ekanini tekshirish imkonini beradi. Agar rus va yapon tilidagi sarlavhalarining indentiklik darajasi yuqori ekanligi o‘rnatilsa, demak tarjima rus tilidan bo‘lgan bo‘ladi. Agar sarlavhalardagi indentiklik ingliz va yapon tillarida yuqori bo‘lsa, demak ingliz tarjima ingliz tilidan bo‘lgan bo‘ladi. Agar ikkala tilda ham indentiklik past bo‘lsa, demak tarjima bilvosita degan tahmin o‘zini oqlamagan bo‘ladi.

Tahlilni rus va yapon tillaridagi sarlavhalar qiyosidan boshlaymiz.

“Yulduzli tunlar” romani rus tiliga bir marotaba, 1984 – yilda Yuriy Surovtsev tomonidan o‘g‘irilgan. Rus tilidagi tarjimaning tarkibiga ko‘ra, roman 2 qismdan iborat: 1 – qismda 10ta bo‘lim, 2 – qismda 7ta bo‘lim mavjud.

Yapon tilidagi tarjima ham 2 – qismdan iborat, lekin, 1 – qismda 9ta bo‘lim, 2 – qismda 8ta bo‘lim, ya’ni 2ta bo‘lim farq bor. Biroq, bu hali rus tilidagi tarjimani manba sifatida ko‘rib bo‘lmaydi deyishga yetarlikcha asos emas.

Endi qism sarlavhalarini qiyoslab ko‘rsak, rus tilidagi tarjimada 1 – qism “Часть первая. Родник под обвалом” (s.s.t.: qism birinchi, ko‘chki ostidagi buloq), 2 – qism “Часть вторая. Преврастности судьбы” (s.s.t.: qism ikkinchi, taqdir o‘zgarishlari) deb nomlangan.

Yapon tilidagi tarjimada 1 – qism “第一部「迷走」” [day ichibu meysou] (s.s.t.: birinchi qism, ikkilanib yugurish), 2 – qism “第二部「天の響き」” [day ni bu tenno‘ hibiki] (s.s.t.: ikkinchi qism, ko‘kning aksadosi) deb nomlangan. Ko‘rib turganimizdek, rus va yapon tillaridagi 2 qism sarlavhalarida indentiklik kuzatilmadi. Bu esa, tarjima rus tilidan emasligiga birinchi dalil.

Keyingisi bo‘lim sarlavhalarining qiyosiy tahliliga. Rus tilida faqat toponimlar bilan berilgan. 2 – qismdagi bo‘lim sarlavhalarida ham o‘xshash holatni kuzatish mumkin. Lekin 4 – bo‘limda, nimagadir, shunchaki toponim emas, balkim bo‘limga berilgan nomi ham ko‘rishimiz mumkin. Rus tarjimoni nima uchun aynan 2 – qismdagi 4 – bo‘limga berilgan nomi saqlab qolishga qaror qilgani no‘malum. Rus tilidagi sarlavhalardan farqli, yapon tilidagi sarlavhalarda faqat toponimlar emas, bo‘limlarga berilgan nomlar ham mavjud. Quyida rus va yapon tilidagi qism va bo‘lim sarlavhalarining o‘zbek tilidagi so‘zma-so‘z tarjimasi jadval shaklda berilgan.

2 – jadval

Ruschada	Yaponchada
1 – qism: Ko‘chki ostidagi buloq	1 – qism: Arosat
1 – bo‘lim: Quva	1 – bo‘lim: Quva. Tahlika qil
2 – bo‘lim: Axsi	2 – bo‘lim: Axsi. Ajalga surtadigan malham yo‘q

3 – bo‘lim: Andijon	3 – bo‘lim: Andijon. Gul va quyun
4 – bo‘lim: Quva	4 – bo‘lim: Quva. Jasoratga nisbatan mukofot
5 – bo‘lim: O‘sh	5 – bo‘lim: O‘sh. Najot qayerda?
6 – bo‘lim: Samarqand	6 – bo‘lim: Samarqand. Zafar va kulfat
7 – bo‘lim: Andijon	7 – bo‘lim: Andijon. Singan orzu (lar)
8 – bo‘lim: Samarqand	8 – bo‘lim: Samarqand. Taqdirni hal qiluvchi olishuv
9 – bo‘lim: Yana Samarqandda	9 – bo‘lim: Toshkent, O‘ratepa, Isfara. Ko‘chkida to‘lgan buloq
10 – bo‘lim: Toshkent, O‘ra-tepa, Isfara	
2 – qism: Taqdir o‘zgarishlari	1 – qism: Ko‘kning akssadosi
1 – bo‘lim: Hirot, Merv	1 – bo‘lim: Hirot. Ichib quritilgan inson hayoti qadahi
2 – bo‘lim: Qunduz va yana Samarqandga	2 – bo‘lim: Qunduz. Ikki qilich orasida
3 – bo‘lim: Qobul	3 – bo‘lim: Samarqand. Toshgan daryo o‘zan izlaydi
4 – bo‘lim: Laxo‘r, Panipat, Dehli. Yangi qirg‘oqlar	4 – bo‘lim: Laxo‘r, Panipat, Dehli. Yangi qirg‘oqlar
5 – bo‘lim: Agra	5 – bo‘lim: Agra. Taqdirga ergashib
6 – bo‘lim: Sekri	6 – bo‘lim: Sekiri. Qayta ko‘z ochgan buloq
7 – bo‘lim: Va yana Agra	7 – bo‘lim: Agra. Yulduz(lar) girdobi

Rus va yapon tarjimalaridagi bo‘lim sarlavhalarining qiyosiy tahlili ulardagi indentiklik faqat toponimlarda mavjud ekanligini ko‘rsatdi. Bu esa tarjima rus tilidan qilinmaganligiga ikkinchi dalil.

Rus va yapon tarjimalarning qiyosiy tahlilida yana bir ko‘zga yaqqol tashlanadigan farq 1 – sahifada uchraydi. Rus tilidagi tarjimada voqealar Hijriy 899 – yildan boshlanadi. Yapon tilidagi tarjimada esa voqealar 1494 – yildan, ya’ni Grigoryan taqvimi asosida berilgan. Bu esa, yapon tilidagi tarjima rus tilidan o‘girmaganligiga uchinchi dalil.

Rus va yapon tillaridagi tarjimalarning qiyosiy tahlili haqida xulosa qiladigan bo‘lsak, tarjima rus tilidan emasligiga 3ta dalil keltirish mumkinligi ma’lum bo‘ldi:

- birinchidan, ikki qismdagi sarlavhalarining mos kelmasligi,
- ikkinchidan, bo‘limlardagi sarlavhalarining mos kelmasligi,
- uchinchidan, 1 – sahifadagi yil sanasining berilishi mos kelmasligi.

Tarjima rus tilidan bo‘lmasa, unda ingliz tilidan bo‘lishi mumkin degan tahmin qoladi.

Yulduzli tunlar romanining ingliz tilidagi tarjimasi I.M. To‘xtasinov, U.R. Yo‘ldoshev, A.A. Hamidovlar qalami ostida 2019 – yilda nashr etildi. Ingliz tilidagi

tarjima ham ikki qismdan iborat: 1 – qimsda 10ta bo‘lim, 2 – qismda 7ta bo‘lim. Bu jihati bilan yapon tilidagi tarjimadan ko‘ra, rus tilidagi tarjimaga yaqin ekanligi e‘tiborli.

1 – qism “Part one. The spring under the landslip” (s.s.t.: qism birinchi. ko‘chki ostidagi buloq) deb berilgan. Bunday sarlavha yapon tilidagi sarlavhadan ko‘ra, rus tilidagi sarlavhaga mos. O‘zbek tilidagi barcha nashrlarda romanning birinchi qismi “Arosat” deb nomlangan. Ammo, ingliz tilidagi sarlavha aynan rus tilidagi sarlavhaga mos kelishi, rus tilidagi tarjima ingliz tili uchun asos qilib olingan degan ehtimoli yuzaga keltiradi.

2 – qism “Part two. Vicissitudes of fate” (s.s.t.: qism ikkinchi. Taqdir o‘zgarishlari) deb nomlangan. 2 – qism sarlavhasida ham huddi 1 – qismdagi kabi, yapon tilidagi sarlavhadan ko‘ra, rus tilidagi sarlavhaga mosligi yuqori. Yana bir qiziq jihati esa, huddi rus tilidagi tarjimadagidek ingliz tilidagi tarjimada ham voqealar Hijriy 899 – yildan boshlanadi. Bunday yil taqvimini o‘zbek tilidagi matnda ham, yapon tilidagi matnda uchramaydi. Ingliz va rus tillaridagi sarlavhalardagi va taqvimlardagi bunday o‘xshashliklar roman ingliz tiliga ruschadan bilvosita o‘girilgan deyish uchun asos bo‘la oladi.

Bo‘lim sarlavhalarining qiyosiy tahlili esa, quyidagi natijalarni ko‘rsatdi:

1 – qismdagi ingliz va yapon tilidagi 1, 4, 5 – bo‘lim sarlavhalarida moslik mavjud. Ammo, 2, 3, 8 – bo‘lim sarlavhalarida moslik yo‘q. 6, 7, 9, 10 – bo‘lim sarlavhalarida rus tiliga moslik aniqlandi.

2 – qismdagi 1 – bo‘lim sarlavhasi o‘zbek tilidagi 2 – davr nashr sarlavhasiga mos. 2 – bo‘lim sarlavhasi esa o‘zbek tilidagi 1 – davr nashr sarlavhasiga mos. 3 – bo‘lim sarlavhasi ham yapon tilidagi, ham o‘zbek tili 1 – davr nashr sarlavhasiga mos. 4 – bo‘lim sarlavhasi rus tilidagi sarlavhaga mos. 5 – bo‘lim sarlavhasi yapon o‘zbek tili 2 – davr nashr sarlavhasiga mos. 7 – bo‘lim sarlavhasi ham yapon tilidagi, ham rus tilidagi sarlavhaga mos.

3 – jadval

Inglizchada	Yaponchada
1 – qism: Ko‘chki ostidagi buloq	1 – qism: Arosatda qolish
1 – bo‘lim: Quva. Xavf arafasidagi taqdir	1 – bo‘lim: Quva. Tahlika qil
2 – bo‘lim: Axsi. O‘lim haq	2 – bo‘lim: Axsi. Ajalga surtadigan malham yo‘q
3 – bo‘lim: Andijon. Gul va quyun	3 – bo‘lim: Andijon. Gul va quyun
4 – bo‘lim: Quva. Jasoratning jazosi	4 – bo‘lim: Quva. Jasoratga nisbatan mukofot
5 – bo‘lim: O‘sh. (xatardan) chiqish yo‘lini izlab	5 – bo‘lim: O‘sh. Najot qayerda?
6 – bo‘lim: Samarqand	6 – bo‘lim: Samarqand. Zafar va kulfat
7 – bo‘lim: Andijon, Xo‘jand. Ro‘yob bo‘lmagan orzular	7 – bo‘lim: Andijon. Singan orzu (lar)
8 – bo‘lim: Samarqand. So‘ngi olishuv	8 – bo‘lim: Samarqand. Taqdirni hal

	qiluvchi olishuv
9 – bo‘lim: Yana Samarqandda	9 – bo‘lim: Toshkent, O‘ratepa, Isfara. Ko‘chkida to‘lgan buloq
10 – bo‘lim: Toshkent, O‘ra-tepa, Isfara. Ko‘chki ostidagi buloq	
2 – qism: Taqdir o‘zgarishlari	1 – qism: Ko‘kning akssadosi
1 – bo‘lim: Hirot, Merv. Dovuldan oldingi osudalik	1 – bo‘lim: Hirot. Ichib quritilgan inson hayoti qadahi
2 – bo‘lim: Qunduz, Samarqand. Ikki qilich orasida	2 – bo‘lim: Qunduz. Ikki qilich orasida
3 – bo‘lim: Qobul. Toshgan daryo yangi o‘zan izlaydi	3 – bo‘lim: Samarqand. Toshgan daryo o‘zan izlaydi
4 – bo‘lim: Yangi qirg‘oqlar. Laxo‘r, Panipat, Dehli.	4 – bo‘lim: Laxo‘r, Panipat, Dehli. Yangi qirg‘oqlar
5 – bo‘lim: Agra. Bo‘lish yoki bo‘lmaslik	5 – bo‘lim: Agra. Taqdirga ergashib
6 – bo‘lim: Sekri. Qayta paydo bo‘lgan umid	6 – bo‘lim: Sekiri. Qayta ko‘z ochgan buloq
7 – bo‘lim: Va yana Agra. Yulduzlar girdobi	7 – bo‘lim: Agra. Yulduz(lar) girdobi

Yuqoridagi tahlil natijasida roman yaponchaga ingliz tilidan o‘girmagan deb xulosa qilish mumkin. Buning uchun quyidagi sabablar mavjud:

1. Romanning tarkibiy qismidagi nomutanosiblik,
2. Qism sarlavhalaridagi indentiklikning yo‘qligi,
3. Bo‘lim sarlavhalaridagi indentiklikning yo‘qligi,
4. Romanning birinchi betida berilgan yil taqvimidagi farq.

Va yana qo‘shimcha sifatida, ingliz tilidagi tarjima 2019 – yildagina nashrdan chiqqan, ya’ni yapon tilidagi tarjima nashridan 3 yil oldin. Yulduzli tunlardek katta, tarixiy realiyalarga to‘yintirilgan romanni uch yilda tarjima qilib uni nashr ettrish bir kishining qo‘lidan kelishi umuman ilojisiz ekanini hisobga oladigan bo‘lsak ingliz tilidan tarjima qilingan degan tahmin o‘zini oqlamasligi ravshavlashadi. Ammo, ingliz tilidagi tarjimaning o‘zi gibrid tarajima³⁸ bo‘lishi mumkinligini alohida tadqiqotga muhtoj. Sababi, ingliz tilidagi tarjimada bir vaqtning o‘zida ham o‘zbek tili va rus tili elementlari aniqlandi. Bu esa tarjima ham bevosita va bilvosita asosga ega ekanligini ko‘rsatadi. Bu esa tarjima amaliyotida yangi hodisa sifatida o‘rganish mumkin bo‘lgan hodisa.

Agar tarjima bilvosita bo‘lmasa, unda bevosita bo‘lishi kerak. Lekin, tarjima o‘zbekchadan deb tahmin qilgan taqdirda ham qaysi davrdagi nashr asos qilib olingan?

³⁸ Gibrid tarjima – bir vaqtning o‘zida ham bevosita ham bilvosita elementlardan tashkil topgan tarjima turi.

Tarjima yapon tiliga aynan 1 – davr nashridan, aniqrog‘i 1979 – yilgi nashrdan amalga oshirilganligiga 2ta kuchli dalil bor.

Birinchi, 1979 – yilgi nashrda bo‘limlarning umumiy soni 16ta: 1 – qismda 9ta bo‘lim va 2 – qismda 7ta bo‘lim. Yapon tilidagi tarjimada ham, bo‘limlar soni 16ta: 1 – qismda 9ta va 2 – qismda 7ta.

Ikkinchi, 1979 – yilgi nashrda ham va yapon tilidagi tarjimada ham 9 – bo‘limda “Isfara” toponimi mavjud.

Yapon tiliga tarjima 1979 – yilgi nashrdan amalga oshirilgan degan tahminni tasdiqlash uchun, yana qism va bo‘limlar qiyosiy tahliliga murojaat qilamiz. Tahlilni esa, qism sarlavhalaridan boshlaymiz.

1 – qism o‘zbekchada “Arosat”, yaponchada 「迷走」 [meysou] (s.s.t.:ikkilanib yugurish) deb nomlanadi. Semantik indentiklik yaqqol ko‘zga tashlanib turibdi.

2 – qism o‘zbekchada “Falakning gardishi”, yaponchada 「天の響き」 [tenno‘ hibiki] (s.s.t.: ko‘kning aksadosi) deb nomlanadi. Ikki sarlavhada qisman leksik va to‘liq semantik indentiklikni kuzatish mumkin. Leksik indentiklik ikkala sarlavhada ham “osmon” so‘zi mavjudligi bilan ifodalansa, semantik indentiklik esa “barchasi qaytadi” degan ma‘noni anglatuvchi ibora ishlatilganni bilan izohlanadi. Qism sarlavhalarining tahlili o‘zbek va yapon tilidagi sarlavhalarda indentiklik yuqori ekanligini ko‘rsatib berdi. Bu esa, yapon tiliga tarjima uchun manba sifatida o‘zbek tilida yozilgan 1979 yildagi nashr asos qilib olganligiga dalil bo‘la oladi.

Endi esa, bo‘lim sarlavhalarining tahliliga o‘tamiz. Birinchi bo‘lib bo‘lim sarlavhalaridagi toponimlar qiyoslanadi.

2 – jadval

O‘zbekchada	Yaponchada
1 – qism	1 - qism
1 – bo‘lim: Quva	1 – bo‘lim:クバー [kubaa]
2 – bo‘lim: Axsi	2 – bo‘lim:アフシ [afushi]
3 – bo‘lim: Andijon	3 – bo‘lim:アンディジャン [andijyan]
4 – bo‘lim: Quva	4 – bo‘lim:クバー [kubaa]
5 – bo‘lim: O‘sh	5 – bo‘lim:オシュ [o‘shyu]
6 – bo‘lim: Samarqand	6 – bo‘lim:サマルカンド [samarukando‘]
7 – bo‘lim: Andijon	7 – bo‘lim:アンディジャン [andijyan]
8 – bo‘lim: Samarqand	8 – bo‘lim:サマルカンド [samarukando‘]
9 – bo‘lim: Toshkent, O‘ratepa, Isfara	9 – bo‘lim: タシュケント [tashyukento‘], オラアテパー [o‘ratepaa], イスファラー [isufaraa]
2 – qism	2 – qism
1 – bo‘lim: Hirot	1 – bo‘lim: ヘラート [hera-to‘]
2 – bo‘lim: Qunduz, Samarqand	2 – bo‘lim:

	クンドゥズ [kunduzu], サマルカンド [samarukando']
3 – bo‘lim: Qobul	3 – bo‘lim: カブール [kabuuru]
4 – bo‘lim: Laxo‘r, Panipat, Dehli	4 – bo‘lim: ラーホール [raaho‘ru], パーニーパット [panipatto], デフリ [defuri]
5 – bo‘lim: Agra	5 – bo‘lim: アーグラ [aagura]
6 – bo‘lim: Sekri	6 – bo‘lim: セクリ [sekuri]
7 – bo‘lim: Agra	7 – bo‘lim: アーグラ [aagura]

2 – jadvaldan ko‘rinib turibdiki, o‘zbek va yapon tilidagi sarlavhalarda berilgan toponimlar mutlaqo mos. Bu esa, o‘zbek va yapon tilidagi manbalardagi indentiklikka ishora qiladi. Lekin, adolat o‘rnida aytish kerakki, toponimlardagi moslik rus va yapon tilidagi manbalarda ham kuzatilgan edi. Shu sababdan, o‘zbek va yapon tilidagi toponimlar mosligini yana bir dalil sifatida hisobga olib qo‘yamizda, tahlilda davom etmaiz.

Endi navbat bo‘limlardagi sarlavhalarga berilgan nomlarning qiyosiy tahliliga.

1 – bo‘lim o‘zbekchada “Quva. Qil ustida turgan taqdirlar”, yaponchada 「クバ一危機一髪」 [kubaa kiki ippatsu] (s.s.t.: Quva, tahlika qil) deb berilgan. O‘zbekchada ham yaponchada ham sarlavha nomi xavf-xatarni ifodalovchi ibora orqali berilgan va ikkala tilda ham “soch tolasi” degan leksema ishlatilgan. Bu esa ulardagi indentiklikka ishora qiladi.

2 – bo‘lim o‘zbekchada “Ajalg davoyo‘q”, yaponchada 「死につける薬はない」 [shi ni tsukeru yaku wa nay] (s.s.t.: ajalga surtadigan malham yo‘q) deb berilgan. Ikkala sarlavhada ham ham leksik ham semantik identiklik mavjud.

3 – bo‘lim, o‘zbekchada “Gul va quyun”, yaponchada ham so‘zma – so‘z 「花と竜巻」 [hana to‘ tatsumaki] deb berilgan. To‘liq indentiklik mavjud.

4 – bo‘lim, o‘zbekchada “Jasoratning jazosi”, yaponchada 「勇気に対する報い」 [yuuki ni taysuru mukuy] (s.s.t.: jasoratga nisbatan mukofot) deb tarjima qilingan. Bu yerda “mukofot” deb qo‘sh tirnoq ichidagi jazo ma’nosini beruvchi so‘z ishlatilgan. Bu esa, ikkala tildagi indektiklik yuqori darajada ekanligini ko‘rsatadi.

5 – bo‘lim, o‘zbekchada “Najot qayerda?”, yaponchada ham so‘zma – so‘z 「救いはいずこに」 [sukuy va izuko‘ni] deb berilgan.

6 – bo‘lim, o‘zbekchada “Zafar va kulfat”, yaponchada ham so‘zma – so‘z 「勝利と苦悩」 [sho‘uri to‘ kuno‘u] deb berilgan.

7 – bo‘lim, o‘zbekchada “Uvol bo‘lgan orzular”, yaponchada 「挫折した夢」 [zasettsu shita yume] (s.s.t.: singan orzu (lar)) deb o‘girilgan. Yapon tilidagi tarjima o‘zbek tilidagi sarlavha semantikasini takrorlashga harakat qilgan.

8 – bo‘lim o‘zbekchada “Hal qiluvchi olishuv”, yaponchada 「運命を決める戦い」 [ummei o‘ kimeru tata kay] (taqdini hal qiluvchi olishuv) deb aniq o‘girilgan.

9 – bo‘lim o‘zbekchada “Ko‘chki bosgan buloq”, yaponchada 「山崩れで埋まった泉」 [yama kuzurede umatta izumi] (s.s.t: ko‘chkida to‘lgan buloq) deb berilgan. O‘zbek tilida “bosish” yapo tilida esa “to‘lish” fe‘llari ishlatilgan bo‘lsada, bu ikki sarlavha o‘rtasidagi moslik aniq.

1 – qism bo‘lim sarlavhalariga haqida muhtasar qilib aytadigan bo‘lsak, asliga moslik darajasi yuqori eknaligi aniqlandi.

Navbat 2 – qism bo‘lim sarlavhalariga. 1 – bo‘lim o‘zbekchada “To‘lgan paymonalar”, yaponchada 「飲み干された人生の杯」 [nomi hosareta jinsey no pay] (s.s.t.: ichib quritilgan inson hayoti qadahi) deb berilgan. O‘zbek tili izohli lug‘atiga ko‘ra “paymona” qadah ma’nosini beradi. “paymonasi to‘lish” esa, sabr – toqati qolmaslik ma’nosini beruvchi ibora. Shunda, “to‘lgan paymonalar” deganda sabr-toqati tamom bo‘lgan insonlar nazarda tutilgan. Yaponchadagi sarlavhada “qadah” leksemasi mavjud bo‘lsada, “sabri tugash” ma’nosini beruvchi mazmun aks etmagan. Ya’ni, ma’lum darajadagi leksik identiklik mavjud bo‘lsada, semantik indetiklik mavjud emas.

2 – bo‘lim o‘zbekchada “Ikki qilich orasida”, yaponchada ham so‘zma-so‘z 「二つの剣の間で」 [futatsu no kenno aydade] deb nomlangan. Vaholanki, yapon tilida tahlila holatini ifodalovchi “qilich” so‘zi ishlatilgan bunday ibora mavjud bo‘lmasada yapon kitobxoni gap nima haqida ketayotganini tushuna oladi.

3 – bo‘lim o‘zbekchada “Toshgan daryo o‘zan izlaydi”, yaponchada ham so‘zma-so‘z 「氾濫した川は水路を探す」 [hanran shita kawa va suyro o sagasu] deb nomlangan.

4 – bo‘lim o‘zbekchada “Yangi qirg‘oqlar”, yaponchada ham so‘zma-so‘z 「新しい岸边」 [atarashii kishibe] deb berilgan.

5 – bo‘lim o‘zbekchada “Taqdir taqozosi”, yaponchada 「運命に従って」 [ummei ni shitagatte] (s.s.t.: taqdirga ergashib) deb berilgan. Ushbu sarlavhalarda ham indetiklik mavjud.

6 – bo‘lim o‘zbekchada “Qayta ko‘z ochgan buloq”, yaponchada ham so‘zma – so‘z 「再び目を開いた泉」 [futatabi me o hirayta izumi] deb berilgan.

7 – bo‘lim o‘zbekchada “Yulduzlar girdobi”, yaponchada ham so‘zma – so‘z 「星の渦」 [ho‘shi no izu] deb berilgan.

1 va 2 – qism sarlavhalariga qarab tarjima aynan o‘zbek tilidan, aniqrog‘i ilk 1979 – yilgi nashrdan amalga oshirilgan degan xulosaga kelamiz.

Umumiy **xulosa** o‘rnida esa quyidagi fikrlarni keltirish mumkin:

1. Sarlavhalarining qiyosiy tahlili metodi yordamida tarjima asari qaysi tildan o‘girilganligi haqida aniq ma’lumotlarga ega bo‘lish va tarjima bilvosita yoki bevosita ekanligini o‘rnatish mumkinligi aniqlandi.

2. “Yulduzli tunlar” romanining nashr etilgan yillariga ko‘ra ikki davrga ajratish mumkin ekanligini o‘rnatildi.

3. Sarlavhalar ketma – ketligi va nomlanishi asosida roman yaponchaga o‘zbek tilidan, 1979 – yilgi nashrdan o‘girilganligi aniqlandi.

4. Tarjimon asliyatga monand ravishda leksik va semantik aniqlikga intilgan.

5. Tarjimon aniqlikka intilgani sabab ba'zi sarlavhalarda kommunikativ maqsad prinsipidan uzoqlashib ketish holatlari ham kuzatildi. Buni 2 – qismdagi 1, 2, 4, 6 – bo'lim sarlavhalarda kuzatish mumkin.

6. ingliz tilidagi tarjimada ham rus tiliga ham o'zbek tiliga moslik holati kuzatildi. Bu esa ingliz tilidagi tarjima “gibrid” degan tahminga yo'l ochib beradi. Bu masalani o'rganish yangi tadqiqot uchun asos bo'lib bera oladi.

Yuqoridagi xulosalar asosida ko'rinib turibdiki, tarjima asarining manbasi haqidagi ma'lumotlar no'malum bo'lsa, tadqiqotni sarlavhalarining qiyosiy tahlilidan boshlash tadqiqot maqsadiga muvofiq bo'ladi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro'yxati:

1. Qodirov P. “Yulduzli tunlar” – tarixiy roman\ G'ofur G'ulom nomidagi adabiyot va san'at nashiryoti, Toshkent – 1979, 495 b.

2. Qodirov P., “Yulduzli tunlar” roman. G'ofur G'ulom nomidagi adabiyot va san'at nashiryoti: – T., 1981, 496 b.

3. Qodirov P., “Yulduzli tunlar” roman. O'qituvchi nashiryoti: – T., 1985, 446 b.

4. Qodirov P., “Yulduzli tunlar” roman. Adabiyot va san'at nashiryoti: – T., 1988, 448 b.

5. Qodirov P., “Yulduzli tunlar” roman. O'zbekiston nashiryoti: – T., 1990, 463 b.

6. Qodirov P., “Yulduzli tunlar” roman. O'zbekiston nashiryoti: – T., 1999, 544b.

7. Qodirov P., “Yulduzli tunlar” roman. Sharq nashiryoti: – T., 2004, 544 b.

8. Qodirov P., “Yulduzli tunlar” roman. Sharq nashiryoti: – T., 2013, 544 b.

9. Qodirov P., “Yulduzli tunlar” roman. Yangi asr avlodi nashiryoti: – T., 2015, 668 b.

10. Qodirov P., “Yulduzli tunlar” roman. Navro'z nashiryoti: – T., 2019, 576 b.

11. 山口・久子、「バーブル（上）」第一版. 発行所：有限会社後藤商会 アールズデザイン、2022.

12. 山口・久子、「バーブル（下）」第一版. 発行所：有限会社後藤商会 アールズデザイン、2022.

13. Кадыров П., «Звёздные ночи» роман. перевод с узбекского языка Суровцева Ю., Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма: – T., 1984, 464 c.

14. To'xtasinov I.M., Yo'ldoshev U.R., Hamidov A.A. “Starry nights Babur” – tarjima\ Samarqand davlat universiteti – Samarqand 2019, 444 b.

15. Saidov U.Sh. ““Yulduzli tunlar” romani yapon tilida” – Tarjimashunoslar forumi\ Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti – Toshkent 2023, 195-202 b.

MADANIYAT, TARIX, JAMIYAT VA SIYOSAT

文化・歴史・社会・政治

ON THE ETHNIC AFFINITY BETWEEN THE JAPANESE AND UZBEKS ЯПОНЛАР ВА ЎКУЗБЕКЛАРДАГИ ЭТНИК ЯҚИНЛИК ҲАҚИДА

Urak Lafasov,

Candidate of Philological Sciences

Associate Professor of the Tashkent State Institute of Oriental Studies,

lafas1963@gmail.com

ORCID: 0009-0002-0557-3476

Аннотация: Ушбу (“Японлар ва ўқузбеклардаги этник яқинлик ҳақида”) мақолада Нух пайғамбарнинг фарзанди бўлган Ёфасга отаси берган ҳудудлар, бу жойларнинг Турон эканлиги, турлар, Туроннинг шарқий чегарасидаги Жобарқо акс этган харита ҳақида маълумот берилган. Туроннинг маркази бўлган Ўқузия, турларнинг аслзодаси бўлган ўқузбеклар, айн//айнлилар кўнгрот ва кутжи ўзбеклари таркибидаги эл эканлиги, айнлар Ўрта Осиёдан Туроннинг шарқидаги чегара ҳудудга кўчганлиги, уларнинг бир қисми Жанубий Сибирда, Камчатка, Сахалин, Курил оролларида қолганлиги, туркий тилда “кур” (*қўрқмас*) маъносини англатиши шарҳланган. Айнларнинг иккинчи қисми Жобарқо (қуруқлик бор жой) боришганлиги, уларнинг миллий байроғи, бексакларга яқинлиги, туркий тилда “айн” (аклли) маъносини билдириши, айнларнинг умумий сони, айнларнинг тарихи, илк япон давлати, японча “тэнно” терминининг туркий “тегин”, “тегит” атамаларига, “сёгун” терминининг туркий “сағун” атамасига, японча “самурай” терминининг туркий “сангун” атамасига алоқадорлиги изоҳланган. Мунгул(аслзода) ларнинг денгиз тўфони сабабли Японияни забт эта олмаганлари, Япония тарихидаги сёгунлари сулоласи, “Мейдзи исин” исёни ва Хоккайдо, Хонсю топонимлари тўғрисида қайдлар берилган. “Хон” туркий термин эканлиги, японларнинг ўқузияликлар билан қадимий савдо алоқалари, Япониядаги айнлар музейи, сайргоҳи, айнларнинг Япониянинг туб аҳолиси сифатида расмий тан олиниши, япон тилининг Олтой тиллар оиласига мансублиги, япон тилига кирган ўзлашмалар ва япон ёзуви каби масалалар ёритилган.

Таянч иборалар: Нух пайғамбар, Ёфас, Турон, турлар, ўқузбеклар, айнлар, курлар, Курил ороллари, Жобарқо.

Abstract: This article provides information about the territories that Noah's father gave to his son Japheth, the fact that these places are in Turon, the tribes, and the map reflecting Jobarqo, which is located on the eastern border of Turon. It discusses Okuzia, the center of Turon, the Uzbeks, who are the descendants of the Tur, and the Ain (Ainli) people, who belong to the Kongrot and Qutji Uzbek tribes. It is explained that the Ain people migrated from Central Asia to the eastern border of Turon, with some of them remaining in Southern Siberia, Kamchatka, Sakhalin, and the Kuril Islands. The Turkish word "kur" meaning "fearless" is also mentioned. The article also discusses the second part of the Ain people moving to Jobarqo (a place with dry land), their national flag, their closeness to the Beksaks, the meaning of "ain" in Turkish (wise), the total number of Ain people, their history, the first Japanese state, and the connection of the Japanese term "tenno" with the Turkish terms "tegin" and "tegit." It further explores the relationship of the Japanese term "shogun" with the Turkish term "sagun," and the connection between the Japanese term "samurai" and the Turkish word "sangun." The article discusses the inability of the *Mongols* (noble ancestors) to conquer Japan due to a sea storm, the shogunate families in Japanese history, the "Meiji Restoration" rebellion, and the toponyms of Hokkaido and Honshu. It notes that "Hon" is a Turkish term, mentions the ancient trade relations between the Japanese and the Okuzia people, and describes the Ain people's museum and park in Japan. It also highlights the official recognition of the Ain people as the indigenous population of Japan, the affiliation of the Japanese language with the Altai language family, the integration of loanwords into the Japanese language, and issues related to the Japanese writing system.

Key words: Noah's prophet, Japheth, Turon, tribes, Uzbeks, Ains, Kur people, Kuril Islands, Jobarqo.

Introduction

There is specific information about the territories given to Japheth, the son of Noah (peace be upon him), by his father in the works of Mahmud Kashgari's "*Devonu lugat-ib turk*," Mirzo Ulughbek's "*The History of the Four Uluses*," and Abulghazi Bahadur Khan's "*Shajare-i Turk*".

Since Japheth ibn Noah's second name was **Tur**, the land allocated to him was called Turon, and the descendants of his nine sons were called **Tur**. Noah, peace be upon him, "had designated Turon and Turkestan for Japheth, peace be upon him." For this reason, he was given the title "*Abu-t-Turk*" (Father of the Turks).

The name of the islands where modern-day Japan is located, which was considered the eastern border of Great Turon, was originally **Jobarqo**. This information is mentioned in Mahmud Kashgari's "*Devonu lugat-ib turk*" and the region is clearly marked on the map [1].

The area between the Okuz and Inju Okuz rivers, which was the center of Turon, was called Okuzia. In Okuzia, the descendants of the Tur, the Uzbeks (*Kudji, Qiyot, Kongrot, and Naiman*), lived [2].

The Ainli/Aynli/Ayilli people are part of the Kongrot and Qutji Uzbeks. They are divided into two main clans, and each clan is further divided into tribes: 1) *Aqtonli, Beshbola, Oytamgali, Oqtana, Turkman, Churan, and others*; 2) *Qoratonli, Qoraqalpoq, Quvuq, Qochay, Tunsar, Yomgurchi, and similar tribes* [3].

In ancient times, the Ain people, who were part of the **Qutji** and **Kongrot tribes**, migrated from Central Asia towards the eastern border of Turon. Some of them remained in Southern Siberia, as well as in Sakhalin, in Kamchatka and the Kuril Islands [4].

The Kurians living in the present day Kuril Islands, South and North Kuria//Korea are also a people formed from the fusion of Ain and Tungus. They moved in a north-easterly direction and settled north-east of Turon.

In 18th-century Russian sources about the Kurds, the Turkic word “kür” (in the ethnonym “kur+il+lar” – *kurily*) was incorrectly interpreted as “*fearless*” [1. 314] or “*cunning*” [5]. Russian scholars have described the Kurds, who belong to an Asiatic race, as Europeans.

The second part of the Ain, who moved to the southeast, sailed from the sea in boats to land and came to **Jobarqo**. The meaning of this toponym: جَابَرْقَا [1.65] جا **ja** [7] – *place*, بَر **bar** [1. 341] – *there is*, قَى **qa(q)** [1. 386] – **dryness**) that is, “the place where there is land”.

The fact that the Ains belong to the Turlar tribe is also confirmed by their national flag. It is recognized by world scholars that the Scythians/Huns used bows and arrows and round shields to lay the foundations of two of the world’s earliest civilizations (Maya and Sumer).

In fact, in 19th-20th century Russian sources about the Ains, the ethnonym “*ain*” was incorrectly interpreted as “*intelligent*” or “*true human*.” This misinterpretation is rooted in the Uzbek proverb “*The crow knows the language of the raven*,” which indicates a misunderstanding. The Russians, unfamiliar with ethnic layers, made incorrect conclusions.

According to 2010, there are 25,000 official and 200,000 unofficial Ainu people in Japan, 109,000 people on the Kuril Islands, and 94,000 people in Kamchatka [6]. This does not include the Ainu in Uzbekistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, North and South Korea.

In the second millennium BC, before the birth of Christ, a tribe led by the Mungul (noble) clan migrated from Okuzia to Jobarqa. On the eve of the first millennium BC, the main population of Jobarqa consisted of ethnic Ains.

In the 4th century AD, the first Japanese state, called Yamato, was formed by a union of large tribes, namely the Ainu and the Kuru. The capital was the city of *Nara*. *Yamato* is the name of an ancient province, plain, and river in the present-day Nara Prefecture of Japan.

In foreign relations, the title “**tenno**” began to be used for the rulers of this state. This title has been preserved to this day, and its Russian translation is “heavenly ruler” [8], which corresponds to the European term “*emperor*.”

The Japanese term “tenno” is derived from the Turkic word **tegin** [1. 391], meaning “a servant beloved by Allah.” The plural form of *tegin* is **tegit** [1. 337], which means “servants beloved by Allah.” After the courage shown by the Japanese ruler in battle against Alexander the Great, this title was granted to the sons of the khan.

In Japan, the northeastern people declared Minamoto Yoritomo as the state ruler in 1192 with the title of *shogun* (military commander). The capital was located in the city of Kamakura. The Japanese term *shogun* is a phonetic variation of the Turkic word *sağun*[1. 382] (leader) , Volume 1, p. 382].

The shoguns were made up of the warrior class (bushi, i.e., samurai). The Turkic word *sangun* (*sang*[9] (*sanch*) + *un* (*uvchi*)) is a phonetic variation of the term used to refer to samurai military nobles.

The Mongols (noble ancestors), who had conquered China and Korea, sent their military fleets in 1274 and 1281 to invade Japan. However, due to a powerful sea storm (“**kamikaze**” – “**divine wind**”), they were unable to achieve their goals.

In 1603, Ieyasu Tokugawa (1542-1616) declared himself shogun and moved the capital to Edo (*Tokyo*). The Tokugawa shogunate ruled the country justly until 1867.

During the Tokugawa shogunate, Japan became a centralized monarchy. The government maintained a legal system of four social classes (*samurai, peasants, artisans, and merchants*). Thanks to the peace, many achievements were made in various fields.

From the 16th century, Europeans began to arrive in Japan. In 1867-68, the “**Meiji Restoration**” rebellion occurred. The shogunate government was overthrown, and power was handed to Emperor **Mytsyximo** (1867-1912). A three-class system (nobles, samurai, and common people) was established in the country.

Japan is an island nation. Its largest islands are **Hokkaido, Honshu, Shikoku, and Kyushu** [10]. Hokkaido Island is located in the northern part of Japan and ranks second in size (after Honshu/Hondo). Some of the peaks in its mountain ranges exceed 2,000 meters in height.

The toponym “Hokkaido,” the name of the island in modern Japan, was officially explained in 1968 as a combination of the Japanese words “**hoku**” – “**north**”, “**kai**” – “**sea**”, and “**do**” – “**province**”, meaning “*province in the northern sea*” [11].

In Japan, 99% of the population consists of Japanese people. The Ainu, the indigenous people of the country, also live on Hokkaido Island. Additionally, there are Koreans, Chinese, and other ethnic groups living on the Japanese islands. The official language of the state is Japanese.

The word “**hon**” in the toponym “**Honshu**” (the name of the main island of Japan) is also related to the Ainu people and means ‘leader.’ The words “**shu**” and “**do**” mean “**place**” or “**province**”.

“**Khan**” is the title of the highest leaders among the Turks. The children of *Alper Tunga* (*Afrosiyob*) were also referred to as “khan”, while *Alper Tunga* himself is considered a “*khagan*” (the supreme ruler) [1. 172]. “**Khon**” is an ancient word related to the Tur tribes, which has undergone changes in form, evolving from “**qon**” to “**qoon**” to “**khókon**” and “**finally**” to “**khon**”. In the Tur tribes, a khan was a ruler who governed a five-khan system.

The Japanese have had mutual trade relations with the Okuzia people since ancient times. A clear proof of this is the artifacts from Samarkand and Tashkent found in the Horuji temple in Nara, Japan, the first capital of Japan, dating back to the 8th century. Additionally, musical instruments from the 19th-20th centuries also serve as evidence of these long-standing trade connections [12].

The discovery of a fine **Japanese porcelain vessel** from the 12th century during the excavation of the *Alper Tunga* mound in ancient Semizkent

(Samarkand) confirms that trade relations between the Uzbek and Ainu peoples were well-established in the past [13].

On April 2, 1984, the “**Ainu Museum**” was established in the Sirao settlement, which is home to the indigenous Ainu people. The museum was closed on March 31, 2018, due to the need for space to open the “**National Museum of the Ainu People**”. The museum was reopened on July 12, 2020, in connection with the Summer Olympic Games and the Summer Paralympic Games.

Next to the museum, there is the Ainu People’s **National Park**, which serves as a place dedicated to protecting and promoting the culture and language of the Ainu people. The Ainu participated in the opening ceremony of the XXXII Summer Olympic Games in Japan.

In 2019, the Japanese government passed a law that strengthened the human rights of the Ain people. It was officially recognized that the Ains are the indigenous people of Japan. The law also granted the government permission to uphold all traditional practices related to the Ain people’s way of life.

On April 19, 2019, the Japanese government passed the “Law on Measures to Build a Society that Respects the Human Dignity of the Ainu People.” It was officially acknowledged that the Ains of Hokkaido Island are the indigenous people of Japan.

Research written in the 20th century confirmed the scientific views about the Japanese language belonging to the Altai language family. In this language, the length of vowels and the sequential and paired nature of consonants serve to distinguish meanings.

It is known that in Altai languages, the defining word typically comes before the defined one. Word combinations form in the structure of noun and noun, or noun and verb. The subject of a sentence typically comes at the beginning, and the predicate comes at the end. These rules are followed in the original Japanese words.

In the Japanese language lexicon, in addition to the original Japanese words, many words borrowed from Chinese, known as “kanji” words, have entered the language along with Chinese characters. Additionally, modern borrowings from English, known as “**gairaigo**” are increasingly entering the Japanese language [14].

According to the official spelling rules in Japan, texts composed of original Japanese words, phrases, and grammatical markers are written in the “**hiragana**” form of the Japanese script. Words and phrases borrowed from foreign languages, as well as idioms, are written in the “**katakana**” form [14].

In conclusion, it can be said that the Ains, who are originally from the Tur tribes, are the indigenous people of Japan. Their language, clothing culture, appearance, and flag confirm their ethnic closeness to the noble Uzbeks.

References

1. Mahmud Koshgari. A dictionary of Turkish. Three roofs. I roof. Tashkent: “Fan”. 1960. – 499 p.

2. Lafasov U.P. Okuzbeks, their language, place in society and culture. I imagine. Number: Uzbekistan Special Number. September 2024. – 295 p.
3. Jalilov O. Important documents on the history of Karakalpaks in the early 19th-20th centuries, Tashkent: – 1977 (source: UzME, vol. 1, p. 164).
4. The Great Soviet Encyclopedia (3rd ed.), in 30 volumes. Volume 1. Moscow: “Soviet Encyclopedia” 1969. – 709 p.
5. Müller F.W.K. Uyгурica II. APAN, 1910, Abb, III. pp. 77/26.
6. Russian-Persian dictionary. Moscow. Publishing house “Soviet encyclopedia”. 1965. – 1091 p.
7. Mahmud Koshgari. A dictionary of Turkish. Three roofs. Volume II. Tashkent: “Fan”. 1960. – 427 p.
8. Belyaeva Nastya. The Main Islands of the Kuril Archipelago. Travel Journal. 09.04.2024.
9. The Great Soviet Encyclopedia (3rd ed.), in 30 volumes. 26 volumes. Moscow: “Soviet Encyclopedia”. 1977. – 725 p.
10. Drevnetyurksky dictionary (Editors D.M. Nasilova, I.V. Kormushina, A.V. Dybo, U.K. Isabekovoy). Astana: “Gylym” publishing house, 2016. – 760 p.
11. National encyclopedia of Uzbekistan. Volume 12. Volume 10. 2005. – 656 p.
12. Mahmud Koshgari. A dictionary of Turkish. Three roofs. Volume III. Tashkent: “Fan”. 1960. – 461 p.

YAPON OLIMLARINING DUNXUANG DURDONALARIGA OID TADQIQOTLARI

Qahramon IMOMNAZAROV

*Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
“Sharq mamlakatlari tarixi va antropologiyasi”
kafedrası katta o‘qituvchisi*

Nodir ABDULLAEV

*Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
Xalqaro aloqalar bo‘yicha prorektor DSc, professor*

Feruza XASANOVA

*Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
Xitoyshunoslik oliy maktabi rahbari PhD, dotsent*

Olga PRONKINA

XXR, Gansu Siyosat va huquq universiteti professori

Annotatsiya. Maqolada XX-asr boshlarida Yapon olimlarining Sharqiy Turkiston, Dunhuanga qilgan ekspeditsiyalari tarixi ko‘rib chiqilgan. Ekspeditsiyalar natijasida noyob “Yapon kolleksiyasi” shakllandi, unda qadimgi buddizm va qadimgi xitoy, sug‘diy, toxariy qo‘lyozmalari mavjud. Maqolada Yapon olimlarining merosi keltirib o‘tilgan, bir qator muhim topilmalar yoritilgan va to‘pilmalarning hozirgi joylashuvi berib ko‘rsatilgan. Ushbu maqola Xitoy Xalq Respublikasining Gansu siyosat va huquq universiteti hamda Toshkent davlat sharqshunoslik universitetining “敦煌文化走向世界 – Dunyoda Dunxuang madaniyati” xalqaro loyihasi doirasida yozilgan.

Kalit so‘zlar: Dunxuang, Buyuk ipak yo‘li, Otani Kodzui, Tachibana Zuicho, Sharqiy Turkiston, Turfon, Loulan.

Аннотация. В статье рассматривается история экспедиций японских ученых в Восточный Туркестан, Дуньхуан в начале XX века. В результате экспедиций образовалась уникальная “японская коллекция”, в которую вошли древние буддийские и древнекитайские, согдийские, тохарские рукописи. В статье рассматривается наследие японских ученых, освещается ряд важных открытий и приводится текущее местонахождение находок

Данная статья написана в рамках реализации международного проекта Гансуйского университета политики и права КНР и Ташкентского государственного университета востоковедения “敦煌文化走向世界 – Культура Дуньхуана в мире.

Ключевые слова: Дуньхуан, Великий Шелковый путь, Отани Кодзуй, Татибана Дзуйчо Восточный Туркестан, Турфан, Лоулань.

Abstract. The article is being considered the history of expeditions of Japanese scientists to East Turkestan, Dunhuang at the beginning of the 20th century. As a result of the expeditions, a unique “Japanese collection” was formed, which included ancient

Buddhist and ancient Chinese, Sogdian, Tokharian manuscripts. The article examines the legacy of Japanese scientists, highlights a number of important discoveries and provides the current location of the finds. This article was written within the framework of the international project of the Gansu University of Politics and Law of the People's Republic of China and the Tashkent State University of Oriental Studies “敦煌文化走向世界 – Dunhuang Culture in the World”

Key words: *Dunhuang, Great Silk Road, Otani Kodzui, Tachibana Zuicho, East Turkestan, Turpan, Loulan.*

Buyuk Ipak yo'lining bir qismi sifatida tarixiy ahamiyatga ega bo'lgan Dunxuang shahri hamisha olimlar va tadqiqotchilarni o'z e'tiboriga tortgan. Ayniqsa, Dunxuangu o'tgan karvon yo'llari savdo yo'llari, g'arb va shaq madaniy almashinuvlarga sabab bo'luvchi omil hisoblangan. Dunxuang orqali buddizmning Xan imperiyasiga tarqalishida ipak yo'lidagi yangi manzil makonlarning paydo bo'lishiga olib kelgan. Dunxuanning savdo yo'llari chorrahasida joylashuvi, geografik o'rni, iqtisodiy va madaniy jihatdan juda strategik hudud hisoblangan.

Otani Kodzui (大谷光瑞, 1876–1948), yapon nashrlarida ko'pincha nomi mashhur bo'lmagan, biroq buddizm ta'limoti bo'yicha taniqli mutaxassis Markaziy Osiyoga uchta yirik ekspeditsiya uyushtirgan tadqiqotchi va sayohatchi, siyosatchi sifatida ham shuhrat qozongan.

Otani Kodzui mashhur zodagonlar oilasiga mansub bo'lib, Londonda yaxshi ta'lim olgan va yoshligida Yevropa bo'ylab ko'p sayohat qilgan. Olim geografiya, biologiya, tarix bilan faol qiziqqan. Otani Britaniya Qirollik geografik jamiyati a'zosi bo'lib, u erda Sven Gedin, Aruel Steyn, Albert fon Lekok kabi mashhur tadqiqotchilar bilan uchrashgan. 1902-yilda Gamburgda bo'lib o'tgan XIII Xalqaro sharqshunos olimlar kongressida qatnashdi, unda A.Steynning Dunhuang va Sharqiy Turkistonga qilgan birinchi ekspeditsiyasi haqidagi ma'ruzasi tinglaydi. *[Dunhuang Sees Great Changes Over the Years – Mogao Grottoes Through Hard Times. Lanzhou: China Intercontinental Press, Gansu Provincial People's Government Information Office, 2007. 212 p.]*

Bu mintqa Sharqiy Osiyoda buddizmning tarqalishida alohida rol o'ynagan va shuning uchun amidist buddizm an'analari tarbiyalangan Otani Kodzui uchun alohida qiziqish uyg'otgan. Uning otasi Otani Koson Nishi Xongandzi ibodatxonasining 21-abbati bo'lib, u Yaponiyadagi eng yirik amidaizm maktabi Dzyodo Sinsyuning rahbari lavozimini egallagan. Shunga ko'ra, kichik Otani tomonidan tuzilgan ekspeditsiyaning asosiy e'tibori qadimiy buddizm ashyolarini qidirish va tadqiq qilishga qaratilgan. *[Witfield S. Count Otani's Central Asian Expeditions // IDP News. 1998. No.10. P. 1–2.]*

Birinchi ekspeditsiya. Shunday qilib, 1902 yil 16 avgustda u Markaziy Osiyo orqali yo'l o'tkazishni rejalashtirib, Angliyadan Yaponiyaga jo'naydi. Ekspeditsiya tarkibiga geografiya va tarixga qiziquvchi yana to'rt yapon olimlari kirgan: Inoye Koen, Honda Eryu, Vatanabe Tessin va Hori Kenyu. Ular 21

sentabrda Qashg'arga yetib kelishdi va u yerda ikki guruhga bo'lindi: Hindiston ekspeditsiyasi (Otani, Inoye, Xonda) va Sharqiy Turkiston ekspeditsiyasi (Vatanabe va Hori). Hindiston ekspeditsiyasi Mintaka dovoni orqali Kashmir knyazligiga o'tadi, u yerda ularga Shimajiri Daito va Fujisava Sensho qo'shilgan. Otani boshchiligidagi Hindiston ekspeditsiyasi 3 ta ot va 17 tuya bilan sayohat qilgan. Ular Mintaka dovonidan o'tib, Gilgitga ketayotib, 9-noyabr kuni Kashmir poytaxti Shrinagarga yetib kelishdi. Ekspeditsiya a'zolari Hindiston va Nepalda arxeologik qazishmalar olib borishdi, xususan, ular afsonaga ko'ra, Siddxarta Gautama tug'ilgan hududga qiziqish bildirishdi. Ammo 1903-yilda Otani otasi vafot etadi va u otasining merosi qilib olish uchun Yaponiyaga erta qaytishga majbur bo'ladi. [入澤崇. 現代によみがえる大谷探検隊の軌道第一回. インドの大谷探検隊. Otani ekspeditsiyalarining yangi davrdagi aks-sadolari. Kyoto, 2006. 1-qism: Otani Hindiston ekspeditsiyasi.] // Ryukoku universiteti sayti. URL: http://www.ryukoku.ac.jp/about/pr/publications/61/16_tsubo/tsubo.htm

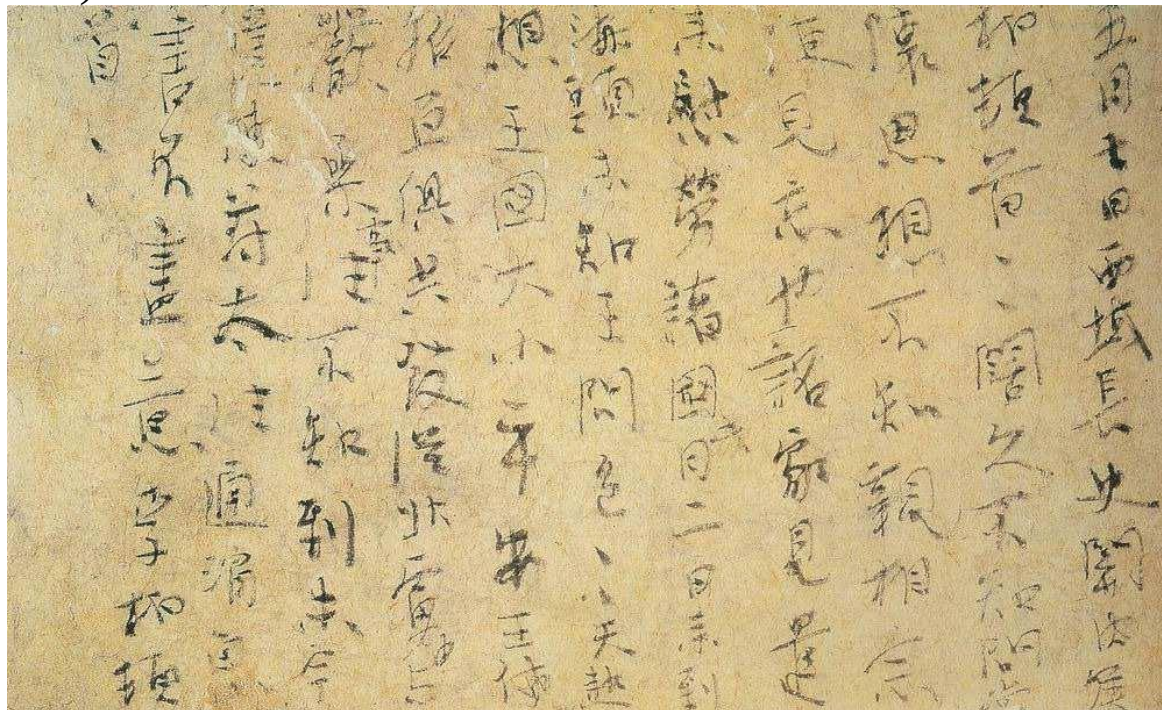
Bu vaqtda Sharqiy Turkiston ekspeditsiyasi Yorkandga qaytib, janubiy yo'l bo'ylab sharqqa qarab yo'l oldi. Qashg'arda 40 kunga yaqin qadimiy yodgorliklarni qazishadi. Ular 1903-yil 2-yanvarda jo'nab ketishgan va shimoliy yo'l bo'ylab Taklamakan cho'lini kesib o'tishdi. Oqsuv va Turfanda bo'lib, 20 fevralda yana Qashg'arga qaytishgan.

Ko'p o'tmay ular Maralboshi, Tumshuq, Oqsuv orqali yana yo'lga chiqdilar va 10 aprelda Kucha yaqinidagi Qizil g'orga yetib kelishadi. Ular Kuchada taxminan 4 oy qolib, qadimgi aholi punktlarini, jumladan sharqiy va g'arbiy Subashini, Qizil g'orni, Qumturi va Duldur okurlarini o'rganishgan. Xotanni Aruel Steyn va Turfan tomonidan nemis ekspeditsiyalari allaqachon o'rganib chiqqanligi sababli, Otani jamoasi Kuchaning hali o'rganilmagan yodgorliklarini qazishga e'tibor qaratadi. Ekspeditsiyasi bir yarim oyga yaqin vaqt mobaynida Qashg'arda arxeologik qazishmalar olib bordi, so'ngra Taklamakan cho'lini kesib o'tdi, shundan so'ng guruh a'zolari Oqsuv va Turfon hududidagi qadimiy manzilgohlarni o'rgandi. Qashg'arga qaytib, ekspeditsiya a'zolari Qizil tomonga cho'l bo'ylab aylanma yo'l bo'ylab yo'l oldilar. U erda ular buddviylik davlati bo'lgan Kucha yodgorliklarida, Subashi qabristonida va Qizil g'or ibodatxonalarida taxminan to'rt oy ishladilar, shundan so'ng ekspeditsiya Turfan, Urumchi, Hami va Sian orqali Yaponiyaga qaytib ketishgan. [Yaldiz M. *Archaeologie und Kunstgeschichte Chinesisch-Zentralasiens (Xinjiang)*. Leiden: Brill Academic Pub., 1997. 237 p.]

Ikkinchi ekspeditsiya. Otani Kodzui yana ikkita yirik ekspeditsiyani tashkil etgan va moliyalashtirgan. Ikkinchi ekspeditsiya (1908–1909) tarkibiga Tatibana Zuicho va Nomura Eizaburo kirgan. Turfon hududidagi qadimiy shaharlar: Yraxoto, Ostona, Murtuk, Tuyuk va boshqalarda qazish ishlari olib bordilar. Qizil viloyatida Qumturi g'or ibodatxonasini o'rganib, u yerda nodir xitoy qo'lyozmalarini topdilar. Keyin Nomura Kucha va Qashg'ar atrofidagi hududlarni, Tatibana esa Loulan, Lobnor, Xotan va Yorkandni o'rganishga e'tibor qaratdi. Kucha yaqinidagi Kumurtu g'orida 782 yilga oid qo'lyozma topilgan. Shundan

so‘ng, ekspeditsiya a‘zolari Hindistonda yana birlashdilar va u yerda Dalay Lama bilan uchrashish uchun kelgan Otani Kozdui bilan uchrashdilar. Ekspeditsiya topilmalarining eng mashhuri Tatibana tomonidan Loulan hududida topilgan

“Li Bo Hujjati” (李柏尺牘稿,) (1-rasm)

1 – rasm Li Bo hujjati (parcha) 书法空间“Xattotlik fazosi” (shínhíngyín).

Meng Fanjenga ta’kidlashicha U yerda III-asrning ikkinchi choragidan Loulanda bo‘lgan Xitoy noibi devonxonasi arxivi qoldiqlari topilgan. IV asrning uchinchi choragida sobiq Lyan sulolasi imperatori tomonidan Yanchi shahriga (yani Qorashahr) hokim sifatida yuborilgan Li Boga tegishli hujjat bo‘lgan. Mazkur hujjat hokim Li Boning G‘arbiy o‘lkaga hukmdori yozilgan haqida xati bo‘lib, “Li Bo hujjati” bugungi kungacha saqlanib qolgan eng qadimiy qog‘oz manbarlardan biri hisoblanadi. Unda Markaziy Osiyo davlatlariga oid muhim ma’lumotlar ham mavjud. Ushbu ekspeditsiya materiallariga asoslanib, Tatibana va Otani buddizm qadimiylarini qazish natijalari bo‘yicha birinchi asarni nashr etishdi.[孟凡人.新疆考古与史地论集。北京：科学出版社 2000.(Meng Fajen. *Shinjon arxeologiyasi va tarixiy geografiyasiga oid maqolalar*. Pekin: Kexiue nashriyoti, 2000. 379 b.)]

Uchinchi ekspeditsiya. Uchinchi ekspeditsiyaga (1910–1914) Tatibana Zuito rahbarlik qilgan, uning tarkibiga Yoshikava Koichiro, Vatanabe Tessin, Koitiro Yosikava, Li Yutsin va boshqalar kirgan. Guruh Shanxay va Sian orqali Dunxuanga yetib keladi, u yerda ekspeditsiya a‘zolari Mogao g‘orlarini chuqur o‘rganishdi, freskalar, figuralarni batafsil suratga olish va bosma nashrlarni tayyorlash ishlarini olib borishdi. Yoshikava va Tatibana, shuningdek, Ming Budda g‘oridan 300 dan ortiq qo‘lyozmalarni sotib olishga muvaffaq bo‘lishdi. Tadqiqotchilarning ta’kidlashicha, bu chet elliklar uchun Dunxuang

qo'lyozmalarini sotish uchun so'nggi imkoniyat edi, chunki Xitoy hukumati ularni sotishni allaqachon taqiqlab qo'ygan. [*Dunhuang Sees Great Changes Over the Years – Mogao Grottoes Through Hard Times. Lanzhou: China Intercontinental Press, Gansu Provincial People's Government Information Office, 2007. 212 p.*]

G'or ibodatxonalari va freska rasmlari bo'yicha yetakchi mutaxassislardan biri Yan Venchju Xitoy arxeologiyasi tarixiga oid qisqacha ishida bu guruhning faoliyatini akademik iboralardan kamroq ishlatgan holda eslatib o'tadi. Uning fikricha, "yaponlar ko'plab madaniy qadriyatlarni o'zlariga o'zlashtirganlar". [阎文儒。中国考古学史。桂林：广西师范大学出版社，2004. (Yan Venzhu. Xitoy arxeologiyasi tarixi. Guilin: Guangxi Shifan Daxue nashriyoti, 2004. 167 bet.)]

Keyin ekspeditsiya Turfon (Ostona qabristoni) atrofidagi Tuyukda qazish ishlarini davom ettirdi va Shinjon Tyan-Shanda botanika kolleksiyasini yig'di. Otani manfaatlarining o'ziga xosligi ekspeditsiyalar faoliyatining tabiatida namoyon bo'ldi. Murakkabligiga qaramay (ekspeditsiyalar o'rganilayotgan hududlardan biologik va etnografik materiallarni to'plashni o'z ichiga olgan), asosiy e'tibor buddizmga oid artefaktlarni qidirishga qaratildi. Shu bilan birga, ekspeditsiya ishtirokchilari arxeologik yodgorliklarni o'rganishning ilmiy usullariga unchalik ahamiyat bermadilar: sayohat kundaliklarini yuritishlariga va fotosuratlar va eskizlarni olishlariga qaramay, ular topilgan ob'ektlarning aniq koordinatalari, tegishli hududlarning stratigrafiyasi va boshqalar bilan unchalik qiziqmadilar.

Li Boning yuqorida tilga olingan qo'lyozmasida ko'rsatilgan G'arbiy hudud ma'muriyatining joylashgan joyi atrofida olib borilgan ilmiy munozaralar bu borada dalolat beradi. Tatibana Zuicho qo'lyozma topilgan aniq manzilni darhol ko'rsatmadi, bu esa ilmiy jamoatchilikda arxeologik yodgorliklardan qaysi biri noib muzofoti bilan bog'lanishi mumkinligi haqida uzoq munozaralarga sabab bo'ldi. Biroq, ko'p yillar o'tgach, Tatibananing o'zi qo'lyozma u tomonidan Loulan aholi punkti deb ta'kidlangan. Cho'ldagi turar-joyning aniq koordinatalarini Turfonda unga telegramma orqali (13.12.1908 yil) K. Otani yetkazgan va u o'z navbatida Tokiyodagi uchrashuv chog'ida Xitoydan Yevropaga ketayotgan S.Gedindan ularni o'rgangan. Mana shu misoldan dalolat beradiki, Otani barcha ekspeditsiyalarga nafaqat rasmiy rahbarlik qilgan, balki vaziyatdan doimo xabardor bo'lib, xodimlarga zarur yordamini ko'rsatgan.

Yapon olimlarining Sharqiy Turkistonga qilgan ekspeditsiyalari juda muhim natijalarga erishdi. Otani Kodzumi o'zi topgan arxeologik manbalar asosida G'arbiy chegara xududlar tarixi va buddizmning Osiyoda tarqalishiga bag'ishlangan bir qancha asarlarni nashr etdi, masalan, "G'arbiy chegaradagi arxeologik qazishmalar to'g'risida tadqiqotlar" (西域考古図譜. Токио, 1915. "G'arbiy mintaqaning yangi tadqiqotlari" 新西域記(Tokio, 1937) va boshqalar.

1937-yilda Yaponiyada 6 jildlik kitob nashrdan chiqarilib, unda Otani ekspeditsiyalarining barcha marshrutlari va olib borilgan tadqiqotlar, jumladan, Shimoliy va Janubiy Amerika, Hindiston, Janubiy va Sharqiy Afrikaga kam

ma'lum bo'lgan ekspeditsiyalarning batafsil tavsifi berilgan. Biroq, bu juda batafsil nashrda ham juda ko'p bo'shliqlar mavjud bo'lib, bu ushbu missiyalarning o'ziga xos xususiyati bilan bog'liq bo'lishi mumkin. Otanining barcha ekspeditsiyalari u yoki bu tarzda yapon razvedkasi faoliyati bilan bog'liq bo'lganligi umumiy qabul qilingan. Britaniya va Rossiya razvedka xizmatlari ularni shunday deb hisoblashgan. [Hopkirk P. *Foreign Devils on the Silk Road: The Search for the Lost Treasures of Central Asia*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. 264 p.]

Yaponiyaliklarning Shinjon va Xitoyning boshqa ba'zi mintaqalari hamda Markaziy Osiyodagi faolligi Rossiya hukumatini xavotirga solgandi. Hozirgi vaziyatni tekshirish uchun u yerga polkovnik K. G. Mannerxaymning maxsus missiyasi yuborildi. [Мясников В. С. *По следам Маннергейма // Восток – Запад: Историко-литературный альманах: 2003–2004. Вост. лит., 2005. С. 246–254*]

Katayama Akio, shuningdek, bir qator maktublar va xabarlardagi nomuvofiqliklar (va kamchiliklar) tufayli Otani ekspeditsiyalari harakatlarining ko'p sanalari juda noto'g'ri va ularni tuzatish zarurligini ta'kidlaydi. [片山章雄. *敦煌學五十年*. (二玄社, 1960 年 / 筑摩書房〈筑摩叢書〉, 1970 年、復刊 1984 年) ほか (Akio Katayama 50 yillik Dunhuang tadqiqotlari (Nigensha, 1960 / Chikuma Shobo, 1970, 1984 yilda qayta nashr etilgan va boshqalar))]

Yuqorida qayd etilgan kamchiliklarga qaramay, minglab turli asarlarni yig'ib, sanskrit, so'g'd, tibet, tangut, xotan, mo'g'ul, uyg'ur va boshqa tillardagi qo'lyozmalarni o'z ichiga olgan mashhur "Otani kolleksiyasi"ni yaratish erishildi. Masalan; uyg'ur tilidan "Buddasining cheksiz hayot tafakkur sutralari". Xitoy tiliga tarjimasidan eng qimmatlilari IV-V-asr boshlariga oid sutralar ro'yxati, shu jumladan Kumarajiva tomonidan sanskrit tilidan qilingan sutralarning tarjimalari etiborga loyiqdir. Bundan tashqari, Otani kolleksiyasida Turfon hududidagi qabristonlardan taxminan miloddan avvalgi 500 yilga oid to'qqizta (boshqa manbalarga ko'ra – 12) mumiya ham bor edi. Dafn uchun ipak kafanlar, qabr va ibodatxonalardan olingan freskalar, dafn etishda ishlatiladigan turli xil idishlar va matnlar. G'arbiy mintaqadagi yirik buddizm haykaltaroshlikning yagona namunasi bo'lgan Buddaning bronza boshi kabi topilmalar ayniqsa mashhur bo'lgan. Qopqog'i va tanasida musiqachilar va raqqosalarning siymolari tasvirlangan Subashi dafn marosimi urnasi, Kucha musiqa madaniyatini qayta tilash uchun muhim manbalardan biri bo'lib xizmat qiladi. [*Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Вост. лит., 1995. 523 с.*]

O'rxun alifbosi va uning tartibini qayd etgan VIII asrdagi turkiy tildagi qo'lyozma katta ahamiyatga ega. Ikkinchi Otani ekspeditsiyasi paytida sotib olingan, Ryukoku universitetida saqlanadi. Qadimgi turkiy runik alifboning ikkita o'xshash namunasi bor, ikkinchisi Albert fon Lekok tomonidan topilgan va Berlindagi Osiyo san'ati muzeyida saqlanadi. Bu ikki qo'lyozmani solishtirish

tadqiqotchilarga O'rxun yozuvini qayta tiklashga yordam beradi. [*Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. лит., 1994. 327 с.*]. To'plamga shuningdek, Chan buddizmning 6-patriarxi Huyeneng tomonidan 959 yilda yozilgan "Sutralar jildi" ning eng qadimgi nusxalaridan biri ham kiritilgan, Nusxa Lyushun shahri muzeyida bo'lgan, ammo keyinchalik yo'qolgan, unung Ryukoku universiteti kutubxonasida faqat birinchi va oxirgi varaqlarning fotosuratlarini saqlanib qolgan. [*片山章雄・大谷探検家の活動と大谷尊重光明・渡辺哲信 (Katayama Akio. Otani Kozuya va Otani Sonju ekspeditsiyalari, Vatanabe Tesshin //, 2002. №. 77. 133–156 betlar.)*]

Ekspeditsiyalarning xarajatlari ibodatxona uchun qarzlarni keltirib chiqardi. 1914 yilda moliyaviy janjal natijasida Otani Kodzui bosh abbatlik lavozimidan voz kechishga majbur bo'ladi va uni jiyaniga topshirdi. Nafaqaga chiqqanidan so'ng Otani buddavilik sutralarini tarjima qilish bilan shug'ullanib, avval Shanxayga, so'ngra Lyushunga ko'chib o'tadi va Nishi Xongandzi ibodatxonasida va Kobe yaqinidagi Niraku villasida saqlangan to'plamning katta qismini u yerga olib kelgan.

Sumitomo konserni egasi, yirik sanoatchi Kuxara Fusanosuke 1916 yilda Niraku villasini sotib oldi va u yerda qolgan xitoy kolleksiyasining katta qismini o'sha paytda Choson prefekturasining (Koreya anneksiya qilingan) birinchi general-gubernatori bo'lgan do'sti Terauchi Masatakega sovg'a qilgan. Terauchi qo'lyozmalarni Seuldagi Konbokgung saroyida joylashgan o'zi asos solgan Choson san'at muzeyiga sovg'a qildi. Hozirda Koreya Respublikasi Milliy muzeyida Otani ekspeditsiyalari tomonidan olib kelingan Turfon g'or ibodatxonalaridan 60 ta freska parchalari va 1700 dan ortiq ashyolar saqlanmoqda. Shuningdek, Dunxuang qo'lyozmalarining koreya fondi deyarli butunlay Otani kolleksiyasidan iborat. Kuxara yana bir qancha xitoy kolleksiyasini Kioto milliy muzeyiga hadya qilgan. 1932 yilda sodir bo'lgan yog'in natijasida Niraku villasi butunlay yonib ketgan.

Otani to'plamlari Xitoyning Lyushun shahrida qolgan kolleksiyaning bir qismi 1930-yillarda Lyushun shahar muzeyiga topshirilgan, ammo boshqa qismi 1945 yilgacha noma'lum yo'llar bilan Yaponiyaga qaytarilgan (Xitoy tadqiqotchilari Lyushun shahar muzeyidan ishonchli tarzda ko'chirilgan kamida 37 ta artefakti namoyish qila olganlar. [*Dunhuang Sees Great Changes Over the Years – Mogao Grottoes Through Hard Times. Lanzhou: China Intercontinental Press, Gansu Provincial People's Government Information Office, 2007. 212 p.*]) 1954 yilda Lyushun shahar muzeyidan Pekin kutubxonasi (hozirgi Xitoy Milliy kutubxonasi) va Pekindagi Xitoy tarixi muzeyiga 600 dan ortiq ashyo topshirilgan.

Otani shaxsiy buyumlarida saqlanayotgan kolleksiyasining bir qismi vafotidan keyin Ryukoku universitetiga hadya qilingan; Tatibana, Yoshikava va boshqa ekspeditsiya ishtirokchilari ham o'z kolleksiyalarini u yerga sovg'a qilishdi. Hozirda Ryukoku universiteti kutubxonasida gerbariylar va yana to'qqiz ming o'ram sutralar, daftarlar, yog'och taxtachalar, bosma hujjatlar, ipak piktogrammalar, matolar, tangalar va bosma nashrlar saqlanib kelinmoqda.

Ryukoku universitetida "Li Bo hujjati" va Yoshikava topib olgan qo'lyozma ham bor. U 718-yilda ushbu ro'yxatga olingan Xitoy farmakologik risolasining bir qismi bo'lib, Miloddan avvalgi 480–496 yillarda tuzilgan "Ben Sao Jin Jinzhu" ensiklopediya asaridir.

Otani birinchi ekspeditsiyasi ishtirokchilarining kundaliklari asosan yo'qolganligini ko'rsatadi. U birinchi ekspeditsiyasi paytida batafsil hisobot yozilgan bo'lgan, afsuski Yaponiyaga etkazish paytida yo'qolgan. Hindistonda Otani bilan qo'shilgan Fudzii Senshoning kundaligi yo'nalishning Hindiston-Nepal qismida chop etilgan. Topilmalar haqidagi xabarlar birinchi ekspeditsiyaning barcha ishtirokchilari qaytishidan oldin ham matbuotda (shu jumladan ilmiy matbuotda) paydo bo'lgan, ammo hozirgi vaqtda bu ma'lumotlar ko'pchilik tadqiqotchilar uchun unchalik ochiq emas. [片山章雄・大谷探検家の活動と大谷尊重光明、渡辺哲信 (Katayama Akio. Otani Kozuya va Otani Sonju ekspeditsiyalari, Vatanabe Tesshin //, 2002. №. 77. 133–156 betlar.)]

Biroq, muhim arxiv saqlanib qolgan: shaxsiy kundaliklar, eskizlar, akvarellar, xaritalar, Sharqiy Turkistonga uchta ekspeditsiya qatnashchilari tomonidan olingan xatlar va fotosuratlar. Ushbu materiallar Ryukoku universiteti kutubxonasida saqlanadi va hali ham keng qamrovli o'rganishni kutmoqda.

1990-yilda Otani davrasining avlodlari Beppu shahrida Otani yodgorlik muzeyiga asos solgan. Muzeyda birinchi ekspeditsiya paytida Yaponiyaga yuborilgan telegrammalar, Otani va uning ekspeditsiya ishtirokchilarining shaxsiy eslatmalari mavjud. Bundan tashqari, Otani kolleksiyasidan ko'plab artefaktlar Yaponiya va xorijdagi xususiy va davlat kolleksiyalariga sotilgan. Natijada yapon kolleksiyasi asosan tartibsiz saqlab qolingan. Tokio milliy muzeyi (piktogrammalar, haykallar, qog'oz va yog'och lavhalardagi qo'lyozmalar), Kioto milliy muzeyida hujjatlar, o'ramlar, Lotus sutrasining xitoy tiliga tarjimai parchasi, Osakadagi milliy etnologiya muzeyidan boshqalar tomonidan sotib olingan. Otani kolleksiyasidan ko'plab buyumlar yo'qolgan. 1971 yilda Tokio milliy muzeyi kolleksiyasi asosan Jiro Sugiyama tomonidan nashr etilgan. 1988 yilda Ryukoku universiteti to'plami taniqli rus sharqshunosi B. A. Litvinskiy tomonidan o'rganilib, o'z asarlarida ushbu materiallardan foydalangan [*Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Вост. лит., 1995. 523 с.*]

Otani kolleksiyasidagi buyumlarning joylashishini aniqlashda Xalqaro Dunxuang loyihasi katta rol o'ynadi. Uning ko'p tilli veb-sayti Yaponiyadagi muzeylardagi Dunxuang topilmalari va ularga qanday kirish mumkinligi haqida batafsil ma'lumot berilgan. Shuningdek, Ryukoku universiteti bilan hamkorlik doirasida universitet kutubxonasidagi tasvirlarni raqamlashtirish va Loyiha serverlarida tasvirlardan foydalanish imkoniyati amalga oshirilmoqda.

Xulosa qilib aytganda Yapon olimlarining ekspeditsiyalari, arxeologlarning Sharqiy Turkistondagi faoliyati, adabiyotlarda o'z aksini topgan. Zamonaviy xitoylik yozuvchi Kay Junning "Afsun" detektiv hikoyasidagi syujet Loulan qazishmalarida ishlagan yosh arxeologning o'limini tekshirishga asoslangan bo'lib,

ushbu yodgorlikni o'rganilish tarixi, jumladan, Otani ekspeditsiyasining qazishmalari haqida so'z boradi.

Inoye Yasusining tarixiy romanlari Yaponiyada va undan tashqarida ham keng tarqalgan: "Loulan, Ming Budda g'orlari". Bu asarlarida yozuvchi fantastika va tarixiy faktlarni aralashtirib yuborgan, ular G'arbiy o'lkalar tarixidagi asosiy voqealarga yaqin yoritilgan. Inoye Yasusining birinchi ilhom manbai, yapon tiliga tarjima qilingan Xitoy sulolasi yilnomalari, ikkinchisi esa Otaniyning ekspeditsiyalari faoliyati haqidagi nashrlari edi. 1985 yilda Xiroshi Aramataning tarixiy-fantastik romani "Teyto Monogatari" ("Imperator poytaxti haqidagi ertak") nashr etildi va mahhurlikka erishdi. Roman bor yo'g'i 12 jildidan iborat bo'lib, voqealar XIX-asr oxiridan XX-asr oxirigacha tasvirlangan. Romanning birinchi jildlarida Otani Kodzui bosh qahramonlardan biri sifatida namoyon bo'ladi. Romanning bir nechta filmlari, mashhur animatsion ko'rinishlari mavjud. Taxmin qilish mumkinki, bunday keng targ'ibot Otani ekspeditsiyalariga ham, tadqiqot obektlariga ham jamoatchilik e'tiborini qaratishga yordam beradi. Xitoy arxeologlarining yangi kashfiyotlari bilan solishtirganda barcha ekspeditsiya materiallarini aniqlash va sinchkovlik bilan o'rganish Buyuk Ipak yo'lining qadimgi va o'rta asrlardagi tarixini yanada to'liq qayta qurishga yordam beradi.

Foydalanilgan adabiyotlar ro'yxati:

1. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура. / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Вост. лит., 1995. 523 с.
2. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. лит., 1994. 327 с.
3. Мясников В. С. По следам Маннергейма // Восток – Запад: Историко-литературный альманах: 2003–2004. К 85-летию С. Л. Тихвинского. М.: Вост. лит., 2005. С. 246–254.
4. Dunhuang Sees Great Changes Over the Years – Mogao Grottoes Through Hard Times. Lanzhou: China Intercontinental Press, Gansu Provincial People's Government Information Office, 2007. 212 p.
5. Hopkirk P. Foreign Devils on the Silk Road: The Search for the Lost Treasures of Central Asia. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. 264 p.
6. Witfield S. Count Otani's Central Asian Expeditions // IDP News. 1998. No.10. P. 1–2.
7. Yaldiz M. Archaeologie und Kunstgeschichte Chinesisch-Zentralasiens (Xinjiang). Leiden: Brill Academic Pub., 1997. 237p.
8. 入澤崇. 現代によみがえる大谷探検隊の軌道。第一回。インドの大谷探検隊。Otani ekspeditsiyalarining yangi davrdagi aks-sadolari. Kyoto, 2006. 1-qism: Otani Hindiston ekspeditsiyasi.) // Ryukoku universiteti sayti. URL: http://www.ryukoku.ac.jp/about/pr/publications/61/16_tsubo/tsubo.htm
9. 片山章雄。大谷探検家の活動と大谷尊重光明、渡辺哲信 (Katayama Akio. Otani Kozuya va Otani Sonju ekspeditsiyalari, Vatanabe Tesshin //, 2002. №. 77. 133–156 betlar.)

10. 片山章雄.敦煌學五十年. (二玄社, 1960 年 / 筑摩書房〈筑摩叢書〉, 1970 年、復刊 1984 年ほか(Akio Katayama 50 yillik Dunhuang tadqiqotlari (Nigensha, 1960 / Chikuma Shobo, 1970, 1984 yilda qayta nashr etilgan va boshqalar))

11. 孟凡人。新疆考古与史地论集。北京：科学出版社，2000。(Meng Fanren. Shinjon arxeologiyasi va tarixiy geografiyasiga oid maqolalar. Pekin: Kexiue nashriyoti, 2000. 379 b.)

12. 金子民雄.论大谷探险队// 西域考察与研究。乌鲁木齐：新疆人民出版社，1997. (Kaneko Tamyō. Otani ekspeditsiyasi haqida // Gʻarbiy mintaqani oʻrganish va oʻrganish. Urumchi: Shinjon xalq gazetasi, 1997. 122–125 betlar.)

13. 阎文儒。中国考古学史。桂林：广西师范大学出版社，2004。(Yan Venzhu. Xitoy arxeologiyasi tarixi. Guilin: Guangxi Shifan Daxue nashriyoti, 2004. 167 bet.)

THE NATIONAL-TERRITORIAL DELIMITATION IN CENTRAL ASIA MIRRORED IN THE NEWSPAPERS "TURKISTON" AND "ZARAFSHON"

Miya ISHIYAMA

University of Tsukuba

Degree: Currently enrolled in Doctoral Program

Affiliation: University of Tsukuba

Status at Affiliation: Graduate Student (Doctoral Program)

Abstract. *This paper focuses on discussions regarding Tajik people in the Turkistan Communist Party's official newspaper, "Turkiston," and the Samarkand Regional Communist Party's official newspaper, "Zarafshon," conducted between August and September 1924.*

Starting in early 1924, debates aimed at the National-Territorial Delimitation were underway in Soviet Central Asia. Concrete proposals for the delimitation were centered around the Central Asian Bureau, ultimately leading to the decision in October of the same year to establish the Uzbek Soviet Socialist Republic, Turkmen Soviet Socialist Republic, Tajik Autonomous Soviet Socialist Republic, and the Kara-Kirghiz Autonomous Oblast.

The National-Territorial Delimitation in Central Asia was not a unilateral reform imposed by the Soviet regime. Instead, it was shaped by the intentions of the Russian Communist Central Government and the activities of Central Asian national elites. The discourse on national issues by intellectuals, particularly national elites in Central Asia at the time had a significant impact on the establishment of national republics.

In this paper, I examine Communist Party newspapers published in Arabic-script Uzbek to explore what kinds of discussions regarding national and territorial issues were conducted within these publications. The discussions about the National-Territorial Delimitation within the Communist Party organization, centered around the Central Asian Bureau, differed in both purpose and role from those taking place in the national-language Communist Party newspapers.

Based on the above, this paper analyzes the role of national-language Communist Party's official newspapers in Central Asian national formation by focusing on the discussions regarding national and territorial issues concerning the Tajik people in "Turkiston" and "Zarafshon" during the period from August to September, when concrete proposals for the National-Territorial Delimitation were nearing completion.

Keyword: *Central Asian National Formation, Media, Nation, National Language, National-Territorial Delimitation, Communist Party's Newspaper, Turkistan Communist Party, Tajik, "Turkiston", Uzbek, "Zarafshon".*

INTRODUCTION. The year 1924 was likely a pivotal moment in the formation of national groups and republics in Central Asia. During this year, specific plans for the National-Territorial Delimitation aimed at establishing national groups and republics were developed primarily by the Central Committee of the Russian Communist Party and the Central Asian Bureau (1922-1934). In

October of the same year, the establishment of the Uzbek Soviet Socialist Republic (hereafter, the Uzbek SSR), the Turkmen Soviet Socialist Republic, the Tajik Autonomous Soviet Socialist Republic³⁹ (hereafter, the Tajik ASSR), and the Kara-Kirghiz Autonomous Oblast was decided. Additionally, the establishment of a national republic for the Kara-Kalpak was advocated during this time, and in February 1925, it was established as an Autonomous Oblast under the Kirghiz (Kazakh) Autonomous Soviet Socialist Republic.

Research on the National-Territorial Delimitation during the Cold War faced limitations due to restricted access to primary sources, making comprehensive investigations from multiple perspectives challenging. In this context, some studies concluded that the National-Territorial Delimitation was a top-down reform implemented by the Soviet regime to divide rebellious regions and facilitate governance⁴⁰. However, after the Cold War, the use of archival materials became more accessible, leading to an increase in research focusing on the activities of national elites and Jadid intellectuals in the context of nation-building in Central Asia.

With the increase in these studies, research on the national formation in Central Asia from the late 19th to early 20th centuries is being conducted from multiple perspectives. This includes analyses of the Soviet regime and its national policies, as well as the nationalism movements led by Central Asian national elites and Jadid intellectuals, and the debates on the national formation about the question "Who are we?" during these movements⁴¹.

This period was a significant turning point from the perspective of Central Asian history, and Central Asian national formation during this time remains an

³⁹ Until the emergency meeting of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party on October 11, 1924, there were plans to establish it as the Tajik Autonomous Oblast within the Uzbek SSR. However, during this meeting, the necessity of establishing it as the Tajik ASSR was recognized, and on October 14, the Tajik people were granted the right to establish the Tajik ASSR (Масов, Рахим. 2008 *Таджики История национальной Трагедии*. Ифон: Душанбе. 79-80с). Therefore, in this article, when referring to matters before October 14, 1924, the Tajik ASSR will be referred to as the Tajik Autonomous Oblast.

⁴⁰ Allworth, E., *The Nationality Question in Soviet Central Asia*. New York, Prather, 1973. The debate on whether the founding of the Central Asian republics should be seen as a divide-and-rule strategy of the Soviet regime continued thereafter. In Sabol, Steven 1995 "The Creation of Soviet Central Asia: The 1924 National Delimitation," *Central Asian Survey*, 14(2), 225-241p. it is argued that during the delimitation of borders, there was an intention of divide-and-rule specifically concerning the Ferghana region, excluding other areas.

⁴¹ 小松 1996『中東イスラム世界 7 革命の中央アジア—あるジャディードの肖像』東京:東京大学出版会.; 小松久男 2022 「サルト人とはだれか—近代中央アジアの民族名論争—」『西南アジア研究』第 94 号 59-91 頁.; Abdirashidov, Zaynabidin. 2023 *Türkistan Ceditçilerinin Eserlerinde Türkistan Algısı*. "Türkistan" Ankara: Ahmet Yesevi Üniversitesi.; Khalid, Adeeb. 2016 *Making Uzbekistan —National, Empire, and Revolution in the Early USSR—* New York: Cornell University Press. Etc.

area of strong interest even within the region⁴². However, it is important to note, as pointed out in previous research, that the study of modern history in Uzbekistan often presupposes the ideology of contemporary Uzbek nationalism, which negatively evaluates the Soviet regime⁴³.

Kumakura analyzed how the debates among Central Asian national elites influenced the decision-making process of the Central Asian Bureau, which held full authority over Central Asia under Soviet rule regarding the specific plans for the National-Territorial Delimitation⁴⁴. The discussions on the National-Territorial Delimitation, involving Central Asian national elites and intellectuals active with the Communist ideology, as focused by Kumakura's study, necessitate further investigation to gain a more balanced and detailed understanding of modern national formation in Central Asia.

This paper focuses on the discussions concerning Tajiks as featured in the Russian Communist Party's regional branch newspapers, "*Turkiston*" and "*Zarafshon*," published in Arabic-script Uzbek. It aims to elucidate an example of the discourse on language, ethnicity, and borders related to Tajiks in the period just before the implementation of the National-Territorial Delimitation. These Communist Party's newspapers, published in national languages, functioned as platforms where intellectuals proficient in these languages could debate and share discourses on national and republic matters. Consequently, the debates within these newspapers were conducted with different objectives than those involved in formulating specific plans for the National-Territorial Delimitation in the Central Asian Bureau. Therefore, the discussions in the newspapers did not necessarily fully endorse the Communist Parties' activities at the time or align with the concrete proposals of national policies.

Considering these factors, this paper examines the nature of the debates that took place in August and September 1924 regarding the establishment of the Tajik Autonomous Oblast (Hereafter: Tajik AO) within the Uzbek SSR, the details of these discussions, and their differences from the Soviet government's policies and the actually implemented the National-Territorial Delimitation. Additionally, it explores the role of the Communist Party newspapers published in national languages as media, examining their function as media outlets and the ideologies assumed by their contributors.

SOURCES DISCUSSED IN THIS STUDY

This paper focuses on the discussions surrounding the Tajik issue as covered in the newspapers "*Turkiston*" (1922-24) and "*Zarafshon*" (1922-28). "*Turkiston*" was a daily political and social newspaper published by the Turkistan

⁴² Абдуллаев, Р. М. 2000 *Туркестан в начале XX века: к истории*. Ташкент: Шарқ.; Эшпўлатов, Б. 2000 *Ўзбекистон Совет мусталакачилими даврига*. Ташкент: Шарқ. ит. д.

⁴³ 帶谷知可 2022 『ヴェールのなかのモダニティ』東京:東京大学出版会. 42 頁.

⁴⁴ 熊倉潤 2014 「民族自決と連邦制—ソ連中央アジア国家建設(1923-1924)」『ロシア史研究会』94号 3-21 頁.

Communist Party in the capital city of the Turkistan Autonomous Soviet Socialist Republic (hereafter, the Turkistan ASSR), Tashkent, starting from September 13, 1922. "*Turkiston*" was established as the successor to "*Ishtirokiyun*", which had been in circulation since June 12, 1918, and "*Qizil Bayroq*", which started on December 12, 1921. The publication of "*Turkiston*" ceased after 411 issues, two days before the official announcement of the establishment of the Uzbek SSR was made on December 5, 1924. Subsequently, "*Qizil O'zbekiston*" was published as the successor to "*Turkiston*". Initially, "*Turkiston*" was circulated with 2,500 copies, eventually increasing to 7,500 copies⁴⁵.

The other newspaper discussed in this paper, "*Zarafshon*", was the official newspapers of the Samarkand regional Communist Party and was published starting October 27, 1922, as the successor to "*Hurriyat*", which had been published since April 18, 1917, and "*Mehnatkashlar tovushi*", which started on June 11, 1918. Although its publication ended in 1928, "*Lenin yo'li*" was published as its successor starting in 1930. In 1924, "*Turkiston*" and "*Zarafshon*", along with "*Farg'ona*", were the only three Uzbek-language newspapers in Arabic script published in the Turkistan ASSR. Notably, "*Turkiston*" played a central role as an Uzbek-language newspaper in Arabic script in Turkistan ASSR⁴⁶.

This paper examines the debates that were initiated by a critical editorial on the state of Tajik language education in Khujand, published in the newspaper "*Turkiston*". The discussion began with an article titled "Concerning the Tajik Issue - Related to National Republics and Autonomy,"⁴⁷ contributed under the pseudonym Samarqandlik⁴⁸, in the 337th issue of "*Turkiston*" dated August 26, 1924. It was followed by an article by Bektash titled "About the Tajik Issue (Related to the Article by Samarqandlik in Issue 337 of "*Turkiston*" Newspaper),"⁴⁹ published in the 182nd issue of "*Zarafshon*" on September 8, 1924. The debate continued with an article by the journalist Ismoilzoda titled "Concerning the Tajik Issue Anew," published in "*Turkiston*"⁵⁰ newspaper on September 14, 1924. These discussions addressed the unification of Tajik grammar, perspectives on the Uzbekization of Tajiks, and debates over the social and economic alignment between Uzbeks and Tajiks, considering the decisions regarding the National-Territorial Delimitation.

This paper also investigates the discussions related to the National-Territorial Delimitation conducted in the Communist Party's official newspaper

⁴⁵ Нуриддинова, Феруза. 2020 *Миллий Матбуот Фихристи -«Иштирокиюн», «Қизил Байроқ», «Туркистон» ва «Қизил Ўзбекистон» Газеталарида Эълон Қилинган Мақолалар Изоҳли Библиографияси (1918-1930)*. Ташкент: Мумтоз Сўз. 14-15р.

⁴⁶ Anqoboy "Markazlashtirish kerak" *Turkiston*No.282, 1924.6.2

⁴⁷ Samarqandlik "Tojiklik masalasi tevaragida -Milliy jumhuriyatlar va muxtoriyatlar tuzilish munosabati bilan." *Turkiston*, No.337. 1924.8.26.

⁴⁸ This is an anonymous article, and while the translation would mean "Samarkandian," for convenience, it is treated as a contributor's name in this article and is referred to as Samarqandlik.

⁴⁹ Bektash "Tojik malalasi to'g'risida (Turkiston gazetasining 337-inchi sonida bosilgan "Samarqandlik" maqolasi munosabati bilan)." *Zarafshon*, No.182. 1924.9.8.

⁵⁰ Ismoilzoda "Yana Tojiklik masalasi tevaragida" *Turkiston*, No.351. 1924.9.14.

published in Arabic-script Uzbek. It takes into consideration the resolutions concerning the implementation plan for the National-Territorial Delimitation carried out by the Central Asian Bureau during that period. Furthermore, it explores the role played by the Communist Party's official newspaper published in national languages in Central Asian national formation.

DISCUSSION IN THE NEWSPAPERS “*TURKISTON*” AND “*ZARAFSHON*”

This paper focuses on the discussions that spanned across the newspapers “*Turkiston*” and “*Zarafshon*”, as mentioned above. The debate commenced with the article "Concerning the Tajik Issue - Related to National Republics and Autonomy" published in “*Turkiston*” newspaper on August 26, 1924. The article by Samarqandlik, which sparked the discussion, raised concerns about the use of Uzbek as the language of instruction in Tajik schools in Khujand. It argued that while Uzbek, Kazakh, and Turkmen languages were already treated as distinct languages, there was still a reluctance to promote the use of Tajik. The article asserted that the Soviet regime's intention was not to Sinicize, Russify, or Uzbekize nations but to educate each nation in its own language, emphasizing that language issues should be at the center of political and social concerns. It criticized the lack of Tajik-language textbooks and specialized Tajik schools as either negligence by regional leaders or their failure to adhere to the Soviet regime's fundamental policies. The article insisted that, if they were true communists and genuine supporters of the Soviet government, they should have developed textbooks, established schools, and produced newspapers and magazines in the Tajik language for the Tajiks.

Following these claims, discussions continued in both “*Zarafshon*” and “*Turkiston*”. The debates by Bektash in “*Zarafshon*” and Ismoilzoda in “*Turkiston*” were opposites, with Ismoilzoda explicitly condemning Bektash's views. In the article "About the Tajik Issue (Related to the Article by Samarqandlik in Issue 337 of “*Turkiston*” Newspaper)" published in “*Zarafshon*” on September 8, 1924. The author Bektash criticized Samarqandlik's concerns as unfounded and took a passive stance toward the reforms sought by Samarqandlik. Bektash argued that national issues should be resolved based on social, political, and ethnographic research, and additionally pointing out the significant linguistic differences between the Tajik spoken in Khujand and Samarkand and that spoken in the Pamirs, highlighting the difficulty of linguistic unification for the Tajik language. He also stated that the Russian Communist Party, taking into account the aforementioned circumstances, is responding with an understanding of the Tajik people from social, economic, ethnographic, and historical perspectives. He described that the current situation of the Tajik people in Khujand and Samarkand, already aligns with the party's intentions. He argued that Tajiks and Uzbeks in these regions had become indistinguishable from historical or other perspectives.

In response, Ismoilzoda presents his perspective in the article "Considering the Tajik Issue Anew" published in the September 14th edition of “*Turkiston*”,

issue 351, building upon these two discussions. While the previous two arguments primarily focused on the language issues of Tajiks, Ismoilzoda, building upon their discussion topics, centered his argument on the reasons for including the Tajik AO within the structure of the Uzbek SSR at its founding. He particularly focused on the economic activities and linguistic differences between Uzbeks and Tajiks, explaining why the plan for the National-Territorial Delimitation is rational. In his argument, Ismoilzoda asserts that true unity is impossible without economic harmony and criticizes Pan-Turkism and Pan-Islamism for being ideologies that failed due to their disregard for economic unity. Despite linguistic differences, he noted that Uzbeks and Tajiks exhibit economic harmony, which makes coexistence within the Uzbek SSR possible. Regarding language, he emphasizes the need to promote Tajik language education more than Uzbek, which is a second language for Tajiks. Addressing the regional variations in Tajik vocabulary highlighted by Bektash, he stresses the necessity of linguistically consolidating Tajik into a unified language. He concluded by stating that national development goes hand in hand with linguistic unification, and this is an issue that Tajiks themselves must resolve.

ANALYSIS BASED ON THE DISCUSSION

The three articles discussed in this paper are all based on the premise that Uzbeks and Tajiks are coexisting entities. The specific plans for the National-Territorial Delimitation began to be discussed in early 1924. The theses adopted by the Bukhara Communist Party Committee on February 25, 1924, already stated the intention to include Tajiks as an Autonomous Oblast within the Uzbek SSR⁵¹. Subsequently, some changes were made, and by October, the Tajik AO was incorporated as the Tajik ASSR under the Uzbek SSR, which was approved by the Central Committee of the Russian Communist Party.

The discussions in the *“Turkiston”* and *“Zarafshon”* newspapers, as covered in this paper, took place from August to September and were conducted under the assumption that the Tajik AO would be part of the Uzbek SSR. Therefore, they developed arguments on how Tajiks should conduct national education, based on the premise of coexisting with Uzbeks.

The discussions covered in this paper reflect three distinct perspectives and interpretations regarding the issues and situations surrounding Tajiks at the time. The regions particularly noted in these discussions—Khujand and Samarkand—were areas where Tajiks were the majority⁵² but became part of the Uzbek SSR after the National-Territorial Delimitation. In "Theses on the Issue of the Situation of Tajiks" prepared by Abdurakhim Khojibaev for the members of the

⁵¹ Средне Азиатское Бюро ЦКРКП 1924 *На Историческом Рубеже*. Ташкент. 14с.

⁵² ЦСУ СССР 1928 *Всесоюзная перепись населения 1926 год 15*. Москва. 28-19, 44с., indicates that by 1926, when the assimilation of Tajiks into Uzbeks was already underway, 57,736 out of the 67,000 residents of Khujand were Tajiks. Additionally, РГАСПИ. Ф.17. оп.113. д.725. 109-111с. reports that according to the 1920 census, there were 44,000 Tajiks and 3,000 Uzbeks in Samarkand at that time, showing that Tajiks were overwhelmingly more numerous than Uzbeks.

Commission on the National-Territorial Delimitation, it is stated that in regions where Tajiks are the majority, Tajik should be recognized as an official language and used in educational settings, even if these regions are part of the Uzbek SSR. The document calls for the guarantee of the status of the Tajik language⁵³. However, in reality, after the National-Territorial Delimitation, educational institutions in the Uzbek SSR predominantly conducted education in Uzbek, even in regions with Tajik majorities, forcing assimilation onto the Tajiks. M. K. Amosov's report dated May 8, 1929, indicated that the Tajik population in the Uzbek SSR, which was about 800,000 at the time of its establishment, had decreased to 350,000 by 1929⁵⁴.

The situation of Tajik language education, as pointed out by Samarqandlik, was not an issue confined to Khujand alone. Such problems existed in various regions even before the National-Territorial Delimitation, and after the delimitation, the issues of Tajik language education and textbook shortages became more severe. Samarqandlik raised a critical voice against the fact that, even in Khujand, where the majority of the population was Tajik, education was conducted solely in Uzbek. This can be attributed to the fact that figures who would later become symbols of Tajik identity had identified themselves as Uzbek until the capital of the Tajik ASSR was established, and in 1924, the Tajiks lacked cultural and political leadership for their nation⁵⁵. It was Fayzulla Xo'jaev, who played a leading role in the establishment of the Uzbek SSR, who proposed the establishment of the Tajik AO within the framework of the Uzbek SSR. Even by the time the National Subcommittee was established in May 1924, Tajiks had not yet participated in it⁵⁶.

Bekdash's response to Samarqandlik's inquiry reflects the contemporary awareness among the intellectuals of the Turkistan ASSR regarding Tajiks. Even before the discussions on the National-Territorial Delimitation began in earnest, there were debates in the newspaper "*Turkiston*" about regions like Samarqand and Khujand, where Tajiks formed the majority, arguing that the Tajiks in these areas should be assimilated into the Uzbek language⁵⁷. This stemmed from the nationalism movements led by Muslim intellectuals in the early 20th century, which were inspired by the Ottoman Empire, the most powerful Islamic state at the time, and inclined towards Turkism. Later, intellectuals who were bearers of Tajik culture also engaged in enlightenment and literary activities as "Turk" at that time⁵⁸. In the early Soviet period, Uzbek was considered a more progressive language compared to Tajik, which was treated as Persian. Although the Soviet policy aimed to promote Tajik language education, in reality, there were not a few

⁵³ Масов 2008: 70-71с.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф.17. оп.113. д.725. 109-111с.

⁵⁵ Khalid 2016: 296-297p.

⁵⁶ Khalid 2016: 300p.

⁵⁷ V.M., "Tojiklik atrofida" *Turkiston*, No. 214, No. 215. 1923.12.30, 1.3.

⁵⁸ Khalid 2016: 298-300p

intellectuals like Bektash who held a reluctant view towards the increase in Tajik language education.

Ismoilzoda was highly critical of such views held by Bektash. His perspective closely aligned with the specific proposals for the National-Territorial Delimitation at the time. In the joint research within the Central Asian Bureau concerning the implementation of National-Territorial Delimitation also mentioned the close economic ties between Tajiks and Uzbeks, with the economic structure of the Uzbek SSR being investigated while considering the economic structure of the Tajik AO⁵⁹. Furthermore, Ismoilzoda's views on Tajik language education resemble the policies of the Russian Communist Party's Central Government regarding national language education. The 1918 resolution by the People's Commissariat for Education stated that all nationals have the right to receive education in their mother tongue⁶⁰, and promoting the education of Tajiks, who would be a minority in the Uzbek SSR, was in line with Soviet fundamental policies. In addition to this, Ismoilzoda emphasized the necessity of consolidating the Tajik language.

Considering the situation where Tajik language education was not being promoted, it is important to take into account the significant influence of the ideology stemming from Pan-Turkism, which regards Uzbek as a superior language to Tajik. In light of this, Ismoilzoda's article, which sharply criticizes Pan-Turkism and Pan-Islamism, should also be a focal point of analysis. Under Soviet rule, nationalism was viewed as a potential threat because it could foster alliances among the above classes to achieve nationalist goals. Marxist ideology presumed that recognizing national forms could, in fact, lead to the fragmentation of nationalist alliances among the above classes⁶¹. In this context, Pan-Turkism and Pan-Islamism were seen as dangerous ideologies that could potentially unite people across class lines. Ismoilzoda, after condemning Pan-Turkism and Pan-Islamism, argues for the legitimacy of establishing the Tajik AO within the framework of the Uzbek SSR. However, the critique by Ismoilzoda regarding the linguistic assimilation of Tajiks into the Uzbek language is primarily based on the argument that it does not align with the fundamental party policies concerning nationalities policy. In this discourse, Ismoilzoda does not characterize the advocacy for the assimilation of Tajik into Uzbek as Pan-Turkism.

When examining these three articles, it is important to note that their discussions place significant emphasis on "what the intentions of the Russian Communist Party are." In Samarqandlik's article, the decision regarding Tajik language education in Khujand is criticized for deviating from the basic policies of the Soviet regime. Bektash, on the other hand, argues in his article that the Russian Communist Party made its decisions after conducting social, economic, ethnological, and historical research. He criticizes Samarqandlik's dissenting

⁵⁹ Средне Азиатское Бюро ЦКРКП 1924: 25с.

⁶⁰ Собрание Указаний. 1918, No30, ст.833.

⁶¹ Martin, Terry. 2001 *The Affirmative Action Empire*. New York: Cornell University Press. 2-6p.

opinion on these decisions. In contrast, Ismoilzoda accuses Bektash of engaging in arguments that exacerbate issues, claiming that his stance is incompatible with the Communist Party. Their discussions not only question the true intentions of the Communist Party but also define and assert what they believe those intentions to be within their arguments.

Their arguments and assertions do not necessarily align with the intentions of the Central Committee of the Russian Communist Party in Central Asia. In fact, some of their claims could exacerbate issues that became significant problems within the Russian Communist Party following the National-Territorial Delimitation⁶². However, this can be attributed to their discussions being conducted near the realities of the Turkistan ASSR. Newspapers like *“Turkiston”* and *“Zarafshon”* were published with the objective of promoting the intentions of the Turkistan Communist Party and the Samarkand Regional Communist Party. In practice, however, they served as forums for local figures, like the authors of the articles discussed here, who were rooted in the regions of the Turkistan ASSR, to interpret the intentions of the Russian Communist Party and discuss how local administration should proceed. It is also noteworthy that participation in these discussions in the official newspapers extended beyond just journalists and national elites. The debates in these newspapers involved various local regions where the newspapers circulated, serving as a platform for discussing and sharing the intentions of the Russian Communist Party. Furthermore, these discussions had the effect of highlighting the political nuances of the region, which were often obscured by the mere promotion of the fundamental intentions of the Soviet regime.

CONCLUSION

The discussions examined in this paper are merely one example of the debates surrounding the National-Territorial Delimitation featured in the newspapers *“Turkiston”* and *“Zarafshon.”* Both *“Turkiston”* and *“Zarafshon”* are Communist Party’s official newspapers written in Arabic-script Uzbek, and they contain discussions anticipating the relations between Uzbeks and Tajiks following the implementation of the National-Territorial Delimitation. Notably, there are bipolar arguments advocating for Tajiks to assimilate with Uzbeks and opposing views, which is particularly intriguing. Even among the intellectuals who would later become bearers of Tajik culture, there are instances where they argued that Tajiks should learn Uzbek and assimilate⁶³.

The Central Committee of Russian Communist Party had approved basic policies concerning minority groups, and a thesis emphasizing the importance of Tajik language education in regions where Tajiks were the majority was submitted to the Commission on the National-Territorial Delimitation. However, there was a

⁶² In ПГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 678. Л. 85-87., it is stated regarding the situation of the Tajik ASSR in 1925 that there were no Tajik language schools or good textbooks and introductory books in the Tajik language, and Tajiks were compelled to receive education in Uzbek language schools.

⁶³ Khalid 2016: 292-300p.

discrepancy between the Soviet regime's policies and the on-the-ground realities, as the spread of Tajik language education in these regions was difficult.

Within these Communist Party official newspapers published in Arabic-script Uzbek, while there were editorials reflecting central intentions, in fact there were also arguments that did not align with the Communist Party's policies. These, however, also reflected the local political dynamics. These official newspapers served not only to convey the top-down Communist Party ideology but also to facilitate the sharing of local realities and the factors shaping those realities. The discussions concerning national issues in these official newspapers differed in role from the debates held by the Central Asian Bureau and the Russian Communist Party Central Committee, which were responsible for drafting the implementation plans for National-Territorial Delimitation.

Published within the Turkistan ASSR, these official newspapers aimed to raise awareness of national issues occurring within the autonomous republic, incite discussions related to them, and serve as a platform for generating interpretations and discourses surrounding these problems. The debates in these official newspapers allowed for the sharing of national issues and facilitated the examination of national recognition from multiple perspectives. Although published in national languages and reflecting the decisions and intentions of the Soviet regime, these Communist Party's official newspapers also played a role in sharing perceptions and issues related to national identity which were not necessarily always in compliance with the regime's directives.

日本の鉄道とウズベキスタンの鉄道の技術思想からの比較

小泉 昌之 Masayuki KOIZUMI

PhD, タシケント国立東洋学大学

Abstract. *Uzbekistan is promoting railway development and technological upgrades, and Japan has played a major role in this. However, this has often been discussed from the perspective of "support from advanced major countries, including Japan." On the other hand, railways have evolved throughout the history of change in each country from modern times to the present, and the "idea of railway skills" in Japan and Uzbekistan are very different.*

Future investment in infrastructure in Uzbekistan, including railways, will need to explore accurate needs and possibilities based on the "technical philosophy" of railway skills in the country.

This paper examines the differences in railway technical philosophy between Japan and Uzbekistan from the railway history of each country, and proposes what form railway investment projects between the two countries would be most efficient.

Keywords: *railway, technical ideas, distributed and centralized power, commuting demand, railway history, railway support, Japan, Uzbekistan*

はじめに

ウズベキスタンはユーラシア大陸の中心部に位置し、インド洋、太平洋、大西洋の3つの大洋と、地中海やペルシャ湾などの重要海域の港湾を結ぶ、交通の要所となりえる場所に位置している。ウクライナ侵攻でユーラシアにおける物流路のリスクが高まる中で、新しい物流ルートの開発が求められる中、ウズベキスタンの鉄道は大きなポテンシャルを秘めていると言える。

一方でウズベキスタンの鉄道は独立後、いくつかの課題に直面していた。それはソ連式のシステムの更新、老朽化した設備の更新なども含まれるが、最も大きな課題は鉄道ルートの再編であった。

ウズベキスタンの鉄道は、ソ連時代に作られた鉄道路線がその大半を占めており、カザフスタンやタジキスタンを経由しなければ、タシケントから国内の主要地域に移動できない、あるいは非常に大回りになるという問題を抱えていた。特に問題となったのは東部フェルガナ地域であり、タシケントの間に存在する険しい地形から、一度タジキスタンを経由してアクセスする必要があった。

これについては中国の支援で2016年にカムチックトンネルが開業した。このトンネルは電化された単線トンネルであり、全長は19 kmで、これによってウズベキスタンは自国領内だけでタシケントとフェルガナを結ぶ鉄道路線を持つに至った。

日本もカルシ-テルメズ間を結ぶ鉄道路線の電化建設を行った。この路線はアフガニスタンへ通じる路線ともアクセスしており、ウズベキスタンの物流に大きな影響を与えるポテンシャルも秘めている（ただしアフガニスタン領内の鉄道延伸開業時期は未定である）。

ウズベキスタンにとっては鉄道の自国完結化は、自国の独立の維持、他国からの影響力排除に重要な事ではあるが、一方で極東方面、カスピ海方面、インド洋方面、カザフスタン・ロシア方面で物流ルートが増えることは、ウズベキスタンが特定の大国

の影響力を排除するうえで非常に重要である。ウズベキスタンは自国の鉄道の「国内化」「国際化」の2つの観点から鉄道開発を目指し、日本はその支援において一定の役割を果たしてきた。

一方で、ウズベキスタンと日本の鉄道の比較は、技術支援という観点から語られることが多い。一方で日本の鉄道システム、発想とウズベキスタンの鉄道システム、発想には大きく違う点が見られる。こうした点を理解することが、日本にとってのウズベキスタンの鉄道が「支援」という客体から、「観光」「物流」の面での「パートナー」「利用」という側面へと広がっていく現代において重要になっていくはずである。

発想という観点からの鉄道への視線の必要性

ウズベキスタンの鉄道と日本人との関係は、圧倒的に以下の点が多い。まず第一に路線建設などのハード面、第二に設備・システムの更新、その技能を現場に蓄積させるソフト面である。後者に関してはロシア製の制御・閉塞システムの更新が重要視されている。以上2つの日本の支援は、大規模な土木工事と技術蓄積を同時に行うパッケージ支援として一定の国際的な評価を得ている。

さらに近年は観光面でも、ウズベキスタンの鉄道は日本人とも関わるようになっていく。ウズベキスタンへの観光訪問における多くの制限が撤廃され、ウズベキスタンは観光立国として様々な改革を行った。特に首都タシケントと歴史都市であるサマルカンド、ブハラなどへアクセスする高速特急アフラシャブ号は、ウズベキスタンを代表する観光列車として多くの日本人が利用し、本数も増加傾向にある。

ただウズベキスタンの鉄道と日本人との関りは増えているにも関わらず、ウズベキスタンと日本の鉄道の「発想」という観点からの比較研究は決して十分になされていないわけではない。特に支援の現場では（性質上当然ではあるが）、設備の「更新」という考えが中心である。ウズベキスタンと日本の鉄道の運行における「発想」の比較、それをどのように生かせるかという提言がほとんど行われていないというのが現状である。

そこで本論は、以下の構成でウズベキスタンと日本の「鉄道の運行における発想の比較」について考察し、論じる。

第一に世界でも独自の進化を遂げた日本の鉄道の運行における「発想」を論じる。第二にウズベキスタンにおける鉄道について、日本の鉄道運行における「発想」との比較を行う。最後に日本が自国の「鉄道運営における発想」をウズベキスタンの鉄道と関わっていくうえでどのように生かすべきか考察し、提言を行う。

日本の鉄道の「発想」（動力分散式と通勤列車重視）

日本で最初に鉄道が開業したのは1872年であり、これは明治維新からわずか4年後であった。東京の新橋と横浜の間に開業したのが最初である。この時の鉄道は当然蒸気機関車が客車を引っ張る動力集中式であった。

この時の日本の鉄道システムは世界の他の国と特に相違があったわけではないが、一点大きな特徴があった。レール幅1067mmの狭軌を採用したのである。これは、山がちな日本ではレール幅が狭い方がカーブを安定的に曲がれるという考えによるものと

される。日本の鉄道はその後数十年で急速に発展し、日本全国が鉄道で結ばれることとなった。

一方で日本鉄道は2つの独自の方針を歩むことになる。

第一にどのような路線にも普通列車を必ず走らせるという方針である。この普通列車は特別料金を取らず、多くは長くても10km以内ごとに設置された駅に各駅に停車していく。

第二に動力分散方式の採用である。動力分散方式とは、機関車が全てを引っ張るのではなく、全ての車両にモーターが搭載された方式の車両である。日本の高速特急である新幹線もその方式を採用している。

このシステムは最初に京都の路面電車に、動力分散方式の電気鉄道、つまり「電車」という形で採用され、その後東京の都市鉄道に採用された。徐々に大都市を走る列車は動力分散方式に変更されていった。

その理由は大きく2つある。まず、最初に大都市は列車本数が多く、一定以上の加速性が必要であると考えられたからである。機関車が引っ張る動力集中式の鉄道は、どうしても加速度の面で動力分散方式の電車に劣り、また機関車をいちいち付け替えなければいけないという意味でも、大都市の高頻度運転には向かないという問題点があった。

これはつまり、日本では鉄道を都市間長距離移動の手段ではなく、大都市の通勤通学路線としても利用しようという発想があった事に他ならない。トラムや地下鉄だけではなく、国鉄も戦前から片側に4つドアがある通勤通学電車を走らせるようになった。

動力分散式の鉄道の普及は都市部では進んだが、地方ではなかなか進まなかった。しかし戦後になると地方の幹線の複線電化が進み、動力分散式の電車特急が華々しく走るようになった。1980年代以降は地方の普通列車もその多くが電車、あるいはディーゼル列車と、動力分散式へと移行していった。ただし1980年代になっても北陸本線や東北本線などの主要幹線において、電気機関車に引っ張られる客車普通列車は多く走っていた。

最後に残ったのは動力を機関車に集中させて客車を静かにさせたい寝台夜行列車だけであった。だがこれらの夜行列車も21世紀になると次々廃止され、イベント列車を除いて、現在日本では全ての旅客列車が動力分散式を採用している。

また、こうした「電車による通勤列車の運行」というシステムは、国鉄でも地下鉄やトラムでもない、大都市の「大手私鉄」でも採用された。これらの私鉄の中には最初から電気鉄道による開業が行われ、同時に沿線の住宅開発を行い、結果的に東京大都市圏を世界一のメガシティへと成長させた。こうした電気鉄道による大都市の発展は、日本の戦後の経済成長において欠かすことができない「生活世界」の1つとなった。日本の著名なアニメ作品、例えば「ドラえもん」「クレヨンしんちゃん」などの日常を扱った作品の舞台は、全て大都市のこうした電気鉄道によって広がった世界に存在している。

日本の鉄道は新幹線が有名であるが、それだけではなく日本人の「自分が生活している世界」そのものに大きな影響を与えることとなった。これは動力分散式の鉄道と、通勤鉄道重視主義によってなされた産物である。

ウズベキスタンの鉄道の発想

ウズベキスタンの鉄道は、1991 年まで存在したソ連の鉄道システムを踏襲した形となっている。

ソ連の鉄道設備は広大な国土に比例して決して未発展ではない。例えばアメリカの鉄道は北東部の人口密集地帯をのぞいてほとんどが単線非電化であるのに対して、ソ連の鉄道路線は複線電化率が比較的高い。これは広大な国土の割に港湾都市に限られており、国土の物流に鉄道が大きな役割を果たしてきたからである。鉄道は船舶が使えない状態では最も大量輸送に適した交通手段であり、かつ船舶と比較して非常に速度が速いという特徴を持つ。そのような中でソビエトの鉄道は巨大な車体を運用できるように、レール幅を 1520 mm と世界的にも非常に広い軌間を採用した。

一方で鉄道は貨物主体であり、多くの場合動力集中式が採用された。動力集中式とは機関車 1 両ないし 2 両が客車や貨車を牽引する方式であるが、加速度や速度が劣るという問題がある一方で、非常に柔軟な運用が可能である。貨物駅で自由に貨車や客車を切り離したりつなげたりすることができるからである。一度つなげてしまえば 1 人の運転士で大量の物資を輸送できる。そのため動力集中式は貨物列車にとって、非常に適したシステムである。

ウズベキスタンの鉄道は前述のように複線電化区間も存在しており、独立後に作られた新路線もほぼ電化されているなど、鉄道設備は決して貧弱とは言えない。路線網はロシアからカザフスタンを経由し、タシケントに接続後にサマルカンドを結ぶ路線が複線化されている以外は単線区間であるが、現代では電化や信号システムの更新で単線区間でも運行頻度を上げることは可能である。

長距離列車は運転方式が動力集中式であるが、タシケント近郊には動力分散式の通勤列車エレクトリーチカが走っている。これはソ連時代の通勤輸送システムであり、ロシアのモスクワ、サンクトペテルブルグを中心に、ベラルーシ、コーカサス、ウクライナ、さらには極東ウラジオストクまで走っている。しかし中央アジアやコーカサスの国では本数は少なく、本格的な高頻度都市鉄道とまでは言い難い。

とはいえウズベキスタン鉄道において動力分散式の電化通勤列車が走っているというのは、注目すべき点である。例えば中国では通勤鉄道の役割は全て地下鉄や AGT、トラムなどが担っており、中国国鉄は長距離の都市間移動の運転に特化しているのである。

ウズベキスタンの鉄道思想と日本の関与の可能性

以上のようにウズベキスタンの鉄道における思想、発想は日本の鉄道のそれと大きく違っている。しかし一方で動力分散方式の通勤鉄道がわずかながら走っているという点など、日本と類似するポイントも存在している。

実は日本の鉄道支援はアジアにおいて、高速鉄道よりも通勤鉄道においてその存在感を示している。日本の高速鉄道システムが導入された国は台湾が唯一であり、ウズベキスタンにおいても車両はスペインのものが導入され、それ以外のアジア諸国でも中国のシステムが多く導入されている。一方で日本は地下鉄においてホーチミンやダッカなどに路線を開業させたほか、ジャカルタやヤンゴンでは日本の中古の通勤鉄道車両が多数導入され、大都市の通勤需要を賄っている。

ウズベキスタンの鉄道において日本の通勤鉄道の中古車が導入されることはありえない。なぜなら規格が違うからである。しかし合計特殊出生率が高いウズベキスタン

ではタシケントをはじめ、大都市が膨張していくことが考えられる。そのような中で、ウズベキスタンの鉄道思想、発想を正しく理解したうえで、日本が世界的にも独自に進化させてきた鉄道思想とその経験をどのように生かせるのか、検討すべきではないだろうか。

具体的には、複線化、駅の新設など、都市鉄道の高頻度運転化などの課題が出てきたときに、日本の技術発想と経験は大いに生かせると考えられる。これは単なるウズベキスタン鉄道が支援の客体になるだけの話ではない。少子高齢化で新路線開業などの機会が今後減っていくことが確実化される中で、日本の鉄道建設という一つの大きな産業を維持するという、日本側の課題においても、僥倖となるものである。

参考文献

山田誠治「ウズベキスタン共和国と鉄道建設事業」 2007 年 建設コンサルタンツ協会『Consultants. Vol.235』 pp.70-73

JICA「ウズベキスタン鉄道旅客輸送力増強事業」 2003 年 2 月

https://www.jica.go.jp/Resource/activities/evaluation/oda_loan/after/2003/pdf/project31_full.pdf
(2025 年 3 月 5 日閲覧)

JICA「ウズベキスタン国 鉄道電化に関する情報収集・確認調査 ファイナルレポート」
2013 年 7 月

<https://openjicareport.jica.go.jp/pdf/12121992.pdf> (2025 年 3 月 5 日閲覧)

結婚を通じた現代ウズベキスタン女性の「目指すべき女性像」の変容

松本 涼 Ryo MATSUMOTO

筑波大学 人文社会ビジネス科学学術院
人文社会科学研究国際公共政策学位プログラム
学士（言語・文化）博士前期課程一年

Abstract. *The aim of this study is to elucidate the processes occurring in modern Uzbekistani society—such as shifts in values and the reproduction of gender norms—by analyzing how women show initiative in the context of the life event of marriage and, in turn, how the ideal image of women is changing. This analysis employs the Trajectory Equifinality Approach (TEA). To this end, interviews were conducted with one married woman and one divorced woman. The Trajectory Equifinality Model (TEM) was utilized to visualize the progression of actions and events, while the Three Layers Model of Genesis (TLMG) was applied to illustrate the transformation of values. The results reveal that contemporary women strive to assert their own initiative, although they remain influenced by social norms and familial expectations. Moreover, the study highlights that women shape their ideal views of work and autonomy through key life stages, such as marriage and divorce. These results suggest that, for contemporary Uzbekistani women, the pursuit of personal interests and the establishment of a career have become newly recognized and socially valued norms.*

Keyword. *gender, women's initiative, patriarchy, social change, the Trajectory Equifinality Approach.*

背景と目的

現代ウズベキスタン女性の人生の中で、就学・就業や結婚はいまだ根強い社会規範や性規範に制約されている。そのため、それらを決めていく過程において女性の主体性、つまり女性が自分自身の人生に対し決定権を持とうと能動的に考え行動する試みは、依然として表出されにくい。現代に向かう社会的・経済的な変化に伴い社会規範・性規範も変化しているが、その変化は必ずしも一方向ではなく、女性の主体性は促進と抑制という双方向の動きの中に置かれている。

女性の主体性の促進に関して以下の社会的・経済的な変化が挙げられる。男性の国外への出稼ぎの増加や消費文化の浸透によって女性の社会進出が進み、行動範囲や手段、就業機会が拡大したこと^{1,2}や、携帯電話やスマートフォンの普及により、結婚相手の自由な選定や、嫁の立場の向上が可能になったこと^{3,4}などである。さらに労働移民の経験を通じて伝統的な規範への見直しも生じている⁵。また核家族・拡大家族いずれにおいても、親族同士で家事や育児を分担し、その負担を軽減させることが可能である^{6,7}。

一方で主体性の抑制に関して、まず強い性規範ゆえそれを逸脱する女性への暴力やゴシップが発生している^{1,8}。また、独立後に進展した拡大家族主義は家父長制的性格を有し、その中では特に若い女性の自由は失われている。性役割や社会秩序に対し多くの女性は疑問すら抱かず、抵抗する者は少ない。結婚相手に関しても、両親が決める例が依然として一般的である^{5,9}。女性の高等教育は、将来の子どもの教育費の節約や経済的な貢献が期待できるため、良い嫁の条件という面で評価されることがある

^{6,10}。その一方で、独立後の国家の教育の有料化や、高等教育を受けたことが嫁からの夫に対する要求が高まることにつながるという懸念から、女性の高等教育は軽視されて結婚が優先されることもある¹¹。

またこうした社会において、離婚した女性は一層厳しい状況にある。ウズベキスタンでは宗教婚と法律婚の二重制度があり、宗教婚のみの女性は離婚時に法的保護を受けにくい¹²。他方で法律婚なら財産分与や給付金の受給が可能だが、支援はマハッラ⁶⁴を通じて行われるため、離婚した女性やシングルマザーのような社会的スティグマのある女性は十分な支援を得られないことがある¹³。またマハッラは家庭問題に介入するものの、離婚率の低下を重視し、ドメスティック・バイオレンスに対しても和解を勧める程度に留まることが多い¹⁴。

このような社会環境の中で、女性がどのような価値観を持って生活しているかについて、制度面からではなく女性の主体的な語りや実際の生活の様子から分析する研究も存在する。例えば Kamp は、仕事をする女性が自身のことを労働者と自認しているものの、家計を支えるためではなく自分の成長や人生の豊かさのために働いていることを明らかにしている¹⁵。また宗野は、女性が家の外に出て働くことで、おしゃべりを楽しんだり愚痴をこぼしたりする機会を得ており、単に労働が収入源としてではなく社会規範への対応策として機能していることを指摘している¹⁶。そして山名田は、進学や留学を希望する女性が、男女の不平等や結婚を急かす母親といった困難に対し、無理に肯定したり従順であるように見せかけたりしつつ希望進路の実現を模索する様子を示している¹⁷。

これらの先行研究では、仕事や学業など現在時点での生活に対する女性自身の見解について深く焦点が当てられているが、人生全体を通して本人たちが理想とする「目指すべき女性像」がどのように変化したか、またその変化における社会的影響は何か、という通時的な視座はあまり持たれていない。社会的な「あるべき女性像」の変容や性規範の再生産という現在ウズベキスタン社会で生じていることのプロセスを明らかにするためには、社会と個々人の人生経路を結び付けて、それを社会的文脈に位置づけることが必要となる。特に結婚は、ウズベキスタン社会において女性が社会的に要求される重要な人生儀礼である。

このような背景を踏まえ、本研究では女性の主体性が結婚の前後においてどのように表出され、またその結果として女性自身が理想として思い描く「目指すべき女性像」がどのように変容したのかについて明らかにすることを目的とし、インタビュー調査に基づく人生経路の分析を行った。さらに社会的な「あるべき女性像」とのつながりについて考察を行った。

対象と方法

本研究では、行動や出来事の変遷や価値の変容に着目するため、複線径路等至性アプローチ (Trajectory Equifinality Approach: TEA) を用いて分析を行った。TEA は、複線径路等至性モデル (Trajectory Equifinality Model: TEM)、歴史的構造化ご招待 (Historically Structured Inviting: HSI)⁶⁵、発生の三層モデル (Three Layers

⁶⁴ マハッラとは居住地区は居住地区に基づくコミュニティであり、域内の問題や対立に対応し、地域を安定的かつ自律的に管理することをめざした仕組みである¹⁴。

⁶⁵ 研究者が関心を持っている等至点的なイベントを実際に経験している人々を調査の対象として選定し、話を聞くという手続きのこと¹⁸。

Model of Genesis: TLMG)を統合・統括する考え方であり、文化と共にある人間の人生を構造ではなく過程に着目して理解しようというアプローチである¹⁸。

まず TEM と TLMG に基づく図を作成し、人生経路の可視化や変容メカニズムの理解を試みた。TEM とは「人間の発達や人生経路の多様性・複線性の時間的変容を捉える分析・思考の枠組みモデル」である。個人の行動や選択として現れる等至点、複数の経路が発生する分岐点、多くの人が経験する必須通過点などという各点を、非可逆的時間を軸に図として描写する。TEM は一般化や抽象化を目指しておらず、個別事象への理解や考察を目的に用いられる^{19,20}。TLMG とは、人が環境から情報を選択的に取り入れる際の内的変容を三層で図示するモデルである。第一層の個人活動レベルは実際の行為をしている状態、第二層の記号レベルは人が情報を取り入れ、過去の経験とすりあわせている状態、第三層の信念・価値観レベルは信念・価値観が大きく変わる状態をそれぞれ示す。変化した信念・価値観は周囲に外在化される。このモデルによって、分岐点における変容メカニズムの検討が可能になる^{18,21}。

サンプリング方法は HSI を参考に、結婚経験のある女性と離婚経験のある女性を対象とした。本研究の関心である結婚あるいは離婚は TEM において等至点ではなく必須通過点に該当するが、結婚および離婚の後に到達する点を最終的な等至点と捉えることで、HSI を応用した。その他の条件は、ウズベキスタンの都市部に在住する女性で、高等教育を受けたあるいは受けている者とした。このような選定基準を設けた理由は、生活様式や経済状況、教育水準などあらゆる面で、社会的価値観の変容による影響を強く受けている層に該当すると推測したためである。今回の研究では、本研究に協力を得られた者から結婚経験のある女性と離婚経験のある女性をそれぞれ 1 名ずつ対象として選定した。

対象者（表）には、2025 年 1 月に 1～2 時間程度の半構造化インタビューを行った。使用言語は日本語・英語・ウズベク語である。その際に調査目的を説明し、研究参加、匿名化、録音について同意を得た。その後、対象者のインタビューで得られた情報を元にそれぞれ TEM と TLMG に基づく図を作成し、人生経路の可視化や変容メカニズムの理解を試みた。

結果

A さんと B さんのそれぞれに TEM 図（図 1、図 2）と TLMG 図（図 3、図 4）を作成した。

A さんは、11 歳の時に弟が生まれ、それを機に両親からの世話を満足に受けられなくなった。この時期以降「インディペンデント」になり、勉強や仕事に対する意識が強まった。その後 13 歳の時に日本語の勉強を始めたが、ここには日本に住む親族や日本語学校を運営する親族がいたことが社会的助勢（Social Guidance, SG）⁶⁶として働いた。続いて 15 歳の時に化粧品を売り始めた。ここには、「他の人のお金を使わず、自分で頑張って自分のお金を使いなさい」という両親の教えが SG として機能している。その後、A さんは日本語を勉強のできる高校・大学に進学した。A さんが在学していた約 10 年前の時点では女性の高等教育の価値は今よりも低く考えられていた⁶⁷が、A さんは大学を卒業すべきものとして考えており、また日本語学習への熱意も高かった

⁶⁶ 等至点へ向かうありようを促進したり助けたりする力²⁰。

⁶⁷ 2023 年に高等教育機関を卒業した女性の割合は 46%に上るが、2015 年では 37%であり、その絶対数は 2023 年の約 3 割であった²²。

ため、進学を決意した。在学中は化粧品販売に加え、菓子や手芸品の製造・販売といった副業にも携わった。また国外留学を望みそのための事前試験に 3 回も合格したが、両親の反対という社会的方向づけ (Social Direction, SD)⁶⁸によって叶わなかった。両親の主張には「日本は地震が多くて危ない」という異国への不安感の他、「ウズベク人の女の子が他の国に行くのは良くない」、「結婚した後に夫と一緒に行くのであれば良い」という性規範も含まれた。Aさんはこれに対し「両親は厳しすぎる」と評価している。また両親はAさんが20歳を過ぎた頃からお見合いの話を何度も持つてくるようになったが、Aさんは「自身が卒業してから、大学を卒業した男性と結婚する」と主張して断り続けた。

卒業後に、お見合い相手の中から気に入った男性を選んで結婚をした。その時には既に日本語教師として就職していたものの、夫の反対というSDによって退職した。出産後は専業主婦として生活しており、義両親と同居しているものの家事・育児は全て一人でこなしている。義母は家事を手伝ってくれず、また要求する水準も高い。このためAさんは炊事の際に出来合いのものを活用せず、麺やパイも生地から作っている。ただ仕事を諦めてはならず、一番下の子どもが幼稚園に通い始めるようになった昨年、ウズベク語・日本語の個人レッスンと、衣類や化粧品の販売を開始した。日本へ行くことも諦めていないが、夫に「自分には行かない、日本語は分からない」といって断られてしまうというSDがあり、いまだ達成されていない。また仕事で稼いだお金で昨年自動車を購入し、現在は自動車学校にも通っている。

Aさんにとっては、独身時代は「インディペンデント」であったが、今はなんでもまず夫に聞く必要があるとし、自分で自由な決断はできないと感じている。ただ、夫の助けを得ながら二人で協力して生活をしているという認識も持っている。Aさんにとっての「目指すべき女性像」は「大学を卒業していて頭が良く、容姿に優れ、掃除もできて料理もできて仕立てもできる、子どもの世話や教育も全て行う、ユニバーサルな人」とし、Aさんは自身をそれに「110%」当てはまると評価した。今後についても日本語学校やブランドショップの開業、更にもう一人子供を産むことなど、忙しく制約も多い中でやりたいことを色々と思いつかべていた。

Bさんは幼少期に両親が離婚したため、親族の家を転々とする子供時代を送った。その後叔母の家に落ち着き、大学進学もその家で決定した。Bさんは高校時代に新型コロナウイルスの影響によるロックダウンを経験しており、そのことで学業を継続するかどうか再検討する必要に迫られた。しかし叔母をはじめ周辺の親族が皆教員であり彼女に進学を勧めたこと、国立大学であれば両親のいないBさんは奨学金の受給ができることなどがSGとして機能し、進学を決めた。

進学後、本人は望まなかったものの叔母と相手方の強い希望で結婚した。結婚に際し、叔母もマハッラも夫となる男性についてよく知らなかったものの、その母親が良い人物であるからという理由でそれを推進したという。しかし夫は仕事をせず母親に頼りきりの人物であり、義理の家族も彼女と合わなかったため、Bさんは離婚を決意した。叔母など親族には「離婚した後どのように生きていくつもりなのか」と大反対され、実際に結婚以降親族からの支援は減少していたものの、結婚生活で精神的に疲弊した彼女は反対を押し切って離婚した。しかしこの離婚手続きの際、夫である男性

⁶⁸ 個人の行動や選択に制約的な影響を及ぼす社会的な力であり、等至点へ向かうありようを阻害する力として働く²⁰。

は「お金がない」などと言って身分事項登録部に出頭しなかったため、いまだ法律上は結婚状態にあるとのことである。

その後、Bさんは教員である親族らの勧めというSGによって、学業の傍ら教員として学校で働き始める。元々教育の仕事には関心がなかったものの、本来目指したかった警察官には健康上の理由でなれないと分かっており、また周囲からの支援も十分でないため、渋々教員となった。

昨年叔母家族がロシアに引っ越したことを機に、叔父の家に移り、叔父の妻とその子供と共に暮らしている。叔父の妻は自身のことを実の娘のように扱ってくれているものの、それでも居心地の悪さは感じている。仕事に関しては、最近では「子供が自分に対して反応をしてくれて、自分を受け入れてくれる」ことから教員の仕事にやりがいを感じるようになっていく。また卒業後の進路として海外留学を検討しているため、大学とは別に英語のクラスへも通い始めた。

価値観について、結婚前は周囲の意見を重視する傾向であったという。結婚期間は希死念慮に苛まれ、「なぜ自分なのか？なぜ結婚しなければならなかったのか？」と過去を恨み、悲観的になって自己嫌悪するような思考に陥っていた。ただ離婚後から現在は、自分自身のことを愛せており、人生を前向きに捉えるようになっていくとの見方であった。Bさんが考える「目指すべき女性像」は「自分を好きで、自分の考えを持ち、自立心がある女性」であると述べ、現在の自分は「人からの評価をあまり気にしないで強くいられている。結婚していたときより生活も良いし、好きな場所へ行って、好きなものを買って、好きなものを食べることができる」と肯定的に評価した。ただし、ウズベキスタンでは「少し着飾っただけで噂される」ため女性が暮らすのは少し難しいとも考えている。将来については、海外へ移住して勉強し、ウズベキスタン国内の学校ではなく海外の大学でインターナショナルな教員として生きていきたいと語った。

考察

① TEM図から見る主体性の表出

今回、結婚歴のあるAさんと結婚歴に加え離婚歴もあるBさんの2例を具体的対象として取り上げ、それぞれの出生から現在に至るまでの人生経路についてTEM図を作成した。そしてそれぞれの主体性の表出に対しSG・SDが与えた影響について分析した。

進学や留学について、SG・SD共に親族の影響が大きいことが見て取れる。またAさんが持つ「大学を卒業してから結婚すべき」という価値観も意思決定に影響したと思われる。ウズベキスタンの女性には良い嫁の条件として学歴が求められることがあるが^{6,10}、Aさんのこの価値観はこれを女性自身が内面化した結果形成されたと思われる。またBさんの例で興味深いのは、ロックダウンが進学を断念させる方向へ影響した点である。結果的に彼女は進学したものの、Junussovaらが中央アジアにおけるロックダウンの女性の学業への影響を検討したとおり²³、ウズベキスタンの都市部においても実際に学業に対して悪影響が生じていたことが判明した。

結婚について、Aさんは結婚に対して肯定的であり、時期や相手など両親と交渉して望む形で実現させている。またAさんは出産に対しても肯定的で、実家には自身と弟の二人しかいなかったことから自分なるべく多く産む方が良いと考えている。この点で、Aさんはウズベキスタン社会が女性へ要求する役割を自分のものとしている。他方でBさんは結婚に対して否定的であったが、親族の決定に逆らえず受け入れ

た。ソ連末期には夫や義母からの暴力、不妊などあらゆる理由から嫁の自殺が多発していたことが明らかとなっているが^{24,25}、Bさんの結婚生活からは現代においても苦境に立たされた嫁が取る選択肢に自殺が残り続けていることが分かる。

仕事について、夫や親族による介入がありつつも、両者とも教員の仕事に就くことができている。特にBさんには教員である親族の勧めがSGとなっていたが、ここには教育の分野は女性のものという性役割¹⁷も背景にあったと考えられる。

このように、社会的規範や性役割、親族らによる介入といった環境要因によって自身の人生に対し最終的な決定権を持てないことや受動的に決定を行うことがありつつも、両者とも自身の人生について考え、主体的な存在として行動を選択して生きていることが分かる。Aさんの主観では「結婚をすると自由な決断ができなくなる」と感じられているが、TEM図においてはいずれの例においても結婚前からSG・SDの影響は大きく、未婚＝自由、結婚＝自由の制限、ということが絶対的な構造ではないことが読み取れる。むしろ、AさんもBさんも結婚を経た現在は様々な制約がある中でも自分の取り得る選択を模索し自分の思う人生を歩んでいることから、結婚という社会的義務を果たすことによって得ることのできる自由もあるように見える。そして、このように結婚を通じて女性が主体性を表出する機会が得られるにつれて、後述のような各人が理想とする「目指すべき女性像」にも変容が生じていく

② TLMG図から見る「目指すべき女性像」の変容

結婚および離婚から最終的な等至点までの分岐において、どのような内的変容が生じたかについてTLMG図から分析した。

Aさんは結婚前の自身について「インディペンデント」と評しているが、退職してから現在にかけて「ユニバーサルな女性」という自己認識を獲得し、これを仕事の再開という形で外在化させている。Aさんは夫が主要なSDとなって行動が制約されており、そのことを多少不満にも感じているが、料理が好きであることや子供は多い方が良いという考えから、家事や育児を前向きにこなしている。この中で、一番下の子どもが幼稚園に入園するという出来事から時間的な余裕ができ、自身の仕事について考え直すきっかけが生じた。この結果、時間を無駄にせず、家事や育児も完璧にこなし、仕事もするという生き方を「目指すべき女性像」と考えるようになり、その理想に合致する自己実現を果たしている。Akinerは独立後のウズベキスタン女性は伝統に従って家庭に回帰することと自立や自由への道を進むことという二つの価値観の狭間にあると指摘しているが²⁴、Aさんはこのいずれをも「目指すべき女性像」として設定し、そしてそれを体現している。性規範に忠実である上にそれを肯定的に内在化させ、更に自身のキャリアも諦めない彼女のあり方は、現代ウズベキスタン女性が抱えるジレンマを乗り越える生き方を示している。

Bさんは離婚の経験を通して「周囲の意見をよく聞く」態度から「自分を愛し自分の意見を持つ」生き方に変容している。Bさんは結婚まで親族が主要な決定者として力を持っており、SG・SDいずれも親族に影響をされていた。そのことに不満を持ちつつも、受動的に決定を行っていた。しかし離婚や就職をきっかけとして、自分で人生を決定することや仕事に対して充実感を覚えるようになり、精神的にも経済的にも親族から自立する方向に変化する。また再びの引っ越しという出来事について、そこで快く受け入れてもらえることがむしろ疎外感を引き起こしたため、生活空間的な自立を考えるきっかけとなっている。こうした経緯から、自分の考えを持って行動することに対して自己肯定ができるようになり、また家を出て自立することや留学へ

行くことを具体的な目標として考えられるようになったため、英語の勉強を始めるという決断に至った。彼女は結婚して家庭に入るという規範から逸脱しているが、「目指すべき女性像」には自立を掲げている。彼女の現在の自己評価の基準も規範に忠実であることではなく自立を目指していることに支えられている。海外移住を希望し、ウズベキスタンで女性にとって生きづらい国だとみなす彼女にとって、自立を「目指すべき女性像」に据えるという思想は、規範を顧みないことによって構築されているのではない。むしろ反対に、規範の存在を強く意識し、そして拒否しようという試みによるものだと推測される。

③個人的な「目指すべき女性像」に影響を与える社会的な「あるべき女性像」

2人の変容は規範への迎合と規範からの逸脱という一見すると真逆の動きを示しているように見えるものの、両者とも強くそれを意識し、それに対して自分に合ったやり方で対応しようと試みている点で共通である。このことから、家庭が重要であるという規範は依然として強く機能していることが分かる。しかし両者ともフルタイムではない形で仕事をしており、彼女らが考える個人的な「目指すべき女性像」にも仕事や自立を組み込んでいることから、専業主婦を最善とする考えは持っていないことも分かる。これらのことから、家庭か仕事かの二者択一ではなく家庭も仕事も両方という生き方が、個々人の「目指すべき女性像」レベルではなく、社会的な「あるべき女性像」として醸成されてきているのではないかと考察する。ウズベキスタンの女性が家事と労働の二重負担を強いられていること^{25,26}は先行研究で指摘されているが、これは負担であると同時に、「家庭もキャリアも諦めない」という現代の女性のロールモデルとして、前向きに受け入れられているように思われる。

結論

本研究では結婚経験者 A さんと離婚経験者 B さんの 2 例を具体的事象として取り上げ、彼女らの考える「目指すべき女性像」の変容を分析した。この結果、まず現代ウズベキスタン女性は社会規範や親族の影響を受けながらも主体性を表出しようとしていることが分かった。そして、結婚や離婚といった人生の局面のなかで主体的な選択をとってきたことで、家事と仕事の両立や自立をそれぞれが「目指すべき女性像」として獲得していたことも明らかになった。このことから、家庭も仕事もどちらも前向きにこなす女性を「あるべき女性像」とみなす新たな社会的規範が醸成されてきたのではないかと推測される。今回の研究では事例も少なく個別事例への言及に留まるが、対象者数やインタビュー回数を増やし、さらなる研究を続けたい。

表 対象者2名のプロフィール

対象者	年齢	学歴	結婚歴	出産歴	同居家族の構成
A さん	30 歳代前半	大学卒業	あり、継続中	あり	義両親、夫、実子
B さん	20 歳代前半	大学在学中	結婚後に離婚	なし	叔父の妻、その子供

図1 AさんのTEM図

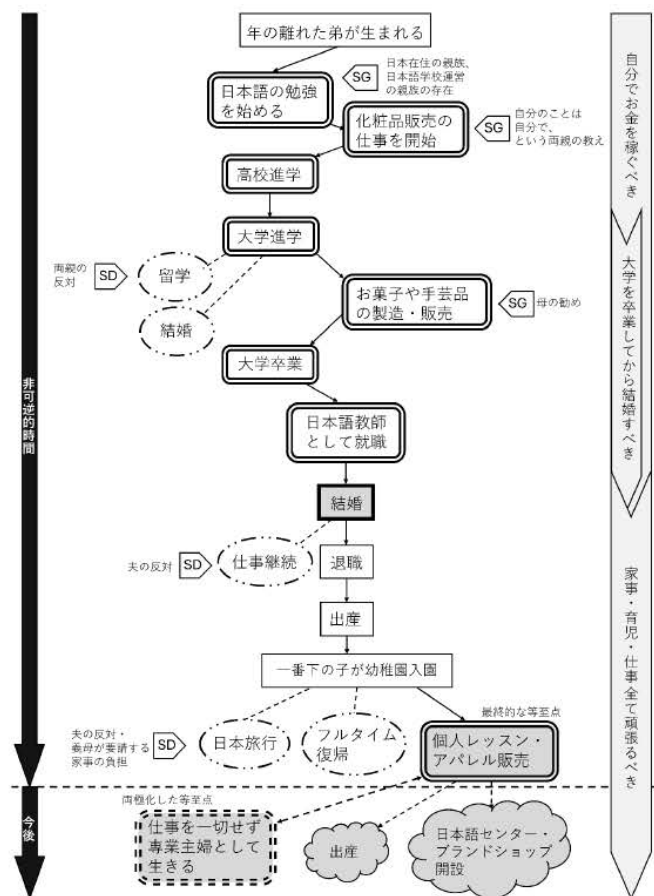

図2 BさんのTEM図

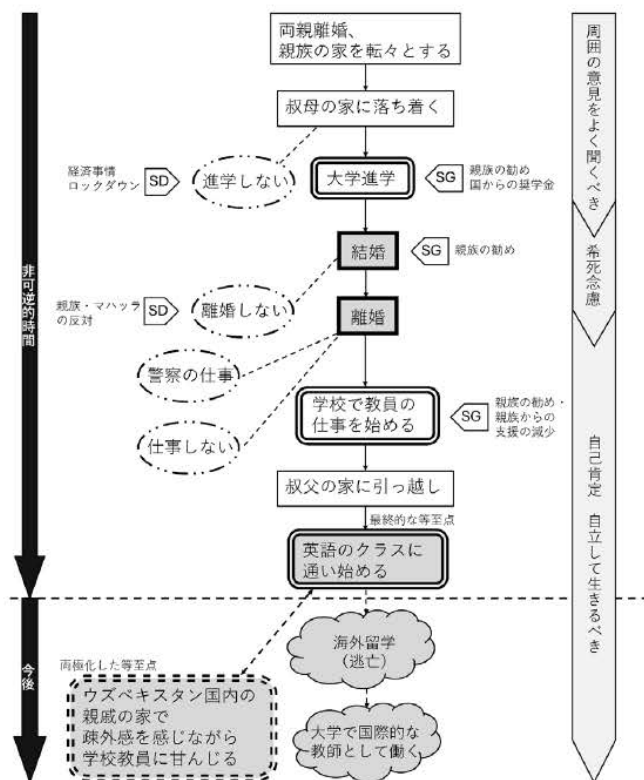

図3 AさんのTLMG図

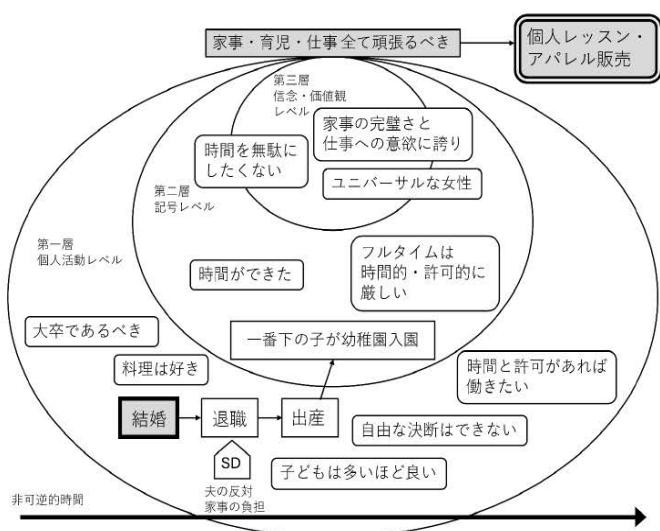
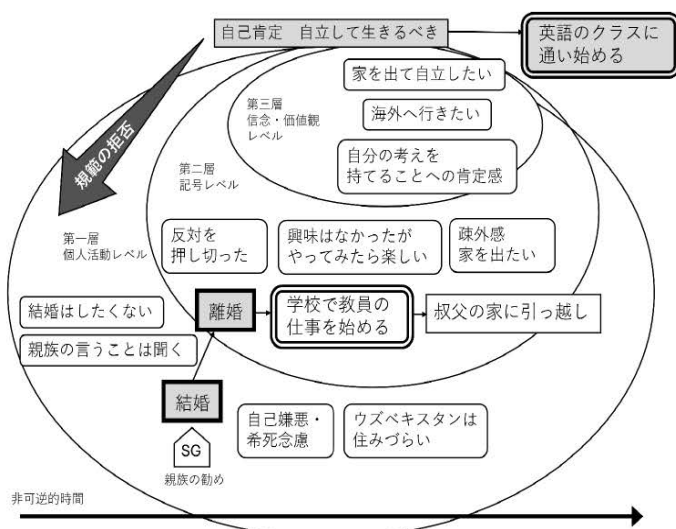

図4 BさんのTLMG図

引用

1. 菊田悠「ウズベキスタンのマハッラにおける経済・社会変化とイスラーム」藤本透子（編）『現代アジアの宗教』春風社、2015、35-76 頁。
2. 和崎聖日「旧ソ連・ウズベキスタンにおける『婚外の性』とイスラーム：男が語るモラル」高尾賢一郎、後藤絵美、小柳敦史（編）『宗教と風紀：〈聖なる規範〉から読み解く現代』岩波書店、2021a、197-219 頁。
3. Kikuta, H. "Mobile Phones and Self-Determination among Muslim Youth in Uzbekistan," *Central Asian Survey*, 38(2), 2019, pp.181-196.
4. 宗野ふもと「〈フィールドワーク便り〉「電話彼氏」を婿にする：ウズベキスタンの結婚事情」『アジア・アフリカ地域研究』12(1)、2012、133-136 頁。
5. 菊田悠「労働移民の社会的影響：移動と送金をもたらす変化」宇山智彦他（編）『現代中央アジア：政治・経済・社会』日本評論社、2018、257-279 頁。
6. Azimova, N; Karimova, S. "Modern Uzbek Family and Marital Relations: A Case Study on Mindon Village, Ferghana Province," *CIRAS discussion paper No.69* : 社会主義的近代とイスラーム・ジェンダー・家族 1, 69, 2017, pp 45-55.
7. 菊田悠「ウズベキスタンの拡大家族主義：高出生率を支える収入とケア確保の実態とイデオロギー」『北海学園大学学術論集』193、2024、53-72 頁。
8. 和崎聖日「揺れ動くジェンダー規範：旧ソ連中央アジアにおける世俗主義とイスラーム化」田中雅一、嶺崎寛子（編）『ジェンダー暴力の文化人類学：家族・国家・ディアスポラ社会』昭和堂、2021b、179-197 頁。
9. Ilkhamov, A. "Labour migration and the ritual economy of the Uzbek extended family," *Zeitschrift für Ethnologie*, 2013, pp. 259-284.
10. Turaeva, R. "Gender and changing women's roles in Uzbekistan: from Soviet workers to post-Soviet entrepreneurs," *Constructing the Uzbek state: narratives of post-Soviet years*, 2017, pp.303-318.
11. ダダバエフ・ティムール『社会主義後のウズベキスタン—変わる国と揺れる人々の心』アジア経済研究所、2008。
12. 和崎聖日「中央アジア定住ムスリムの婚姻と離婚」藤本透子（編）『現代アジアの宗教』春風社、2015、77-129 頁。
13. Kamp, M. "Between women and the state: mahalla committees and social welfare in Uzbekistan," Pauline Jones Luong (ed.), *The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence*, 2004, pp. 29-58.
14. ダダバエフ・ティムール『マハッラの実像 中央アジア社会の伝統と変容』東京大学東洋文化研究所、2006
15. Kamp, M. "Gender Ideals and Income Realities: Discourses about Labor and Gender in Uzbekistan," *Nationalities Papers*, 33(3), 2005, pp. 403-422.
16. 宗野ふもと「合い間の仕事としての手織り物生産—ウズベキスタンにおける社会変容と女性—」『アジア・アフリカ地域研究』13(2)、2014、212-248 頁。
17. 山名田静「ウズベキスタンの高等教育における女性の困難：当事者の語りに着目して」『北星学園大学大学院論集』12、2021、1-20 頁。
18. 安田裕子・滑田明暢・福田茉莉・サトウタツヤ編『TEA 理論編：複線径路等至性アプローチの基礎を学ぶ』新曜社、2015。
19. 荒川歩・安田裕子・サトウタツヤ「複線径路・等至性モデルの TEM 図の描き方の一例」『立命館人間科学研究』25、2012、95-107 頁。
20. 研究活動推進委員会「2023 年度日本地域看護学会研究セミナー：複線径路等至性アプローチ (TEA) とモデリング (TEM) の理論と実際を学ぶ」『日本地域看護学会誌』27(2)、2024、31-48 頁。
21. 田垣正晋「こころの測り方：複線径路等至性アプローチとは」『心理学ワールド』93、2021、34-35 頁。
22. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Statistika agentligi, "Oliy ta'lim," 2024, <<https://stat.uz/uz/rasmiy-statistika/social-protection-2>>, accessed 2025-2-18.
23. Junussova, M, et al. "Gendered Impact of the COVID-19 Pandemic on Food Security, Agricultural Production, Income and Family Relations in Rural Areas of Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan," *Working Paper*, 76, 2024.
24. Akiner, S. "Between tradition and modernity: the dilemma facing contemporary Central Asian women," Buckley M (ed.), *Post-Soviet Women: From the Baltic to Central Asia*, 1997, pp. 261-304.
25. Olcott, M. B. 1991. "Women and Society in Central Asia," W Fierman (ed.), *Soviet Central Asia: The Failed Transformation*, Boulder, 1, 1991, pp. 235-254.
26. 五十嵐徳子「旧ソ連の共和国で大量の専業主婦は誕生するのか」『比較経済研究』46、2009、17-34 頁。

参考文献

宗野ふもと「現代中央アジアにおける女性の仕事：ウズベキスタン、ホラズム州ヒヴァ市の絨毯工房を取り上げて」『Kyoto Working Papers on Area Studies: G-COE Series』55、2009、1-69 頁。

中野祥子「在日ムスリム留学生のヒジャーブ着脱行為をめぐる価値の変容過程：TEA による 3 名の事例分析」『TEA と質的探究』1(1)、2023、33-54 頁。

REASONS FOR COMING TO JAPAN AND LIFE PLANS OF UNIVERSITY AND GRADUATE STUDENTS FROM UZBEKISTAN

Shunta MIMURA

University of Tsukuba International Public Policy

Student of Master degree

Abstract. *This is the content of my research in the master's program. Policy for increasing the number of foreign students in Japan from countries and regions designated as priority regions since 2010. I will analyze Uzbekistan's highly qualified foreign students in Japan.*

Through fieldwork and interviews, I would like to clarify the reasons why Uzbek students themselves came to Japan, their life plans, and the position of studying abroad in their lives. I would also like to discuss how to support the acceptance and retention of Muslim students in Japan.

1 研究テーマと概要

題目 ウズベキスタン出身の大学、大学院の留学生の来日理由と人生設計~

2010 年以降の日本の留学生政策は重点地域に指定された国や地域からの留学生増加を目指しており、その一つとして CIS 諸国であげられる（松下他、2021）。現在、文部科学省委託事業「日本留学海外拠点連携推進事業(ロシア・CIS 拠点)」や「日本財団中央アジア・人材育成プロジェクト」などの旧ソ連圏の国々の留学生を対象としたプロジェクトも増えてきている。

本研究ではその背景を踏まえ、ウズベキスタン出身の留学生がなぜ日本に留学に来て、どのように今後の人生設計を考えているか、これらを考察していくことで日本とウズベキスタンの大学への留学関係の強化につながっていくのではないかと。

先行研究によると CIS 諸国の中でウズベキスタンとロシア出身者が多くなっており、特にウズベキスタンの留学生は 2014 年は 227 人であったのに、2018 年には 705 人、2019 年には 1111 人と著しく増加している（ダダバエフ他、2023;松下他、2021）

「日本留学海外拠点連携推進事業」の対象国の中でかなりの増加も見られ、総数としても多いのにも関わらず、留学生研究は他の地域を対象にしたものが多かった。

またウズベキスタンとの関係性も技能実習生や、労働移民も兼ねた日本語学校への教育移民を中心に研究なされており、大学院生、大学生を対象としたものは少ない。卒論の際には筑波大学院、大学に留学している中央アジアの学生に調査をしていたが、彼らは既存の研究でなされていた労働移民としての性格は珍しく、純粋に留学や研究目的で来ている人も多かった。新しくウズベキスタン人の大学、大学院への留学生を研究することで、彼らの持つ別の目的や考え方を明らかにできるのではないかと考える。

ダダバエフと園田（2023）が指摘したウズベク人の「*Musofir*」と呼ばれる宗教的慣習がある。これは非ムスリムが大多数をしめる土地に赴き、修行するというものである。日本に留学に来て、経験を積むことでイスラム教における宗教的修練になるのだ。このような宗教的慣習による留学への影響が実際にどこまで存在しているのか、

また同じウズベク人でも非ムスリムとムスリムでどのような違いがみられるのか調査していきたい。

2 背景

日本政府が留学生の受け入れを本格化させたのは 1980 年代からであり、その当時の中曽根首相の元、留学生を年間 10 万人まで増やす「留学生 10 万人計画」が策定され、これは 2003 年に目標自体は達成された。それ以降も年々増加傾向にはあったが、その一方で留学生の出身国は中国、韓国、ベトナムなどの偏っていた（松下他、2021）。

2008 年には「留学生 30 万人計画」が策定され、留学生を育て母国へ帰すという政策から、優秀な留学生を呼び込み日本国内で就職するように促すという政策へ転換した（佐藤、2021）。

そのような背景の中で優秀な留学生をいろんな国から呼び込むという日本の留学生政策は方向づけられていった。その政策の中の一つは「日本留学海外拠点連携推進事業」であり、本研究にかかわるロシア・CIS 地域と指定されたものは 2018 年度に北海道大学が受託したものを、現在北海道大学、新潟大学、筑波大学の三大学によって共同運営されている（松下他、2021）。

また旧ソ連圏を対象とした留学生政策は 2014 年度から 2019 年度に行われた「ロシア語圏諸国を対象とした産業界で活躍できるマルチリンガル人材育成プログラム」（以下、Ge-NIS プログラム）があり、筑波大学と旧ソ連圏の国々を結ぶグローバル人材育成を念頭に置いた留学プログラムも存在した（臼山他、2020）。

日本の留学生政策は優秀な留学生を呼び込み日本国内での就職や日本語によるコミュニケーションの取れる人材の育成というものが目的ではあったが、コロナ禍を経た 2023 年現在、ウズベキスタンの留学生の来日理由と今後どのように就職などの人生設計を考えているかを調査していく必要がある。

3 先行研究の整理

ゴロヴィナ(2017)は、日本に在住する既婚のロシア人女性を対象に調査し、一部留学生として来日していた人も研究していた。この研究においては来日理由と人生設計について主としていた。ロシア人女性の留学生たちの多くは日本文化への興味と、ロシアから離れ日本へ行くことへ日本語学習などの努力をしてきた、総じて日本語への理解度も高いという共通点があると指摘された。（ゴロヴィナ、2017）

ゴロヴィナの研究していたグループは大学や大学院への留学生であり、このような傾向はウズベキスタンにも当てはまるのか調査していく必要がある。

ウズベキスタンの留学生は日本にある日本語学校への留学が多く、ただの留学生ではなく母国への送金を目的とした労働移民としての側面も兼ね備えており、彼らは概ね日本での生活には満足しているものの、一時的な滞在であり、日本の生活で苦労はしつつも最終的には帰国し故郷に錦を飾るとというのが彼らの最大の関心事項であるとされた（Dadabaev,2022; ダダバエフ他、2023）。

ウズベキスタンの留学生研究は日本国内の日本語学校への留学が対象とされており、彼らは日本語力の低さ、日本語学校入学のハードルの低さ、そもそも大学などの別ルートを通じての留学手段の情報の不足などから日本語学校への留学という選択肢を取っていた。（ダダバエフ他、2023）。またこれらの傾向は多くの他の国からの留学生にもある程度見られ、日本語学校の果たす役割というものは大きいものの、労働

時間の確保などもあり、日本語をうまく習得できず日本での大学の進学ができないという問題点も発生している。（佐藤、2021）。

しかしながら日本に大学や大学院への留学生としてウズベキスタンから来日する人も存在し、そういった人々の研究も大学へ来る高度な留学生との差異を明らかにしたい。

日本留学海外拠点連携推進事業は日本語学校ではなく大学生を対象にした留学事業であり、この事業を通じて留学生そのものの数自体は増加しているものの、初等中等教育の課程年数の違い、奨学金の不足、日本留学を調べようにも日本語学校への留学の情報しかでないという情報不足という問題は存在している（松下他、2021）。

これらの事業はコロナ以前のものであり、2022 年度でもコロナの影響を受け、留学生の総数は 2019 年の 31 万から 22 万人と減少している中、ウズベキスタンは 3 倍に増えており、ウズベキスタンの留学生はどのように来日し、どのように人生設計を考えているか調査したい。

4 研究の意義と明らかにしたいこと

これまでの調査によると、CIS 諸国の中でウズベキスタンとロシアからの留学生数が増加している。特に、ウズベキスタンの高等教育機関で学ぶ留学生の数は、2014 年の 227 人から 2018 年には 705 人、2019 年には 1,111 人と大幅に増加している（Dadabaev 他、2023; 松下, 2021）。

1980 年以降に日本にやってきた移民はニューカマーと呼ばれるが、その中でもウズベク人は最も新しく、「失われた 30 年」を経て 2018 年以降に数が増えている国籍である。この「失われた 30 年」の間、日本は不景気に見舞われてきたが、本稿ではウズベク人留学生を移民の新しい波の一例として分析し、新しい留学生の動向を考察する。

一方、2018 年以降に増加したばかりの、新たな移民の波ともいえるウズベキスタン人留学生の数は、日本では十分に「準備」されていない（Dadabaev 他., 2023）。

この「準備」とは、移住インフラである（Ling 他., 2017）。

企業などの商業組織、国家や行政機関の規制機構、社会インフラとしての移民自身が持つ人脈、人道インフラとしての NGO や国際機関、技術インフラとしての通信技術や移動手段などである。現在、彼らがどのような移民インフラに依存し、どのような移民インフラを必要としているのかを明らかにしたい。

またダダバエフと園田（2023）は、最近の留学生の傾向とは異なり、ウズベク人は

「*Musofir*」と呼ばれる宗教的慣習として、一時的に海外に滞在し、帰国するという考えを持っていると指摘している。日本政府の思惑通りにはいかず、他地域からの留学生が日本に定住するのとは状況が大きく異なる。高度人材のウズベク人留学生は「*Musofir*」と「ウズベクらしさ」をどのように捉えているのか、同じウズベク人でもムスリムか非ムスリムかの違いでどのような留學生活の違いや進路決定の違いがあるのかを明らかにし、今後増えるであろう日本のムスリム留学生の受け入れに貢献していきたい。

5 問い

留学前

- ウズベク人が日本への留学を決めるプロセスは何か？現在の国際政治や移民インフラはこのプロセスにどのような影響を与えているのか。

留学中

- 彼らは日本での留学経験をどのように捉えているのか。ウズベク人留学生は日本留学に関して、ムスリムとしての価値観から捉えているのか。また非ムスリムのウズベク人はどのように捉えているのか？

留学後

- 留学生の現在の将来設計はどのようなものか。Musofir という価値観はどのように作用しているのか？

7 調査方法

現状留学生は日本語学校を対象にした研究が非常に多くなっているが、本研究では日本の大学や大学院を対象に、ウズベキスタンの出身の留学生を対象にインタビューを通じた調査を行っていきたいと考えている。特に「日本留学海外拠点連携推進事業(ロシア・CIS 拠点)」の運営母体である筑波大学、北海道大学、新潟大学に来日したウズベキスタン人留学生を調査していく。

また「日本財団 中央アジア・日本人材育成プロジェクト」「Ge-NIS プログラム」などの実際に日本国内で行われている留学生の受け入れを行っているまた行っていた機関の人物への調査も実施し、その当時の留学生や留学を受け入れた人々への調査も進めていきたいと考えている。調査はオンラインを中心に取材を行う。

8 先行研究文献

英語

Dadabaev, Timur ed. (2022) *The Grass is Always Greener?: Unpacking Uzbek Migration to Japan*, Palgrave Macmillan.

Biao Xiang (2017) *Migration Infrastructure*. The International migration review 48(1):122-148.

Mazzarol Tim. & Soutar Geoffrey. (2002) “Push-pull” factors influencing international student destination choice, International Journal of Educational Management, 16(2), 82-90.

日本語

臼山利信・松下聖 (2020) 「筑波大学「ロシア語圏諸国を対象とした産業界で活躍できるマルチリンガル人材育成プログラム」の成果と課題」『復言語・多言語教育研究』第8巻、117-128 ページ.

厚生労働省(2019)「ウズベキスタンとの協力覚書」

https://www.mhlw.go.jp/stf/seisakunitsuite/bunya/0000188516_00007.html.

ゴロヴィナ・クセーニヤ(2017)『日本に暮らすロシア人女性の文化人類学—移住、国際結婚、人生作り』明石書店.

佐藤由利子 (2010) 『日本の留学生政策の評価—人材養成、友好促進、経済効果の観点から』東信堂.

佐藤由利子(2021)「留学生 30 万人計画の成果と課題ー成長戦略、大学のグローバル化及び日本語教育との関係からの考察ー」『日本評価研究』第 21 巻 2 号、103-116 ページ.

出入国在留管理庁(2022)「出入国管理統計統計表」<https://www.e-stat.go.jp/stat-search/files?page=1&layout=datalist&toukei=00250011&tstat=000001012480&cycle=7&year=20220&month=0&tclass1=000001012481>.

文部科学省(2020)「日本留学海外拠点連携推進事業」
https://www.mext.go.jp/a_menu/koutou/ryugaku/1405546.htm.

ダダバエフ・ティムール, 園田茂人(2023)『ウズベク移民と日本社会』東京大学出版会.
松下聖・臼山利信・笹山啓 (2021)「CIS 諸国からの留学生受入れ拡大と日本社会に与える影響: 日本留学海外拠点連携推進事業 (ロシア・CIS 拠点) の活動に基づく考察」『外国語教育論集』第 43 巻、3-12 ページ.

IN THE ACADEMIC CONTEXT OF THE CLASH AND DIALOGUE OF CIVILIZATIONS: THE RELATIONS AMONG JAPAN, CHINA AND CENTRAL ASIAN ISLAMIC COUNTRIES CULTURES

志宝 ありむとふて Alimtohte SHIHO

PhD, Center for Northeast Asian Studies
Tohoku University
Assistant Professor

Abstract. *Mainly from two specific topics “Comparing Confucianism in Song and Ming Dynasty and Islamic Philosophy” and “A Study on the History of Comparative Confucianism between Japan and China”, Study the cultural exchange relations between Japan, China, and Central Asian Islamic countries. One of the topics, the Muslim Confucian Philosophy: Islamic-Confucian Dialogue and the Integration of Civilizations. At the end of the Ming Dynasty and at the beginning of the Qing Dynasty, a new theory of learning was created—Muslim Confucian Study (Chinese Islamic Philosophy)—on the basis of Islamic philosophy and under the influence of Confucianism. Wang Daiyu (1570-1660) and Liu Zhi (1660-1739) were two great Huiru (Muslim Confucian) scholars at that time. They published Zhengjiao zhenquan (The real commentary on the tire teaching), Tianfang xingli (Nature and principle in Islam) major books. Their approach is distinguished from that of other Muslim scholars in that they addressed the basic articles of Islamic thought with Confucian terminology and categories. The study deals with the Islamic worldview, and with the practices that make it possible for people to bring themselves into conformity with that worldview. However, the teaching of the Muslim Confucian was continuous with those of Mainstream Islam. By studying this, we can gain another perspective on the cultural exchange relationship between Islamic countries such as Central Asia and East Asian countries in the Confucian sphere such as China and Japan.*

Keywords: *Central Asia, China, Japan, cultural exchange, Confucianism, Islamic Philosophy*

—

アメリカの有名な国際政治理論家であるサミュエル・フィリップス・ハンティントン（一九二七—二〇〇八）英文名 Samuel P. Huntington は一九三三年に『文明衝突』などの文章を発表し、その後関係する理論として影響が大きい『文明の衝突と世界秩序の再建』を発表し、三九の言語に訳され、世界に衝撃を巻き起こした。その後「九・一一」事件により世間はもう一度フィリップスの理論に立ち返らざるを得なくなる。フィリップスの四つ主なアイデアがあって、その一つは、異文化間や異文明間の衝突は、主に現在七種類の文明衝突があり、イスラーム文明と儒家文明は共同して西洋文明の脅威に対して挑戦し続けているという点などが挙げられる。未来の不安定さの主要な原因と戦争の可能性は、イスラームの復興と東アジア社会の特に中国に起因している点にあり、西洋とこれらの挑戦的な文明の関係は非常に難しく、その中で最も危険であると考えられるのがアメリカとの関係であるという点である。「文明の対話」を提唱している研究者はフィリップスの観点を批判し、「文明衝突」は決して現代文明の発展経緯が原因ではないとしている。現在われわれは二一世紀に生活してお

り、各種異なる民族、文明体系の間でのコミュニケーション、交流をしなければならぬため、ある種のグローバルな東方文明と西洋文明ともいえる「文明対話」が形成されている。例えば東南アジアや南アジア地区のヒンドゥー教、イスラーム教、ジャイナ教、中国の儒教、道教、マハヤナ仏教徒、中東地区のユダヤ教、西洋のキリスト教などが挙げられ、広範な対話が行われている。筆者の研究も文明の衝突と対話という学術背景の影響で、学術的・社会的に重要な意義を有する東アジアとイスラーム文明圏（特に儒学とイスラーム学問）の宗教、哲学、社会、政治、環境等の分野について学際的に研究を進め、この地域を総合的に把握するとともに、重要課題について多角的視野から解明を目指すという研究に取り込んでいた。筆者の研究では、日中儒学の相互関係だけでなく、イスラーム思想・文化の東アジア文化圏での展開にも及ぶユニークなものとする。そして複数の文化圏において支配的な文化が、周辺の文化圏においてはどのように個性的な文化発展を遂げるか。つまり、中心に位置する「中華文明」が全漢字文明の源泉であるかのような文明理解を相対化し、周縁文化の独自性を明らかにする。具体的に、イスラームと東アジア文明圏（特に「イスラーム学」「回儒学（イスラーム儒学）」「宋明理学」「江戸儒学」の四分野）の宗教、哲学、社会、政治、環境等の分野について学際的・総合的に研究を進める。研究方法として、それが単に二次資料に基づく表層的なものではなく、それぞれの思想潮流を代表する学者や思想家の著述により実証的に裏づけをしていく。第一段階の目標として：「イスラーム哲学」と「回儒学」；「回儒学」と「宋明理学」；「宋明理学」と「江戸儒学」間の関係及び比較研究を行った。

二

「回儒学」については、明清王朝時代はムスリム共同体が数百年かけて本土化した時期であり、その意識及び文化思想発展のカギとなる時期であるといえる。この時期の学界にはイスラーム学と儒学などに精通した多様な文化思想体系の思想家と学者が登場する。イスラームと儒学という二つの文化気質の知識分子を有し、中世期イスラーム思想の文化を基礎とするとともに、中国の儒学、特に宋明儒学の全面的な影響を受けながら、新しい学説体系——「回儒学」が生み出された。「回儒学」は漢語文で布教宣教（イスラーム教—筆者）を主張するとともに、「以儒詮經」（儒をもって經を説く）をより強く主張した。明清時代の代表的学者である王岱輿（及び弟子の伍連城）、張中、馬注、伍遵契、劉智などによる著作も豊富であり、その範囲も非常に広い。その中で馬注は雲南人であったが、他のほとんどは明朝末から清朝初期の江南地方、南京、蘇州を活動の中心としていた。王岱輿と劉智は明朝末から清朝初期に「回儒学」の基礎を確立した重要な人物である。王岱輿は思想運動の目的、任務、内容、形式、道筋を創造的に探索した。また劉智の思想は終始王岱輿の開拓したイスラーム教及び学説と中国儒学を結びつけるものであった。彼は規範化、洗練化を推し進めることにより、豊かな識別力を表した。劉智から約半世紀の時間が流れた後、雲南地方に馬徳新、馬安礼、馬開科、馬聯元、藍煦（武昌人）など「回儒」思想家が登場する。彼らは王岱輿、馬注、劉智など清朝初期の先人の教えを継承し、「清真釈疑補編」などを書きあげたが、彼らが主に活動していた時代は一九世紀近代の中国である。学術思想上で両者は一貫して似通っているものの、社会背景はそうではない。

三

「回儒学」における「回」という字には、イスラーム宗教、文化、思想などの属性が含まれる。「回」を理解するために、まず「回回」の概念を理解する必要がある。

「回教」は「回回」民族信仰宗教の「回回教」に由来するため、略して「回教」と呼ぶことができる。「回回」は蒙元時代のムスリムとして中国でも知られており、「回族」という名称の由来にもなっている。イスラーム教は唐朝時代に大陸内地に伝わり始め、宋、元、明、清の時代を経て発展し続けたので、千年以上の歴史があるといえる。唐朝は大陸におけるイスラーム教の初期段階といえる。この時期の大陸イスラーム社会は一か所一か所のものであり、他と繋がることはなかった。元時代における大陸西北部（この時期は既にイスラーム化していた）の境界は、事実上解放状態にあったため、イスラーム教が大陸で伝播して発展していくのに非常に有利な状況であったといえる。唐の時代とは違い、ムスリムが大陸各地に広がっていき「元時、回回遍天下、及是居甘肅者尚多」（元時代は回回が天下に広がり、甘肅に多く存在した。）といわれるようになり、イスラーム教社会は急激に発展していった。簡単な分析により、「回」という字の誕生したのは「回紇」、「回鶻」、「高昌回鶻」、「回鶻文」、「新回鶻文」……などの名称と関係があることを理解することができる。特に元朝で採用した「回鶻」（今日ではウイグル民）の政治家、軍事家、学者はモンゴル貴族が金朝と南宋を征服するのを助けるとともに、モンゴル貴族の各種法令制度の制定にも貢献した。これらの歴史が証明しているように、当時は「イスラーム教」がどの種の宗教なのか知られていなかった時代であるものの、「回鶻」民族を全面的に理解していくと、この民族が信奉している宗教は「回教」と呼ばれているものであると考えられる。現在の学者の多くは「回族の祖先」という問題について議論を戦わせている。しかし筆者は、「回回」という名称は「回紇」、「回鶻」と直接的な関係があり、「回教」という文字は「回回教」から変化したものだと考えている。それで「回回教」は回回人の宗教を指しており、「回」民族の形成と変化は「イスラーム教」と同様の関係があると考え。仮にイスラーム教が中国に伝わらなければ「回族」という民族も出現することはなかったといえる。また現在の「回族」民族の主要な部分は、海路を渡ってきたアラブ人とペルシャ人の子孫（当然これは一定の比率であるが、占める割合は少ないため、海路移民から回族民族の主体が形成されたというのは歴史的事実に適合しない）ではなく、中央アジアのテュルク民族といえるので、主にモンゴル元時代に開放された国際的境界とビジネスルートがメインであり、モンゴル人と西夏の間で生じた戦争も大きく関連している。

四

「回儒学」における「儒」という字には、儒教、儒家文化、儒学思想などの分野属性が含まれる。明清王朝から始まった東南ムスリム学者の漢文論著、例えば、王岱輿、劉智などは理学として教義を解釈している。これによりこの分野の学者は理学の影響を受けていった。またこの方法から教義を宣伝するならば多くの人たちが受け入れやすいとも考えるようになった。王岱輿、劉智など「回儒」学者は、家で過ごすときも、日常で労働するときも、私塾で勉強するときも、日々その影響を受けるものと実際に感じることに主として儒学（特に宋明理学）として代表される儒家文化と考えてい

る。この有形無形、自覚無自覚、直接間接という中において、特に日常生活の交流において接触する簡単で分かりやすい「行動言語」を特徴的な価値概念としている。行動方法、生活習慣などにおける異なる程度、異なる角度が「回儒」学者の精神に対して生涯忘れることのできない印象を残していく。彼らが漢語文を学習していく過程において、儒家思想を主体とする中国伝統文化の影響を避けることはできなかった。そのため、王岱輿、劉智などの「回儒」は少年時代から始まり、儒家思想が早い段階で彼らに影響を与えていたため、彼らの認知結合と品格形成に重要な影響を与えており、その思想の奥深くに儒家思想の烙印が押されていたといえることができる。

明清時代の中国イスラーム思想家は回儒という二文字を同時に用いていたが、その基本的な意味は分けられており、二文字を合わせて一つの名称としたものではない。回と儒は似て非なるものであると主張している。しかしながら、ここにある「真の回とはすなわち真の儒となることである」という一文から、回と儒の二文字を合わせて使うことはしていないが、「回儒」には似たような意味合いがあることが読みとれる。いずれにせよ筆者は「回儒」は一つの名称であり、主に当代研究者が研究していたものであり、明清イスラーム思想家自身を指すものではないと考察している。

多くの実証があるように、王岱輿、劉智などの「回儒」学者思想はイスラーム教、イスラーム神学、イスラーム哲学、イスラーム倫理学、イスラーム政治学を基礎としており、儒家思想を吸収して創造されたものであり、儒家の手本や彼らの思想を吸収したものではない。では、「回儒」と彼らの思想に対して巨大な影響を与えた儒家、特に宋明理学との関係はいったいどのようなものであろうか？一七世紀に明清王朝の南京イスラーム教復興運動（儒教の解釈）が起こった。客観的に考えると、この運動はイスラーム教の中国における生存と発展に寄与したといえる。主観的に考えると、この運動は中国封建社会秩序を擁護するものであったといえる。仮に中国イスラーム教を宇宙本体とする神学上において、儒学とイスラーム教が融合したとするならば、「化儒」が更に多くなる。倫理道德元年状の基本として中国のものとするのであれば、「化儒」ではなく「儒化」が更に多くなる。仮に宋明儒学と「回儒学」の哲学思想関係という角度から研究するならば、このような結論に到達するのだろうか？

「回儒」学思想体系は中国儒家文化の全面的な影響を受けて発展してきた。「回儒」思想家の漢文翻訳者は一貫してイスラーム教信仰とイスラーム宗教哲学原理を堅持する以外に、儒学、特に宋明儒学を対話の対象としており、その重要なテーマ、範疇、概念を借りるとともに、批判、比較、引用論述を行い、時としてその思想を吸収して取り込むこともしている。また、彼らの学説は二つの基本的な思想を拠り所としている。外来のイスラーム思想、つまり本土の儒学思想をその大きな源としている。明清王朝の「回儒」学説は、イスラームであるとともに儒でもあり、儒であるとともにイスラーム（回であるとともに儒であり、儒であるとともに回でもある）であり、儒とイスラームが合わさった（回儒が合わさった）思想体系であるといえる。

まとめ

「回儒」学者は自身の有しているイスラーム文明と中華文明双方の特徴、双方の文化要素、双方の身分といったイスラーム文明と中華文明の豊富な資源に有機的な統一体を加味し、最も早く文明対話とコミュニケーションを試み、ある程度の成功を収めたといえる。筆者は「文明交流と文明交流の自覚」という中国思想史上に出現した運動により形成された思想体系を「回儒学」と呼び、その更なる体系化を研究していくことを目的としている。「回儒学」学者の思想体系はイスラーム法学、イスラーム教

義学、イスラーム哲学、倫理学、政治学などを基礎として、儒家思想の批評を吸収し、宋明儒学から創造されたものである。「回儒学」学説体系の創立は、世界イスラーム思想文化発展史への貢献だけでなく、文明の多様化にも貢献している。理論と実際の価値、意義から論じると、「回儒学」は儒家文化とイスラーム文化を十分に裏付けるとともに、この世界二大文化には密接な関係があることを明らかにしている。

コーカンド・ハーン国のサリコル侵入事件における奕山の行動

楊 曦晨 Yang Xi CHEN

筑波大学人文社会科学研究科国際日本研究専攻
博士後期課程

Abstract. *In the 16th year of Daoguang reign (1836), Yishan, who was appointed as the Qing Ili Ministerial Attache (serving from 1835 to 1837), was ordered to respond to the Sariqol invasion incident by Khokand. Previous studies have examined the Qing Dynasty's response to the Sariqol invasion, but there has been insufficient analysis of Yishan's stance on the incident. Therefore, this article examines the Sariqol invasion incident by the Khokand Khanate that occurred in the 16th year of Daoguang reign (1836), and analyzes the response strategies proposed by Yishan, the Ili Ministerial Attache who was responsible for suppressing the incident. Through this analysis, this article aims to clarify the Qing Dynasty's stance toward Khokand by the governing authorities of Xinjiang in the 1830s. This article analyzes the negotiation process between Yishan and the Qing Emperor Daoguang during the Sariqol invasion incident by the Khokand Khanate, revealing that Yishan held differing views on the Qing Dynasty's policy toward Khokand. Yishan's argument differed from Emperor Daoguang's more passive defensive strategy. He analyzed the situation from economic and political perspectives and believed that military action should be taken to eliminate the threats to the Qing Dynasty's Xinjing region. The proposal of Yishan was not accepted by Emperor Daoguang, but it became clear that through strict measures, he enforced harsher trials and judgments regarding crimes in the "karun region" and resolved the Khokand invasion incident at Sariqol.*

Keywords: Qing Dynasty and the Khanate of Khokand relation, Sariqol Invasion Incident, Yishan's Response Measures

要旨

道光16（1836）年、伊犁参贊大臣（在任1835年-1837年）に任命された奕山は、コーカンドによるサリコル侵入事件への対応を命じられた。今までの研究では、清朝側のサリコル侵入事件への対応について検討されてきたが、奕山がこの事件に対してどのような意見を持っていたかについては、十分に分析されていない。そこで本稿は、道光16（1836）年に発生したコーカンド・ハーン国によるサリコル侵入事件に着目し、当該事件の鎮圧にあたった伊犁参贊大臣奕山がどのような対応策を主張したのかを分析することで、1830年代における清朝の新疆統治層の対コーカンド姿勢を明らかにすることを試みる。本稿では、コーカンド・ハーン国が引き起こしたサリコル侵入事件における奕山と道光帝の交渉過程を分析し、彼が対コーカンド政策について異なる見解を持っていたことを明らかにした。奕山の主張は、道光帝の非積極的な方策とは異なり、彼は経済的・政治的な側面から分析し、清朝の新疆に対する脅威を取り除くために兵を出すべきであると考えた。奕山の提案は道光帝に認められなかったが、彼は

⁶⁹ サリコルはヤルカンドの要地であり、カシミール、バダフシャンなどの外国商人が貿易するのに必ず通過するヤルカンドの要地である（小沼ほか 2013:16）。漢文の史料でサリコルは「色呼庫勒」、「色勒庫爾」「色勒庫勒」などに記入された。

強硬な手段を取ることで「卡倫70内地域」における犯罪の審理や裁判を厳格に行い、コーカンドによるサイコル侵入事件を解決した。

1.研究背景

コーカンド・ハーン国は 1830 年からヤルカンドの要地であるサリコルを経由するカシミールやバダフシャンなどの外国商人に対する課税権を得るため、軍事力を行使してサリコルへ侵攻し、パミール周辺地域の東方貿易を独占しようとした。1830 年代にコーカンド軍はサリコルへの侵入事件を繰り返し引き起こした。コーカンド軍のサリコルへの度重なる侵入に対して、清朝は主に対コーカンドとの交渉と現地ムスリムの自衛に依存して対応しており、それについて具体的な軍事命令が出されず、現地の官員も実質的な軍事行動を取らなかった（陳 2020:59-60）。道光 16（1836）年にコーカンド・ハーン軍は再びサリコルへ侵入した。この侵入事件では、コーカンドの兵力数が多く、サリコルに大きな損害を与えたため、清朝はそれ以前よりも事件の鎮圧に積極的に努めた。侵入事件を鎮圧するために、清朝側は伊犁参贊大臣であった奕山をヤルカンド派遣し、事件の平定を指揮させた。相次ぐ領土侵犯に直面した清朝は、1830 年代のコーカンドとの関係において、妥協的、消極的な政策が目立ったが、道光 17（1837）年に侵入事件が順調に解決されていき、その後にコーカンド軍が再びサリコルに侵入することはなかった。以上の内容を踏まえ、清朝がなぜ当該の事件を順調に解決できたのかを考察し、その上で奕山などの新疆統治層が事件中に提案した対応策について検討する必要がある。

2.先行研究

道光 16（1836）年のサリコル侵入事件については、佐口（1965:498-504）と潘（1991:150-152）の研究が侵入事件の経過を簡略的に言及しているものの、清朝側の具体的な対応策を詳細に考察していない。陳（2020）は、侵入事件に対する清朝側の対応策を分析したが、当該事件中の奕山の行動については、清朝側の対応を論じる中で道光帝の命令に従った奕山の対応について言及するにとどまり、奕山などの新疆統治層が侵入事件に対して実際にどのような意見を持っていたかについて十分に検討していない。

3.研究目的

本稿は、奕山がコーカンドの侵入事件にどのように対応したかを検討することで、1830 年代における辺境の安定を維持するため、清朝の新疆統治層がコーカンド・ハーン国との関係を処理する際に示した姿勢を明らかにすることを目的とする。

4.史料

本稿では、主に清朝側の史料（漢文史料）を使用する。すなわち道光帝の命令や指示を含む皇帝に関する記事を選録した『清実録（宣宗成皇帝実録）』（以下、『宣宗実録』と略す）、台湾の国立故宫博物院図書文献館所蔵の「宮中档」などの档案史料を利用した。本稿は奕山たちの上奏文を利用することで、侵入事件への対応中の清朝の新疆統治層の提案を分析する。

⁷⁰ 清朝は辺境を防備するために、卡倫（満洲語 karun）と呼ばれる辺境警備処を設けた。それは新疆においては例外的なホータンなどを除いて、各オアシスと清朝統治の及んでいない諸地域とを結ぶ路線上の要地に配された（堀 2022:34）。

5.研究内容

5.1 奕山と道光帝の交渉過程

道光 16 年 10 月 3 日（1836 年 11 月 11 日）、コーカンド・ハーン国のラシュカル・コシュベギは約 2000 人の兵を率いてサリコルに進攻した⁷¹。サリコルのハーキム・ベク庫爾察克（クルチャク）はムスリム軍を率いて激しく抵抗したが、力が及ばず、負傷して捕らえられ、サリコルもラシュカル・コシュベギに占領された。コーカンドの猛烈な攻撃に直面した道光帝は、直ちに奕山に次のような勅諭を下した⁷²。その内容とは、サリコル城の防備を強化するために増援部隊を派遣するとともに、コーカンド・ハーン国に書簡を送り、侵入事件に関する交渉を試みるよう命じるものであった。清軍の防備について、道光帝はコーカンド軍との正面衝突が、最低でも相手が卡倫内に侵入し、騒動を引き起こした後に行うべきであるとし、卡倫に出てコーカンド軍を攻撃してはいけなと命令した。また、道光帝はサリコルへの侵入がラシュカル・コシュベギの独断であり、コーカンド・ハーン国の君主がその詳細を知らない可能性も考慮していた。

道光帝の命令を受けた奕山は、道光 16 年 12 月 15 日（1837 年 1 月 11 日）にイリから出発し、ほぼ一ヶ月後の道光 17 年 1 月 9 日（1837 年 2 月 17 日）にヤルカンドに到着した⁷³。その後、奕山はラシュカル・コシュベギのサリコルへの侵入に対処し始めた。奕山は葉爾羌辦事大臣興徳（在任 1834-1837 年）が述べたコーカンド軍の行動を調査し、事実と完全に一致することを確認した。しかし、この時点でラシュカル・コシュベギはすでにコーカンド・ハーン国に戻っていた。コーカンド側はたった 200 人あまりが塔什霍罕（タシホルハン）の塔哈爾瑪（タハルマ）荘⁷⁴に残り、クルグズ人と合流して回荘⁷⁵で騒乱を起こしていた。奕山は道光帝の勅諭に従い、コーカンドに書簡を送り続けた⁷⁶。同時期に、サリコルにおいて 14 ヲ所の回荘が頻繁にコーカンド軍に襲撃されており、ムスリムたちは恐れおののき、不安と食糧不足に苦しんでいた⁷⁷。また、サリコルの住民はコーカンド軍の侵入や略奪に抵抗しようと努めたが、その騒乱を完全には鎮圧できなかった⁷⁸。そこで、サリコルのベクたちは家族を卡倫内に避難し、清朝の保護を受けながら生活することを望み、清朝側に支援を求めた⁷⁹。サリコルのイシクアガ・ベク邁木熱（マイムレ）の請願を考慮した上で、奕山はサリコルに対する調査を行った。

【史料 1】 奴才らが詳細にサリコルを調査したところ、乾隆年間に平定されて以降、当該の地にベクを設置し、「図記」（清朝の官印）を下賜し、今まで 70 年も領域内に属

⁷¹ 『宣宗実録』巻 291、道光 16 年 11 月 16 日条。

⁷² 『宣宗実録』巻 291、道光 16 年 11 月 16 日条。

⁷³ 台湾国立故宫博物院所蔵、宮中档奏摺（道光朝）「奏為遵旨馳赴葉爾羌傳示諭帖據實具奏」（奕山）道光 17 年 1 月 16 日、档案番号: 405000337。

⁷⁴ 塔哈爾瑪荘は塔什霍罕の北の回荘であり、サリコルの要地である（佐口 1963:500）

⁷⁵ 回荘はムスリムの村落を指す。

⁷⁶ 台湾国立故宫博物院所蔵、宮中档奏摺（道光朝）「奏為遵旨馳赴葉爾羌傳示諭帖據實具奏」（奕山）道光 17 年 1 月 16 日、档案番号: 405000337。

⁷⁷ 台湾国立故宫博物院所蔵、宮中档奏摺（道光朝）「奏聞葉爾羌所属卡外色呼庫勒地方被賊占據情形並会同籌画辦理緣由事」（奕山、興徳、関福）道光 17 年 1 月 16 日、档案番号: 405000339

⁷⁸ 同上。

⁷⁹ 同上。

しています。管轄下の回莊 14 カ所は、毎年、定額の貢納金 27 両 7 錢を上納し、折納の布 2000 匹あまりを上納し、イリに運送して備えておきます。また、硝石 1700 斤を上納し、ヤルカンドの「中營」で受け取り、訓練や防備用の火薬の製造に用いられます。このように、当該地域の貢物や賦税は元々卡倫内の各回莊と何ら異なることなく、決して卡倫外の別の部落とは比較できる地方ではありません。（奕山たちの上奏文「奏聞葉爾羌所属卡外色呼庫勒地方被賊占據情形並会同籌画辦理緣由事」、道光 17 年 1 月 16 日）⁸⁰

また、奕山たちは上奏文の中で、道光帝に現地の情勢について以下のように報告した。

【史料 2】現在、賊の動向を探ると、すでに各莊に行つて騒乱を引き起こしており、まことに次第に蚕食が進み、当該の回戸⁸¹は力を尽くして抵抗し、耕作に支障をきたし、勢い必ず回賦の定額に足りなくなり、また警報の頻発により卡倫内の数十万回民たちの心を安んじるのが困難になることを恐れる。もし〔サリコルを〕早急に奪い返さなければ、匪賊がさらに結託して勢力を増し、滅ぼすことが難しくなり、特に辺境に重大な影響があります。（奕山たちの上奏文「奏聞葉爾羌所属卡外色呼庫勒地方被賊占據情形並会同籌画辦理緣由事」、道光 17 年 1 月 16 日）⁸²

【史料 1】によれば、奕山は上奏文の中で、清朝が天山の南北兩路を統一した後、サリコルをその管轄範囲に置き、ベク制を用いて支配していることを強調したことが見られる。また、奕山はサリコルが新疆の経済に貢献している点にも言及した。新疆で相次ぐ侵入事件が発生する中、新疆統治体制の弱体化に伴い、財政難が重要な問題となった。そのため、奕山はサリコルの税収の現状を強調し、当該地域が新疆の発展において重要な役割を果たしたことを示した。【史料 1】において、奕山が道光帝の「卡倫を守備し、さらに卡倫に出て作戦を行つてはいけない」という命令に疑問を呈した。それに加えて、奕山はコーカンド軍のサリコルへの侵入事件を速やかに解決する必要があることを訴えた。【史料 2】によれば、道光帝がサリコルのムスリムが自発的にコーカンド軍の侵入に抵抗することを期待していたが、奕山は新疆の経済発展の観点から、これが新疆の税収に与える影響を分析したことが見られる。したがって、奕山はコーカンド軍の侵入問題に対し、有効な軍事的手段を講じるべきであると考えた。前述のように、奕山は道光帝の命令に従い、ヤルカンドに到着した後、コーカンドに書簡を送り続けた。しかし、コーカンド側の態度が不明であることを踏まえ、奕山たちは道光帝に対して以下の提案をした。

【史料 3】当該の夷人（コーカンド人を指す）が降伏するかどうかは予測が難しく、奴才らが共同で議論した結果、もしコーカンドベクが罪を悔い改めて誠意を示すのであれば、まさに勅旨に従い、状況に応じて適切に処理するべきです。もし当該の夷人が頑迷で悟らず、聞かないふりをし、あるいは返事がきても、それでも強情にも従わなければ、サリコルの地を取り戻す日はついに来ないだろう。（奕山たちの上奏文「奏

⁸⁰ 同上。

⁸¹ テュルク系ムスリムを指す語である。漢文の史料で「回人」、「回衆」なども記入されている。

⁸² 台湾国立故宫博物院所蔵、宮中档奏摺（道光朝）「奏聞葉爾羌所属卡外色呼庫勒地方被賊占據情形並会同籌画辦理緣由事」（奕山、興徳、関福）道光 17 年 1 月 16 日、档案番号: 405000339

聞葉爾羌所属卡外色呼庫勒地方被賊占據情形並会同籌画辦理緣由事」、道光 17 年 1 月 16 日)⁸³

清朝側は書簡を通じた交渉によってコーカンドを屈服させ、撤退させることを意図していたものの、コーカンドの君主が侵入事件を直接対応できるかどうか、またどのような態度を取るのかは不明であった。それを踏まえて、奕山は必要に応じてコーカンドに対して軍事行動を起こし、サリコルの安定を図るべきであると考えた。上述の【史料 3】の中に示されていたように、道光帝の消極的な解決策に対して、奕山は上奏文の中で婉曲的にサリコルへの出兵を提案した。

しかし、奕山が卡倫を出てコーカンド軍の侵入を迎撃する指示を下そうとしたものの、道光帝は依然として清軍の防衛線を卡倫内に維持するよう指示した⁸⁴。また、道光帝はサリコルを支援してコーカンド軍との戦いに乗り出すことを望まず、現地のムスリムに自らの土地を自衛させるよう指示した。こうして、奕山は道光帝の命令に従わざるを得ず、コーカンド軍を迎撃する任務を現地ムスリムに託した。

事件の結果が奕山の予想通りであり、彼がコーカンド側と直接交渉する機会を得ることはなかった。道光 17 年 2 月 24 日（1837 年 3 月 30 日）、奕山はコーカンド・ハーン国の邁木特（マイムト）、伊瑪木尼孜爾（イマムニズル）がフタイダに送った書簡を受け取った（陳 2020:62）。その中で、コーカンド側は奕山が送った書簡を、ハーキム・ベクが偽装したものと疑い、その書簡を送り返した。奕山は、コーカンド側が詭弁を弄していると考えたものの、サリコルにおける侵入事件に対する軍事的な解決策が見出せなかったため、再びその書簡への返事を書くほかなかった（陳 2020:65）。その後、奕山はさらに 2 通の書簡を送ったが、コーカンド側はやはり全く応答せず、清朝側の書簡を無視した（陳 2020:62）⁸⁵。

5.2 侵入事件の解決

道光 17（1837）年の夏に事態は一変した。コーカンドからサリコルの家族を訪ねていたムスリム吐爾阿沙（ツルアサ）が密かに回莊の人々と連絡を取り、阿達那（アダナ）を含む 8 人のコーカンド頭目を捕らえてヤルカンドに護送した（陳 2020:63）。奕山は、これらのコーカンド人が何度も辺境に侵入し、回莊を乱して、ムスリムに圧制を加えたのを理由として、阿達那と共犯者を死刑に処した⁸⁶。奕山の強硬手段はサリコルの危機を解決し、周辺の現地ムスリムの民心を安定させ、新疆の辺境問題は一時的に緩和した。しかし、奕山の行動は道光帝の叱責を招いた。道光帝は、ラシュカル・コシュベギの部下である阿達那らがムスリムに捕らえられ、奕山によって処刑されたことがコーカンドの復讐の口実となり、軍事衝突を引き起し、辺境の安定を脅かすことになることを懸念していた⁸⁷。コーカンドと清朝の間で戦争が勃発すれば、清朝は多くの軍事的・財政的資源を費やすことになる。道光 17 年 7 月 3 日（1837 年 8 月 4 日）

⁸³ 同上。

⁸⁴ 『宣宗実録』巻 294、道光 17 年 2 月 21 日

⁸⁵ 陳（2020:65）は「奕山奏為拿獲色呼庫勒滋事賊目阿達那審明先行正法並迭次曉諭浩罕伯克事」（道光 17 年 5 月 26 日）（中国第一歴史档案館所蔵、档案番号:03-4056-016）を参照した。台湾の国立故宮博物院図書文献館所蔵の同档案（档案番号:405000994）が破壊され、部分の内容を読めない。

⁸⁶ 台湾の国立故宮博物院図書文献館所蔵の「奕山奏為拿獲色呼庫勒滋事賊目阿達那審明先行正法並迭次曉諭浩罕伯克事」（档案番号:405000994）の中に吐爾阿沙が阿達那を捕まえた理由と過程、および清朝側による認定された阿達那の犯罪行為が記載されたが、史料の原本が破壊されたため、具体的な審理過程が不明である。

⁸⁷ 『宣宗実録』巻 298、道光 17 年 6 月 28 日条。

の上諭⁸⁸で、道光帝は、ムスリムが阿達那を捕らえた行為は私怨を晴らすためのものであったと述べていた。また、道光帝は卡倫内に避難しているムスリムを故郷に戻らせ、コーカンド・ハン国の侵入に対する防備を回復するよう命じた。

しかし、奕山の強硬な対応策は確実によい効果をもたらした。道光 17 年（1837 年）の夏には、コーカンドの君主はヤルカンドに使者を派遣して書簡を清朝側に渡した⁸⁹。この書簡では、コーカンド人が清朝の卡倫内に入って騒乱を起こさないことを保証する旨が述べられている。これによって、コーカンド軍によるサリコルへの侵入事件は完全に解決した。実際には、1830 年代末にコーカンド・ハーン国はブハラ・アミール国の軍事的圧力を受けるとともに、国内が混乱状態にあったため、清軍に対抗する軍事力を持っていなかったようである（潘 1991:152; 潘 2006:109）。

以上のように、奕山の上奏文から見ると、彼はサリコルの侵入事件に対して強硬な手段を取ることを主張したことがわかる。奕山の提案は道光帝に認められなかったが、彼は阿達那らに対する処罰を通じて、コーカンド・ハーン国に対し清朝の強硬な姿勢を示す機会をつかみ、独自に判断を下して侵入事件を解決した。その後、コーカンド軍が再びサリコルで騒乱を引き起こすことはなく、コーカンド国の東方貿易の独占という考えも、清朝の強硬姿勢や本国の国力の衰えによって一時的に棚上げされた。

6. 結論

清朝側がコーカンドによるサリコルへの侵入に対抗するために取った対策を見ていくと、道光帝と伊犁参贊大臣である奕山は、対コーカンド政策について異なる見方を持っていたことが明らかになった。

道光帝は防備の強化と卡倫の厳重な守備を強調し、コーカンド人が卡倫内に侵入するかどうかを清朝軍の出兵の判断基準とし、清朝軍を卡倫の外に出兵させることを禁じた。また、道光帝はコーカンド人のサリコルへの侵入がコーカンド・ハン国の君主の意図に反するものであると考えていた。そのため、道光帝は交渉を通じてコーカンドに清朝への恭順を示すよう求めるとともに、コーカンド側がサリコルへの侵入者を自ら処罰すること期待していた。奕山と道光帝の交渉過程を見ると、奕山は道光帝の対策を経済的および政治的な観点から分析し、この事件への対応方法を模索したことがわかる。奕山は新疆の経済発展に与えた影響について考察し、現地のムスリムがコーカンド人の侵入を強硬に抵抗すれば、耕作が遅れ、その結果として清朝への納税に悪影響を及ぼす可能性があったことを指摘している。また、政治的な面では、コーカンド・ハーン国が勢力を拡大すると、清朝の国境地域に不安定化をもたらすことができると考えていた。したがって、奕山は積極的に兵を出してサリコルにおける不安要素を解消すべきであると主張し、道光帝の非積極的な専守方策を改めたいと考えていた。道光帝とは異なり、奕山は交渉によってコーカンド・ハーン国の君主が事件の解決に協力することは期待できないと主張していた。

サリコルのムスリムによるコーカンド軍への抵抗を理由として、清朝はカシュガリアにおける防備を「卡倫内地域」に重点を置き、「卡外界内地域」⁹⁰には出兵せず、そこは主にハーキム・ベクの指揮と現地ムスリムの動員に依拠して自衛させたことが見て取れる。コーカンド軍の侵入事件中に新疆当局は、あくまで現地ムスリムの自衛策

⁸⁸ 『宣宗実録』巻 299、道光 17 年 7 月 3 日条。

⁸⁹ 『宣宗実録』巻 301、道光 17 年 9 月 5 日条。

⁹⁰ 清朝は卡倫を設置した後、卡倫の外側（卡外）に広がる「辺界」の一带を自領域と見なしていた（小沼 2014:198）。小沼（2014:199）はこの地域を「卡外界内地域」と呼んでいる。

を後方から支援する役割にとどまっていたと言える。しかし、清朝側の指揮官であった奕山はサリコルの安定を守る責任を負い、ムスリムが要求する難民の収容を許可しただけでなく、道光帝への上奏を経ずに阿達那らを処刑し、侵入事件を解決した。奕山たちは、清朝の朝廷の方針に従って清軍を「卡倫内地域」に専守させ、「卡外界内地域」に出兵しなかったが、「卡倫内地域」における犯罪の審理や裁判を厳格化することで、「卡外界内地域」への影響力を維持しようとしていたことが見て取れる。

参考文献

史料

「宮中档奏摺」台湾国立博物院所蔵.

『清実録（宣宗実録）（文宗実録）』中華書局、1986年.

二次史料

漢文：

陳劍平（2020）「道光年間浩罕対色呼庫勒的侵略及清廷的对策」『中国边疆史地研究』30（4）:57-67.

潘志平（1991）『中亜浩罕国与清代新疆』中国社会科学出版社.

——（2006）『浩罕国与西域政治』新疆人民出版社.

和文：

小沼孝博・新免康・河原弥生（2013）「国立故宫博物院所蔵 1848年コーカンド文書再考」『東北学院大学論集.歴史と文化』49:1-24.

小沼孝博（2014）『清と中央アジア草原—遊牧民の世界から帝国の辺境へ—』東京:東京大学出版会.

佐口透（1963）『18-19世紀東トルキスタン社会史研究』吉川弘文館.

堀直（2022）『清代回疆社会経済史研究』大阪大学出版会.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЯПОНИИ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Alena KOROBOCHKINA

PhD, Institute of Asian and African Studies,
HSE University, Russian Federation
senior lecturer

Аннотация. В докладе рассматриваются особенности публичной дипломатии Японии в странах Северной Африки. Автор акцентирует внимание на ключевых инструментах японской дипломатии, среди которых выделяются культурные и образовательные инициативы, экономическое сотрудничество и гуманитарная помощь. Эти инструменты играют значительную роль в укреплении связей Японии с государствами региона. Особое внимание уделяется взаимодействию Японии с Египтом, Марокко, Тунисом и Алжиром, а также вызовам, с которыми сталкивается японская дипломатия в регионе, включая конкуренцию со стороны Китая, ЕС, Турции и США. В заключении рассматриваются перспективы дальнейшего развития японской публичной дипломатии в Северной Африке. Автор подчеркивает, что для успешного продвижения интересов Японии в этом регионе необходимо учитывать местные реалии и активно взаимодействовать с другими международными игроками, чтобы находить общие интересы и возможности для сотрудничества.

Abstract. The paper examines the specifics of Japan's public diplomacy in North African countries. The author focuses on the key instruments of Japanese diplomacy, among which cultural and educational initiatives, economic cooperation and humanitarian assistance stand out. These instruments play a significant role in strengthening Japan's ties with the countries of the region. Special attention is paid to Japan's cooperation with Egypt, Morocco, Tunisia and Algeria, as well as the challenges facing Japanese diplomacy in the region, including competition from China, the EU, Turkey and the United States. In conclusion, the prospects for the further development of Japanese public diplomacy in North Africa are considered. The author emphasizes that in order to successfully promote Japan's interests in this region, it is necessary to take into account local realities and actively interact with other international players in order to find common interests and opportunities for cooperation.

Введение

В современном мире публичная дипломатия становится одним из ключевых инструментов внешнеполитического воздействия, позволяя странам формировать положительный имидж, укреплять международные связи и продвигать свои национальные интересы. Япония, обладая уникальной моделью мягкой силы, активно применяет публичную дипломатию в своей глобальной стратегии, включая взаимодействие с африканскими странами.

Северная Африка представляет собой особый регион в рамках африканского континента, обладая стратегическим значением благодаря

своему геополитическому положению, богатым природным ресурсам и экономическим возможностям. В последние десятилетия Япония усиливает свое присутствие в этом регионе через различные формы экономического сотрудничества, образовательные и культурные инициативы, а также гуманитарные проекты. Тем не менее, несмотря на значительные усилия, японская публичная дипломатия сталкивается с рядом вызовов, таких как конкуренция со стороны других мировых держав, политическая нестабильность и культурные различия.

Данный доклад направлен на исследование основных аспектов публичной дипломатии Японии в Северной Африке, с акцентом на выявление ее ключевых инструментов, достижений и проблем. Для подготовки доклада были изучены исторические предпосылки японского взаимодействия с данным регионом, а также современные дипломатические стратегии и влияние японской мягкой силы на восприятие Японии в странах Магриба и Египте.

Методологическая база исследования включает в себя анализ официальных документов, отчеты международных организаций, публикации в японских и африканских средствах массовой информации, а также научные работы, посвященные публичной дипломатии Японии и её роли в Африке.

1. Теоретические основы публичной дипломатии

1.1 Определение публичной дипломатии и её ключевые инструменты

Публичная дипломатия (public diplomacy) представляет собой комплекс стратегий и инструментов, используемых государствами для формирования позитивного международного имиджа, укрепления двусторонних и многосторонних связей, а также эффективного продвижения своих национальных интересов за рубежом. В отличие от традиционной дипломатии, которая сосредоточена на официальном межгосударственном взаимодействии, публичная дипломатия ориентирована на непосредственное взаимодействие с зарубежной аудиторией – гражданами, общественными организациями, лидерами мнений, представителями бизнеса, СМИ и академическими кругами. Её цель – не просто заключение соглашений, а формирование благоприятного восприятия страны и её политики на уровне обычных людей, что в конечном итоге оказывает значительное влияние на принятие политических решений на государственном уровне.

Основные инструменты публичной дипломатии весьма разнообразны и постоянно эволюционируют в соответствии с изменениями медиаландшафта и глобальной политической ситуации. В рамках публичной дипломатии можно выделить следующие направления:

Культурная дипломатия. Современная культурная дипломатия основывается на многостороннем подходе, который включает в себя

создание культурных центров за границей, поддержку иностранных артистов и творческих групп, а также сотрудничество в сферах кино, музыки, литературы, дизайна и гастрономии. Следует отметить, что успешная культурная дипломатия не ограничивается односторонним «экспортом» культуры, а подразумевает взаимодействие и обмен, что способствует обогащению культурного пространства обеих стран.

Образовательные инициативы. Современная образовательная дипломатия охватывает не только обмен студентами и предоставление стипендий для обучения за границей, но и разработку совместных образовательных программ, поддержку исследовательских инициатив, преподавание национального языка в зарубежных учебных заведениях, а также создание и распространение образовательных ресурсов в онлайн-формате.

Медиа-дипломатия. В условиях цифровой эпохи медиа-дипломатия охватывает широкий спектр онлайн-платформ: социальные сети, блоги, видеохостинги и новостные агрегаторы. Государства активно используют данные инструменты для достижения своих целей.

Экономическая дипломатия. В данном контексте инвестиции, финансовая поддержка и инфраструктурные инициативы выступают в качестве ключевых инструментов влияния.

Гуманитарная дипломатия. Предоставление помощи в условиях кризисов является значимым средством формирования положительного международного имиджа. Сотрудничество с международными организациями и местными сообществами также способствует повышению эффективности оказания помощи.

Таким образом, публичная дипломатия представляет собой динамичную и многогранную сферу, требующую постоянного анализа и адаптации к изменяющимся условиям международной обстановки. Успех публичной дипломатии зависит от комплексного подхода, внимательного учета культурных особенностей целевой аудитории, применения современных технологий и регулярного мониторинга результатов.

1.2 Особенности японской публичной дипломатии

Японская стратегия публичной дипломатии отличается многогранностью. Данная стратегия включает в себя не только элементы мягкой силы, но и культурную, экономическую и гуманитарную дипломатию.

1.2.1 Мягкая сила как основа японской публичной дипломатии

Примером наиболее заметных проявлений мягкой силы Японии является ее культурное наследие, включающее и такие современные компоненты, как аниме и манга, японская кухня (например, суси и рамен), японские технологии, а также минималистический образ жизни,

отличающиеся высоким качеством. Эти элементы японской культуры не только привлекают внимание за рубежом, но способствует укреплению влияния Японии за пределами страны без необходимости применения принуждения.

Япония также активно развивает образовательные программы, программы обмена и стипендии для иностранных студентов. Это дает возможность молодежи из других стран познакомиться с японской культурой и языком, что в долгосрочной перспективе помогает формированию положительного имиджа Японии.

1.2.2 Культурная дипломатия

Культурная дипломатия – это еще один важный аспект японской мягкой силы, который направлен на популяризацию японского языка, традиционных видов искусства, литературы, традиций и современных культурных направлений. Ведущей организацией, занимающейся этой сферой, является Японский фонд, созданный в 1972 году. Основная функция фонда состоит в распространении японской культуры за пределами страны, организуя разнообразные мероприятия, такие как конкурсы, спортивные соревнования, концерты, выставки, фестивали и курсы японского языка.

Кроме того, Япония использует свои культурные ресурсы для повышения внешней туристической активности. Японская кухня, чайная церемония, икебана, любование цветущей вишней и кленами, исторические памятники, включая храмы и замки, привлекают туристов со всего мира. Это не только способствует экономическому росту страны, но и позволяет иностранцам глубже понять японскую культуру и образ жизни.

1.2.3 Экономическая дипломатия

Официальная помощь развитию (ODA) и Японское агентство международного сотрудничества (JICA) являются главными инструментами экономической дипломатии Японии. ODA предоставляет финансирование для социальных и инфраструктурных проектов в развивающихся странах, а JICA, занимается реализацией инициатив в области инфраструктуры, сельского хозяйства, здравоохранения и образования.

Немаловажную роль играет Токийская международная конференция по развитию Африки (TICAD) – платформа для стратегического сотрудничества Японии с африканскими государствами, направленное на достижение устойчивого развития.

Так как Япония нацелена на формирование долгосрочных экономических отношений, она акцентирует внимание на долгосрочном развитии региона, а не на краткосрочных выгодах. Например, японские компании активно инвестируют в транспортную инфраструктуру,

возобновляемые источники энергии и промышленное производство в странах Северной Африки.

1.2.4 Гуманитарная дипломатия

В Северной Африке японская гуманитарная помощь направлена на улучшение водоснабжения, поддержку сельского хозяйства и развитие системы образования. Кроме того, Япония принимает активное участие в программах по борьбе с инфекционными заболеваниями, строительстве необходимой инфраструктуры и т.д. Эта деятельность не только демонстрирует готовность Японии помогать другим, но и способствует укреплению ее имиджа как ответственного и надежного партнера на международной арене.

1.2.5 Медиа и цифровая дипломатия

Основными средствами медиа-дипломатии Японии выступают международный телеканал NHK World, который информирует о событиях в стране и содействует распространению японской культуры, а также разнообразные онлайн-платформы и социальные сети, включая Twitter, YouTube и Instagram. На этих ресурсах официальные японские организации активно публикуют информацию о своей деятельности, что позволяет им поддерживать взаимодействие с международной аудиторией и формировать положительный имидж Японии.

3. Японская публичная дипломатия в странах Северной Африки

3.1 Культурные и образовательные инициативы Японии

Одним из ключевых инструментов культурной дипломатии Японии в Северной Африке является Японский фонд, который активно поддерживает разнообразные культурные и образовательные проекты. К числу таких инициатив относятся языковые курсы, художественные выставки, фестивали аниме, театральные представления и музыкальные события. Эти мероприятия не только способствуют популяризации японской культуры, но и содействуют укреплению взаимопонимания между различными народами.

Образовательные программы, такие как стипендиальные инициативы МЕХТ (Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии), предоставляют студентам из Северной Африки возможность учиться в известных японских университетах и участвовать в культурном обмене. Стипендии МЕХТ охватывают широкий спектр областей, включая инженерные науки, медицину, экономику, искусство, а также гуманитарные и социальные науки. Эта программа позволяет студентам не только получить высококачественное образование, но и глубже ознакомиться с японской

культурой. По состоянию на июнь 2014 г. студенческой визой обладали 554 представителя стран Северной Африки (из них 344 человека из Египта)⁹¹

3.2 Влияние японских компаний и бизнес-дипломатии

Экономическая дипломатия занимает центральное место в международной стратегии Японии, особенно в отношении стран Северной Африки. В последние годы ведущие японские компании, такие как Toyota, Mitsubishi, Sumitomo и Hitachi, значительно увеличивают свои инвестиции в этом регионе, что не только создает новые рабочие места, но и способствует внедрению современных японских технологий. К основным направлениям бизнес-дипломатии японских компаний относятся следующие направления:

1. Автомобильная отрасль. Японские производители открывают сборочные заводы в таких странах, как Египет и Марокко. Это позволяет не только снизить затраты на налоги и логистику, но и способствует развитию местной экономики. Например, завод Toyota в Египте создает тысячи рабочих мест, поддерживая развитие смежных секторов, таких как производство и поставка комплектующих, сервисное обслуживание и т.д.
2. Энергетика и возобновляемые источники энергии (ВИЭ). В последние годы в странах Северной Африке активно реализуются проекты по развитию солнечной и ветряной энергетики. Японские инвесторы, включая компанию SoftBank, принимают участие в инициативах, направленных на увеличение доли ВИЭ в энергетическом балансе региона. Развитие ВИЭ ведет не только к снижению зависимости стран Северной Африки от ископаемых видов топлива, но и содействует формированию устойчивой энергетической инфраструктуры.
3. Цифровые технологии. Японские компании активно вкладывают средства в развитие информационных технологий и IT-инфраструктуры. Область инвестиций включает проекты по внедрению современных технологий в образовательный и медицинский сектора, цифровизации государственного управления. Например, японские стартапы совместно с местными университетами создают образовательные платформы, целью которых является повышение уровня образования и цифровой грамотности молодежи.

3.3 Развитие инфраструктурных и гуманитарных проектов

Япония занимается реализацией инфраструктурных и гуманитарных проектов в странах Северной Африки, что является частью её стратегии по содействию устойчивому развитию на мировом уровне. Для этого в основном используются механизмы ODA и реализуются проекты через JICA. Проекты направлены на укрепление экономической базы стран региона,

⁹¹ Statistics of Japan [сайт] URL: <https://www.e-stat.go.jp/stat-search/files?page=1&layout=datalist&toukei=00250012> (Дата обращения: 15.02.2025).

создание новых рабочих мест и улучшение условий жизни местного населения. В качестве примеров можно выделить:

1. Финансирование строительства Большого египетского музея. Кроме того, Япония участвует в модернизации транспортной инфраструктуры в Каире, что включает в себя улучшение дорожной сети и развитие общественного транспорта.
2. В Алжире большая часть японских инвестиций направлена на финансирование проектов в области водоснабжения и очистки сточных вод. Это особенно актуально в условиях изменения климата и нарастающего дефицита водных ресурсов.
3. В Марокко Япония активно вкладывает средства в развитие портовой инфраструктуры и логистики, что ведет к укреплению торговых связей как внутри страны, так и с другими регионами. В рамках этих усилий также реализуются проекты, направленные на развитие сельского хозяйства, что также способствует повышению уровня продовольственной безопасности и улучшению жизненных условий фермеров.
4. Гуманитарная помощь, направленная на борьбу с бедностью, улучшение системы здравоохранения и устранение последствий природных катастроф. Например, в Тунисе японские эксперты помогают модернизировать медицинские учреждения, что ведет к повышению качества медицинских услуг и улучшению доступа к здравоохранению для населения.

3.4 Японские средства массовой информации и социальные сети как инструменты формирования образа страны

Основным инструментом данного процесса является телеканал NHK World, который функционирует как международное новостное агентство, предоставляющее информацию о текущих событиях, демонстрирующий документальные фильмы и программы, посвященные японской культуре, на нескольких языках, включая английский, французский и арабский.

Кроме того, Япония активно применяет разнообразные цифровые платформы для продвижения своей культуры и политики. Официальные аккаунты японских посольств и агентств в социальных сетях выступают в качестве площадок для распространения новостей, информации об образовательных инициативах и анонсов культурных мероприятий. Это не только способствует поддержанию связи с местным населением, но и формирует положительный образ Японии как страны, заинтересованной в культурном обмене и международном сотрудничестве.

3.5 Сравнительный анализ публичной дипломатии Японии в странах Северной Африки

Япония формирует свою дипломатическую стратегию с учетом уникальных характеристик каждой страны региона, что способствует более эффективному взаимодействию с местными властями и населением.

Например, в Египте публичная дипломатия занимает важное место в формировании международных отношений и укреплении связей с другими государствами. Основными направлениями публичной дипломатии здесь выступают культурные инициативы, образовательные программы, гуманитарная помощь и проекты в области развития инфраструктуры. В последние годы было реализовано множество значимых программ, направленных на развитие двусторонних отношений.

Например, в ходе визита президента Египта Абдель-Фаттаха ас-Сиси в Японию в 2016 году была инициирована Японо-Египетская образовательная инициатива (エジプト・日本教育パートナーシップ (Egypt-Japan Education Partnership (EJEP))). Главной целью данной инициативы является создание сети японских школ в Египте, известных как Egyptian Japanese Schools (EJS) ⁹². Эти учебные заведения функционируют по японской образовательной модели, акцентируя внимание на дисциплине и коллективной работе. Программа поддерживается Министерством образования Египта и Японским агентством международного сотрудничества. В рамках данной инициативы также предусмотрено создание разнообразных учебных материалов и подготовка преподавателей, что позволяет интегрировать японские образовательные методики в местные учебные заведения.

Кроме того, Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии (МEXT) предлагает египетским студентам различные стипендии для обучения в японских университетах. Программы, финансируемые Японским фондом и ЛСА, поддерживают обменные программы для студентов, преподавателей и исследователей, что способствует углублению культурного обмена между двумя странами.

Множество японских компаний активно участвуют в крупных инфраструктурных проектах в Египте. Например, японские строительные компании играют важную роль в строительстве новых дорог, мостов и транспортных систем, что значительно улучшает транспортную доступность и способствует развитию экономики региона.

В Марокко основное внимание уделяется экономической дипломатии, возобновляемым источникам энергии и автомобильной промышленности. Японские компании активно участвуют в разработке и внедрении экологически чистых технологий, что не только способствует экономическому развитию Марокко, но и позволяет Японии продвигать свои инновации на международной арене.

Алжир, в свою очередь, представляет собой более сложный рынок для японской дипломатии. Основные направления сотрудничества сосредоточены на водоснабжении, здравоохранении и нефтегазовом секторе.

⁹² Egypt-Japan Education Partnership “EJEP” Empowerment of Egyptian Youth Introduction of Japanese-Style Education. Ministry of Foreign Affairs of Japan [сайт] URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000136269.pdf> (Дата обращения: 15.02.2025)

Несмотря на ограниченное влияние Японии из-за сложных политических условий, экономические связи остаются стабильными, что свидетельствует о долгосрочных интересах обеих стран.

Тунис также является важной страной для японской публичной дипломатии, где акцент сделан на образовательные программы, медицинскую помощь и IT-проекты. Высокий интерес тунисцев к обучению в Японии и внедрению японских технологий в сфере здравоохранения открывает новые возможности для сотрудничества и обмена опытом.

В целом, в Египте Япония акцентирует внимание на образовании и культуре, в Марокко – на инвестициях в промышленность, в Алжире – на развитии инфраструктуры, а в Тунисе – на сфере здравоохранения и информационных технологий.

4. Вызовы и перспективы японской публичной дипломатии в Северной Африке

4.1 Конкуренция с другими акторами (Китай, ЕС, Турция, США)

Япония сталкивается со значительными вызовами в области публичной дипломатии в Северной Африке, где ее влияние активно оспаривается такими крупными игроками, как Китай, Европейский Союз (ЕС), Турция и США. Каждый из этих участников применяет свои специфические стратегии и подходы для укрепления своих позиций в данном регионе.

Китай активно развивает экономическую дипломатию, предлагая африканским государствам масштабные инфраструктурные проекты в рамках своей инициативы «Один пояс, один путь» (BRI). Эта инициатива направлена на создание глобальной сети транспортных и торговых коридоров, что делает Китай привлекательным партнером для многих стран. Кроме того, в отличие от Японии, Китай предлагает кредиты на более выгодных условиях и не выдвигает строгих требований по реформированию государственных институтов, что делает его предложения более привлекательными для стран с нестабильной политической ситуацией или слабыми экономиками.

Культурная дипломатия Китая также играет важную роль в его влиянии на страны Северной Африки. Распространение китайского языка через Институты Конфуция и образовательные программы для иностранных студентов, обучающихся по различным стипендиям в Китае, способствует укреплению культурных связей и взаимопонимания между Китаем и африканскими государствами.

Европейский Союз, в частности, Франция и Испания, также играет особую роль в экономическом развитии Северной Африки. ЕС активно поддерживает гуманитарные инициативы и проекты, связанные с демократией и правами человека.

Кроме того, Европейский Союз активно вовлечен в региональную миграционную политику, предлагая программы, направленные на улучшение жизненных условий в странах, откуда происходят мигранты.

Турция же старается продвигать свою дипломатическую стратегию посредством исламских и культурных связей, активно применяя концепцию «гуманитарной дипломатии», предоставляя гуманитарную помощь и финансируя образовательные учреждения, реставрацию мечетей и т.д.

Также Турция активно укрепляет торговые связи с государствами Северной Африки, предлагая привлекательные условия для ведения бизнеса и инвестиций.

Соединенные Штаты продолжают оказывать заметное влияние на Египет, особенно в области безопасности и военного сотрудничества. Американские образовательные учреждения и программы играют важную роль в подготовке специалистов. В последние годы США акцентирует особое внимание на вопросах безопасности, борьбы с терроризмом и обеспечения стабильности в регионе, что также соответствует его стратегическим интересам.

Кроме того, США активно поддерживают различные инициативы, направленные на экономическое развитие и содействие демократическим процессам в Северной Африке.

4.2 Политические и социальные вызовы

Япония сталкивается с множеством вызовов, связанных с политической нестабильностью и социальными вызовами в странах Северной Африки. Этот регион известен своими частыми политическими кризисами, которые были особенно заметны во время и после Арабской весны.

В Алжире, например, сохраняется настороженное отношение к иностранному влиянию, что затрудняет осуществление японских экономических и гуманитарных инициатив. Это приводит к ограничению возможностей японских компаний для участия в местных проектах. Кроме того, в ряде стран региона наблюдается высокий уровень бюрократизма и коррупции, что дополнительно усложняет и затягивает реализацию инфраструктурных и образовательных проектов. Ограниченный доступ к государственным тендерам также снижает инвестиционную активность японских компаний, что делает Японию менее конкурентоспособной по сравнению с другими странами, имеющими более глубокие исторические и языковые связи с Северной Африкой.

Несмотря на растущую популярность японской современной культуры, включая аниме, J-роп и традиционного искусства, население региона остается мало знакомым с японской политикой и экономикой. Японии не хватает активного информационного присутствия в регионе, особенно в

социальных сетях и местных СМИ, что затрудняет попытки установить более тесные связи с местным населением.

Заключение

Публичная дипломатия является ключевым компонентом японской внешнеполитической стратегии. Данный подход охватывает разнообразные культурные, образовательные и гуманитарные инициативы, а также экономические связи, которые помогают укрепить позиций Японии на международной арене.

Кроме того, значительную роль в распространении японской культуры и языка играют такие организации, как Японский фонд, который активно поддерживает культурные и образовательные проекты, организует выставки, фестивали, семинары и другие мероприятия, знакомящие местное население с японским искусством, литературой и традициями, и JICA.

Одной из главных проблем, с которыми сталкивается японская дипломатия в Северной Африке, является политическая нестабильность в этом регионе. Это создает серьезные бюрократические препятствия и усложняет реализацию проектов.

Япония также сталкивается с необходимостью конкурировать с другими государствами, которые стремятся укрепить свои позиции в данном регионе. В частности, Китай активно вкладывает средства в инфраструктурные проекты и предоставляет значительные финансовые ресурсы, что делает его более привлекательным партнером для ряда африканских стран. Тем не менее, Япония сохраняет положительный имидж как высокоразвитая и миролюбивая нация, хотя ей по-прежнему не удастся занять ведущие позиции в области публичной дипломатии в Северной Африке.

**“KUNCHIQAR IZLANISHLARI: O‘ZGARISHLAR DAVRI
GLOBAL MUAMMOLARI YECHIMIDA
YAPONSHUNOSLIKDAGI NAZARIY VA AMALIY
YONDASHUVLAR”**

**16-XALQARO ILMIY ANJUMAN
ILMIY TO‘PLAMI**

文明のクロスロード 16
国際会議

日本研究:変革期の日本研究におけるグローバル課題解決への
理論的・実践的アプローチ

論文集

主催 タシケント国立東洋学大学
17-MART

筑波大学人文社会系

Mazkur to‘plamga Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti va Tsukuba universiteti hamkorligida 2025-yilning 17-mart kuni o‘tkazilgan “**Kunchiqar izlanishlari: o‘zgarishlar davri global muammolari yechimida yaponshunoslikdagi nazariy va amaliy yondashuvlar**” ilmiy anjuman materiallari kiritilgan.

2025年3月17日にタシケント国立東洋学大学と筑波大学の協力のもと開催された「日本研究:変革期の日本研究におけるグローバル課題解決への理論的・実践的アプローチ」の論文集が本書に収められている。

Mas’ul muharrirlar:

Ishimura Ikumi – TDSHU, o‘qituvchi
Shamsiyeva Barnoxon – TDSHU, dotsent

Tahrir hay’ati

Rixsiyeva Gulchexra – TDSHU rektori, professor
Sayfullayev Durbek – TDSHU Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha
prorektor, professor
Ono Masaki – Tskukuba universiteti professori
Akifumi Shioya – Tsukuba universiteti professori
Xalmurzayeva Nodira – TDSHU dotsenti
Abduxamidova Dilafruz – TDSHU katta o‘qituvchisi

*Ilmiy to‘plam Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti Kengashining
2025 yil 3–maydagi 9–sonli bayonnomasi bilan nashrga tavsiya etilgan.*

Nashriyot litsenziyasi:
Bosishga ruxsat etildi: 19.05.2025
Bichimi 60x84 1/16 Shartli 15 b.t.
Times garniturasida terildi. Ofset qog‘oziga bosildi
50 nusxada bosildi. Buyurtma №

© Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti, 2025